

1(091)

К66

МИХАИЛЬ КОРЕЛИНЪ

РАННІЙ
ИТАЛЬЯНСКІЙ ГУМАНИЗМЪ
И ЕГО ИСТОРИОГРАФІЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ТОМЪ II

Франческо Петрарка

ЕГО КРИТИКИ И БІОГРАФЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

Спб. Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Книги по всемирной исторіи:

В. БЛОСЪ. Исторія французской революціи. Спб. 1907 г. Ц. 75 к.

Проф. В. П. БУЗЕСКУЛЬ, Историческіе этюды. Современное научное движеніе въ области греческой исторіи. Фукидидъ и новѣйшая историческая наука. Женскій вопросъ въ древней Греціи. Пренія о смертной казни назадъ тому 2300 слишкомъ лѣтъ. Къ исторіи папства XI стол. Реформаторъ XII в. Новый источникъ для культурной исторіи начала XVI стол. Леопольдъ Ранке, Геврихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ. Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи. Профессоръ-гуманистъ. «Харьковский Грановскій». Изъ исторіи Харьковского университета при дѣйствиіи устава 1884 г. Амфіанъ Ставровичъ Лебедевъ. Приложение: Къ какому времени года относятся похождения Чичикова. Спб. 1911 г. Ц. 2 р.

——— Античность и современность. Современныя темы въ античной Греціи. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. А. БУТЕНКО. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Т. 1-й 1814—1820. Спб. 1913 г. Ц. 3 р. 50 к.

Я. Г. ГУРЕВИЧЪ. Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. 2 т. (печатаются).

——— Исторія Греціи и Рима (Курсъ систематическій) Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ для VIII класса гимназій, утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. 10-е изд. Спб. 1911. Ц. 1 р.

——— Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англии. Изд. «Русской Школы» Спб. 1884. Ц. 1 р.

Проф. Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКІЙ. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Т. 1-й. Идея нравственнаго оправданія. — Ифигенія. Воскресшіе поэты: 1) Вакхилидъ, его оды и баллады. 2) Геродъ и его бытовыя сценки. — Антигона. — Первое свѣтопреставленіе. — Про нечистую силу. — Античная Ленора. — Древній міръ въ поэзіи А. Н. Майкова. — Парламентаризмъ въ римской республикѣ. Новый памятникъ древне-римскаго быта. — Остракологія. — Рабочая пѣсенка. — Эврипидъ въ переводѣ И. Ѳ. Анненкова (Алкеста и Медея). — Нитцше и античность. — Происхожденіе комедіи. — Мотивъ разлуки (Овидій—Шекспиръ—Пушкинъ). Гейдельбергъ. — Золотой вѣкъ. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1908. Ц. 1 р. 80 к.

——— То же. Т. 2-й. Древній міръ и мы. — Экскурсы. Педагогическія иллюзіи. Лѣвая шикаетъ. — Правая шикаетъ. — Естественно-историческій методъ и вопросъ о средней школѣ. — О чтеніи судебныхъ рѣчей Цицерона въ гимназій. — «Школа должна». — Vince sol! Изд. 3-е, дополн. Спб. 1911. Ц. 1. 80 к.

На 4576
мму

9(45)
К 66 X

МИХАИЛЬ КОРЕЛИНЪ

Пров. 1965

✓
ПРОВЕРЕНО
1950 г.

РАННИЙ

ИТАЛЬЯНСКИЙ ГУМАНИЗМЪ

И ЕГО ИСТОРИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ТОМЪ II

Франческо Петрарка

ЕГО КРИТИКИ И БИОГРАФИИ

числ. 12р. 524198

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

1(091)

87.3(4Ита)43 + 83.3(4Ита)

К66

4497

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Философскія произведенія Петрарки. De Remediis utriusque fortuneae и отношеніе къ этому трактату новыхъ изслѣдователей. De Vita solitaria, De Otio religioso и ихъ историческое значеніе. Диалоги „Объ истинной мудрости“ и вопросъ объ ихъ подлинности. Общій характеръ и значеніе философскихъ произведеній Петрарки	3
II. Инвективы Петрарки. De Ignorantia и отношеніе къ этому сочиненію новыхъ изслѣдователей. Значеніе инвективъ противъ врача и противъ французскаго прелата. Полемика Петрарки съ „высокопоставленнымъ“ французомъ	23
III. Автобіографическія произведенія Петрарки. Его переписка и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. Рѣчи Петрарки и ихъ біографическое значеніе.	33
IV. Произведенія Петрарки научнаго содержанія. Историческая критика въ его письмахъ. Книга „О знаменитыхъ людяхъ“. Ея литературная исторія и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. „Res memorandae“. Цѣль и значеніе этого произведенія. „Сирійскій путеводитель“. Значеніе Петрарки, какъ историка по воззрѣніямъ новыхъ изслѣдователей.	67
V. Историческое значеніе поэтическихъ произведеній Петрарки. Письма и эклоги. Историческій интересъ Африки. Виды итальянской поэзіи Петрарки. Историческое значеніе его любовныхъ стихотвореній и вопросъ объ ихъ хронологіи. Де-Нолакъ и Пакшеръ. Патріотическія и политическія стихотворенія Петрарки. Общій выводъ объ историческомъ значеніи всѣхъ произведеній Петрарки	97
VI. Значеніе біографій Петрарки.—Періоды его біографической литературы.—Боккаччіо и другіе біографы XIV вѣка.—Біографы-гуманисты XV столѣтія.—Начало новаго теченія въ біографіяхъ Петрарки.—Отношеніе къ нему историковъ литературы и всемірно-историческихъ хроникъ этого времени.—Значеніе біографій перваго періода	115

	СТР.
VII. Характеръ біографической литературы 2-го періода.—Біографы XVI вѣка.—Веллютелло, Дезуальдо и Беккаделли.—Значеніе книги Томазини.—Новое теченіе въ біографіяхъ Петрарки XVIII вѣка.—Муратори, Бандини и Басти.—Мемуары Де-Сада и ихъ отношеніе къ предшествующей литературѣ.—Ягеманнъ и Тирабоски.—Общее значеніе біографій Петрарки этого періода	129
VIII. Характеръ біографій Петрарки 3-го періода.—Бальделли и первые біографы XIX столѣтія.—Уго Фосколо, Маколей и Бланъ.—Отношеніе къ Петраркѣ историковъ литературы и значеніе для его біографіи общихъ обзоровъ исторіи Возрожденія.—Георгъ Фогтъ.—Общее значеніе біографій этого періода	153
IX. Важнѣйшія явленія біографической литературы четвертаго періода.—Изданія Фракассетти.—Мезьеръ и де-Санктисъ.—Юбилейная литература.—Гейтеръ, Фейерлейнъ и Дзумбини.—Біографія Кёртинга	184
X. Характеръ новѣйшей литературы о Петраркѣ.—Отношеніе къ нему новѣйшихъ историковъ литературы и Ренессанса.—Сэймондсъ, Жебаръ, Геттнеръ, Кёртингъ и Моннье.—Опѣнка значенія Петрарки историками литературы.—Штернъ, Бартоли и Гаспари.—Новѣйшія монографіи.—Итоги біографическихъ изслѣдованій о Петраркѣ.	234

Гуманистическое движеніе, кореннымъ образомъ измѣнившее всѣ стороны духовной жизни, выразилось преимущественно въ произведеніяхъ философскаго, научнаго и литературнаго содержанія. Поэтому сочиненія представителей Ренесанса являются историческимъ источникомъ первостепенной важности. Кромѣ того, служа выраженіемъ могучаго культурнаго движенія, проявляя на себѣ крутой переломъ *общаго міросозерцанія*, гуманистическая литература имѣетъ еще и другую цѣну: нѣкоторыя ея произведенія имѣютъ *спеціальное* значеніе въ исторіи той области знанія, изъ которой заимствовано ихъ содержаніе; наконецъ, инныя изъ нихъ не лишены абсолютной цѣны, философской или научной, смотря по тому, о чемъ они трактуютъ. Съ этихъ точекъ зрѣнія мы и будемъ разсматривать сочиненія итальянскихъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки.

Хотя идеи и настроеніе, получившія господство въ эпоху Возрожденія, спорадически встрѣчаются въ теченіе всего средневѣкового періода, постепенно усиливаясь къ XIV вѣку, но первое вполне рельефное выраженіе получили онѣ у Франческо Петрарки. Такимъ образомъ въ главѣ гуманизма стоитъ одинъ изъ величайшихъ національныхъ поэтовъ Италіи, занимающій видное мѣсто и въ исторіи всемірной литературы, что не могло не отразиться на исторіографіи гуманистическаго движенія. Выдающаяся личность знаменитаго поэта привлекала особое вниманіе изслѣдователей, и почти въ каждомъ столѣтіи, начиная съ XIV, можно найти по нѣскольку біографовъ Петрарки. Но соединеніе въ одномъ лицѣ родоначальника культурнаго движенія съ крупнымъ художникомъ имѣетъ и невыгодныя стороны для изученія эпохи: въ Петраркѣ поэтъ затмевалъ мыслителя и новаго человѣка, и это отразилось прежде всего на изданіи его сочиненій. Въ то время, какъ его поэтическія произведенія были

изданы нѣсколько разъ уже въ XV столѣтїи ¹⁾, и тогда же выдержали нѣсколько изданій, комментарїи къ нимъ, написанные Филельфо ²⁾, его латинскїя сочиненїя до сихъ поръ еще ждутъ полнаго критическаго изданїя, хотя впервые они были напечатаны тоже въ концѣ XV вѣка ³⁾.

¹⁾ Библиографїя Петрарки посвящены *Ferrazzi, Bibliografia Petrarческа. Bassano 1877.* (Enciclopedia Dantesca, v. V.) и *A. Hortis, Catalogo delle opere di F. Petrarca nella Petrarческа Rosettiana. Triest 1874.* Опираясь на эти работы американецъ *W. Fiske* издалъ *Catalogue of Petrarch books. Ithaca. 1883.* Сочиненїе раздѣлено на три части: въ первой перечислены въ алфавитномъ порядкѣ имена писателей и ученыхъ, посвятившихъ какой-нибудь трудъ Петраркѣ; во второй—списокъ изданій его сочиненій на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, а также и переводовъ на иностранныя языки; въ третьей—указатель именъ писателей, которые говорятъ о Петраркѣ, а также этюдъ о его портретахъ. Книга вышла въ количествѣ 160 экземпляровъ, и мнѣ известна только по рецензіямъ, не всегда благоприятнымъ. (См. *Giornale storico della litt. ital. III, p. 467.* Ср. отзывъ *Cippolla* въ *Herman's und Jastrow's Jahresberichte. IV, p. 281.*) Тому же автору принадлежитъ *Handlist of Petrarch editions in the Florentine Public Libraries. Florence 1886.* Рукописи сочиненій Петрарки, хранящїяся въ Италїи, перечислены, кромѣ общихъ каталоговъ, въ слѣдующихъ юбилейныхъ изданїяхъ: *Narducci, I codici Petrarчески delle Biblioteche governative del Regno, indicati per cura del Ministero dell'Istruzione Publica. Roma 1874.* Его же, *I codici Petrarчески delle Biblioteche Barberina, Chigiana, Corsiniana, Vallicelliana, Vaticana. Roma 1874.* Кромѣ того, по поводу пятисотлѣтняго юбилея Петрарки графъ *Ettore Macola* издалъ извлеченїе изъ пяти толстыхъ книгъ, въ которыя записывали свои имена, мысли и стихотворенїя лица, посѣщавшія домъ Петрарки въ Арква въ періодъ 1788—1873. (*I codici di Arquà, dal maggio 1788 all'ottobre 1873. Padova 1874.*) Указанїя объ отдѣльныхъ кодексахъ и библиографїю изданныхъ сочиненій см. *Ferrazzi* p. 755 и слѣд.

²⁾ *Philephus, Interpretatio sopra gli soneti e canzone di Fr. Petrarca.* Въ Миланской *Ambrosiana* есть 2 Болонскихъ изданїя 1475 и 1476 годовъ и одно Венеціанское 1478 года.

³⁾ Впервые *Opera omnia F. Petrarcae* появились въ 1494 г. въ Девентерѣ; я пользуюсь двумя собранїями сочиненій Петрарки: 1) *Basileae per Magistrum Joannem de Amerbach 1496* безъ заглавія, которое замѣнено *Librorum Fransisci Petrarcae Basileae Impressorum Annotatio.* Въ это изданїе не вошли: *De Otio religiosorum, De sua ipsius et aliorum ignorantia, Africa. Epistolae variae et seniles, a familiares* вошли только въ количествѣ VIII книгъ. Къ книгѣ приложены: *Epitomatis ill. vir. post obitum Fransisci Petrarcae Lombardi de Siricho supplementum* и *Benvenuti de Rombaldis*

I.

Философскія произведенія Петрарки. *De Remediis utriusque fortunae* и отношеніе къ этому трактату новыхъ изслѣдователей. *De Vita solitaria*, *De Otio religioso* и ихъ историческое значеніе. Діалоги „Объ истинной мудрости“ и вопросъ объ ихъ подлинности. Общій характеръ и значеніе философскихъ произведеній Петрарки.

Значеніе Петрарки въ исторіи гуманизма опредѣляется, во-первыхъ, совокупностью его воззрѣній, его общимъ міросозерпаніемъ и, во-вторыхъ, его индивидуальными стремленіями, внутренней борьбой и вообще личнымъ настроеніемъ. Вслѣдствіе этого тѣ его произведенія имѣютъ наибольшую важность для изученія Ренесанса, въ которыхъ Петрарка болѣе или менѣе систематически излагаетъ свои воззрѣнія. Таковы его религіозные и философско-этические трактаты, первое мѣсто между которыми и по объему, и по значенію занимаютъ двѣ книги „О средствахъ противъ всякой фортуны“ (*De Remediis utriusque fortunae libri duo*)¹⁾.

Этотъ трактатъ представляетъ практическое наставленіе, чѣмъ утѣшаться въ несчастіяхъ и какъ сохранить спокойствіе духа въ счастіи. Въ посвященіи Анцо-ди-Корреджіо, которое составляетъ предисловіе къ первой книгѣ, Петрарка излагаетъ цѣль своего сочиненія и при-

libellus qui Augustalis dicitur. 2) *Opera omnia Basileae per Henricum Petrum 1554.* Сочиненіямъ Петрарки предпослано письмо Joannis Herold Hōstettensis Joanni Baderio о важности наукъ съ приложеніемъ Hieronimi Cardani *judicium* и *Testimonia J. Voccatii, Erasmi Rotterodami, Ludovici Vivis, Francisci Feoridi Sabini, Pauli Jovii Novocomensis*, а также біографія Петрарки, написанная Squarzacchi. Въ исправленіи текста принимали участіе, кромѣ Гегстштеттена, Conradus Lycosthenes и Bonifacius Amerbachius. Въ основу итальянскаго текста положены изданія Gesualdo и Alluppi, въ исправленіи которыхъ принималъ участіе Coelius Secundus Curio. Это изданіе повторено безъ перемѣнъ тѣмъ же издателемъ въ 1563 и 1581 годахъ.

¹⁾ Время составленія этого трактата съ точностью опредѣлить нельзя. Несомнѣнно, что онъ конченъ въ 1366; но былъ почти готовъ уже въ 1360. Fracassetti предполагаетъ, что онъ былъ начатъ въ 1358 (См. Voigt I, 135 пр. 2; Kōrting, p. 542 пр. Fracassetti, *Lettere delle cose familiari* I, 532). Объ изданіяхъ см. Ferrazzi, p. 782 и слѣд. Лучшая рукопись въ Венеціанской бібліотекѣ св. Марка, представляющая собой копію съ автографа. Новое изданіе трактата (*Fiske, Bibliographical notices. Francis Petrarck's treatise „De remediis utriusque fortunae“, text and versions. Florence 1888*), въ которомъ перечислены его переводы, мы имѣемъ только по рецензій (См. Koch und Geiger, *Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur. I. B. Berlin 1887—88, p. 479—480*).

чины, его вызвавшия. Въ жизни человѣку приходится бороться не только съ неудачами, какъ думаетъ „чернь“, но также и съ внѣшними благами; та и другая борьба одинаково можетъ вести къ гибели, при чемъ счастье даже опаснѣ невзгодъ ¹⁾. Самое вѣрное средство противъ этого—чтеніе, преимущественно древнихъ писателей, но Аццо, занятый важными дѣлами, не имѣетъ времени; поэтому Петрарка и написалъ для него обзоръ всѣхъ случаевъ, какіе возможны въ жизни, и составилъ указаніе, какъ къ нимъ относиться. Сочиненіе изложено въ діалогической формѣ; въ первой части собесѣдниками являются съ одной стороны Разумъ (Ratio), съ другой—Радость (Gaudium) и Надежда или Страсть (Spes seu Cupiditas); во второй тотъ же Разумъ утѣшаетъ Скорбь (Dolor) и успокаиваетъ Страхъ (Metus). Первая книга распадается на 122 діалога, въ которыхъ указываются темныя стороны во всевозможныхъ благахъ, какихъ только можетъ достигнуть человѣкъ; вторая на 132 діалога, которые утѣшаютъ во всевозможныхъ бѣдствіяхъ, какія могутъ случиться въ жизни. Нельзя сказать, чтобы основная мысль трактата отличалась глубиною или новизною: ученіе о томъ, что не слѣдуетъ обольщаться счастьемъ и падать духомъ при неудачахъ, было частою темою средневѣковыхъ назиданій²⁾. Такъ же мало оригинальности и въ самыхъ разсужденіяхъ. Предостереженія въ большинствѣ случаевъ шаблонны, иногда противорѣчивы, часто крайне вульгарны и почти всегда неубѣдительны. Обыкновенно авторъ исходитъ изъ религіозно-аскетической точки зрѣнія и удерживаетъ отъ наслажденія земными благами, потому что это составляетъ препятствіе для достиженія небесныхъ. Таковы, напр., всѣ тѣ діалоги первой книги, гдѣ идетъ рѣчь объ удовольствіяхъ ³⁾. Иногда онъ стоитъ на чисто практической точкѣ зрѣнія: къ благамъ жизни не стоить привязываться, потому что прежде всего на землѣ все измѣнчиво и непостоянно. Не слѣдуетъ, напримѣръ, радоваться популярности, потому что народъ часто мѣняетъ любим-

¹⁾ Duplex nobis est duellum cum fortuna et utrobique quodammodo par discrimen. Философы, какъ Аристотель и Сенека, считаютъ несчастье опаснѣ; но самъ Петрарка другого мнѣнія: nam qui damna, qui pauperiem, qui exilium, qui carcerem, qui supplicium, qui mortem et peiores morte graves morbos aequo animo tulerint, multos vidi; qui divitias, qui honores, qui potentiam—nullum.

²⁾ Родство De Remediis съ средневѣковымъ сборникомъ *Excerpta ex libris Senecae* и книгою *De Contemptu mundi* Иннокентія III отмѣтилъ Körtling (Petrarca's Leben, p. 543 и 557).

³⁾ Lib. I, dial. 18—33.

цевъ¹⁾, не слѣдуетъ наслаждаться властью, потому что она непрочна²⁾ и т. д. Отсюда такія малоубѣдительныя разсужденія, что не слѣдуетъ слишкомъ любить отца или мать, потому что они могутъ умереть³⁾. Человѣкъ окруженъ опасностями, поэтому всѣ блага отравлены безпокойствомъ и боязнью. Такъ, на примѣръ, имѣть хорошихъ родственниковъ не составляетъ блага, потому что они подвержены опасностямъ⁴⁾. Точно такъ же съ точки зрѣнія личнаго спокойствія и практическихъ удобствъ старается Петрарка подорвать цѣну различныхъ моральныхъ и политическихъ благъ: не стѣдуетъ особенно радоваться обилію друзей, потому что истинные друзья рѣдки⁵⁾; удовольствіе имѣть хорошаго ученика отравляется отвѣтственностью за него⁶⁾; не слѣдуетъ стремиться къ королевскому или папскому трону, потому что съ этимъ положеніемъ связана масса трудностей⁷⁾ и т. д. Иногда Петрарка выставляетъ нравственный критерій для оцѣнки благъ: такъ, наслажденіе удачною местию безнравственно⁸⁾; радоваться смерти врага непозволительно⁹⁾; побѣда опасна потому, что въ ней легко проявляется жестокость¹⁰⁾. Наконецъ, иногда онъ просто указываетъ на темную сторону, которая есть въ каждомъ явленіи: напр., долговременный миръ развращаетъ нравы¹¹⁾; оказанныя благодѣянія влекутъ за собою неблагодарность¹²⁾ и т. д. Такое смѣшеніе непримиримыхъ точекъ зрѣній тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что онѣ весьма часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же діалогѣ.

Вторая книга касается почти тѣхъ же самыхъ вопросовъ, что и первая, только съ другой стороны¹³⁾; подобно тому какъ въ каждомъ

¹⁾ Ibid. Dial. 94.

²⁾ Ibid. Dial. 91.

³⁾ Ibid. Dial. 82, 83.

⁴⁾ Ibid. Dial. 73—75; 77—79.

⁵⁾ Ibid. Dial. 50.

⁶⁾ Ibid. Dial. 81.

⁷⁾ Ibid. Dial. 96 и 107. Иногда эти разсужденія довольно низменны. Такъ въ діалогѣ 33 *De Numero Famulatu* Петрарка говоритъ: *ubi servi multi, multi strepitus, pauca servitia et secretum nullum; quot servorum linguarum, tot praeconum tubae; quot servorum aures atque oculi, tot domorum rimulae, quibus illa etiam, quae in fundo sunt, facile dilabuntur etc.*

⁸⁾ Ibid. Dial. 101.

⁹⁾ Ibid. Dial. 104.

¹⁰⁾ Ibid. Dial. 103.

¹¹⁾ Ibid. Dial. 106.

¹²⁾ Ibid. Dial. 93.

¹³⁾ Körting ставитъ 2-ю книгу выше первой, хотя допускаетъ, что она можетъ показаться hochkomisch и заключаетъ въ себѣ массу абсурдовъ;

благъ есть темныя стороны, а нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ только кажущуюся цѣну, точно такъ же инныя бѣдствія вовсе не бѣдствія, а въ другихъ легко утѣшиться. Съ теоретической стороны эта вторая половина въ большей своей части совсѣмъ ненужна, потому что предостереженіе въ пользованіи благами составляетъ въ то же время утѣшеніе въ ихъ лишеніи. Если здоровье не благо, то, естественно, и болѣзнь не зло; если не слѣдуетъ радоваться обилію друзей, то нечего огорчаться ихъ отсутствіемъ и т. д. Дѣйствительно, здѣсь Петрарка почти не приводитъ новыхъ аргументовъ, а только развиваетъ и дополняетъ старыя. Но трактатъ имѣетъ практическій характеръ; авторъ стремится дать не теоретическую систему, а руководство, по возможности, обстоятельное, какъ поступать въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ этой обстоятельности заключается и важность трактата, какъ біографическаго источника, и его вопіющіе недостатки, какъ философскаго произведенія.

Заботясь о подробности, Петрарка придумываетъ самые исключительные случаи, предусматриваетъ самыя маловажныя событія. Такъ, въ особенныхъ діалогахъ онъ убѣждаетъ не радоваться хорошей погодѣ, освобожденію изъ тюрьмы, открытію золотоносной руды, находкѣ или выигрышу денегъ¹⁾; утѣшаетъ въ такихъ бѣдствіяхъ, какъ потеря веремени, плохая прислуга, безпокойные сосѣди, замедленіе въ полученіи подарка, дурныя дороги, глупый и сумасбродный товарищъ и т. п.²⁾. Иногда эта обстоятельность переходитъ въ совершенно вульгарную старческую болтливость. Такъ, напр., убѣждая не увлекаться обладаніемъ драгоценностей, Петрарка въ отдѣльных діалогахъ разсматриваетъ различныя ихъ виды³⁾; точно такъ же онъ считаетъ самостоятельнымъ благомъ обладаніе слонами и верблюдами, обезьянами, павлинами⁴⁾ и т. п. То же и во 2-ой книгѣ: успокоивши по случаю болѣзни вообще, онъ даетъ утѣшеніе въ подагрѣ, зубной боли, ревматизмѣ⁵⁾ и т. д. Самыя разсужденія вполнѣ соотвѣтствуютъ заглавіямъ; чтобы судить объ ихъ глубинѣ, приведемъ одинъ далеко

р. 551, 552. Несомнѣнно только, что предисловіе ко 2-й книгѣ лучше посвященія.

¹⁾ Ibid. Dial. 86, 89, 54, 55.

²⁾ Lib. II, dial. 15, 29, 31, 37, 57, 71.

³⁾ Lib. I, dial. 37. *De Gemmis et Margaritis*. 39. *De Gemmarum Signis*. 38. *De Gemmarum Poculis*.

⁴⁾ Ibid. Dial. 59. *De Gregibus et Armentis*. 60. *De Elephantibus et Camelis*. 61. *De Simiis et Ludicribus Animalibus*. 62. *De Patonibus, Pullis, Gallinis, Apibus et Columbibus etc.*

⁵⁾ Lib. II, dial. 84, 94, 95.

не исключительный примѣръ. Во время зубной боли слѣдуетъ, по совѣту Петрарки, утѣшаться мыслями о слабости человѣческой природы ¹⁾. Если зубы выпадаютъ, то нужно припоминать все блага, какія Богъ далъ человѣку, и тогда огорченіе по поводу такой ничтожной потери будетъ казаться неблагодарностью къ Творцу. Если зубовъ болѣе нѣтъ, то легче бороться съ удовольствіями: меньше ѣшь, рѣже смѣешься и злословишь. Если это случилось въ старости, то радуйся, потому что многіе теряютъ зубы молодыми. Кромѣ того, зубы не спасаютъ отъ смерти. Дочь Митридата имѣла двойной рядъ зубовъ, сынъ Виѳинскаго царя сплошные зубы на верхней челюсти, у царицы Зиновіи были такіе красивые зубы, что во время смѣха ея ротъ казался наполненнымъ бѣлыми жемчужинами, и все они умерли. Наконецъ, если выпадутъ все зубы, то тѣмъ лучше, потому что болѣть нечему ²⁾.

Недостатки содержанія трактата нисколько не изглаживаются изложеніемъ. Діалогическая форма съ аллегорическими дѣйствующими лицами въ высшей степени несовершенна: нѣтъ ни малѣйшаго слѣда ни драматизма, ни той живости и систематичности изложенія, которая встрѣчается у позднѣйшихъ гуманистовъ, умѣвшихъ придать діалогу видъ реального спора. У Петрарки говоритъ только Разумъ, а его собесѣдники не умѣютъ даже односложно перервать разсужденія и обыкновенно повторяютъ одну и ту же фразу ³⁾. Но, несмотря на все недостатки, трактатъ имѣетъ большую важность.

Самую раннюю оцѣнку De Remediis мы находимъ въ „Исторіи философіи“ Булэ ⁴⁾. Признавая за книгой нѣкоторые недостатки, преимущественно формальные, Булэ въ общемъ относится къ ней съ сочувствіемъ, находитъ въ ней „богатство идей“ и большую обстоятельность въ содержаніи. Въ частности, первая половина діалога обнаруживаетъ, по его мнѣнію, „самое интимное знакомство съ человѣческой природой и съ обычнымъ ходомъ вещей“ и даетъ „много превосходныхъ совѣтовъ“. Но Булэ осуждаетъ крайній пессимизмъ автора, дѣ-

¹⁾ *Dolor. Dentibus aeger sum. Ratio. Invalidum et caducum animal est homo; cui etiam, quae praevalida videbantur, caduca sunt. II. Dial. 94.*

²⁾ Ibid.

³⁾ Все діалоги въ родѣ слѣдующаго. *Gaudium. Serenus est aër ac jucundus. Ratio. Jam quis arguat coelestem humi animum haerere? In aëre illum appenditis et amorem vestrum in eo ponitis elemento quo nullum instabilius. G. Aër serenus atque tranquillus est. R. Expecta: dicto citius nubilosus erit ac turbidus; alio te sub coelo positum credas. G. Serenus ac tranquillus est aër etc. I. Dial. 86.*

⁴⁾ *Geschichte der Philos. II, p. 90—105.*

лающій невозможнымъ всякое наслажденіе жизнью. Ключъ къ объясненію этого пессимизма Булэ думаетъ найти въ личной жизни Петрарки и главнымъ образомъ въ его неудачной любви къ Лаурѣ¹⁾. Вліяніемъ этой же причины объясняется и главный недостатокъ второй части — отношеніе Петрарки къ женщинѣ и любви²⁾. Но въ общемъ вторую половину діалога онъ считаетъ лучше первой, потому что здѣсь Петрарка, слѣдуя Сенецѣ, „своему предшественнику и образцу“, былъ вполне въ своей сферѣ, хотя его совѣты разсчитаны иногда на героевъ, а не на обыкновенныхъ людей³⁾. Эта оцѣнка, въ общемъ слишкомъ снисходительная и не достаточно опредѣленная, имѣетъ одну несомнѣнно вѣрную сторону. Булэ правильно ищетъ объясненія трактата въ біографіи его автора; но едва-ли можно согласиться, что Лаура играла столь важную роль въ философіи Петрарки. Основное настроеніе діалога обуславливалось другими болѣе глубокими причинами — положеніемъ автора среди двухъ міровъ⁴⁾.

Современные изслѣдователи не вполне сходятся въ оцѣнкѣ этого произведенія. Фогтъ видитъ въ немъ попытку изъ разсмотрѣнія наслажденій и страданій привести читателя, на манеръ Сенеки, къ „*Aequanimemento*“; но среди самоувѣренности и объективности автора усматриваетъ его огорченіе и недоумѣніе передъ мыслью, что человекъ, вѣря въ спасительность добродѣтели, тѣмъ не менѣе сознательно и произвольно отъ нея уклоняется⁵⁾. Дѣйствительно, эта послѣдняя нотка часто слышится въ отдѣльныхъ монологахъ и въ особенности рѣзко выступаетъ въ предисловіи ко 2-й книгѣ, такъ что трактатъ даетъ цѣнные указанія для характеристики настроенія автора. Гораздо

¹⁾ Ibid. p. 97, 98.

²⁾ Ibid. p. 101.

³⁾ Ibid. p. 100, 101.

⁴⁾ Изъ историковъ литературы только Ginguené (II, p. 445 и слѣд.) и Gasparу (II, p. 439 и слѣд.) даютъ краткое изложеніе содержанія этого трактата. Большинство обходитъ его полнымъ молчаніемъ, и только у немногихъ, какъ Сисмонди и Кирпичникова, мы находимъ краткіе отзывы объ этомъ произведеніи. Обстоятельнаго анализа *De Remediis* съ исторической точки зрѣнія до сихъ поръ еще не сдѣлано. Женгенэ даетъ чисто формальную оцѣнку (*la forme est moins heureuse que le fond... Les dialogues sont secs et dépourvus d'art.* l. c. p. 446); Сисмонди отрицаетъ всякую искренности въ трактатѣ и считаетъ его схоластическимъ упражненіемъ (I, p. 427); Гаспари видитъ въ немъ аскетическую основу, отмѣчаетъ только фактическія противорѣчія и признаетъ вліяніе много настроенія только въ примѣрахъ изъ античнаго міра и цитатахъ изъ древнихъ авторовъ (l. c. p. 439—440).

⁵⁾ Voigt, *Die Wiederbelebung*. I, p. 147.

дальше идет Кёртингъ, По его мнѣнію, трактатъ носить двойственный характеръ: по общему духу онъ въ тѣсномъ родствѣ съ средне-вѣковой аскетической литературой, но по цитатамъ изъ древнихъ авторовъ и въ особенности по основной мысли онъ принадлежитъ новому времени. Этотъ послѣдній признакъ есть пессимизмъ, „который доходить даже до нигилизма“, такъ какъ Петрарка отрицаетъ добро и зло въ мірѣ ¹⁾. Съ двойственнымъ характеромъ трактата нельзя не согласиться, хотя нигилизма автора доказать нельзя ²⁾, а цитаты изъ древнихъ писателей сами по себѣ еще ничего не доказываютъ. Двойственность Петрарки, поскольку она существовала въ его міровоззрѣніи, проявляется во всемъ содержаніи трактата, потому что въ немъ изложено большинство взглядовъ автора. Въ этой двойственности заключается и историческая цѣна сочиненія. Оно вызвано интересомъ къ жизни и обнаруживаетъ большую наблюдательность къ ея внѣшнимъ и внутреннимъ проявленіямъ. Обсуждая вопросы житейской морали съ традиціонной аскетической точки зрѣнія, Петрарка постоянно сбивается на противоположный принципъ, и проявленія новыхъ индивидуальных потребностей такъ же противорѣчиво переплетаются здѣсь съ шаблонными взглядами, какъ классики съ Библией. Кроме того, трактатъ представляетъ интересъ и съ другой стороны. Стремленіе къ полнотѣ заставляло обсуждать всѣ явленія жизни, и Петрарка говоритъ о нихъ съ большею или меньшею обстоятельностью. Въ трактатѣ подробно оцѣнена физическая и психическая природа человѣка: выяснено значеніе здоровья, красоты и другихъ тѣлесныхъ свойствъ ³⁾, а также таланта, памяти, краснорѣчія, мудрости ⁴⁾. По нѣкоторымъ діалогамъ можно судить объ отношеніи Петрарки къ искусству ⁵⁾, къ богатству и

¹⁾ Körtling, p. 557—561.

²⁾ Кёртингъ приводитъ только доказательства противнаго, которыя, по его мнѣнію, служатъ лишь „благочестивой оболочкой“ (p. 559).

³⁾ Lib. I, dial. 1—6; II, dial. 1—3. Здѣсь эти свойства обсуждаются вообще. Кроме того, около 16 діалоговъ 2-й книги (77, 83—87, 92, 94—97, 99, 109 и 112—114), трактующіе объ отдѣльныхъ болѣзняхъ, при всей мелочности содержанія даютъ иногда дополнителныя указанія.

⁴⁾ Lib. I, dial. 7—9 и 12; II, 100—103. Кроме того, 2 діалога 2-й книги: De Discordia animi fluctuantis (dial. 75) и De Taedio vitae (dial. 98) имѣютъ автобіографическое значеніе.

⁵⁾ Въ этомъ отношеніи особую важность имѣетъ 1-я книга. Діалогъ 23 трактуетъ De cantu et dulcedine a musica, 24 — De choreis et tripudiis, 28 — 30, о театрѣ и разныхъ зрѣлищахъ, 40—De tabulis pictis, 41—De stautis, 42—De vasis corinthiis.

бѣдности ¹⁾, къ комфорту и роскоши ²⁾; въ другихъ онъ выражаетъ свой взглядъ на мораль ³⁾, на службу ⁴⁾, на любовь, женщину и семью ⁵⁾. Кроме того, трактатъ даетъ достаточно матеріала для выясненія патриотизма ⁶⁾ Петрарки, его политическихъ и социальныхъ воззрѣній ⁷⁾ и наконецъ взгляда на жизнь вообще ⁸⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти данныя требуютъ весьма внимательной критики въ виду дидактической цѣли трактата; но въ общемъ Петрарка искрененъ, и если въ его воззрѣніяхъ и встрѣчаются противорѣчія, то это происходитъ въ большинствѣ случаевъ не ради цѣлей трактата, а потому что ими кишѣлъ умъ автора. Чтобы иллюстрировать важность сочиненія, какъ біографическаго источника, рассмотримъ политическіе взгляды Петрарки, поскольку они тамъ выражены.

Въ діалогѣ „О свободѣ“ ⁹⁾ Петрарка не отвергаетъ, что это благо, но указываетъ на существенный его недостатокъ, на непрочность. „Свободенъ не тотъ, кто родится таковымъ, а кто умираетъ свободнымъ“, говоритъ онъ и потому предпочитаетъ свободу внутреннюю, неотъемлемую. Ту же мысль, только гораздо подробнѣе, развиваетъ онъ въ утѣшеніе рабу во второй книгѣ ¹⁰⁾. Самой лучшей политической формой онъ считаетъ монархію, хотя и не скрываетъ ея темныхъ сторонъ. Въ главѣ „О хорошемъ господинѣ“ ¹¹⁾ встрѣчаются такіе діалоги:

„*Радость*. Мы имѣемъ превосходнѣйшаго господина.

„*Разумъ*. Можетъ быть, правителя и защитника государства (reipublicae), что, какъ говорятъ, самое угодное Богу изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ“. Но это не „господинъ“: bonus rex servus

¹⁾ I, dial. 53—De divitiarum copia и слѣдующіе 10 о различныхъ видахъ богатствъ. О бѣдности см. II, dial. 8—11.

²⁾ I, dial. 18—22 и 33—39. Ср. II, dial. 63 и 100.

³⁾ De virtute lib. I. dial. 10, а также II, dial. 104—108, 110—111.

⁴⁾ Дружба вообще и разные виды друзей рассматриваются въ 1-й книгѣ, діал. 49—52, ср. II, dial. 52—53.

⁵⁾ Этому вопросу посвящены 15 главъ діалоговъ 1-й книги (65—79) и 11 второй (17—23, 44 и 48—50).

⁶⁾ Lib. I, dial. 15 и II, dial. 68 и 69.

⁷⁾ Lib. I, dial. 14, 85, 95, 96; lib. II, 34, 39, 74, 78. См. также I, 16 и II, 5—7.

⁸⁾ I, 117. II, 107. Кроме того, въ трактатѣ встрѣчаются, правда, рѣдко, въкоторыя указанія и на современную дѣйствительность. См. II, dial. 71.

⁹⁾ I, 14.

¹⁰⁾ II, 7.

¹¹⁾ I, 85.

est publicus, говоритъ нѣсколько ниже Петрарка. Если же государь превращается въ „господина“, то „кто не назоветъ самымъ дурнымъ того, который отнимаетъ у своихъ гражданъ самое лучшее, что у нихъ есть, свободу, высшее и преимущественнѣйшее благо жизни и ради наполненія пропасти, которую нельзя наполнить, можетъ смотрѣть спокойными глазами на многія тысячи бѣдствій. Это видъ тиранновъ, которыхъ чернь называетъ господами и которые въ дѣйствительности палачи (carnifices experitur)“, и нѣсколько выше въ той же главѣ:

„*Радость*. Я имѣю хорошаго господина.

„*Разумъ*. И потеряла свободу: въ одно время никто не имѣетъ того и другого. Теперь находятся въ опасности и сестры, и дочери, и невѣстка, и даже жена, а также имущество и жизнь...

„*Радость*. Судьба дала добраго господина мнѣ и родинѣ.

„*Разумъ*. Это несовмѣстимо и даже противоположно одно другому, потому что, если онъ добръ, то не господинъ, а если господинъ, то не добръ, въ особенности же если онъ желаетъ называться господиномъ. Добры родители, добрыми могутъ быть братья и сыновья; друзья всегда добры — иначе они не друзья, но называютъ добрымъ господина — это пріятная ложь и завѣдомая лесть“. Въ діалогахъ, специально посвященныхъ тиранніи ¹⁾, Петрарка прибавляетъ еще нѣсколько подобныхъ чертъ къ этой характеристикѣ. Но если монархія способна къ искаженію, то демократическая республика совершенно неспособна къ власти. „Меня ненавидитъ народъ“ жалуется Скорбь. „Это животное склонно къ несправедливости“, отвѣчаетъ Разумъ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Петрарка выражается еще категоричнѣе. „Я сказалъ и повторяю, говоритъ Разумъ, что все, что толпа думаетъ, ничтожно (vanum), что говорить — ложно, что одобряетъ — дурно, что проповѣдуетъ — безчестно, что дѣлаетъ — глупо“ ³⁾. Въ другихъ мѣстахъ сочиненій Петрарки встрѣчается подъ вліяніемъ событій иное отношеніе и къ монархіи, и къ демократіи; но философскій трактатъ былъ написанъ не подъ вліяніемъ текущей политической жизни. Эту точку зрѣнія родоначальника гуманизма мы не разъ встрѣтимъ у его непосредственныхъ учениковъ и позднѣйшихъ послѣдователей.

Гораздо менѣе широкій объемъ имѣютъ остальные философскіе

¹⁾ De occupata tyrannide I, 95; De injusto domino II, 39; De amissa tyrannide II, 81.

²⁾ Lib. II, dial. 34.

³⁾ Lib. I, dial. 11. Ср. также dial. 94.

трактаты. Два изъ нихъ: *De Vita solitaria* и *De Otio religioso* написаны на одну тему. Надъ первымъ Петрарка работала около 20 лѣтъ, да и потомъ, по желанію друзей, дѣлала къ нему добавленія, такъ что въ окончательной редакціи онъ появился только передъ самой смертью автора ¹⁾. Сочиненіе состоитъ изъ 2 книгъ, изъ которыхъ каждая раздѣлена на „трактаты“, распадающіеся на главы. Первой части предпослано совсѣмъ незначительное посвященіе епископу Кавальона Филиппу де Кабассоль (*Philippus Cavallionensis episcopus*); въ первомъ трактатѣ Петрарка излагаетъ общія воззрѣнія на тему, во второмъ проводитъ параллель между днемъ занятаго горожанина (*occupatus*) и живущаго въ уединеніи (*solitarius*); третій представляетъ еще нѣсколько чертъ для сравнительной характеристики; четвертый излагаетъ прелести уединенія и условія, при которыхъ оно можетъ доставлять наслажденія; въ пятомъ трактатѣ онъ опровергаетъ возраженія противъ уединенія и въ шестомъ изъ разсмотрѣнія тягостей городской жизни еще разъ выводитъ превосходство отшельничества. 9 трактатовъ 2-й книги представляютъ фактическое доказательство изложенной теоріи. Здѣсь являются въ качествѣ любителей уединенной жизни Христосъ, святые, начиная съ Адама, брамины и гипербореи, многіе изъ древнихъ героевъ, начиная съ Прометей, античные поэты, ораторы, философы, цари и императоры. Въ десятомъ трактатѣ снова опровергаются возраженія противъ уединенія и прославляются его достоинства.

Сочиненіе „*Объ уединенной жизни*“ не имѣетъ самостоятельной философской цѣны. Уже Кёртингъ отмѣтилъ, что „Занятой“ Петрарки — „стереотипная карикатура римскихъ сатириковъ“ и что аргументы въ защиту пустыни въ родѣ того, что пастухъ не подвергается опасности заразиться, какъ врачъ или могильщикъ въ городѣ, совсѣмъ неубѣдительны ²⁾. Къ этому можно прибавить еще, что вся вторая книга доказываетъ словоохотливость Петрарки и его желаніе блеснуть обширностью и всесторонностью своихъ свѣдѣній. Но также несомнѣнно важное историческое значеніе этого сочиненія. Въ немъ впервые подъ видомъ похвалы уединенію выставленъ съ полной опредѣленностью тотъ идеалъ „обезпеченнаго досуга“, къ которому въ концѣ концовъ стремились всѣ гуманисты ³⁾. Уединеніе

¹⁾ Время составленія трактата (1346 — 1366) опредѣляется перепиской Voigt. I, III, пр. 2. 135 пр. и Körting, p. 564—565. Gaspari I, p. 437. Напечатанъ въ собраніи сочиненій, а также отдѣльно. Cremona 1498.

²⁾ Körting, p. 569—70.

³⁾ См. въ особенности lib. I, tractat. IV, cap. I, и вся первая книга.

Петрарки — бѣгство не отъ жизни, а только отъ ея безпокойствъ. „Меня улаждають“, говоритъ онъ, „не столько уединенный просторъ (*vacui recessus*) и не тишина, сколько обитающіе тамъ покой и свобода, и я не до того безчеловѣченъ, чтобы ненавидѣть людей, любить которыхъ предписываетъ намъ божественное повелѣніе; но я ненавижу грѣхи людскіе и преимущественно свои, а также заботы и печальныя тревоги, которыя живутъ среди людей“. „Уединеніе безъ наукъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, изгнаніе, тюрьма, жало; присоедили науки — родина, свобода, наслажденіе“¹⁾. Изъ дальнѣйшаго опредѣленія уединенія оказывается, что необходимое условіе наслажденія имъ красота пейзажа — требованіе, весьма характерное для гуманизма²⁾. Кроме того, въ книгѣ есть указанія на этическія воззрѣнія автора³⁾, на его отношенія къ женщинѣ⁴⁾, къ наукѣ⁵⁾. Особенно характерно выразилось здѣсь отношеніе къ человѣческому духу Петрарки, котораго біографы склонны обвинять въ нигилистическомъ пессимизмѣ. „Я вѣрю, говоритъ онъ, что благородный духъ человѣка ни на чемъ не успокоится, кромѣ какъ на Богѣ, цѣли нашего существованія, кромѣ какъ на себѣ самомъ и на своихъ внутреннихъ стремленіяхъ (*arcanae cupas suas*), кромѣ какъ на другой душѣ, близкой ему въ силу большого сходства, ибо хотя удовольствіе намазано самымъ липкимъ клеємъ и преисполнено мягкими и пріятными силками, однако оно не можетъ слишкомъ долго привязывать къ землѣ его могучія крылья“⁶⁾. Это отношеніе Петрарки къ разуму легло въ основаніе гуманистическаго міросозерцанія, хотя его взгляды на силки и клейкость удовольствія были сильно измѣнены его послѣдователями. — Если, наконецъ, принять во вниманіе, что во второй книгѣ „*De vita solitaria*“ есть данныя для характеристики современной автору дѣйствительности, что тамъ проявляются первые, правда, еще весьма робкіе шаги научной и рационалистической критики⁷⁾, то нельзя отрицать и за второй половиной трактата значенія историческаго источника.

Изъ новыхъ изслѣдователей только Женгенэ, Кёртингъ и Гас-

¹⁾ *De vita solitaria*. Opera Basilae 1554, p. 227 и 234. Ср. Körtling, p. 578—80.

²⁾ Lib. I; V, 2. См. также Körtling, p. 581—83. Voigt I, p. 111.

³⁾ I; IV, 5. А также Opera, p. 233 и 235.

⁴⁾ Opera, p. 257.

⁵⁾ Ibid. p. 248.

⁶⁾ Ibid. p. 226.

⁷⁾ О современности II, IV, 2—8; въ особенноти Op. p. 269—272; для историческихъ приемовъ ib. III, 17; толкованіе мѣта о Прометей II, VII, 1.

пари останавливаются на этомъ произведеніи Петрарки. Отзывъ Женгена совершенно произволенъ. „Книга содержитъ“, говоритъ онъ, „доктрину мизантропической философіи, которая была не въ характерѣ Петрарки, но которую заставили его усвоить дурно понятія религиозныя идеи и чрезмѣрная любовь къ наукѣ¹⁾. Женгенъ не замѣтилъ основного тона трактата, и эта ошибка была исправлена только Кёртингомъ²⁾. По его мнѣнію, ни въ одномъ произведеніи Петрарки не выступаетъ съ такою рѣзкостью его гуманистическое настроеніе, какъ въ *De Vita solitaria*. Основную мысль трактата составляетъ „ученіе, что человѣкъ, чтобы быть счастливымъ, не долженъ принадлежать ни къ какому замкнутому сословію, не долженъ занимать никакой должности, ограничивающей его собственное я, но ему слѣдуетъ отдѣлиться отъ толпы въ полномъ сознаніи своей индивидуальности“³⁾. Кёртингъ преувеличиваетъ нѣсколько „утонченный эгоизмъ“, которымъ проникнуто это сочиненіе, но его индивидуалистическая окраска отмѣчена совершенно вѣрно. Къ этому взгляду примыкаетъ и Гаспари; но онъ дѣлаетъ къ нему два весьма существенныхъ дополненія; Петрарка, по его словамъ, „не желаетъ дѣлать никакихъ предписаній другимъ, а говоритъ только по отношенію къ своимъ взглядамъ и наклонностямъ: природы людей различны“. На-ряду съ этимъ индивидуализмомъ Гаспари отмѣчаетъ и остатки средневѣковыхъ воззрѣній. „Несомнѣнно“, говоритъ онъ, „теплое и искреннее чувство лежало въ основаніи книги; но въ проявленіи его подавляетъ съ одной стороны чрезмѣрная ученость, съ другой—*аскетическое преувеличеніе*“⁴⁾. Соединеніе индивидуализма съ аскетизмомъ и въ этомъ трактатѣ, который Кёртингъ считаетъ самымъ гуманистическимъ, отмѣчено Гаспари совершенно вѣрно.

Трактатъ *De Otio religioso* представляетъ поученіе картезіанскимъ монахамъ, написанное въ благодарность за ихъ гостепрѣимство, оказанное автору, когда онъ посѣтилъ спасавшагося въ ихъ мона-

¹⁾ l. c. p. 448—449.

²⁾ *Maggiolo*, въ своемъ *Essai sur la philosophie morale de Petrarque. St. Nicolas. 1843*, высказываетъ противоположное мнѣніе. „Le premier livre, говоритъ онъ о трактатѣ, est plein de poésie et d'éloquence, le deuxième est rempli d'érudition“ (p. 81). Но краткое изложеніе содержанія книги не подтверждаетъ этого приговора. Такъ же незначительна глава его книги, посвященная *De Remediis* (p. 75 и слѣд.).

³⁾ Körtling, p. 578.

⁴⁾ Gaspari I, p. 438, 439.

стырѣ своего брата ¹⁾). Задача сочиненія заключается въ выясненіи сущности и цѣлей монашескаго уединенія, которое Петрарка характеризуетъ словами псалма „vacate et videte“. Указавши на трудность созерцательной жизни, авторъ видитъ ея цѣль въ борьбѣ съ тѣлесными страстями и съ религіозными сомнѣніями. Вся первая книга представляетъ собою проповѣдь различныхъ добродѣтелей съ соответствующими цитатами и полемику съ еретиками и въ особенности съ евреями, которымъ Петрарка доказываетъ, что Христосъ есть истинный Мессія, и выясняетъ важность Божественнаго воплощенія. Вторая книга въ сущности повтореніе первой: одну ея половину составляетъ поученіе о суетности міра, въ другой эвгемеристически доказывается ложность языческой религіи. По своему содержанию этотъ трактатъ имѣетъ такъ же мало внутренней цѣны, какъ предшествующіе: та же болтливая растянутость изложенія, то же отсутствіе систематичности и единства въ содержаніи. Polemica съ язычествомъ и еврействомъ не оправдывается ни темой, ни практическими потребностями монаховъ, въ назиданіе которымъ написана книга, а длинная выписка изъ Лактанція въ концѣ книги сдѣлана только потому, что его *Institutiones* не было въ монастырѣ, гдѣ гостилъ Петрарка. Но въ качествѣ историческаго источника и этотъ трактатъ имѣетъ несомнѣнное значеніе.

Тѣсное родство Петрарки съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ нигдѣ не выступаетъ съ такою рельефностью, какъ въ этой книгѣ. Монашество признается самымъ положительнымъ образомъ; трудность и важность этого званія констатированы съ большимъ сочувствіемъ и похвалой ²⁾). Наконецъ, общій тонъ проникнутъ крайнимъ благочестіемъ. Кёртингъ, признавая это сочиненіе „менѣе всего затронутымъ вліяніями новаго мышленія“, объясняетъ это особеннымъ происхожденіемъ трактата и единственное проявленіе новаго времени видитъ въ томъ вниманіи, съ которымъ Петрарка говоритъ о религіозныхъ сомнѣніяхъ ³⁾). Но въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія со-

¹⁾ *De Otio religioso libri II*, написанъ между 1347—1356 годами, какъ это опредѣляется отчасти изъ переписки, отчасти изъ самаго содержанія. См. Körting, p. 583. Сочиненіе не было издано отдѣльно и встрѣчается не во всѣхъ изданіяхъ. Лучшая рукопись въ Laurentiana Cod. 9 Plut. 26.

²⁾ *Veni ego in paradisum, vidi angelos Dei in terra et in terrenis corporibus habitantes, suo tempore habitaturos in coelis et ad Christum, cui militant, exacto praesentis exilii labore venturis. Монашество—это rectum et compendiosum iter et mundi devio simitissimum. De otio religioso. Op. 293.* Buhle не безъ основанія видитъ здѣсь eine mystische Schwärmerei (l. c. p. 108).

³⁾ Körting, p. 584 и 587.

мнѣваться въ искренности автора, тѣмъ болѣе, что новыхъ вѣяній въ трактатѣ гораздо больше, чѣмъ думаетъ обстоятельный біографъ ¹⁾. Прежде всего, суть монашества Петрарка видитъ въ *созерцаніи*, въ свободѣ отъ развлекающаго труда, а не въ благочестивыхъ подвигахъ монастырской жизни ²⁾; если онъ и клянетъ страсти ³⁾, то это дѣлаютъ и древніе философы. Жизнь характеризуется здѣсь менѣе аскетически, чѣмъ въ другихъ трактатахъ и письмахъ ⁴⁾. Характерно далѣе, что монашескій санъ, сохранивши въ глазахъ Петрарки привлекательность уединенной жизни, утратилъ средневѣковое величіе: авторъ, не будучи монахомъ, смѣло поучаетъ „земныхъ ангеловъ“, и ему въ голову не приходитъ несоотвѣтствие такого поведенія съ аскетической точки зрѣнія. Еще рѣзче проявляется новый и специально гуманистическій духъ Петрарки въ отношеніи къ богословію. „На что слѣдуетъ надѣяться въ божественныхъ дѣлахъ“, говоритъ онъ, „этотъ вопросъ предоставимъ ангеламъ, изъ которыхъ даже наивысшіе налзи подъ его тяжестью. Конечно, небожители должны обсуждать небесное, мы же человеческое, и, можетъ быть, было бы разумнѣе совсѣмъ не вступать на этотъ путь, крутой и опасный, чѣмъ останавливаться на срединѣ тропинки“ ⁵⁾. „Дѣло великой опасности“, говоритъ онъ далѣе, „если

¹⁾ Другіе изслѣдователи даютъ только краткіе отзывы объ этомъ трактатѣ и считаютъ его чисто монашескимъ произведеніемъ. „Это совершенно монашеское сочиненіе, говоритъ Женгенэ, „превосходное для тѣхъ, кому оно адресовано, вообще хорошее для монастырской жизни, но изъ него ничего нельзя извлечь для этой жизни“ (I. с. р. 450). Gasparу назвалъ трактатъ „аскетическою проповѣдью“ (I. с. р. 437). Отзывы Maggiolo (р. 85 и слѣд.) и Bonifas'a (р. 32) совершенно незначительны.

²⁾ Quiescendo equidem fieri animam prudentem, quae maxime virtus in videndo consistit,—illi etiam affirmant, quibus et vera quies et perfecta visio et utriusque verus auctor incognitus. Opera, p. 295.

³⁾ Ibid. Opera, p. 297.

⁴⁾ О жизни онъ говоритъ въ этомъ трактатѣ: in hac autem vita tam ardua, tam angusta, tam vepricosa, tam lubrica, tot obicibus interrupta, tot obsessa latrunculis, tota cautio est suspecta securitas et quae non spirituales tantum profecto impediatur, sed etiam temporales. Opera, p. 301. Болѣе рѣзко см. De vera sapientia. Opera, p. 326. Также De remediis. Op., 156, 160 и passim. Особенно характерно одно довольно длинное письмо Петрарки (Epistol. de rebus familiaribus ed. Fracassetti lib. VIII, ep. 8), которое начинается такъ: videtur mihi vita dura quaedam arca laborum, palaestra discriminum, scaena fallaciarum, labyrinthus errorum, circulatorum ludus, desertum horribile, limosa palus и т. д. цѣлыхъ двѣ страницы подобныхъ сравненій.

⁵⁾ De otio religiosorum. Opera, p. 309.

ты послѣ изреченій пророковъ (prophetarum oracula), послѣ свидѣтельствъ апостоловъ, послѣ ранъ мучениковъ, дерзаешь обсуждать старую вѣру, какъ бы новую, остаешься въ заблужденіи послѣ столь ясныхъ (manifestos) вождей и состязаешься въ праздныхъ спорахъ, послѣ страданій (sudores) умирающихъ“¹⁾. Итакъ въ этомъ сочиненіи Петрарка остается такъ же вѣренъ себѣ, какъ и въ другихъ; и здѣсь онъ новый человѣкъ, выросшій на старой почвѣ и далеко еще не порвавшій съ ней связи. Эта же черта проявляется и въ его отношеніи къ древности, въ самой важной сторонѣ этого трактата, если смотрѣть на него, какъ на историческій источникъ. Говоря о священномъ писаніи и объ изложенныхъ тамъ таинствахъ вѣры, Петрарка обращается съ такой рѣчью къ представителямъ древней философіи и литературы. „Сюда, прошу васъ, направьте ваши просвѣщенные умы, Платонъ, Аристотель, Пифагоръ, и вслушайтесь: здѣсь скрывается не смѣшное круговращеніе душъ, не пустая метемпсихоза, но иная болѣе великая тайна истиннаго спасенія. Слушай и ты, Варронъ, старательнѣйшій изъ людей и усерднѣйшій изслѣдователь тайныхъ вопросовъ: здѣсь описываются не басни о толпѣ (turba et fallaciae) твоихъ боговъ, но святая истина (veritas pietasque) о единомъ Богѣ. Подойдите и вы, Цицеронъ и Демосѣенъ; здѣсь разсматривается дѣло не рыночное (forensis), но небесное, и вы узнаете, какую силу имѣетъ геній, какую краснорѣчіе, какую истина. Мысленно присутствуйте и вы, Гомеръ и Виргилій: здѣсь говорится не о греческихъ царяхъ, не о римскихъ полководцахъ и императорахъ и не о ложномъ правителѣ верховнаго Олимпа Юпитерѣ, но объ истинномъ царѣ неба Христѣ“²⁾.

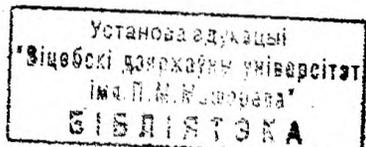
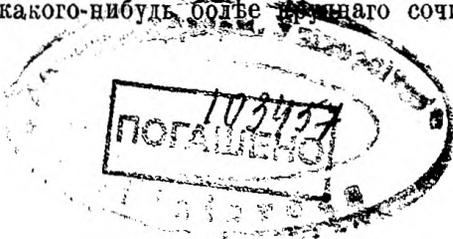
Послѣдній философскій трактатъ Петрарки посвященъ вопросу о томъ, въ чемъ заключается истинная мудрость (*De Vera Sapientia*). Это небольшое сочиненіе, которое Булэ называетъ „замѣчательною сатирою на тогдашнюю ученость“³⁾, раздѣлено на двѣ части и написано въ формѣ діалога, гдѣ собесѣдниками являются „Ораторъ“ и „Простецъ“ (idiotia). Благодаря незначительности объема⁴⁾, оно не угнетаетъ болтливостью; кромѣ того, авторъ дѣ-

¹⁾ Ibid. p. 312.

²⁾ Ibid. p. 307. Ср. также слѣдующее мѣсто sed an forsitan pagano ritu religiosius insanitur, an melius Herculi creditur furioso, an Marti homicidae an Jovi adultero et incesto, an Mercurio proditori. Ibid. p. 301.

³⁾ Buhle l. c., p. 110.

⁴⁾ Кертингъ считаетъ даже оба діалога отрывками, которые должны были войти въ составъ какого-нибудь болѣе значащаго сочиненія, p. 589.

лаетъ даже попытки нѣсколько оживить діалогъ ¹⁾. Что касается до содержанія, то оно не имѣетъ самостоятельной литературной и философской цѣны уже потому, что оно въ главной своей части заимствовано у блаж. Августина ²⁾, отчасти же повторяетъ иногда буквально *De Remediis* ³⁾. Но неоригинальность сочиненія не уничтожаетъ его важности, какъ историческаго источника. Петрарка заимствовалъ то, что считалъ вѣрнымъ, и, опираясь на авторитетъ, съ большей рѣшительностью излагалъ свои убѣжденія. Поэтому *De Vera Sapientia* является самымъ главнымъ источникомъ для его философскихъ воззрѣній.

По мысли Петрарки, истинная обитель мудрости есть Богъ, который непознаваемъ ⁴⁾; поэтому, человекъ долженъ стремиться къ самопознанію, результатомъ котораго будетъ смиреніе и вообще добродѣтельная жизнь. Средневѣковая философія не есть мудрость уже потому, что она дается легко и ведетъ къ гордости. „Хотя бы ты и зналъ“, говоритъ Петрарка, „все тайное: ширину земли (*lata terrae*), глубину моря, высоту неба, но если ты себя не знаешь, то ты будешь похожъ на человекъ, воздвигающаго зданіе безъ фундамента: не постройку ты дѣлаешь, а разрушеніе. Тотъ не мудрецъ, кто себя не знаетъ, ибо въ достиженіи своего спасенія нѣтъ никого родственнѣе и ближе самого себя... Кромѣ того, есть люди, до того глупые или гордые, что, не зная самихъ себя, думаютъ достигнуть знанія божественныхъ предметовъ; но какимъ образомъ можетъ по-

Діалогъ напечатанъ въ собраніи сочиненій. Рукопись въ *Magliabecchiana* Cl. VII, № 1040.

¹⁾ Первый діалогъ происходитъ на римскомъ форумѣ; но въ концѣ его ораторъ говоритъ: *contrahamus nos in hanc tonsoris proximam quaeso apothecam, et sedentes quietius loquamur*, и дѣйствіе переносится къ парюльнику.

²⁾ Какъ это доказалъ Feuerlein (*Historische Zeitschrift* V. 38 p. 213).

³⁾ Заимствованія указаны у Кёртинга, p. 587, пр. 2.

⁴⁾ Петрарка такъ опредѣляетъ истинную мудрость. *Sapientia habitat in altissimis, clamat in plateis* (p. 327) и далѣе: *sapientia, quam cum omnes homines natura scire desiderant, cum tanto mentis affectu quaerunt, non aliter scitur, quam quod ipsa est omni scientia altior et inscibilis et omni loquella ineffabilis, et omni intellectu intelligibilis, et omni mensura immensurabilis, et omni proportione improportionabilis, et omni imaginatione unimaginabilis, et omni sensatione insensibilis, et omni visu invisibilis, et omni apprehensione inapprehensibilis, et omni affirmatione inaffirmabilis, et omni affirmatione innegabilis, et omni opinione inopinabilis. Et quia omni eloquio est inexpressibilis, harum locutionum non potest finis cogitari, cum omni cogitatione sit incogitabilis, ipsa gloriosa atque aeterna sapientia, per quam, et qua et in qua omnia etc.* Opera, p. 328.

знать Бога тотъ, который уличается въ незнаніи самого себя. Не знающему себя самого нельзя познать Бога, а изъ самопознанія происходитъ смиреніе и страхъ Божій“¹⁾. Такимъ образомъ философія сводится къ морали, и ея истинность познается изъ нравственности философа. Петрарка не признаетъ мудрецомъ даже Соломона, потому что онъ имѣлъ много женъ и допускалъ языческій культъ²⁾, и рѣзко и зло смѣется надъ современными ему философами. „Наше время счастливѣе древности“, говоритъ онъ, „такъ какъ теперь насчитываютъ не одного, не двухъ, не семь мудрецовъ, но въ каждомъ городѣ ихъ, какъ скотовъ, цѣлыя стада. И не удивительно, что ихъ много, потому что ихъ дѣлаютъ такъ легко. Въ храмъ доктора приходитъ глухой юноша, чтобы получить знаки мудрости (*insignia*); его учителя по любви или по заблужденію прославляютъ его; самъ онъ чванится (*tumet*), толпа безмолвствуетъ (*stupet*), друзья и знакомые аплодируютъ. Затѣмъ по приказанію, онъ входитъ на кафедру и, смотря на всѣхъ съ высоты, бормочетъ что-то непонятное. Тогда старшіе наперерывъ превозносятъ его похвалами, какъ будто онъ сказалъ что-то божественное: между тѣмъ звонятъ колокола, звучатъ трубы, летаютъ кольца (*volant annuli*), раздаются поцѣлуи и на макушку возлагается круглый магистерскій беретъ (*biretus*)³⁾. По совершеніи этого, съ кафедры сходитъ мудрецомъ тотъ, кто взошелъ на нее дуракомъ—удивительное превращеніе, неизвѣстное даже Овидію“⁴⁾.

Историки литературы, влючая сюда и Гаспари, обходятъ молчаніемъ этотъ трактатъ Петрарки; то же самое дѣлаетъ и Фогтъ въ своей книгѣ о Возрожденіи. Совершенно иначе относятся къ нему философы. Маджоло, мимоходомъ останавливаясь на другихъ философскихъ трактатахъ Петрарки, даетъ подробный анализъ этого діалога⁵⁾. Бонифасъ считаетъ *De Vera Sapientia* компендіумомъ всѣхъ философскихъ возрѣній перваго гуманиста⁶⁾. Біографы

¹⁾ Ibid. p. 325. Что истинная мудрость есть смиреніе, см. p. 323. Тамъ же о превосходствѣ природной мудрости надъ книжной и объ отношеніи къ авторитету. Определеніе мудрости, какъ практической добродѣтели, см. слова *idiotae* p. 325.

²⁾ Ibid. p. 324.

³⁾ Въ изданіи 1496 года *bonnetus*.

⁴⁾ Op. p. 324. Это мѣсто заимствовано изъ *De Remediis*.

⁵⁾ *Essai*, p. 25 — 65. Анализъ этотъ представляетъ собою въ сущности простой пересказъ діалога съ нѣкоторыми философскими комментаріями.

⁶⁾ *In his praeterea propriae Petrarchae doctrinae rite explicatae atque unum in corpus coalitae comprehendere licet. De Petrarca philosopho* p. 35.

Петрарки не оцѣнили важности этого произведенія: всѣ они обходятъ его молчаніемъ; исключеніе составляетъ одинъ Кёртингъ, который, упоминая о трактатѣ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ и совершенно голословно отрицаетъ за нимъ всякое значеніе ¹⁾. Наконецъ, въ недавнее время *И. Ибингеръ* сдѣлалъ попытку доказать, что это произведеніе не принадлежитъ Петраркѣ ²⁾. Уже Булэ замѣтилъ, что сочиненіе извѣстнаго кардинала Николая фонъ-Куесъ (*Nicolaus Cusanus*) *De Sapientia* представляетъ много сходства съ *De Vera Sapientia* Петрарки, и видѣлъ въ трактатѣ нѣмецкаго кардинала подражаніе итальянскому гуманисту ³⁾. Ибингеръ, не упомянувъ о своемъ предшественникѣ, повторилъ сравненіе и пришелъ къ противоположному выводу. „Петрарка не былъ авторомъ обоихъ діалоговъ „Объ истинной мудрости“, которые ему приписываются уже нѣсколько столѣтій“, говоритъ онъ; „ему принадлежитъ только маленькій отрывокъ, взятый изъ подлиннаго сочиненія этого гуманиста, изъ „Средствъ противъ счастья и несчастья“; напротивъ, несравненно большая часть обоихъ діалоговъ составляетъ духовное достояніе нѣмца Николая Кузануса“ ⁴⁾. Чрезвычайно близкое сходство между обоими трактатами и наличность подложныхъ произведеній Петрарки даетъ возможность заподозрить подлинность и этого діалога; тѣмъ не менѣе выводъ Ибингера не имѣетъ подъ собою твердыхъ основаній.

Аргументы Ибингера распадаются на двѣ категоріи: одни заимствованы изъ литературной исторіи памятника, другіе изъ его содержанія. Первые изъ нихъ сводятся къ тому, что существуетъ одно только отдѣльное изданіе діалоговъ „Объ истинной мудрости“, которое появилось въ 1604 году, а рукописи этого трактата совершенно неизвѣстны, что діалоги впервые напечатаны только въ первомъ собраніи сочиненій Петрарки, которое появилось въ 1496 году ⁵⁾, тогда какъ діалоги Кузануса написаны въ 1450 году и изданы въ

¹⁾ По его словамъ, первая часть представляетъ собою „das an sich herzlich unbedeutende Gespräch“, а „der zweite Dialog ist inhaltlich und formal noch weit unbedeutender, als der erste“ (l. c. p. 588).

²⁾ *Johannes Uebinger, Die angeblichen Dialoge Petrarca's über die wahre Weisheit* (въ Geiger's Vierteljahrschrift für Kultur und Litteratur der Renaissance. II. B. p. 57).

³⁾ Buhle, l. c. p. 351.

⁴⁾ Uebinger, p. 70.

⁵⁾ Ibid. p. 57. Годъ перваго изданія Opera omnia показанъ невѣрно. Они появились въ 1494. См. Ferrazzi, p. 763.

1478 году ¹⁾. Отсутствие отдѣльныхъ изданій ничего не доказываетъ, и самое важное значеніе изъ всѣхъ аргументовъ Ибингера могло бы имѣть отсутствіе рукописи трактата. Но еще въ 1879 году А. *Stickney* напечаталъ въ журналѣ *Romania* нѣсколько французскихъ пѣсенъ по кодексу библиотеки Strozzi-Magliabecchiana, въ которомъ, по его словамъ, находятся также и діалоги Петрарки „Объ истинной мудрости“ и который онъ относитъ къ началу XV вѣка. Этотъ фактъ окончательно рѣшалъ бы вопросъ, если бы *Stickney* сообщилъ содержаніе этой части флорентійской рукописи; но онъ передаетъ только заглавіе, изъ котораго видно, что въ кодексѣ находится не оригиналъ діалоговъ, а ихъ итальянскій переводъ ²⁾.

Ибингеръ не ищетъ подтвержденія своего положенія въ перепискѣ Петрарки и у его раннихъ біографовъ, хотя съ перваго взгляда тамъ можно найти аргументы въ защиту его гипотезы. Петрарка не упоминаетъ объ этомъ трактатѣ, и его біографы, перечисляя его произведенія, точно такъ же обходятъ молчаніемъ *De Vera Sapientia*. Но и изъ этого факта нельзя вывести заключенія о подложности діалоговъ. Сочиненіе производитъ впечатлѣніе не вполне оконченной работы ³⁾ и, судя по тону, относится къ послѣднимъ годамъ жизни автора. Съ другой стороны, ни одинъ изъ раннихъ біографовъ Петрарки не даетъ полного перечня его сочиненій, а нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ, что, кромѣ названныхъ произведеній, Петрарка написалъ много другихъ ⁴⁾. Такимъ образомъ изъ литературной исторіи памятника съ большею вѣроятностью можно сдѣлать заключеніе о его подлинности, нежели признать его подложнымъ.

Еще слабѣе аргументація Ибингера, заимствованная изъ содержанія памятника. Авторъ совершенно игнорируетъ сходство въ діалогическихъ приемахъ этого трактата съ *De Remediis*, тождественность выраженныхъ здѣсь взглядовъ Петрарки съ тѣми, которые встрѣчаются въ другихъ его сочиненіяхъ. Его аргументы исчерпываются однимъ замѣчаніемъ. Уже Кёртингъ отмѣтилъ близкое сходство, иногда даже буквальное тождество довольно значительнаго

¹⁾ Ibid. p. 63.

²⁾ *Romania* VIII, p. 73. Рукопись обозначена въ каталогѣ Cl. VII, № 1040. Диалоги озаглавлены *Della vera sapientia*.

³⁾ Ср. Körtling, p. 589.

⁴⁾ Напр., Ф. Виллани у Galletti, p. 14; Манетти ib. p. 88; Бандици у Mehus Vita Ambr. Traversarii, p. CXCVI.

отрывка изъ перваго діалога съ однимъ мѣстомъ изъ *De Remediis* ¹⁾. Ибингеръ, исходя изъ того предположенія, что это единственная вставка изъ Петрарки въ трактатъ Кузануса, утверждаетъ, что она стоитъ въ противорѣчїи съ остальнымъ текстомъ. Въ текстѣ идетъ рѣчь о правильномъ пути къ достиженію истиннаго знанія: вставка доказываетъ его недостижимость ²⁾; въ вставкѣ говорится „о мудрости въ смыслѣ совершеннаго знанія“, въ текстѣ— „о житейской мудрости“ ³⁾. Если бы діалоги дѣйствительно заключали въ себѣ такое противорѣчїе, то и это было бы не рѣдкость въ произведеніяхъ Петрарки. Но на этотъ разъ никакого противорѣчїя и нѣтъ въ трактатѣ. Въ началѣ того мѣста, которое Ибингеръ считаетъ вставкой, находится слѣдующій разговоръ.

„*Ораторъ*. Все-таки я достигъ мудрости научными занятіями и чтеніемъ книгъ.

„*Простецъ*. Великое дѣло, если бы мудрость была истинная и нераздѣльная съ добродѣтелью. Повѣрь мнѣ, если бы ты былъ истиннымъ мудрецомъ, то никогда не сказалъ бы этого. Мудрецъ тотъ, кто понимаетъ, сколь многого ему недостаетъ, и поэтому не хвастается, а вздыхаетъ“.—Эта мысль, что истинная мудрость заключается въ самопознаніи и добродѣтели, красной нитью проходитъ не только черезъ весь трактатъ, но и черезъ другія произведенія Петрарки, что можетъ служить только доказательствомъ подлинности заподозрѣнныхъ діалоговъ ⁴⁾.

Какъ философскія произведенія, трактаты Петрарки не выдержатъ и самой снисходительной критики: въ нихъ нѣтъ не только цѣльной системы, но и логической послѣдовательности. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ огромную историческую важность и прежде всего въ исторіи новой философіи. Въ нихъ впервые философская мысль отрывается отъ богословской почвы и въ самопознаніи и вообще въ изученіи человѣка старается найти себѣ новую опору. Но разрывъ со старымъ происходитъ не во имя классической философіи, какъ обыкновенно утверждаютъ. Петрарка идетъ гораздо дальше: онъ

¹⁾ См. Körting, p. 587, пр. 2.

²⁾ Kaum einer oder sozusagen keiner kann die Weisheit erlangen. Uebinger, p. 60.

³⁾ Ibid. p. 62.

⁴⁾ Сравненіе трактата Петрарки съ сочиненіемъ Nicolai Cusani съ цѣлью указать ихъ разницу, сдѣлалъ *Di Giovanni* въ своей статьѣ *Le prose morali e filosofiche di Fr. Petrarca*, которая мнѣ извѣстна только по выдержкамъ у Ferrazzi, p. 781—782.

отрицаетъ всякую метафизику и сводитъ философію на мораль. Эта точка зрѣнія сдѣлалась, какъ мы увидимъ ниже, господствующею у итальянскихъ гуманистовъ до половины XV вѣка. Но секуляризація философіи происходитъ на религіозной почвѣ: Петрарка отрицаетъ схоластику и проповѣдуетъ изученіе чловѣка во имя религіозной морали, ради спасенія души. Въ нападкахъ на средневѣковое богословіе онъ ближе къ мистикамъ, чѣмъ къ своимъ собственнымъ послѣдователямъ XV вѣка, хотя въ то же время онъ выдвигаетъ древнихъ, которые ближе къ его идеалу. Петрарка является такимъ образомъ связующимъ звеномъ философскаго процесса двухъ историческихъ эпохъ. Еще болѣе важное значеніе имѣютъ эти трактаты въ исторіи гуманистическаго движенія вообще. Выше мы отмѣтили отдѣльные взгляды Петрарки, которые составляютъ характерные признаки Возрожденія; но особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ черты его трактатовъ, составляющія, по нашему мнѣнію, ключъ къ пониманію всего движенія: это *индивидуализмъ* и *отношеніе къ древности*. Индивидуализмъ вызвалъ появленіе всѣхъ философскихъ трактатовъ Петрарки и проявляется въ нихъ весьма разнообразно. Въ *De Remediis* имъ объясняется необычайная внимательность ко всѣмъ даже самымъ мелкимъ сторонамъ жизни; *De Vita Solitaria* настоящая проповѣдь индивидуализма; то же настроеніе обнаруживается въ оппозиціи средневѣковой теологіи во имя самопознанія въ двухъ остальныхъ трактатахъ. Индивидуализмъ опредѣляетъ и отношеніе трактатовъ къ древности. Петрарка любитъ классическихъ авторовъ, охотно цитируетъ ихъ мнѣнія, согласныя съ его собственными взглядами, но онъ далекъ отъ безусловнаго преклоненія передъ ихъ авторитетомъ. Приведенное нами выше обращеніе къ классикамъ въ трактатѣ *De Otio Religioso* показываетъ, что критическое отношеніе Петрарки распространялось на всю доступную ему литературу обоихъ предшествующихъ періодовъ.

II.

Ивективы Петрарки. *De Ignorantia* и отношеніе къ этому сочиненію новыхъ изслѣдователей. Значеніе ивективъ противъ врача и противъ французскаго прелата. Полемика Петрарки съ „высокопоставленнымъ“ французомъ.

Философскіе трактаты Петрарки, взятые въ цѣломъ, даютъ въ общихъ чертахъ все его міросозерцаніе; но трудность заключается въ томъ, чтобы его найти. Трактаты или написаны на шаблонную

тому, или, за исключеніемъ послѣдняго, затрогиваютъ сравнительно второстепенные вопросы; поэтому, чтобы получить отвѣтъ на самые существенные пункты, приходится отыскивать среди массы ненужностей отдѣльныя тирады, даже отдѣльныя фразы, сопоставлять выдержки изъ разныхъ трактатовъ, прислушиваться къ случайнымъ выраженіямъ, потому что Петрарка мимоходомъ высказываетъ иногда свои основныя положенія, не придавая имъ особеннаго значенія. Вслѣдствіе этого другія сочиненія Петрарки, являясь комментариемъ къ его философскимъ трактатамъ или дальнѣйшимъ развитіемъ находящихся тамъ общихъ положеній, получаютъ особую важность. Такимъ дополненіемъ могутъ служить его полемическія произведенія и прежде всего *De sui ipsius et multorum ignorantia* ¹⁾. Сочиненіе „о своемъ и чужомъ невѣжествѣ“ направлено противъ авероистовъ, которые отрицали право Петрарки на славу на томъ основаніи, что онъ обладаетъ только краснорѣчіемъ, которое само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны. Въ своемъ отвѣтѣ Петрарка проводитъ ту же самую мысль, что и въ трактатѣ „Объ истинной мудрости“, но здѣсь она аргументируется полнѣе, обстоятельнѣе и вообще нѣсколько иначе. Прежде всего Петрарка доказываетъ, что краснорѣчіе пользовалось уваженіемъ и со стороны древнихъ и со стороны христіанскихъ философовъ ²⁾ и что знаніе, которымъ такъ вичатся его противники, не ведетъ къ спасенію и поэтому оно есть въ сущности невѣжество ³⁾. Затѣмъ онъ обрушивается на своихъ противниковъ за ихъ невѣріе и съ лирическимъ паѳосомъ исповѣдуетъ свои религіозныя чувства. Древности абсолютной цѣны онъ

¹⁾ О времени составленія этого трактата (1367 — 68 года) см. Körting, p. 418 и Voigt I, p. 93. О его изданіяхъ Кёртингъ говоритъ: abgedruckt ist die Schrift natürlich in allen Gesamtausgaben (ib.); но въ базельскомъ 1496 года его нѣтъ. Итальянскій переводъ Fracassetti вышелъ въ 1858 г. Автографъ Cod. Vaticanus № 3359. Baldelli, p. 224—25. Ср. замѣтку Renier въ Giorn. Stor. VII, p. 464 и de Nolhac'a въ Revue critique T. XXI (1886), p. 469.

²⁾ Opera, p. 1037, 1047 и passim.

³⁾ Они знаютъ multa de belluis, deque avibus ac piscibus etc. ut adversi coeunt elephantibus bienniumque uterum tument, о феникскѣ, объ Аримацкѣ и грифахъ и т. п. quae quidem vel magna ex parte falsa sunt, quod in multis horum similibus, ubi in nostrum orbem dilata sunt, patuit, vel certe ipsis auctoribus incomperta, sed propter absentiam vel credita promptius vel ficta licentius. Quae denique quamvis vera essent nihil penitus ad beatam vitam; nam quid oro naturas belluarum et volucrum et piscium et serpentum noscere profuerit et naturam hominum ad quid sumus, unde et quo pergimus vel nescire vel spernere. Ibid. p. 1038.

не придаетъ: „гораздо счастливѣе одинъ изъ малыхъ сихъ, которые въ Тебя вѣруютъ“, говоритъ онъ, „чѣмъ Платонъ, чѣмъ Аристотель, чѣмъ Варронъ, чѣмъ Цицеронъ, которые со всѣми своими науками Тебя не знали“ ¹⁾. Античная литература и философія имѣютъ цѣну въ глазахъ Петрарки только потому, что она ведетъ къ истинному богопознанію. „Не въ обиду будь сказано древнимъ и прежде всего Цицерону“, говоритъ онъ, „я полагалъ бы, что не должно было писать все то, что этотъ великій мужъ писалъ съ такимъ стараніемъ, кромѣ какъ для того, чтобы прочитанные и познанные пустяки о богахъ возбуждали въ душѣ читающихъ любовь къ истинной божественности и къ единому Богу, презрѣніе къ чужимъ предразсудкамъ и уваженіе къ нашей религіи“ ²⁾. Петрарка съ усердіемъ христіанскаго апологета первыхъ вѣковъ собираетъ все, что можно сказать дурного объ языческихъ философахъ ³⁾, и отчасти выдѣляетъ изъ нихъ Платона и Цицерона, потому что они ближе прочихъ стоятъ къ христіанству; поэтому же предпочитаетъ онъ Платона Аристотелю, какъ это дѣлали многіе языческіе и христіанскіе писатели ⁴⁾. Остановившаяся на Аристотелѣ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на его этику, упрекаетъ ее за отсутствіе поучительности и предъявляетъ такое требованіе настоящей философіи: „тѣ суть истинные нравственные философы и наилучшіе учителя добродѣтели, первое и послѣднее стремленіе которыхъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать слушателя и читателя хорошимъ человѣкомъ, и которые не только учатъ тому, что есть добродѣтель или порокъ, но и внушаютъ любовь и стремленіе къ добрымъ дѣламъ и ненависть и отвращеніе къ дурнымъ“ ⁵⁾. Если съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ упрека Аристотель, то его средневѣковые послѣдователи, „болтливые идіоты“, могутъ внушать только презрѣніе или ненависть ⁶⁾. Итакъ, въ сочиненіи „О невѣжествѣ“ изложены болѣе обстоятельно, чѣмъ въ философскихъ трактатахъ,

¹⁾ Ibid. p. 1039, 1044 et passim.

²⁾ Ibid. p. 1047—48.

³⁾ Ibid. 1018 и въ особенности см. p. 1058—59.

⁴⁾ Ibid. p. 1046, 1048 и 1053.

⁵⁾ Ibid. p. 1052.

⁶⁾ *Hos garrulos idiotas, qui falso litterarum nomine turgidi dici amant, quod non sunt, aut miserebor, aut odero, aut ridebo denique inanibus atque incognitis altercantes, neque illis jactantia, nec tumorem pestiferum neque omnino aliquid non ipsos certe divitias invadebo, nunquam ad se redeuntibus saepe foras effusis, seque extra quaerentibus.* Ibid. p. 1058.

отношенія Петрарки къ древней и средневѣковой наукѣ и философіи, а также его этическія и отчасти религіозныя воззрѣнія. Но эта инвектива имѣетъ, кромѣ того, и автобіографическое значеніе.

Фогтъ придаетъ этому полемическому трактату огромную автобіографическую важность: въ немъ видитъ онъ главное проявленіе неискренности и самомнѣнія Петрарки; по его мнѣнію, смиреніе, которое выставляетъ на первый планъ авторъ, совсѣмъ напускное ¹⁾; презрѣніе аверроистовъ къ религіи и неуваженіе къ нему самому „почти“ одинаковыя преступленія въ его глазахъ; Петрарка самое происхожденіе этой секты „почти“ приписываетъ зависти къ своей славѣ; наконецъ, самая его религіозность возбуждена антагонизмомъ противъ аверроистовъ, для изображенія которыхъ онъ потому не жалѣетъ темныхъ красокъ, что желаетъ выставить свою удивительную смѣлость и оригинальность“ ²⁾. Въ этомъ сочиненіи онъ видитъ даже поворотъ, заставившій Петрарку позже противоположать себя языческимъ философамъ ³⁾. Всѣ эти выводы носятъ субъективный характеръ, основаны не на подлинныхъ словахъ Петрарки, а выведены изъ общаго тона сочиненія, какимъ онъ показался изслѣдователю. Противъ всѣхъ ихъ можно сдѣлать одно общее возраженіе: всѣ идеи, выраженныя въ этомъ сочиненіи, повторяются въ письмахъ и другихъ трактатахъ, поэтому и безъ постороннихъ, чисто личныхъ мотивовъ Петрарка сказалъ бы то же самое. Кромѣ того, набожность и религіозное чувство не представляли ничего новаго и оригинальнаго для той эпохи точно такъ же, какъ и обвиненія аверроистовъ, которыхъ за безбожіе не разъ сожигала средневѣковая церковь. Наконецъ, религіозное чувство этого трактата не представляетъ никакого поворота въ литературной дѣятельности Петрарки, потому что оно встрѣчается во всѣхъ его сочиненіяхъ, не исключая и *Canzoniere*. Но изъ точнаго смысла его подлинныхъ словъ можно вывести нѣсколько важныхъ біографическихъ данныхъ и, прежде всего, его страстную любовь къ красавицѣю и преимущественно ради этого къ Цицерону ⁴⁾, а также большой интересъ къ мнѣнію потомства, на окончательный судъ котораго онъ предоставляетъ свое дѣло въ концѣ инвективы.

Изъ новыхъ изслѣдователей оцѣнку этой инвективы даютъ Мад-

¹⁾ Это повторяетъ и Кертингъ, р. 418.

²⁾ Voigt I, р. 94—96.

³⁾ Ibid. р. 95.

⁴⁾ Opera, р. 1037, 1046, 1054 и passim.

жоло и Ренанъ ¹⁾. „Въ этомъ трактатѣ, говоритъ Маджоло, можетъ быть, самымъ важнымъ историческомъ памятникомъ, Петрарка ясно опредѣляетъ философское положеніе Италіи въ XIV вѣкѣ; онъ высказывается относительно великаго вопроса о превосходствѣ между Аристотелемъ и Платономъ“ ²⁾. Съ такой характеристикой инвективы едва-ли можно согласиться. Маджоло считаетъ Петрарку родоначальникомъ того философскаго спора, который возникъ столѣтіемъ позже, не обращая вниманія на огромную разницу въ настроеніи между первымъ гуманистомъ и академиками второй половины XV вѣка. Ставя Платона выше Аристотеля, Петрарка и не думаетъ отрицать значеніе послѣдняго, совсѣмъ не преклоняется передъ первымъ и видитъ его преимущество только въ томъ, что его философія кажется ему болѣе согласной съ христіанской. Первый гуманистъ является въ этомъ трактатѣ человѣкомъ искренно вѣрующимъ и вполне религіознымъ и съ этой точки зрѣнія преимущественно нападаетъ на аверроистовъ. Иначе думаетъ Ренанъ. Исходя изъ того факта, что Петрарка напалъ на папство, Ренанъ утверждаетъ, что не „узкая ортодоксальность“ вызвала его оппозицію противъ безбожія послѣдователей Аверроэса. „Этотъ тосканецъ, полный такта и тонкости, не могъ переносить грубаго и педантичнаго тона венеціанскаго матеріализма. Многіе тонкіе умы предпочитаютъ быть вѣрующими, чѣмъ атеистами (*incrédules*) дурного тона“ ³⁾. Можетъ быть, такое настроеніе и не было чуждо Петраркѣ; но вѣтъ рѣшительно никакого основанія заподозрить искренность его религіознаго чувства, которое обнаруживается на каждой страницѣ его инвективы.

Гораздо болѣе подтверждаетъ суетность и раздражительность Петрарки та его инвектива, которая направлена противъ врача (*Contra Medicum quendam invectivarum libri IV*) ⁴⁾. Всѣ четыре книги наполнены бранью противъ какого-то медика, который осмѣлился поставить свою науку выше реторики и поэзіи; но среди личныхъ выходокъ можно найти два-три мѣста, бросающихъ нѣко-

¹⁾ Кромѣ Фогта и Кёртинга, на инвективѣ останавливаются Ginguené и Vopifas; но первый даетъ только обстоятельное изложеніе ея содержанія (I. c. p. 464 и слѣд.); замѣчанія второго (I. c. p. 32—34) не представляютъ никакого интереса.

²⁾ Maggiol, *Essai* p. 93.

³⁾ Renan, о Averroès, p. 337—338.

⁴⁾ Она напечатана въ общихъ собраніяхъ его сочиненій. Объ ея хронологіи (1452 или 1453, или 1455) см. Rossetti, p. 38 и Baldelli, p. 313. Лучшая рукопись Cod. Vaticanus № 3355, а также Laurentiana Cod. 8. Plut. XXVI.

торый свѣтъ на отношеніе Петрарки къ средневѣковой наукѣ и къ различнымъ ея видамъ. Такъ Петрарка не отрицаетъ медицины не только древней, но и средневѣковой: онъ возстаетъ только противъ дурныхъ врачей. „Я вѣрю, говоритъ онъ, что Гиппократъ былъ человѣкъ ученѣйшій, думаю, что Галенъ много прибавилъ къ первымъ изобрѣтеніямъ, не унижаю знаменитыхъ людей... Ты не услышишь, чтобы я говорилъ что-нибудь вообще противъ медицины и противъ настоящихъ медиковъ, я только противъ рѣзачевъ (*dissectores*) и противниковъ Гиппократа“ ¹⁾. Но, признавая средневѣковыя науки, онъ даетъ имъ классификацію въ совершенно гуманистическомъ духѣ. Предпочтеніе, которое дѣлаетъ его противникъ медицинѣ передъ риторикой, приводитъ его въ крайнее негодованіе. „На что я не буду считать тебя способнымъ“, восклицаетъ онъ, „если ты съ неслыханнымъ кощунствомъ (*sacrilegio inaudito*) подчиняешь реторику медицинѣ, госпожу служанкѣ, свободное искусство механическому“ ²⁾. Точно такъ же несравненно выше медицины стоитъ поэзія, потому что она „заботится о душѣ и добродѣтеляхъ“ ³⁾; если первая практически и полезнѣе послѣдней, то это ничего не доказываетъ: „оселъ ли необходимѣ льва, курица—орлицы; значить, они благороднѣе?“ спрашиваетъ Петрарка ⁴⁾. Наконецъ, въ отвѣтъ на обвиненія медика, онъ еще разъ объясняетъ смыслъ своей уединенной жизни, защищаетъ ее съ точки зрѣнія правъ личности и даже государственной жизни ⁵⁾, и изъ этихъ объясненій видно, какая огромная разница между отшельничествомъ Петрарки и аскетовъ.

Еще болѣе значенія имѣетъ третья инвектива Петрарки, направленная противъ одного французскаго прелата. Полемика возникла по поводу поздравительнаго письма Петрарки къ Урбану V по поводу его возвращенія въ Римъ въ 1367 году ⁶⁾. Одинъ французскій прелатъ, недовольный этимъ переселеніемъ, выразилъ свое негодованіе инвективой противъ Петрарки, какъ защитника

¹⁾ Opera p. 1090, 91.

²⁾ Ibid. p. 1087.

³⁾ De omni enim materia loqui vultis, vestrae professionis oblitii, quae est, si nescis, urinas, et quae nominare pudor prohibet, contemplari, nec pudet insultare his (poëtis), quibus virtutum atque animi cura est. Opera, p. 1091.

⁴⁾ Ibid. p. 1101.

⁵⁾ Ibid. p. 1110, 1111, 1115.

⁶⁾ Epist. senil. IX, 1.

переселенія ¹⁾. Инвектива написана въ формѣ гомиліи на евангельскій текстъ „человѣкъ нѣкій иде изъ Иерусалима въ Иерихонъ и впаде въ руки разбойниковъ“ (Лук. 10, 30), при чемъ авторъ сравниваетъ Иерусалимъ съ Авиньономъ, Иерихонъ съ Римомъ и въ переселеніи видитъ подчиненіе разбойникамъ. Для доказательства этой мысли онъ ссылается на естественныя богатства Галліи, на ея славное прошлое, на заслуги Парижскаго университета, гальскихъ и французскихъ ученыхъ, на отзывы о Франціи древнихъ и новыхъ писателей, что доказываетъ невозможность считать Галлію странною варваровъ. Съ другой стороны, онъ собралъ все, что говоритъ противъ Италіи, начиная съ Катилины и Брута и кончая современнымъ политическимъ положеніемъ. Лично Петрарку анонимъ упрекаетъ главнымъ образомъ за то, что тотъ осмѣливается давать папѣ дурныя совѣты и нападать на пороки кардиналовъ, и не только воздерживается отъ рѣзкихъ личныхъ нападокъ, но и говорить о немъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ ²⁾. Содержаніемъ этой инвективы опредѣляется и отвѣтъ Петрарки, написанный въ 1372 ³⁾. Въ своей „Апологіи“ онъ не только защищаетъ то, на что пападаетъ его противникъ, но и дѣлаетъ рѣзкія нападенія на Авиньонъ, Францію и на личность ихъ защитника. Тонъ Петрарки несравненно

¹⁾ *Galli cujusdam anonymi in Franciscum Petrarcham invectiva*. Opera 1581, p. 1060 — 68. Время составленія этой инвективы Петрарка въ своемъ отвѣтѣ опредѣляетъ такъ: *Epistola mea... ante hoc, nisi fallor, quadriennium, missa erat* (p. 1068). Körtling объявляетъ это „sicherlich nur eine Fiction Petrarca's“ на томъ основаніи, что въ 1371 или 72 году инвектива не имѣла бы смысла, такъ какъ Урбанъ V уже въ 1370 г. вернулся въ Авиньонъ, а намѣреніе Григорія XI вернуться въ Римъ относится только къ 1374 году; кромѣ того, инвектива macht ganz den Eindruck, noch unter Urban's V Pontificate geschrieben worden zu sein. На столь шаткомъ основаніи Körtling отвергаетъ дату Петрарки и относитъ инвективу къ 1368. *Petrarca's Leben*, p. 388.

²⁾ Онъ такъ объясняетъ причину появленія своей инвективы, опредѣляя въ то же время ея существенное содержаніе. *Meum calamum ab hujusmodi verbis avertissem, nisi me illius viri literati et periti, male tamen, ut credo, advertentis, verborum injuria deduxisset, qui de exitu Ecclesiae de partibus Galliae locuturus, vocis concordantiam turpiter mutando et verbis imperitis involutus, sententiam turpius inchoavit per haec verba: in exitu Israel de Aegypto, domus Jacob de populo barbaro*. Opera, p. 1061.

³⁾ *Contra cujusdam Galli anonymi calumnias ad Ugotionem de Thienis Apologia*. Opera 1581, p. 1068 — 1085. Подробное изложеніе содержанія у Körtling'a p. 383 — 402. Хронологія (1371—73) см. Zardo, p. 160—161. О рукописяхъ см. Baldelli p. 225.

болѣе рѣзокъ, нежели его противника, и личное раздраженіе чувствуется въ каждой строчкѣ, что производитъ непріятное впечатлѣніе. Но историческое значеніе обѣихъ инвективъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ нихъ, во-первыхъ, мы имѣемъ первый полный образецъ литературной полемики, которая весьма быстро сдѣлалась обычнымъ явленіемъ. Въ этомъ отношеніи Петрарка является истымъ гуманистомъ: его приемы и тонъ сохранены позднѣйшими гуманистами. Онъ не ограничивается споромъ о фактахъ и идеяхъ, а стремится подорвать умственный и нравственный кредитъ своего противника, называетъ его глупцомъ ¹⁾, „превосходнымъ пьяницей“ (potator egregius) ²⁾ и невѣждой ³⁾, выставляя въ то же время на первый планъ свои знанія и нравственное достоинство ⁴⁾. Кромѣ того, самый фактъ появленія первой инвективы весьма характеренъ. Она была написана въ то время, когда, послѣ неудачной попытки Урбана V переселиться въ Римъ, папы, повидимому, твердо успѣлись въ Авиньонѣ ⁵⁾; тѣмъ не менѣе заинтересованныя лица сочли необходимымъ парализовать впечатлѣніе, произведенное письмами Петрарки къ папамъ о возвращеніи въ Римъ, тѣмъ же самымъ средствомъ, т.-е. обращеніемъ къ публикѣ. Потребность въ опорѣ общественнаго мнѣнія народилась, и ея удовлетвореніе захватили въ свои руки гуманисты.

Что касается до содержанія „Апологии“ Петрарки, то нѣкоторые его пункты имѣютъ значеніе историческаго источника. Сюда относятся воззрѣнія на Римъ ⁶⁾, хорошая характеристика современныхъ французовъ ⁷⁾, пламенный патріотизмъ Петрарки ⁸⁾, его сравненіе греческой и римской литературъ ⁹⁾ и, наконецъ, нѣкоторыя біографическія данныя ¹⁰⁾.

¹⁾ Gallus noster, ut video, nollet esse non barbarus et libenter in coeno, ubi educatus est, residet. Parcendum imbecilitati animi, consuetudine obruti atque assurgere non valenti. Nam et lutum suibus et palus ratiis et tenebrae vespertilionibus gratae sunt, p. 1070.

²⁾ Ibid. p. 1074.

³⁾ Ibid. p. 1082.

⁴⁾ Ibid. p. 1071.

⁵⁾ См. выше p. 201, пр. 6.

⁶⁾ Opera, p. 1069.

⁷⁾ Ibid. и p. 1070.

⁸⁾ Превосходную оцѣнку инвективы съ этой точки зрѣнія можно найти у Zumbini, p. 212 и слѣд.

⁹⁾ Opera, p. 1082.

¹⁰⁾ Тамъ, напр., сообщаетъ онъ о предложеніи ему епископскаго сана.

Въ 1873 году Германъ Мюллеръ издалъ неизвѣстную до тѣхъ перъ инвективу Петрарки противъ одного французскаго кардинала ¹⁾. Новые изслѣдователи, за исключеніемъ Фогта, не обращали на нее вниманія ²⁾, между тѣмъ она представляетъ значительный интересъ для характеристики міровоззрѣнія перваго гуманиста. Какой-то кардиналь, прежній другъ Петрарки, теперь упрекалъ его за невѣжество, утверждалъ, что всѣ его произведенія—плагіатъ изъ древнихъ, и обвинялъ за домогательство церковныхъ мѣстъ и въ особенности за то, что онъ вращается при дворахъ тиранновъ, которые живутъ по́томъ и кровью вдовъ и сиротъ ³⁾. Петрарка отвѣтилъ на эти обвиненія рѣзкими личными нападками на противника и весьма характернымъ оправданіемъ своего поведенія. Нападки представляютъ мало интереса; заслуживаетъ вниманія только отношеніе автора къ сану своего противника. Онъ рѣзко порицаетъ его сословіе, но не отрицаетъ его апостольскаго достоинства ⁴⁾. Гораздо важнѣе оправданія Петрарки. Такъ онъ благодаритъ противника за то, что тотъ порицалъ его въ то время, когда другіе его хвалили: онъ болѣе правъ, чѣмъ почитатели ⁵⁾, и болѣе, чѣмъ они, принесъ пользы автору своей бранью, которая побуждаетъ къ смиренію ⁶⁾. Петрарка готовъ примириться даже съ этимъ обвиненіемъ, потому что не въ знаніи, а

Mihi qui episcopatum nolo quique eum gradum, saepe olim mihi non oblatum modo, sed ingestum semper recusavi. Ibid. p. 1071.

¹⁾ *F. Petrarca's invectiva contra quendam Gallum innominatum, sed in dignitate positum.* (Въ Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik, 1873, p. 569—583). О ней упоминаетъ *Tomassini, Petrarca redivivus. Patavii 1650* p. 30.

²⁾ Voigt (I p. 122—123) удачно дополняетъ инвективу изъ переписки Петрарки, но отказывается опредѣлить противника. Самому обстоятельному біографу Петрарки Кёртину это произведеніе страннымъ образомъ осталось неизвѣстнымъ.

³⁾ *Jactas quidem et saepe iteras, nihil est enim stultitia loquacius, saepe repetis tyrannos, quorum, ut ais, sub ditioe vitam dego, de laboribus inopum viduarumque vivere, quod si tandem concessero commune tamen omnium regnantium crimen erit.* Herm. Müller, p. 573.

⁴⁾ Перечисливъ недостатки своего противника, Петрарка замѣчаетъ: *neve his monstris immunem ipse tuum hunc ordinem blandiaris, qui abs te multo facilius inquinandus fuerit, quam tu ab illo honestandus atque ormandus.* Ibid. p. 572. Ср. p. 578.

⁵⁾ При этомъ Петрарка ловко ввертываетъ брань на противника *saepe casu aliquo vidit stultus unus quod multi non viderant sapientes.* Ibid. p. 573.

⁶⁾ *Illi enim amore ad superbiam ac segnitiam, tu odio ad humilitatem ac diligentiam me impellis.* Ibid.

въ добродѣтели цѣна человѣка ¹⁾. Въ отвѣтъ на второе обвиненіе онъ излагаетъ свои политическія воззрѣнія. Петрарка начинаетъ гордымъ заявленіемъ, что только слабой душѣ опасна обстановка ²⁾, а Платонъ могъ жить съ Діонисіемъ, Сенека съ Нерономъ, Сократъ съ 30 тираннами. Затѣмъ онъ излагаетъ свои отношенія къ сильнымъ міра сего и съ гордостью говоритъ о своей духовной свободѣ ³⁾. Что касается до тиранніи, то, по мнѣнію Петрарки, она господствуетъ повсюду ⁴⁾, а тѣ юные правители, при дворѣ которыхъ онъ живетъ, пока еще чужды тиранническихъ свойствъ ⁵⁾. Кромѣ этого послѣдняго отрывка, представляющаго біографическій интересъ, инвектива имѣетъ чрезвычайно важное значеніе по глубокому политическому пессимизму, которымъ она проникнута, и по чувству сильно развитаго личнаго достоинства.

¹⁾ Ibid. p. 577. По этому поводу Петрарка высказываетъ мысль, которая лежитъ въ основаніи его трактата *De Vera Sapientia*. Ita enim sentio, ut litteras male viventibus nihil prodesse... sic bene viventibus litterarum ignorantiam nil obesse. Ibid.

²⁾ Etsi teneros animos saepe leves causae quatiant, solitas mentes morum contagia non attingunt. Ibid. p. 580.

³⁾ Animo quidem sub nullo sum nisi sub illo qui mihi animam dedit, aut sub aliquo quem valde illi amicum ipse mihi persuaserim, rarum genus... Ita, ut vides, melior pars mei vel est libera vel jucundis atque honestis ex causis libertate carens... pars autem mei altera haec terrestris, terrarum dominis quorum loca incolit subdita sit oportet. Ibid.

⁴⁾ Hi pauci, quibus humanum genus vivere dicitur, non formidolosiores populis quam populi illis sunt. Ita fere nullus est liber, undique servitus est, carcer et laquei nisi fortasse ratio aliquos rerum nodos adjuta coelitus cum virtute discussit. Verte te quocunque terrarum libet, nullus tyrannide locus vacat, ubi enim tyranni desunt tyrannis aut populi atque ita ubi unum evasisse videre in multos incideris, nisi forte miti justoque rege regnatum locum aliquem mihi ostenderis. Quod quum feceris, eo larem illico transferam cumque omnibus sarcinulis commigrabo non me amor patriae, non decor ac nobilitas Italiae retinebit, ibo ad Indos ac Seres et ultimos hominum Paramantes ut hunc locum inveniam et hunc regem sed frustra quaeritur quod nusquam est gratias aetati nostrae, quae cuncta paene paria fecerit, hunc nobis eripuit laborem. Ibid. p. 580—581.

⁵⁾ Rectores patriae non tyranni tamque omnis tyrannici spiritus quam tu aequitatis ac justitiae sunt expertes ita sunt hactenus, quid futuri sunt nescio etc. Ibid. p. 581—582.

III.

Автобіографическія произведенія Петрарки. Его переписка и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. Рѣчи Петрарки и ихъ біографическое значеніе.

Автобіографическія сочиненія Петрарки, „*O презрѣннѣ міра*“ и „*Письмо къ потомкамъ*“ доставляютъ главный матеріалъ для выясненія его индивидуальныхъ особенностей, какъ родоначальника гуманизма, при чемъ первое произведеніе особенно важно для его характеристики, второе — для фактической біографіи.

De contemptu mundi colloquiorum liber, quem secretum suum inscripsit ¹⁾, раздѣлено на три части и написано въ формѣ діалога. Въ введеніи Петрарка рассказываетъ, что ему явилась однажды Истина въ видѣ женщины въ сопровожденіи бл. Августина, которому она поручила побесѣдовать съ авторомъ и успокоить его взволнованную душу. Эти бесѣды продолжаются 3 дня, вслѣдствіе чего и діалогъ распадается на 3 отдѣла. Въ первомъ устанавливаются основныя моральныя правила: счастье заключается въ добродѣтели, для достиженія которой необходимо участіе воли; самымъ лучшимъ побужденіемъ къ достиженію добродѣтели признаются мысль о смерти и стремленіе къ совершенствованію (*studium surgendi*) ²⁾. Съ этой точки зрѣнія Петрарка разсматриваетъ самого себя, при чемъ оказывается, что его воля слаба и что мысль о смерти, несмотря на всѣ его старанія, не приводитъ къ благотворнымъ результатамъ. Основная мысль второго діалога — всѣ земныя блага не имѣютъ никакой цѣны; но главный его интересъ заключается въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя возводитъ на автора его собесѣдникъ, и самое видное мѣсто между которыми занимаетъ знаменитая *acedia* Петрарки. Еще болѣе важное значеніе имѣетъ третій діалогъ, въ которомъ бл. Августинъ дѣлаетъ анализъ любви и славы, двухъ самыхъ сильныхъ привязанностей Петрарки.

¹⁾ Такъ озаглавлено сочиненіе въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка; по встрѣчаются и другія заглавія — *De secreto conflictu curarum suarum* и просто *Secretum* (см. базельское изданіе 1496). О времени ея составленія см. Körting, p. 649 и Voigt, I, 134. Рукопись въ Laurentiana Cod. 9 Plut. 26. Для бібліографіи см. Ferrazzi, p. 773.

²⁾ *Id agere tecum institueram, ut ostenderem ad evadendum hujus vitae mortalitatis angustias, attolendoque se altius, primum veluti gradum obtinere meditationem mortis humanaeque miseriae; secundum vero desiderium vehemens studiumque surgendi, quibus exactis, ad id, quo nostra suspirat intentio, ascensum facilem pollicebar.* Opera, p. 333.

Фогтъ называетъ это сочиненіе „памятникомъ перваго ранга въ исторіи человѣческаго духа“¹⁾, и въ общемъ съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи²⁾. Дѣйствительно, независимо отъ исторической цѣны, автобіографія Петрарки имѣетъ интересъ, какъ литературное произведеніе, по наглядному изображенію внутренней борьбы человѣческаго духа. Чтобы составить представленіе о томъ, съ какою живостью описываетъ Петрарка свои чувства, приведемъ одну изъ многочисленныхъ его тирадъ о любви. „Ты подумай только, какъ развратила твою мысль эта чума“, говоритъ бл. Августинъ, „какъ всего тебя повергла она въ вопли и страданія (in gemitum miseriae). Ты дошелъ до того, что съ печальнымъ наслажденіемъ питаешься слезами и вздохами. Ты проводишь безсонныя ночи, все время повторяя имя возлюбленной; ты презираешь все на свѣтѣ, ненавидишь жизнь, желаешь печальной смерти, любишь уединеніе и избѣгаешь людей. Къ тебѣ не менѣе, чѣмъ къ Беллерофонту, подходятъ слова Гомера:

— Онь по Алейскому полю скитался кругомъ, одинокій,
Сердце тоскою круша, убѣгая слѣдовъ чловѣка³⁾.

Отсюда происходитъ блѣдность и худоба и прежде времени увядшій цвѣтъ юности, отсюда отяжслѣвшіе и вѣчно влажные глаза, отсюда смута въ головѣ, нарушенный сновидѣніями покой и горькія жалобы во снѣ; отсюда слабый, хриплый отъ плача голосъ и разбитая, прерывающаяся рѣчь. Что можно представить себѣ безпокойствѣ и бѣдственнѣ этого, и ужели это кажется тебѣ признакомъ здоровья? Развѣ не возлюбленная положила конецъ твоимъ праздничнымъ днямъ и начало скорбнымъ? Приходить она—и засіяло солнце; она ушла—и наступаетъ ночь; перемѣна въ ея лицѣ измѣняетъ твое настроеніе

¹⁾ Voigt I, p. 335. Buhle не совсѣмъ точно опредѣляетъ характеръ сочиненія, говоря, что онъ заслуживаетъ „den besten neuern *ascetischen* Schriften an die Seite gesetzt zu werden“ (I. c. p. 1110).

²⁾ См. Körting p. 648. Gaspary p. 443.

³⁾ Iliad. VI, 202, 203. Петрарка самъ передѣлалъ прозаическій переводъ стиховъ Гомера

(Ἦτοι δὲ καὶ πέδιον τὸ Ἀλεῖον οἷος ἀλάτο
Ὅν θορόν κατέδων, πάντων ἀνθρώπων ἀλειίνων)

въ латинскій гекзаметръ

...qui miser* in campis errabat Aleis
Ipse suum cor edens, hominum vestigia vetans.

духа, и сообразно съ этимъ ты становишься веселымъ или печальнымъ. Наконецъ, ты весь зависишь отъ ея произвола... и что безумишь тебя, когда ты недоволенъ выраженіемъ ея лица“ ¹⁾). Но важность этого сочиненія не исчерпывается его значеніемъ для характеристики настроенія Петрарки; во многихъ отношеніяхъ оно служитъ дополненіемъ къ его философскимъ трактатамъ. Такъ, здѣсь формулированы въ общемъ видѣ его нравственныя воззрѣнія ²⁾, всесторонне и обстоятельно разсмотрѣно значеніе любви ³⁾ и славы ⁴⁾. Въ этомъ же сочиненіи Петрарка кратко, но вполне опредѣленно, высказывается относительно стоицизма ⁵⁾ и еще разъ выясняетъ причины своего отрицательнаго отношенія къ средневѣковой философіи и наукѣ ⁶⁾. Наконецъ, въ третьемъ діалогѣ встрѣчается восторженное описаніе красоты Италіи ⁷⁾, характерное выраженіе и патриотизма Петрарки и его пониманія красоты въ природѣ.

Epistola ad posteros, оставшаяся неоконченной, представляетъ попытку настоящей автобіографіи. Подъ старость ⁸⁾ Петрарка задумалъ самъ рассказать потомству свою жизнь и дать собственную характеристику, и въ результатъ получился не только конспектъ для будущей біографіи, но и цѣнный источникъ для характеристики автора. Несмотря на сжатость, Петрарка весьма обстоятеленъ: онъ излагаетъ свои теоретическіе взгляды, научныя занятія, чувства и даже вдается въ мелочи, сообщая, когда началъ носить очки, какимъ образомъ любилъ обѣдать и тому подобное. Хотя сообщаемые здѣсь факты внѣшней и внутренней жизни можно найти почти всѣ въ передискѣ и другихъ сочиненіяхъ, тѣмъ не менѣе это письмо не лишено интереса. Прежде всего, по его тону и содержанію видно,

¹⁾ Opera, p. 357.

²⁾ См. въ особенности Opera, p. 344.

³⁾ См. Opera, p. 355, 363, 364 и всю первую половину 3-го діалога.

⁴⁾ Opera, p. 363, 367 и вторая половина 3-го діалога.

⁵⁾ Ad Stoicorum praescepta me revocas, populorum opinionibus adversa et veritati propinquiora, quam usui... Stoicorum sententias publicis erroribus praefereudas esse non dubito. Ibid. p. 333.

⁶⁾ Ibid. p. 336 и 340.

⁷⁾ Ibid. 360.

⁸⁾ Письмо написано послѣ 1370 г., потому что въ немъ упоминается о смерти Урбана V. Обзоръ своей жизни Петрарка доводитъ въ немъ до 1351. Оно напечатано въ собраніяхъ сочиненій и у Фракассетти (*Epist. famil. I*, p. 1—11), имъ же переведено по-итальянски (*Lettere famil. I*, p. 201—212). Гейгеръ далъ нѣмецкій переводъ и предпослалъ его своей книгѣ о Петраркѣ (*Leipzig, 1874*, p. 3—14). Другіе переводы у Ferrazzi p. 808—809.

какъ сильно развито было въ Петраркѣ самосознаніе: онъ ясно понимаетъ значеніе и интересъ своей личности и говоритъ объ этомъ съ откровенностію древняго грека или римлянина ¹⁾. Кромѣ того, нѣкоторыя воззрѣнія Петрарки, которыя на основаніи философскихъ трактатовъ можно толковать различно, въ этомъ письмѣ получаютъ должное освѣщеніе. Такъ, напр., своему отношенію къ внѣшнимъ благамъ, о которыхъ въ другихъ сочиненіяхъ онъ много трактуетъ въ аскетическомъ духѣ, здѣсь онъ даетъ такое объясненіе: „я отъявленный врагъ (*contemptor eximius*) богатствъ, не потому чтобы я ихъ не желалъ, но потому что ненавижу труды и заботы, ихъ неразлучныхъ спутниковъ“ ²⁾.

Самымъ лучшимъ дополненіемъ къ философскимъ трактатамъ Петрарки и самымъ важнымъ источникомъ для характеристики его настроенія и для его біографіи могутъ служить четыре сборника его писемъ: *Дружеская переписка* или, правильнѣе, *Письма о домашнихъ дѣлахъ* (*Epistolae de rebus familiaribus*), *Разныя письма* (*Epistolae variae*), *Старческія письма* (*Epistolae seniles* или *de rebus senilibus*) и *Письма безъ адреса* (*Epistolae sine titulo*) ³⁾.

„Письма о домашнихъ дѣлахъ“, начинаясь съ 1326 г., идутъ до 1361, а нѣкоторыя даже до 1365 ⁴⁾ и захватываютъ такимъ образомъ почти 40 лѣтъ цвѣтущей жизни Петрарки. Ихъ содержаніе не вполне соответствуетъ заглавію: исключительно о домашнихъ, личныхъ дѣлахъ говорится далеко не во всѣхъ; но зато они даютъ довольно полную картину внутренней жизни Петрарки, въ нихъ изложены всѣ впечатлѣнія отъ современныхъ фактовъ, всѣ

¹⁾ Кёртингъ видитъ даже на каждой страницѣ проявленіе надменности и суетности Петрарки (р. 35).

²⁾ Epist. Fracassetti, p. 2.

³⁾ Кромѣ собранія сочиненій письма были изданы отдѣльно нѣсколько разъ. Опраясь на предшествующихъ изслѣдователей, преимущественно Baldelli и Rossetti, Фракассетти указываетъ слѣдующія: въ XV вѣкѣ — 2, въ 1484 безъ указанія мѣста и въ 1494 — Venetiis; въ XVI вѣкѣ — 1, въ 1558 Basileae; въ XVII — 3 и всѣ въ 1601 — безъ обозначенія мѣста, Lugduni et Coloniae Allobrogum. Кромѣ того, имъ не указано изданіе въ 1808 (Patavii) и италіанскій переводъ Ranaldi (1836). Самое лучшее изданіе „Домашнихъ писемъ“ въ подлинникѣ и переводѣ и старческихъ только въ переводѣ слѣдано Фракассетти. Списокъ рукописей данъ Fracassetti (ib. p. 34). Въ дополненіе см. Voigt I, p. 21 прим. Для предшествовавшаго состоянія текста писемъ весьма интересно одно дополненіе въ книгѣ Baldelli, p. 209 и слѣд. См. также Ferrazzi, p. 794 и слѣд.

⁴⁾ Fracassetti. Lettere I, Prefazione p. 41.

тѣ чувства и размышленія, которыя были навѣяны на него чтеніемъ и окружающей дѣйствительностью и которыя онъ не считалъ нужнымъ скрывать отъ публики.

Въ посвященіи своему другу Петрарка самъ объясняетъ смыслъ своей переписки: читатель долженъ понять изъ нея ходъ развитія автора и „теченіе его жизни“ ¹⁾, и этой цѣли письма несомнѣнно достигаютъ. Предпринятая въ 1861 году собраніе своихъ писемъ ²⁾, онъ самъ старался расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ³⁾, и его собственные ошибки въ этомъ отношеніи были старательно исправлены позднѣйшимъ издателемъ ⁴⁾, такъ что въ настоящемъ своемъ видѣ письма дѣйствительно представляютъ картину внутренняго развитія автора. Самое большое количество писемъ Петрарки все-таки касается его частныхъ дѣлъ, описываетъ событія изъ его жизни, отношенія къ друзьямъ и вызванныя всѣмъ этимъ отдѣльныя впечатлѣнія и настроенія ⁵⁾. Петрарка рассказываетъ о себѣ много и охотно: свое коронованіе онъ излагаетъ въ 5 письмахъ ⁶⁾, описываетъ друзьямъ пребываніе въ Авиньонѣ ⁷⁾ и особенно охотно въ Воклюзѣ ⁸⁾, рассказываетъ мелкія огорченія въ родѣ того, что, придя въ Парму изъ Франціи, не нашелъ тамъ своего друга ⁹⁾, или противъ воли простилъ своего сына ¹⁰⁾, неудавшіяся путешествія ¹¹⁾, аудіенцію у императора въ Мантуѣ ¹²⁾, любовь къ Энрико Капрѣ ¹³⁾, визитъ

¹⁾ Et progressus mei seriem (si ea forte cura fuerit) vitaeque cursum lector intelliget (Epist. rer. famil. XXIV, 13).

²⁾ О времени составленія изданія Петраркою см. Körting p. 22—23 и цитированныя имъ мѣста у Фракассетти.

³⁾ Pene omnia quo inciderant scripta sunt ordine. Epist. rer. famil. XXIV, 13

⁴⁾ Фракассетти внесъ не мало поправокъ. См. Lettere delle cose famil. Prefaz. p. 14, прим. 2.

⁵⁾ По Фракассетти, pochissime sono le lettere delle quali formino principale subbietto i negozi suoi o degli amici. Ibid. p. 68. За нимъ Körting—es sollten eben seine Briefe keine banalen Privatbriefe, sondern Schriftstücke von literarischem Werthe und allgemein interessantem Inhalte sein p. 14. Не слѣдуетъ однако преувеличивать этого характера переписки: изъ 348 писемъ de reb. famil. 182 имѣютъ преимущественно узко-біографическій интересъ.

⁶⁾ Lib. IV, 4—8.

⁷⁾ XII, 10.

⁸⁾ XIII, 8; XV, 3; XX, 10.

⁹⁾ VIII, 2.

¹⁰⁾ XXII, 7. См. примѣчаніе къ этому письму Фракассетти.

¹¹⁾ XV, 2; XXIII, 14.

¹²⁾ XIX, 3.

¹³⁾ XXI, 11.

Аччайуоли ¹⁾), сообщает имъ свои намѣренія, преимущественно относительно путешествій и мѣстопробыванія ²⁾), объясняетъ свои поступки ³⁾ и т. п. ⁴⁾). Иногда письмо вызвано очень мелкими личными дѣлами: въ одномъ Петрарка проситъ адресата найти ему прислугу, въ другомъ жалуется на хлопоты, которыя она ему причиняетъ ⁵⁾); два вызваны потерей письма ⁶⁾); въ одномъ описывается ужинъ, въ другомъ—пріобрѣтеніе и вѣрность собаки, въ третьемъ—встрѣча съ римскими дамами и новости, которыя онъ отъ нихъ услышалъ ⁷⁾); наконецъ, въ двухъ рассказывается объ ушибѣ ноги ⁸⁾). Но среди сообщеній объ отдѣльных фактахъ и мелкихъ подробностей, Петрарка даетъ въ перепискѣ время отъ времени общую характеристику своей жизни ⁹⁾).

Видное мѣсто среди этой категоріи домашнихъ писемъ занимаютъ жалобы Петрарки на друзей, его оправданія противъ различныхъ обвиненій и нападки на самихъ обвинителей. Жалобы, вызванныя чаще всего молчаніемъ адресата, не представляютъ большого интереса ¹⁰⁾); гораздо важнѣе два другихъ отдѣла. Такъ въ одномъ письмѣ ранняго періода онъ оправдывается между прочимъ отъ обвиненія въ томъ, что онъ притворяется влюбленнымъ ¹¹⁾); въ двухъ другихъ бранить критика своихъ произведеній ¹²⁾); въ одномъ защищаетъ свой литературный пріемъ—подверждать теоретическія положенія примѣрами ¹³⁾); въ другомъ нападаетъ на медика, противъ котораго на-

¹⁾ XXII, 6.

²⁾ IX, 3; XI, 12; XIV, 7 и 8; XV, 8, 9, 11; XVI, 1, 10; XVII, 6; XIX, 13; XXIII, 10.

³⁾ XI, 6. См. въ особенности XV, 4 и о пребываніи въ Миланѣ XVI, 12 и XVII, 10.

⁴⁾ Такого же содержанія: VII, 10; VIII, 3; IX, 6, 12, 16; XIII, 7; XVI, 11; XIX, 10 и 14; XXI, 14 и XXIII, 16.

⁵⁾ IV, 14 и V, 14. Сопоставленіе этихъ писемъ съ соответствующими главами *De remediis utriusque fortunae* можетъ дать хорошую иллюстрацію субъективности философскихъ трактатовъ Петрарки.

⁶⁾ V, 16 и 17.

⁷⁾ IX, 10; XII, 17; XVI, 8.

⁸⁾ XI, 1 и XXI, 10.

⁹⁾ Такихъ писемъ трп: отъ 1351 или 52 (V, 18), 1358 (XIX, 16) и 1359 или 60 годовъ (XXI, 13).

¹⁰⁾ I, 5; III, 20; XII, 6; XV, 1; XX, 8.

¹¹⁾ II, 9 письмо отъ 1336.

¹²⁾ V, 11 и 12.

¹³⁾ VI, 4.

писана его инвектива ¹⁾; въ третьемъ оправдывается отъ обвиненія въ зависти къ Данте ²⁾. Всѣ эти письма имѣютъ важное значеніе, какъ прототипъ позднѣйшей литературной полемики, начало которой положилъ самъ Петрарка въ своихъ настоящихъ инвективахъ. Здѣсь мы находимъ въ зародышѣ всѣ тѣ приемы, которые позже достигли полного развитія. Чисто біографическій интересъ имѣютъ тѣ письма Петрарки, въ которыхъ онъ оправдываетъ свое поведеніе при Авиньонскомъ дворѣ ³⁾. Письма, въ которыхъ говорится объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Петрарки, также довольно многочисленны. Кромѣ данныхъ о хронологіи произведеній ⁴⁾, въ нихъ сообщаются литературные планы и стремленія автора. Такъ, въ одномъ Петрарка говоритъ о своемъ намѣреніи написать письмо въ похвалу Италіи ⁵⁾, въ другомъ сообщаетъ, что уничтожилъ написанное имъ стихотвореніе, „собранное изъ лоскутковъ“ ⁶⁾, въ третьемъ настаиваетъ на необходимости простоты въ частныхъ письмахъ ⁷⁾. Весьма важное біографическое значеніе имѣетъ то письмо, въ которомъ говорится о желаніи нѣкогого Гвидо быть упомянутымъ въ перепискѣ Петрарки ⁸⁾.

Новое лицо, съ которымъ приходится сталкиваться Петраркѣ, служить поводомъ къ перепискѣ. Такъ онъ рассказываетъ въ письмахъ о влюбленномъ юношѣ, о распутномъ старикѣ, о какомъ-то голландномъ человѣкѣ, о Джіованни-да-Равенна, который поселился у него въ домѣ ⁹⁾. Эти письма Петрарки точно такъ же, какъ и дѣловыя, въ которыхъ онъ сообщаетъ что-нибудь о друзьяхъ ¹⁰⁾ или еще чаще, о себѣ ¹¹⁾ и различныя рекомендаціи и т. п. ¹²⁾, имѣютъ прежде всего біографическое значеніе. Особенно характерны тѣ изъ нихъ, которые адресованы къ Карлу IV ¹³⁾ и его приближеннымъ:

¹⁾ XV, 6. См. также XV, 5.

²⁾ XXI, 15.

³⁾ IX, 5 и 7 и XIV, 4. Другія оправданія и извиненія см. XI, 13; XII, 16; XX, 6; XXI, 3 и 4.

⁴⁾ XV, 12; XIII, 11; XX, 7; XXII, 3; XXIII, 6.

⁵⁾ XIX, 15.

⁶⁾ III, 4. Ср. XXII, 2.

⁷⁾ XVIII, 8.

⁸⁾ XIX, 8.

⁹⁾ V, 8 и 9; I, 10; XXIII, 10.

¹⁰⁾ VII, 11.

¹¹⁾ XI, 10; XII, 13.

¹²⁾ III, 21; XIII, 2 и 3; XVI, 19; XVII, 7; XIX, 6, 11; XXII, 11. См. также XII, 18; XIV, 2; XV, 13; XXI, 1.

¹³⁾ XIX, 4; XXI, 7; XXIII, 3 и 9.

Эрнесту, архіепископу Пражскому ¹⁾ и Іоганну, епископу Ольмюнца ²⁾, потому что они опредѣляютъ сферу знакомствъ и вліянія Петрарки. Но кромѣ того, въ нихъ масса характерныхъ культурно-историческихъ подробностей, а иногда встрѣчаются факты, важные для церковной и политической исторіи ³⁾. Менѣе важное значеніе имѣютъ многочисленныя письма, въ которыхъ Петрарка приглашаетъ къ себѣ друзей или отвѣчаетъ на ихъ приглашенія ⁴⁾, радуется и сочувствуетъ ихъ радостямъ или оплакиваетъ ихъ горе и утѣшаетъ въ несчастіяхъ ⁵⁾, подаетъ имъ совѣты, или порицаетъ ихъ дурное поведеніе ⁶⁾, предлагаетъ дружбу, или благодаритъ за дружескія услуги ⁷⁾, проситъ прислать книгу, или отправляетъ собственный экземпляръ ⁸⁾. Отчасти, это простыя дѣловыя записки ⁹⁾; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ они представляютъ собою риторическія упражненія. Петрарка страстно любилъ писать письма. „Я пишу“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „изъ великаго удовольствія побесѣдовать... Если не пишу, то я мучусь и тоскую“ ¹⁰⁾. Поэтому обиліе друзей давало ему случай пускаться въ ретиорику или по поводу своихъ нѣжныхъ чувствъ къ нимъ ¹¹⁾, или въ особенности по поводу чьей-нибудь смерти ¹²⁾. Иногда истинная причина письма обнаруживается съ особенной наивностью. Такъ, у одного письма находится такой заголовокъ (*argumentum*): авторъ „жалуется, что епископъ Аччайуоли не выполнилъ даннаго ему обѣщанія прійти ужинать въ его виллу; потому, прежде окончанія письма, ему возвѣстили

¹⁾ XXI, 6.

²⁾ XXI, 5 и XXIII, 7.

³⁾ См. напр., XII, 4.

⁴⁾ VIII, 4 и 5; IX, 2; XIX, 5; VI, 9.

⁵⁾ VII, 8; IX, 8; X, 2; XI, 14 и 15; XVI, 6; XVIII, 9; XX, 9, 15, XXII, 5; XXIII, 4; VIII, 7; XV, 14; VIII, 1; XIII, 1; XX, 12.

⁶⁾ VII, 3; XIII, 10; XX, 14. Порицанія въ перепискѣ сравнительно рѣдки IX, 3; XVII, 2 и XXII, 7, при чемъ два послѣднія письма адресованы еяслу.

⁷⁾ Петрарка очень неохотно навязывался на дружбу, и такихъ писемъ только 2 (IX, 11 и XXIII, 20). За то благодарности онъ разсыпаетъ очень щедро. См. V, 2; X, 6; XI, 11; XV, 10; XVIII, 2, 3, 14 и 14; XIX, 7; XX, 5; XXIII, 8 и 18.

⁸⁾ IX, 15; XVIII, 13, а также 11 и 12.

⁹⁾ См. напр. II, 11.

¹⁰⁾ IX, 12 и XIII, 7. См. также VIII, 5 и XXIV, 13.

¹¹⁾ См. напр. XII, 5 и въ особенности XVI, 7.

¹²⁾ VII, 12; XIV, 3; XV, 14. Иногда по поводу одной смерти цѣлый рядъ писемъ къ различнымъ лицамъ. См. IV, 10—13.

о его прибытіи¹⁾. Несмотря на устраненіе причины, вызвавшей письмо, оно было написано и послано по адресу. Но и среди этой реторики встрѣчаются письма, которыя имѣють біографическую важность, какъ благодарственныя посланія Карлу IV и кардиналу Колоннѣ²⁾, отвѣтъ флорентійскимъ пріорамъ и народу³⁾, письмо по поводу смерти Роберта Сицилійскаго⁴⁾,—или которыя заключаютъ въ себѣ цѣнныя культурно-историческія указанія⁵⁾.

Но эта категорія писемъ, имѣющихъ преимущественно біографическое значеніе, заключаетъ въ себѣ весьма много матеріала для характеристики міросозерцанія Петрарки, въ формѣ отступленій или отдѣльныхъ сентенцій. Въ перепискѣ Петрарка всегда имѣетъ въ виду посторонняго читателя⁶⁾, который долженъ не только наслаждаться ея краснорѣчіемъ, но и поучаться изъ нея. Поэтому всѣ письма проникнуты дидактизмомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою настоящіе трактаты на разныя темы въ епистолярной формѣ. Чаще всего Петрарка философствуетъ. Специально разъясненію своего взгляда на жизнь онъ посвятилъ 10 писемъ⁷⁾, и кромѣ того, охотно возвращается къ этому вопросу при всякомъ удобномъ случаѣ⁸⁾. Это настоящіе трактаты иногда въ аскетическомъ, чаще въ пессимистическомъ тонѣ. Въ одномъ онъ доказываетъ, что міръ постоянно ухудшается, въ другомъ, что жизнь есть непрерывная смерть, истинный конецъ которой полагаетъ смерть физическая и т. д.⁹⁾. Этотъ вопросъ и самъ по себѣ занималъ Петрарку; а кромѣ того, онъ давалъ очень удобный исходный пунктъ для переписки съ высокопоставленными лицами: несовершенство жизни и ничтожность почестей сравнивали его до нѣкоторой степени съ адресатомъ, а спеціальныя тягости высокаго поста служили хорошимъ средствомъ наговорить

1) XII, 12.

2) XXIII, 8 и V, 2.

3) XI, 5.

4) V, 1.

5) XII, 15 и XXIII, 11.

6) См. напр. IX, 2; XIV, 2.

7) I, 2; II, 10; IV, 3; V, 15; VIII, 8; XIV, 1; XV, 7; XVI, 5; XXIII, 5; XXIV, 1.

8) См. II, 1; XXI, 9.

9) См. II, 10; XVI, 5. Письмо 2, lib. I озаглавлено *Nominum vitam aequae flosculum momento temporis et vivere et arescere*, V, 15—*Vitam hominis esse militiam*. Ср. выше прим. 4.

любезностей ¹⁾). Наконецъ, эта тема представляла обширное поле для краснорѣчія ²⁾).

Для характеристики философскихъ возрѣній Петрарки домашніе письма имѣютъ весьма важное значеніе. Его письмо къ брату-монаху настоящій философскій символъ вѣры, въ которомъ съ полною опредѣленностью выражены его взгляды на задачи философіи и его отношеніе къ средневѣковой и античной философской мысли ³⁾). Въ перепискѣ мы находимъ почти всѣ выводы изъ его основныхъ философскихъ положеній. Въ письмѣ къ кардиналу Колоннѣ Петрарка рѣзко формулируетъ свой взглядъ на отношеніе науки къ религіи — „наука, которая противорѣчитъ католической вѣрѣ, должна, по его мнѣнію, возбуждать къ себѣ ненависть и не заслуживаетъ имени науки“ ⁴⁾).

Страстная любовь Петрарки къ наукѣ, литературѣ и поэзіи также находитъ свое выраженіе въ перепискѣ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, что желалъ бы продлить свою жизнь только ради научныхъ занятій, въ другомъ краснорѣчиво убѣждаетъ друга посвятить имъ свою жизнь ⁵⁾). Цѣлый рядъ писемъ даетъ понятіе объ объемѣ его научныхъ интересовъ и объ ихъ направленіи: онъ говоритъ о своихъ занятіяхъ древностью ⁶⁾, христіанскими писателями ⁷⁾, отмѣчаетъ темныя стороны литературныхъ занятій ⁸⁾, обсуждаетъ библиоманство ⁹⁾ и съ особенной подробностью останавливается на общемъ характерѣ средневѣковыхъ знаній и на отдѣльных его доктринахъ. Въ одномъ письмѣ онъ проклиняетъ пустую и сварливую

¹⁾ См. письмо къ королю Роберту (IV, 3) и къ кардиналу Талеярану (XIV, 1). Последнее озаглавлено такъ: *Cuique mortalium praesertim vero dynastis et in sublimem fortunam evecitis aerumnis laboribusque vitam esse refertam.*

²⁾ Образцомъ эпистолярной реторики Петрарки можетъ служить длинное письмо къ Ломбардо да Серико (VIII, 8), которое все состоитъ изъ сравненій жизни съ различными предметами.

³⁾ XVII, 1. Ср. XII, 3. *In primis philosophiam amo, non illam loquacem, scholasticam etc.* О психологіи Платона см. XII, 14; ученіе о счастьѣ XXII, 13. Для отношенія къ древней философіи см. также X, 5: *Illud vero non praetereō in his ipsis tantis ingeniis virisque tam gravibus tantam esse discordiam etc.* и *passim.*

⁴⁾ VI, 2. Сравн. X, 5 — *veram sapientiam unam esse non sit dubium: Deum noscere et colere.* О религіозныхъ возрѣніяхъ Петрарки см. XVI, 4.

⁵⁾ XXII, 10; XII, 3. Ср. XVIII, 5.

⁶⁾ XII, 8. Ср. VII, 4 и 16.

⁷⁾ XXII, 10. Ср. VIII, 6.

⁸⁾ IV, 15 и 16; III, 18.

⁹⁾ III, 18.

заносчивость діалектиковъ ¹⁾ и въ цѣломъ рядѣ другихъ полемизируетъ противъ медиковъ, юристовъ, грамматиковъ и съ особенной рѣзкостью противъ астрологовъ, занятія которыхъ онъ называетъ „глупымъ“ дѣломъ ²⁾. Краснорѣчіе, которое такъ высоко цѣнили Петрарка, обсуждается имъ въ перепискѣ. Въ одномъ письмѣ онъ доказываетъ, что его вмѣстѣ съ душевнымъ равновѣсіемъ слѣдуетъ предпочитать всѣмъ другимъ благамъ, и въ другихъ выясняетъ его силу и отличіе отъ болтливости ³⁾. Относительно поэзіи въ письмѣ къ брату-монаху онъ выражаетъ ту мысль, что чтеніе поэтическихъ произведеній не только не вредно, но даже весьма плодотворно для теолога и монаха, и выясняетъ значеніе поэта въ другомъ чрезвычайно интересномъ письмѣ къ Боккаччіо ⁴⁾.

Переписка Петрарки отражаетъ далѣе все его міросозерцаніе, начиная отъ воззрѣній на природу и кончая моралью. Въ письмѣ къ кардиналу Колоннѣ онъ защищаетъ природу отъ взводимыхъ на нее обвиненій и доказываетъ ея благодѣянія человѣку ⁵⁾, и большое количество писемъ, въ которыхъ онъ описываетъ свои путевыя впечатлѣнія, красоты пейзажа и грандіозныя физическія явленія, показываетъ, какой глубокой интересъ чувствовалъ онъ къ природѣ ⁶⁾. Въ перепискѣ мы находимъ разсужденіе о дружбѣ и любви, о семьѣ и воспитаніи, объ уединеніи, женщинѣ и монашествѣ. Петрарка излагаетъ цѣлую теорію дружбы, описываетъ ея истинныя свойства и изображаетъ даже тѣ наслажденія, которыя можно получить отъ дружескихъ упрековъ ⁷⁾. То же самое и о любви. Въ двухъ письмахъ доказываетъ онъ, что на приговоръ любящаго человѣка нельзя полагаться, и признаетъ безсиліе побѣдить чувство какими-нибудь аргументами ⁸⁾. О семьѣ и женщинѣ онъ говоритъ мимоходомъ: считая холостую жизнь большимъ благомъ, онъ не отрицаетъ однако важ-

¹⁾ I, 6. Ср. *ibid.* 9, 11.

²⁾ V, 9; XX, 4; XII, 3; III, 8. Характерны разсужденія Петрарки о сновидѣніяхъ, которымъ онъ посвящаетъ два письма V, 7 и VII, 3. Для отношенія Петрарки къ праву и юристамъ см. также XVII, 1. Вообще переписка является главнымъ источникомъ по этому вопросу.

³⁾ I, 8; III, 22; VI, 7.

⁴⁾ X, 4 и XVIII, 15.

⁵⁾ II, 8.

⁶⁾ I, 3, 4; II, 12; III, 1; IV, 1, 9; V, 3, 4, 5, 6; XVII, 3, 5. Два письма посвящены описанію погоды XIX, 2 и XX, 14.

⁷⁾ III, 15; IX, 9; XX, 11; II, 6; III, 11 и XVIII, 6.

⁸⁾ VII, 14 и XVII, 9; VII, 18.

ности воспитанія ¹⁾); но подобные вопросы не заслуживаютъ съ его точки зрѣнія большого интереса со стороны читателя. Гораздо съ большей охотой говоритъ онъ на свою любимую тему о прелестяхъ уединенія ²⁾ и даже прославляетъ монашество, хотя и не съ точки зрѣнія средневѣкового аскетизма ³⁾. Но чаще всего и съ особенной любовью говоритъ Петрарка въ своихъ письмахъ о морали. Онъ сообщаетъ адресатамъ свои наблюденія надъ человѣческой природой ⁴⁾, разсматриваетъ отношенія тѣла къ духу и оцѣниваетъ сравнительное значеніе различныхъ сторонъ послѣдняго ⁵⁾, выясняетъ сущность морали ⁶⁾, опредѣляетъ свое отношеніе къ стоицизму ⁷⁾, доказываетъ, что истинное счастье заключается въ довольствѣ немногимъ и что слабости и болѣзни не есть истинное бѣдствіе ⁸⁾ и даетъ практическія наставленія почти противъ всѣхъ пороковъ ⁹⁾.

Въ письмахъ Петрарки встрѣчается много данныхъ для культурной и политической исторіи его времени. Онъ съ живостью описываетъ многія событія, которыхъ былъ очевидцемъ или ходомъ которыхъ былъ особенно заинтересованъ, какъ напр. войною Генуи и Венеціи, неаполитанскими событіями и въ особенности Кола-ди-Риенцо и вообще состояніемъ Рима въ эту эпоху ¹⁰⁾: въ двухъ пись-

¹⁾ XXII, 1 ср. XXI, 9; VII, 17.

²⁾ Всѣ три письма на эту тему (III, 5; IX, 14; XIII, 4) почти одинаковы по своему содержанію. Ср. также XI, 4.

³⁾ См. его письма къ брату X, 3 и 5, сравни особенно характерное: III, 12.

⁴⁾ О людской неблагодарности III, 17; объ устойчивости надеждъ ib. 19; о развращающемъ вліяніи подарковъ VI, 8 etc.

⁵⁾ II, 5 и I, 7.

⁶⁾ Въ длинномъ письмѣ къ Марку Генуэзскому по поводу юриспруденціи (XX, 4) *Humanorum sane actuum primas partes tenet agentis intentio etc. Fracass. III. p. 20.*

⁷⁾ III, 6—*summum bonum in honestum situm.* Ср. III, 12. Frac. I, 166—167. V, 13 (ibid. 288—289). См. также III, 16; V, 13; IX, 1.

⁸⁾ *Aurea mediocritas est in omni fortuna.* III, 7. Fracass. I, 150. Ср. XVI, 3. *Senectutem, paupertatem, podagram inter mala humanae vitae haud esse recensenda vel forti saltem animo ferenda.*

⁹⁾ Противъ заботъ о будущемъ II, 7; о суетности III, 2; о пьянствѣ ib. 9; противъ богатствъ и роскоши III, 13; VII, 6; XVII, 8 и IV, 17; о развращающемъ вліяніи дурныхъ нравовъ IV, 18 и 19; противъ скупости VI, 1; противъ злословія XVI, 13 etc. См. XXIII, 12 и 13 и XVI, 14.

¹⁰⁾ См. V, 10 объ осадѣ Пармы, о Каррарахъ XI, 2, 3. О борьбѣ Генуи съ Венеціей и вообще о предпріятіяхъ и судьбахъ Генуи XI, 8; XIV, 5; XVII, 4; XVIII, 6, XIX, 9; XX, 3. О приѣмѣ Карла IV въ Италию XX, 2. О неаполитанскихъ событіяхъ VI, 5; VII, 1; XII, 7; XXIII, 17. О пораженіи

махъ онъ излагаетъ цѣлую политическую программу четыремъ кардиналамъ, которымъ въ 1451 году поручено было реформировать управление священнымъ городомъ ¹⁾. Кроме того, Петрарка имѣлъ симпатіи и антипатіи къ современнымъ ему государствамъ и правительствамъ, что также побуждало его высказываться относительно современныхъ событій; поэтому онъ совѣтуетъ одному адресату вмѣшаться въ столѣтнюю войну въ интересахъ Франціи, убѣждаетъ другого отказаться отъ тиранніи въ Павіи и ободряетъ генуэзцевъ продолжать войну съ королемъ аррагонскимъ ²⁾. Интересъ къ событіямъ заставляетъ Петрарку вдумываться въ общее состояніе Италіи и отыскивать самыя существенныя ея бѣдствія. Прежде всего онъ останавливается на бандрахъ и посвящаетъ два длинныхъ письма ³⁾ этому общественному злу тогдашней Италіи; кроме того, онъ старается отмѣтить главные пороки въ общественныхъ нравахъ ⁴⁾ и даетъ характеристику грустной современности сравнительно съ блестящимъ прошлымъ ⁵⁾.

Бѣдственное положеніе родины и страданіе друзей направляли также мысли патріотически настроеннаго Петрарки ⁶⁾ на политическіе вопросы. Онъ сравниваетъ въ одномъ письмѣ положеніе церкви съ государствомъ ⁷⁾ и въ цѣломъ рядѣ посланій къ Карлу IV обстоятельно развиваетъ свой взглядъ на значеніе императорской власти въ средніе вѣка ⁸⁾. Петрарка не особенно твердъ въ симпатіяхъ къ различнымъ политическимъ формамъ, потому что не признавалъ за ними абсолютнаго значенія. „Хотя я хорошо знаю“, говоритъ онъ

Орсини III, 3; объ избіеніи Колоннъ VII, 13. О Кола-ди-Риенцо VII, 5, 7; XIII, 6. Вообще объ отношеніи къ Риму ср. II, 14.

¹⁾ XI, 16 и 17.

²⁾ III, 10; XIX, 18. () войнѣ генуэзцевъ говоритъ: „hoc pium, hoc justum hoc sanctum, hoc minime italicum bellum est... Insistite, oro, et nolite desistere. XIV, 6 (Fracass. II, 301).

³⁾ XXII, 14; XXIII, 1.

⁴⁾ IX, 4; XX, 1.

⁵⁾ XI, 9. Ср. *ibid.* 7 и XIX, 9—*omissis rumoribus, qui assidue aures tuas fama vociferante circumsonant, quos nullis annalibus comprehendere posse crediderim, qui Pisis et qui Senis populorum metus etc.* Fracass. II, 536.

⁶⁾ Специальное письмо Петрарки въ похвалу Италіи осталось ненапечатаннымъ; но патріотическое настроеніе однако выражено въ перепискѣ. См., напр., XI, 16: *Meae communis patriae et parentis publicae salus in ambiguo vertitur. Non est filius, quem piaе matris non tangit injuria* (Fracass. II, 145). Ср. II, 3 и 4).

⁷⁾ VII, 2.

⁸⁾ X, 1; XII, 1; XVIII, 1; XIX, 1 и 12; XXIII, 2, 15, 21.

въ одномъ письмѣ, „насколько болѣе возрасло римское государство подѣ управленіемъ многихъ, тѣмъ не менѣе мнѣ извѣстно также, что многіе великіе люди считали счастливѣйшимъ состояніемъ государства, когда оно находится подѣ властью одного справедливаго главы“ ¹⁾). Но въ другомъ письмѣ онъ склоняется къ противоположному мнѣнію. „Маль былъ Римъ, когда имѣлъ царя“, пишетъ онъ къ генуэзцамъ, побуждая ихъ къ войнѣ противъ короля Арагоніи: „и быстро сдѣлался безграничнымъ, когда его лишился. При царѣ онъ находился въ рабствѣ, безъ царей повелѣвалъ. Итакъ, нападайте на царя: скиптры не даютъ и не отнимаютъ добродѣтели“ ²⁾). Но для современной Италіи онъ былъ рѣшительнымъ монархистомъ. „При современномъ положеніи вещей, при столь непримиримыхъ несогласіяхъ въ умахъ; конечно, не остается никакого сомнѣнія, что монархія самая лучшая форма для собранія и возстановленія силъ итальянскихъ, которыя разсѣяло долговременное неистовство междоусобныхъ войнъ... Я вполне признаю, что царская рука необходима для нашихъ болѣзней“ ³⁾). Поэтому Петрарка весьма часто обсуждаетъ свойства истиннаго государя и подаетъ совѣты государямъ, ихъ совѣтникамъ и излагаетъ правила для ихъ воспитанія, руководясь принципомъ, что „только справедливость отличаетъ царя отъ тирана“ ⁴⁾).

Десять послѣднихъ писемъ 24-й книги по изданію Фракассетти адресованы къ древнимъ философамъ и писателямъ ⁵⁾). Петрарка опредѣляетъ въ нихъ свое отношеніе къ каждому изъ адресатовъ, при чемъ упрекаетъ Цицерона, Сенеку и А. Полліона за ихъ нравственные недостатки. Въ письмахъ къ Вергилію и Гомеру касается современности: первому онъ рассказываетъ новости о Мантуѣ и Неаполѣ, второму о своихъ занятіяхъ по греческому языку.

„Книга разныхъ писемъ“ носитъ такой же характеръ, какъ и предшествующая переписка, изъ которой она выдѣлена только потому, что составляющія ее письма были собраны не самимъ Петрар-

¹⁾ III, 7. Fracass. I, p. 150.

²⁾ IV, 6. Fracass. II, 301.

³⁾ III, 7. Fracass. I, p. 150—151.

⁴⁾ См. выше, p. 217 прим. 6, а также VII, 15; III, 7; IV, 2; XII, 2.

⁵⁾ XXIV, 3—12. Два къ Цицерону и по одному къ Сенецѣ, къ Варрону, къ Квинтилиану, къ Титу Ливію, къ Азинію Полліону, къ Горацию Флакку, къ Вергилію и къ Гомеру. Въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка письма были выдѣлены въ особую категорію съ такимъ заглавіемъ: *Epistolae ad quosdam ex veteribus illustriores. Opera*, 705 и слѣд.

кой ¹⁾). Большинство писемъ имѣетъ біографическое значеніе, изъ нихъ представляютъ наиболѣе интереса тѣ, въ которыхъ Петрарка спрашиваетъ церковныхъ синекуръ ²⁾, и тѣ еще, въ которыхъ онъ объясняетъ свои отношенія къ Милану ³⁾. Гораздо важнѣе тѣ мѣста этой книги, въ которыхъ выражено отношеніе Петрарки къ современной политической дѣйствительности, его глубокой интересъ къ попыткѣ Кола-ди-Риенцо ⁴⁾, симпатіи къ Франціи во время ея борьбы съ Англіей ⁵⁾ и краснорѣчивое убѣжденіе Урбана V установить свою резиденцію въ Римѣ ⁶⁾. Морализующихъ писемъ не мало и въ этой части переписки Петрарки. И здѣсь онъ возстаетъ противъ жадности, проповѣдуетъ добродѣтель, даетъ нравственныя наставленія на разные случаи жизни, характеризуетъ любовь и восхваляетъ уединеніе ⁷⁾. Особенно характерно для нравственныхъ воззрѣній то его письмо, въ которомъ онъ порицаетъ малодушіе Паоло Аннибальди, умершаго отъ скорби на трупѣ своего сына ⁸⁾.

Старческія письма Петрарки носятъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ предшествующія ⁹⁾. Мелкихъ писемъ немного; по большей части

¹⁾ *Epistolarum variarum liber unicus* заключаетъ въ себѣ 65 писемъ. Объ изданіяхъ см. выше р. 208 прим. 3. Они написаны между 1335—1373. (Fracass. Lett. famil., р. 41). Объ ихъ происхожденіи см. Voigt. *Die Briefsammlungen Petrarca's und der Venetianische Staatskanzler Bemintendi. München 1882*, р. 18 и слѣд.

²⁾ Epist. 15 и 55.

³⁾ Ep. 7 и 25; о смерти сына 35, о намѣреніи поселиться въ Мантуѣ 24 и много другихъ.

⁴⁾ Ep. 38, 40, 42, 48. Последнее письмо въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка напечатано отдѣльно подъ такимъ заглавіемъ. *Ad veteres Romanae Reipublicae defensores oratio. Ad Nic. Laurentium tribunum P. Q. R. de capessenda libertate hortatoria.* Opera, р. 535 и слѣд.

⁵⁾ Ep. 6, 26, 63.

⁶⁾ Ep. 3. См. также письма въ Azzo di Correggio (19 и 28) и къ гонфалоньеру и пріорамъ Флоренціи объ отмщеніи за убійство Аккурсіо (53).

⁷⁾ Ep. 20, 20, 17, 29, 13 и 52.

⁸⁾ Ep. 32. Въ видѣ приложения Фракассетти напечаталъ еще 4 письма, найденныя послѣ выхода въ свѣтъ 2-го тома латинскихъ писемъ Петрарки. Три послѣднія не имѣютъ значенія; о первомъ, которое не принадлежитъ Петраркѣ, см. ниже.

⁹⁾ Латинскій текстъ: *Epistolae de rebus senilibus libri XVII* не былъ изданъ Фракассетти, но онъ перевелъ ихъ на итальянскій языкъ и снабдилъ комментаріями. *Lettere senili di Francesco Petrarca volgarizzate e dichiarate con note da Giuseppe Fracassetti. Vol. I e II. Firenze 1869—1870.* Нумерацію писемъ я цитирую по этому изданію, такъ какъ здѣсь она критически проверена; выдержки—по латинскому тексту въ Opera. Всѣхъ пи-

это настоящіе трактаты, занимающіе иногда половину, иногда цѣлую книгу ¹⁾. Чисто біографическихъ писемъ сравнительно меньше, и они касаются болѣе важныхъ или болѣе почетныхъ событій изъ его жизни. Съ особенной охотой и обстоятельностью онъ рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ сильнымъ міра сего: къ папамъ, къ императору, къ королямъ. Объ отношеніи къ Пандольфо Малатестѣ говорятъ три письма ²⁾. Цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ Петрарка то отказывается отъ должности секретаря при Иннокентіи VI, то рекомендуетъ Урбану V дѣло генерала миноритовъ, то благодаритъ за полученныя отъ него похвалы, то рассказываетъ о лестномъ приѣмѣ при папскомъ дворѣ, то выражаетъ надежду на блестящія бенефиціи; то, наконецъ, извиняется, что не можетъ посѣтить курію ни въ Римѣ, ни въ Авиньонѣ—все эти письма довольно живо показываютъ отношеніе папъ къ Петраркѣ и его желаніе рассказать объ этомъ читателю ³⁾. Отношенія къ Урбану V, поскольку они выражаются въ этой перепискѣ, имѣютъ не только біографическое значеніе: письма Петрарки заключаютъ въ себѣ все требованія и аргументы въ пользу возвращенія куріи въ Италію и въ то же время исторію неудачной попытки Урбана послѣдовать этимъ совѣтамъ. Въ длинномъ письмѣ, занимающемъ цѣлую книгу, Петрарка убѣждаетъ его вернуться въ Римъ; въ другомъ—навсегда остаться въ священномъ городѣ, куда онъ наконецъ переселился; въ третьемъ—осыпаетъ похвалами папу за устойчивость, въ четвертомъ—заявляетъ, что не боится той знати, которая недовольна подобными письмами, и въ пятомъ, наконецъ, порицаетъ папу, хотя и мягко, за возвращеніе въ Авиньонъ ⁴⁾. Біографическія подробности о себѣ и о своихъ ученикахъ и современникахъ Петрарка даетъ и въ другихъ письмахъ ⁵⁾; но болѣе важное значеніе имѣютъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ онъ говоритъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ и объ отношеніи къ нимъ совре-

семь 124. Хронологически они опредѣляются 1361—74 годами (Fracassetti, *Lettere familiari*, Prefaz., p. 41).

¹⁾ Такъ, lib. XII состоитъ изъ 2 писемъ, lib. VII—изъ одного.

²⁾ I, 2 отношеніе къ папѣ, императору и королю французскому. Для Малатесты I, 6; XIII, 9 и 10.

³⁾ I, 4; XI, 12, 1 и 2; XIII, 12; XI, 15, 16 и 17; XV, 2.

⁴⁾ VII, 1; IX, 1 и 2; XI, 3; XIII, 13.

⁵⁾ О Леонци Пилатѣ III, 6 и V, 1; о Джіов.-да-Равенна V, 5 и 6 и XV, 2. Въ письмѣ XVII, 2 Петрарка говоритъ о своихъ занятіяхъ—въ XIII, 3 о своемъ происхожденіи и мѣстѣ рожденія; въ X, 2 рассказываетъ различные эпизоды своей жизни. Ср. также XV, 5.

менниковъ ¹⁾. Фракассетти основательно относитъ къ старческимъ письмамъ одно произведеніе — „О супружескомъ послушаніи и вѣрности“, переводъ 10-й новеллы послѣдняго дня изъ Декамерона Боккаччіо ²⁾. Выборъ Петрарки, его предисловіе, вставки, выпуски и послѣсловіе очень характерны: они показываютъ тотъ идеалъ женщины, который удовлетворилъ бы Петрарку и который онъ считалъ хотя труднымъ, но осуществимымъ ³⁾.

Вообще центръ тяжести старческой переписки Петрарки составляютъ его теоретическія разсужденія на различныя темы. Отчасти онъ возвращается къ прежнимъ вопросамъ: разсуждаетъ о дружбѣ, восхваляетъ уединеніе, убѣждаетъ монаховъ оставаться вѣрными своему обѣту, нападаетъ на астрологию и превозноситъ науку и поэзію ⁴⁾, при чемъ чувствуется уже вліяніе наступившей старости: о медикахъ говорится очень много; мысль о смерти появляется все чаще и чаще, и Петрарка въ двухъ письмахъ ратуетъ противъ предрассудка объ особенной важности 73 года въ жизни человѣка; наконецъ, обострятся религіозность, такъ что онъ чувствуетъ особенную ненависть къ безбожному Аверроэсу ⁵⁾. Отчасти подъ вліяніемъ возраста измѣняются самыя темы, а главнымъ образомъ тонъ ихъ обработки. Петрарка восхваляетъ старость и съ особеннымъ усердіемъ ратуетъ противъ ея главнаго порока — скуности, при чемъ одно письмо объ этомъ предметѣ представляетъ собою настоящій

¹⁾ О своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ въ V, 1; VI, 5 и XVI, 3; въ II, 4 о тѣхъ, которыя ложно ему приписываются. О критикахъ Петрарки и объ отношеніи флорентійской публики къ его поэзии говорится въ II, 1 и 3.

²⁾ Въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка она озаглавлена такъ. De obedientia ac fide uxoria. Mythologia. Фракассетти въ своемъ переводѣ старческихъ писемъ передалъ эту „мнеологию“ словами Боккаччіо. Lettere senili II, p. 544 и слѣд. Но въ Венеціи въ 1860 Giovanni Paoletti изыщно издалъ ея переводъ въ видѣ свадебнаго подарка Giuriatti-Bigaglia. Переводы у Ferrazzi, p. 805 и слѣд.

³⁾ Quae usquam mulier vel Romana, vel cujuslibet gentis hanc Griseldim aequatura sit? ubi, quaeso, tantus amor conjugalis? Ubi par fides? Ubi tam insignis patientia atque constantia?.. Esse nonnullos, qui, quaecunque difficilia eis sint, impossibilia omnia arbitrentur, sic mensura sua omnia metientes, ut se omnium primos locent, eum tamen multa fuerint forte et sint, quibus essent facilia, quae vulgo impossibilia viderentur. Opera 1554, p. 516.

⁴⁾ XVI, 4; VIII, 7 и XV, 3; X, 1; I, 7 и III, 1. О поэзии XV, 1. О наукѣ VI, 6, гдѣ онъ упрекаетъ Zanobi da Strada за то, что онъ предпочелъ наукѣ секретарское мѣсто при куріи. Ср. XVI, 6 и 7.

⁵⁾ XV, 6 письмо объ Аверроэсѣ къ Луджи Марсильи. О медикахъ III, 8, очень длинное письмо V, 3, а также 4; вся книга XII и XVI, 3. О смерти I, 5 и 7. О 73-мъ годѣ VIII, 1 и 8. Ср. consolatoriae X, 4 и 5.

трактатъ ¹⁾. Богатство не представляется уже вреднымъ для добродѣтели, какъ и бѣдность; важно только отношеніе къ нимъ человѣка ²⁾. Кромѣ того, онъ авторитетнымъ тономъ разсуждаетъ въ обширныхъ письмахъ - трактатахъ „о свойствахъ хорошаго полководца“ и „о наилучшемъ управленіи государствомъ“ ³⁾. Здѣсь же въ письмѣ къ Карлу IV о подложности писемъ Ю. Цезаря и Церона мы встрѣчаемъ первый историко-критическій трактатъ Петрарки, а въ толкованіи Виргилія — образецъ его критико-экзегетическихъ работъ ⁴⁾.

Для характеристики состоянія современной Петраркѣ науки, философіи и литературы важны тѣ письма, въ которыхъ онъ выражаетъ свой взглядъ на науку и поэзію и разсказываетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ ⁵⁾. Кромѣ того, особенный интересъ представляетъ его разсказъ о томъ, какъ онъ приобрѣлъ и потомъ утратилъ нѣкоторыя сочиненія Цицерона, общая характеристика современныхъ философовъ и поэтовъ и весьма характерная для гуманистической литературы защита похвалъ живымъ современникамъ ⁶⁾. Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ Петрарка разсказываетъ объ итальянскихъ войскахъ и особенности о борьбѣ венеціанцевъ въ Кандіи и въ другомъ — о празднествахъ въ Венеціи по поводу одержанной тамъ побѣды ⁷⁾.

Совершенно особенный характеръ носятъ „*Письма безъ адреса*“. Фракассетти, столь заботливо собиравшій переписку Петрарки и издавшій значительную ея часть, рѣшительно отказывается сдѣлать то же самое по отношенію къ этимъ письмамъ. „Письма безъ адреса, — говоритъ онъ, — почти всѣ уже опубликованы, и я былъ

¹⁾ Похвала старости VIII, 2. О жадности VI, 7 и 8. Въ базельскихъ изданіяхъ оба письма соединены вмѣстѣ и выдѣлены въ особое сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ: *De avaritia vitanda ejusque magistris atque instrumentis oratio*. Opera, 1554, p. 540 и слѣд.

²⁾ II, 2.

³⁾ Оба письма въ базельскихъ изданіяхъ также отнесены къ числу отдѣльныхъ произведеній: *De officio et virtutibus imperatoris liber. Ad magnanimum bellicaeque rei peritissimum virum Luchinum Vermium Veronensem, exercitus Veneti imperatorem*. Opera, 1554, p. 387 и слѣд. Второе озаглавлено: *De republica optime administranda liber. Ad imaginibus virtutibusque ornatissimum virum Franciscum Carrariensem, principem Patavinum*. Opera 1554, p. 372 и слѣд. Переводы у Ferrazzi, p. 804—805.

⁴⁾ XVI, 5; IV, 5.

⁵⁾ См. выше, p. 220, прим. 3 и 6. Ср. VI, 2.

⁶⁾ XVI, 1; V, 2 и XVI, 9.

⁷⁾ III, 9 и IV, 3.

тѣмъ болѣе далекъ отъ мысли издать въ свѣтъ какое-нибудь изъ нихъ, скрывающееся, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ бібліотекахъ, что, по моему мнѣнію, и тотъ, кто издалъ находящіяся въ старыхъ изданіяхъ, опозорилъ (*aver fatto onta*) имя Петрарки и доставилъ матеріалъ для клеветы на его славу" ¹⁾. Эта странная для историка точка зрѣнія объясняется однако заботою не столько о Петраркѣ, сколько о папствѣ. Письма безъ адреса представляютъ собою ожесточенное нападеніе на авиньонскую курію съ точки зрѣнія итальянскаго патріота ²⁾ и благочестиваго христіанина. Въ предисловіи Петрарка объясняетъ отсутствіе адреса на этихъ письмахъ нежеланіемъ подвергать опасности или непріятностямъ адресата. Принявъ эту предосторожность, онъ не стѣсняется болѣе въ выраженіяхъ. Авиньонъ онъ постоянно называетъ Вавилономъ ³⁾ и не жалѣетъ самыхъ черныхъ красокъ для изображенія царящихъ тамъ нравовъ. Старый Вавилонъ, по его мнѣнію, лучше Авиньона. „Хотя Вавилонъ былъ самое дурное изъ всѣхъ государствъ и самое порочное въ то время, а это даже не государство, а жилище тѣней и духовъ и, сказать коротко, клоака всяческихъ преступленій и пороковъ, настоящій адъ на землѣ" ⁴⁾. „Я по опыту узналъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что тамъ нѣтъ ни благочестія, ни любви, ни вѣры, ни благоговѣнія передъ Богомъ, ни страха; тамъ нѣтъ ничего святого, истиннаго, справедливаго, ничего серьезнаго, ничего, наконецъ, даже человѣческаго. Любовь, стыдъ, приличіе, чистота изгнаны отсюда" ⁵⁾. Съ такою же смѣлостью говоритъ Петрарка и о самомъ

¹⁾ *Lettere delle cose familiari*, I, prefaz., p. 29. Въ латинскомъ предисловіи Фракассетти выражается еще рѣшительнѣе. *Quod ad me attinet, id nec catholico nec cordato viro dignum putans, omnem de illarum litterarum editione curanda vel integritate restituenda cogitationem rejeci. Proleg.*, p. V. Текстъ этихъ писемъ находится во всѣхъ изданіяхъ. Въ базельск. изданіяхъ ихъ 20; но 5 Фракассетти относитъ къ другимъ категоріямъ (2, 3, 4 и приложеніе къ *familiar.*, 20—*Senil.* (XV, 6). Въ изданіи 1496—22, при чемъ 4, 5 и 6 составляютъ одно письмо—до *Frac. App. I.*

²⁾ Письмо X, папр., озаглавлено такъ: *Afflictionem patriae et calamitatem deplorat. Opera* 1581, p. 721.

³⁾ Письмо VII озаглавлено: *De inamoeno occiduae Babylonis statu VIII—De tertia Babylonia et quinto Labyrintho in Gallia.*

⁴⁾ *Opera* 1581, p. 718.

⁵⁾ *Ibid* p. 723. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ въ томъ же духѣ: *quicquid uspiam perfidiae et doli, quicquid inclementiae, superbiaeque quicquid impudicitiae effrenataeque libidinis audivisti, aut legisti quicquid denique impietatis et morum pessimorum sparsim habet aut habuit orbis terrae,*

падѣ. Онъ называетъ его въ одномъ мѣстѣ „церковнымъ Діонисіемъ“, который „мучитъ и грабитъ наши Сиракузы“. „Вижу“, говоритъ онъ, „какъ обманувшая мужа Семирамида тиарой покрываетъ чело, искусно отводитъ глаза (oculos praestingit) присутствующимъ и загрязненная нечистыми объятіями издѣвается надъ мужами“ и т. д. ¹⁾. Петрарка не ограничивается общими обвиненіями, но останавливается на отдѣльныхъ фактахъ. Такъ, войну папы съ Миланомъ онъ называетъ „разбойническимъ дѣломъ“ ²⁾, рассказываетъ скандальную исторію съ однимъ кардиналомъ и т. п. ³⁾.

Итакъ, переписка Петрарки представляетъ собою настоящую лѣтопись вѣшной, а главное внутренней его жизни, и въ этомъ прежде всего заключается ея важное историческое значеніе. И по своему общественному положенію, и по своему настроенію Петрарка былъ родоначальникомъ новой интеллигенціи, вслѣдствіе чего его борьба съ средой и съ самимъ собой имѣетъ глубокій интересъ, какъ первые шаги новаго сословія, доступъ въ которое открываютъ личныя качества, и значеніе котораго основывается на могуществѣ просвѣщенной мысли. Біографія Петрарки является введеніемъ въ исторію этого сословія, а письма важнѣйшимъ его источникомъ. Но переписка имѣетъ и другое значеніе. Петрарка былъ родоначальникомъ новой философіи и новой науки, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея отрасляхъ. Его прозаическія произведенія представляютъ собою трудную попытку создать новое міросозерцаніе, не отрываясь отъ христіанства, не отрицая сложившуюся на этой почвѣ философію и науку. Они являются въ силу этого введеніемъ въ исторію новой культуры, а письма служатъ наилучшимъ къ нимъ дополне-

otum istic cumulatim videas acervatimque reperias. Nam de avaritia deque ambitione supervacuum est loqui, quarum alteram ibi regni sui solium possuisse, unde orbem totum populetur ac spoliat, alteram vero alibi nusquam habitare compertum est. Ibid. p. 726.

¹⁾ Ibid. p. 722.

²⁾ Ille Pontifex Maximus, qui sibi provinciam Italiam atque imprimis urbem hanc Mediolanensium evertendam sacerdotalis militiae senili expeditione delegerat et in utramque Christianam Christianorum pater perfecto odio saeyiebat, quasi non Italia haec, sed Syria, vel Aegyptus, non Mediolanum, sed Damascus esset aut Memphis. Cum ad hoc sanctum piisque opus unum e sacro patrum collegio,—filium, ut multi dixerunt suum, et secundum famam similitudo ingens morumque ferocitas adjuvabat—non Apostolicum, sed praedonis in morem... destinasset etc. Ibid. p. 727. Это письмо важно также, какъ комментарий въ планамъ разныхъ партій въ Куріи.

³⁾ Fuit seniculus quidam etc. Ibid. p. 730—731.

ніемъ и комментариемъ ¹⁾. Но при всей важности своего значенія переписка имѣетъ два крупныхъ недостатка: реторичность и неискренность. Петрарка слишкомъ любитъ краснорѣчіе и для достиженія ораторскаго эффекта кладетъ иногда слишкомъ рѣзкія тѣни и на свои чувства и на окружающую его дѣйствительность ²⁾. Наряду съ этимъ письма Петрарки лишены задушевности и безыскусственности, свойственныхъ частной перепискѣ. Онъ всегда имѣетъ передъ глазами публику, читателя, поэтому старается держаться на подобающей высотѣ и писать только о томъ, что занимательно и поучительно. Индивидуализмъ Петрарки и его высокое мнѣніе о своемъ краснорѣчій оказали въ этомъ случаѣ важную услугу: благодаря имъ онъ сохранилъ для потомства и дѣловыя записки, имѣющія иногда большую біографическую цѣну.

Историческая важность переписки Петрарки уже давно признана новыми изслѣдователями, хотя нельзя сказать, чтобы ея значеніе было вполнѣ выяснено и чтобы происхожденіе и содержаніе писемъ было критически и всесторонне изслѣдовано. До шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія не существовало полнаго изданія писемъ о домашнихъ дѣлахъ; а старческая переписка и письма безъ адреса до сихъ поръ находятся только въ старинныхъ изданіяхъ, такъ какъ Фракассетти далъ только итальянскій переводъ первой и совершенно исключилъ изъ своего собранія вторыя ³⁾. Поэтому прежніе историки литературы или обходятъ молчаніемъ переписку Петрарки, какъ Жюнгенэ, или ограничиваются общимъ о ней сужденіемъ, какъ Сисмонди, по словамъ котораго она выше всѣхъ латинскихъ произведеній Петрарки ⁴⁾. Изслѣдователи философскихъ воззрѣній перваго гуманиста единодушно признаютъ огромную важность его писемъ. Маджоло ставитъ ихъ выше *Canzoniere* ⁵⁾. Бонифасъ считаетъ первостепеннымъ источникомъ для той эпохи ⁶⁾. Общее сознаніе

¹⁾ Ср. Körting, p. 17 и 18. Voigt II, p. 424, 25. О значеніи переписки для характеристики среды Петрарки см. ниже.

²⁾ См. Körting (p. 17), который въ свою очередь нѣсколько преувеличиваетъ эту черту.

³⁾ Фракассетти издалъ *Epist. famil.* въ томъ видѣ, въ которомъ они были собраны самимъ Петраркой съ весьма незначительными измѣненіями. См. Voigt, *Die Briefsammlungen Petrarca's* p. 18. Нѣкоторыя поправки у Voigt'a *Die Wiederbelebung* I, p. 21 и у Мезьера въ приложеніи къ его книгѣ о Петраркѣ.

⁴⁾ Sismondi, p. 427.

⁵⁾ Essai, p. 94—95 и 96—97.

⁶⁾ *De Petrarca philosopho*, p. 36.

важности писемъ Петрарки уже давно вызвало мысль издать полное ихъ собраніе ¹⁾, и когда эта мысль была только отчасти осуществлена Фракассетти, его изданіе чрезвычайно оживило біографическія изслѣдованія о первомъ гуманистѣ и вызвало болѣе обстоятельную оцѣнку его переписки. Такъ Гейгеръ, книга котораго, по его собственному признанію, написана на основаніи изданій Фракассетти ²⁾, даетъ характеристику писемъ Петрарки. Уже Бонифасъ высказалъ мнѣніе, что Петрарка подражалъ въ своихъ письмахъ Цицерону ³⁾; Гейгеръ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, но ограничиваетъ подражаніе только внѣшней формой. По его словамъ, содержаніе писемъ Петрарки „даетъ ясное представленіе объ объемѣ его ученой работы, о глубинѣ его умственной жизни“ и изображаетъ его „своеобразное самостоятельное духовное развитіе“ ⁴⁾. Несравненно болѣе обстоятельно обсуждаетъ переписку Петрарки Кёртингъ, отмѣтившій почти всѣ исторически-важныя стороны писемъ перваго гуманиста ⁵⁾. Онъ весьма тонко и мѣтко указалъ проявленіе новаго времени въ самомъ фактѣ существованія столь обширной корреспонденціи: ея потребность обнаруживается въ авторѣ индивидуалистическое сознаніе важности своихъ мыслей, стремленіе сообщить ихъ другому, и это стремленіе всегда съ особенной силой появляется въ такія эпохи, когда пережитое начинаетъ умирать и чувствуется приближеніе чего-то новаго, еще неяснаго и неопредѣленнаго. Тѣмъ же индивидуализмомъ объясняетъ Кёртингъ весьма характерную черту переписки, именно, что она не даетъ почти никакого представленія объ адресатахъ, такъ какъ Петрарка, занятый своими мыслями и чувствами, одинаково излагаетъ ихъ всѣмъ и каждому. „Мы всегда видимъ на сценѣ“, говоритъ онъ, „только героя“, а не хоръ, который никогда не выступаетъ изъ тусклаго полумрака на заднемъ планѣ“ ⁶⁾. Но вслѣдствіе этого переписка не утрачиваетъ исторической важности и интереса, потому что Петрарка, интересуясь всѣмъ окружающимъ, рисуетъ полную культурно-историческую картину своей эпохи. Что касается до вопроса о подражаніи Цицерону, то Кёр-

¹⁾ Исторія этой мысли изложена у Ferrazzi, p. 799—802.

²⁾ См. его *Neue Schriften zur Geschichte des Humanismus* (въ 38 томѣ Hist. Zeit. 1875), гдѣ онъ даетъ очень сочувственный отзывъ объ изданіяхъ Фракассетти (p. 50—52).

³⁾ Л. с. p. 35.

⁴⁾ Geiger, *Petrarca. Leipzig, 1874*, p. 96—97.

⁵⁾ Körting, *Petrarca's Leben*, p. 11—32.

⁶⁾ Ibid. p. 16—17.

тингъ отвѣчаетъ на него отрицательно. Если искать образца для писемъ Петрарки, то его можно найти въ перепискѣ не Цицерона, а Сенеки, но и здѣсь подражаніе было чисто внѣшнее и касалось не формы, а содержанія: подобно Сенекѣ Петрарка любилъ разсуждать въ письмахъ на отвлеченныя и преимущественно этическія темы. Наоборотъ, форма у Петрарки совершенно оригинальна. „Петрарка впервые разорвалъ оковы натянутой условности“, говоритъ Кёртингъ, „и осмѣлился наложить печать своей индивидуальности также и на внѣшнюю (sprachlich) форму. Поэтому онъ, хотя и писалъ только на языкѣ древности, приобрѣлъ важное значеніе для развитія новой прозы: онъ указалъ путь, посредствомъ котораго прозаическая рѣчь могла освободиться отъ оковъ мертвой формальности, получить жизнь и приспособиться къ индивидуальнымъ формамъ и потребностямъ. Можетъ быть даже вліяніе Петрарки на развитіе прозы было больше или, по крайней мѣрѣ, благотворнѣе, чѣмъ то, которое онъ оказалъ на развитіе поэзіи“¹⁾. Это замѣчаніе, въ общемъ вѣрное и весьма цѣнное для общей характеристики Ренессанса, подлежитъ однако нѣкоторымъ ограниченіямъ. Индивидуализмъ Петрарки въ языкѣ обнаруживался безсознательно и, можетъ быть, даже противъ его воли. Самъ Кёртингъ отмѣчаетъ, что Петрарка замѣнилъ обычное *vos* классическимъ *tu*, и Фогтъ показалъ, какъ мы увидимъ ниже, что это и нѣкоторыя другія измѣненія были сдѣланы Петраркою позже и съ несомнѣнною цѣлью болѣе приблизиться къ античнымъ образцамъ. Съ другой стороны вліяніе Петрарки на новую прозу остается простымъ предположеніемъ Кёртинга, которое едва-ли можно подтвердить фактами или убѣдительными соображеніями: новую прозу въ этомъ смыслѣ создалъ индивидуализмъ, творцомъ котораго не былъ Петрарка. Наконецъ, Кёртингъ вѣрно подмѣтилъ и фактически доказалъ, что „Петрарка самъ предназначалъ свои письма для публики (*fur die Oeffentlichkeit*) или, чтобы избѣжать этого нѣсколько неопредѣленнаго выраженія, для болѣе обширнаго круга читателей, а не только для одного адресата“²⁾. Мы думаемъ, что этому наблюденію, наоборотъ, слѣдуетъ придать болѣе широкое значеніе: значительная часть переписки Петрарки, именно всѣ его письма политическаго и этическаго содержанія, включая сюда и письма безъ адреса, имѣли публицистическій характеръ и понимались въ такомъ смыслѣ современниками.

¹⁾ Ibid. p. 19.

²⁾ Ibid. p. 20—21.

Этотъ выводъ, помимо фактическихъ доказательствъ, приведенныхъ у Кёртинга, подтверждается самымъ несомнѣннымъ образомъ такими письмами, какъ, напр., адресованныя Кола-ди-Риенцо, или римскому народу. Съ этой точки зрѣнія Петрарку можно назвать родоначальникомъ новой журналистики.

Но если характеристика Кёртинга дружеской переписки Петрарки въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то его отношеніе къ „Письмамъ безъ адреса“ отличается противоположнымъ характеромъ. Совершенно голословно отрицая біографическую важность этихъ писемъ, Кёртингъ обрушивается на Петрарку цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ обвиненій. Прежде всего, переписка доказываетъ, по его словамъ, „какой большой недостатокъ былъ у Петрарки въ силѣ убѣжденія и въ истинномъ нравственномъ величіи. Если бы онъ открыто, хотя бы и въ умѣренныхъ выраженіяхъ, высказалъ тѣ тяжелыя и навѣрное хорошо обоснованныя обвиненія, которыя онъ выставилъ противъ куріа и клира въ этихъ письмахъ, то это было бы мужественнымъ дѣломъ и большою заслугой и едва-ли навлекло бы на него большую опасность“. „Петрарка“, говоритъ далѣе Кёртингъ, „не имѣлъ мужества поставить свое имя подъ этими боевыми произведеніями, и такой образъ дѣйствія безусловно долженъ быть признанъ трусливымъ и безхарактернымъ“¹⁾. Можно подумать, что Петрарка тщательно скрывалъ эти письма и что современники не знали ихъ автора. Между тѣмъ изъ предисловія видно, что Петрарка, хотя и принималъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы письма не попали въ руки заинтересованныхъ лицъ при его жизни, но не былъ увѣренъ въ ихъ дѣйствительности и изъявлялъ готовность перенести негодованіе сильныхъ міра сего²⁾. Поэтому онъ старался оградить себя только тѣмъ, что опустилъ собственныя имена и бичуемыхъ прелатовъ, и сочувствующихъ этому бичеванію адресатовъ, не скрывая своего авторства³⁾. Петрарка предвидѣлъ, что эта переписка не можетъ остаться тайной для современниковъ, и, дѣйствительно, о ней упоминаетъ уже Ф. Виллани⁴⁾.

¹⁾ Ibid. p. 27.

²⁾ Providebo, si potero, ne vivo me cujusquam talium in manus veniat. Si fefellerit, ego tamen veri studio quaesitum odium non verebor et meritis partam invidiam inter titulos numerabo.

³⁾ Et sicut in pastorio de quo loquebar opusculo, sic in isto: illic obscuritate quadam hic scriptorum latebris ac silentio tutus sum. Nec solus ego, sed hi quoque, quibus haec scripseram, quorum nomina sciens volensque ubticui.

⁴⁾ У Galletti, p. 15.

Фогтъ въ новомъ изданіи своей книги примыкаетъ къ характеристикѣ Кёртинга ¹⁾ и дѣлаетъ только нѣсколько весьма важныхъ дополненій. Уже Сисмонди замѣтилъ, „что переписка Петрарки сдѣлалась магическою связью, которая впервые соединила всю европейскую литературную республику“ ²⁾. Фогтъ примыкаетъ къ этому взгляду и видитъ въ гуманистической перепискѣ суррогатъ „позднѣйшихъ газетъ и разнообразныхъ литературныхъ листковъ“ ³⁾. Кромѣ того, Фогтъ рѣшительнѣе отрицаетъ подражательный характеръ писемъ Петрарки: съ письмами Цицерона онъ познакомился позже, и въ его письмахъ несравненно болѣе жизненной конкретности и фактическаго содержанія, чѣмъ у Сенеки. „Какъ ни высоко уважалъ онъ обоихъ древнихъ писателей“, говоритъ Фогтъ, „въ дѣйствительности, какъ эпистолографъ, онъ не былъ ученикомъ ни того, ни другого. И здѣсь онъ слѣдовалъ за звѣздою своего генія“ ⁴⁾. Исходя изъ этого положенія, Фогтъ намѣчаетъ по перепискѣ внутреннюю исторію Петрарки, указывая отмѣченную выше разницу между его ранними и старческими письмами ⁵⁾.

Гаспари въ притивоположность всѣмъ своимъ предшественникамъ относится къ перепискѣ Петрарки чрезвычайно сурово. Признавая ея важность для *фактической* біографіи самого автора и его друзей, Гаспари отрицаетъ ея „эстетическую цѣну“. Письма Петрарки лишены „интимности“; по нимъ нельзя „видѣть великаго человѣка въ его частныхъ отношеніяхъ, прослѣдить день за день его чувства и дѣйствія, наблюдать, какъ отражаются въ немъ обыкновенныя житейскія событія... Его письма—подражаніе древности, письмамъ Цицерона и еще болѣе Сенеки“ ⁶⁾, Такой отзывъ могъ бы имѣть цѣну, если бы Гаспари рядомъ выдержекъ изъ переписки опровергъ документальныя характеристики Кёртинга и Фогта; но научная доказательность, въ общемъ составляющая главное достоинство книги Гаспари, измѣнила автору въ этомъ случаѣ.

Въ основѣ изученія писемъ Петрарки, на которомъ держатся

¹⁾ Die Wiederbelebung II, p. 426, nr. 3.

²⁾ L. c. p. 401.

³⁾ Die Wiederbelebung II, p. 423.

⁴⁾ Ibid. p. 425.

⁵⁾ Ibid. p. 425—426. *Bartoli, Storia della letteratura italiana. Tomo VII. Firenze 1884* (p. 176—184) отмѣчаетъ въ письмахъ только реторичность и ученую суетность Петрарки, которая сказала въ массѣ цитатъ, что не мѣшаетъ ему признать историческую важность переписки.

⁶⁾ Gaspari, Geschichte der italienischen Litteratur I, p. 444.

всѣ эти характеристики, до послѣдняго времени лежитъ тотъ текстъ переписки, который отчасти издалъ Фракассетти, отчасти находится въ собраніяхъ сочиненій, напечатанныхъ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Между тѣмъ письма Петрарки дошли до насъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ позднѣйшей редакціи, сдѣланной отчасти самимъ авторомъ, отчасти его учениками и друзьями. Время и способъ этой редакціонной обработки, отношеніе напечатаннаго текста къ тѣмъ первоначальнымъ автографамъ, которые получали адресаты— все это вопросы, существенно важные для историческаго изученія памятника. Поэтому наиболѣе обстоятельные изъ біографовъ Петрарки должны были обратить вниманіе на эту сторону его переписки. Уже Фракассетти, а потомъ Кёртингъ опредѣлили время составленія сборниковъ писемъ, показали, что Петрарка желалъ расположить письма въ хронологическомъ порядкѣ, который однако при отсутствіи датъ на письмахъ установить было трудно, и что редакція принадлежала не самому Петраркѣ, а его друзьямъ ¹⁾. Фогтъ въ своемъ общемъ сочиненіи опредѣлилъ имена этихъ послѣднихъ (Gasparo da Verona и Giovanni da Ravenna) и указалъ, что наряду съ редакціей самого автора существовали частные сборники писемъ Петрарки; такой сборникъ находился между прочимъ у венеціанскаго канцлера Бенинтенди ²⁾. Годъ спустя послѣ появленія второго изданія своей книги Фогтъ обратился къ болѣе специальному изученію этого сборника, результаты котораго онъ изложилъ въ особомъ трудѣ — „Собраніе писемъ Петрарки и венеціанскій канцлеръ Бенинтенди“.

Главная задача книги Фогта показать, что *Epistolae Variae* не редактированы Петраркою, а вошли въ печатныя изданія изъ частнаго сборника. Фракассетти, а за нимъ Кёртингъ относили къ этому сборнику слова Петрарки изъ заключительнаго письма дружеской переписки, что нѣкоторыя письма онъ изъяслялъ изъ общаго порядка и собралъ въ особый томъ ³⁾. Фогтъ утверждаетъ, что эти слова относятся къ письмамъ безъ адреса, и приводитъ въ доказательство цѣлый рядъ весьма вѣскихъ фактовъ. Прежде всего Фракассетти не нашелъ рукописи, въ которой „Разныя письма“ составляли бы отдѣльную группу, и напечаталъ ихъ по тексту старыхъ изданій съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, оказалось, что подъ этой

¹⁾ Körtling, p. 22 и слѣд.

²⁾ Die Wiederbelebung II, p. 427—429.

³⁾ Quae hujus quidem generis scripta jam supererant, his avulsa extra ordinem alio quodam digessi volumine. *Epist. famil.* XXIV, 13.

рубрикой въ старыхъ изданіяхъ помѣщено 23 письма, относящихся или къ дружескимъ, или къ старческимъ. Фракассетти вернулъ ихъ на свое мѣсто и замѣнилъ 35 ненапечатанными. Фогтъ думаетъ, что эти письма вошли въ печатное изданіе изъ сборника Бенинтенди. Его аргументація сводится къ слѣдующему. 1) Впервые *Epistolae Variae* появились въ *венеціанскомъ* изданіи 1501 года, какъ дополненіе къ перепискѣ безъ особаго заглавія, которое безъ всякаго основанія дано только въ первый разъ въ базельскихъ изданіяхъ 1554 и 1581 годовъ. Венеціанскій текстъ легъ въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ изданій ¹⁾. 2) Между тѣмъ какъ въ Италіи до сихъ поръ не найдено рукописи, положенной въ основаніе венеціанскаго текста, два манускрипта въ Германіи ²⁾ представляютъ собою копію съ того кодекса, которымъ пользовался венеціанскій издатель ³⁾. 3) Фогтъ подробно анализируетъ содержаніе кодекса, въ составъ котораго вошли, кромѣ писемъ Петрарки, нѣкоторыя сочиненія Бенинтенди и другихъ лицъ, и показываетъ, какъ и почему попали къ венеціанскому канцлеру всѣ части его сборника. Для этой цѣли онъ даетъ обстоятельный біографическій очеркъ Бенинтенди ⁴⁾. 4) Но въ обѣихъ рукописяхъ есть произведенія Петрарки, написанныя уже послѣ смерти Бенинтенди. Фогтъ такимъ же приемомъ доказываетъ, что эти дополненія сдѣланы анонимомъ изъ Тревизо ⁵⁾.

Несмотря на строгую научность метода и на тонкую и точную аргументацію, книга Фогта въ главной своей части, а также ея весьма цѣнныя приложенія имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе для изученія среды Петрарки, чѣмъ для самого родоначальника гуманизма. Ея окончательный результатъ сводится только къ хронологической ректификаціи нѣкоторыхъ писемъ Петрарки. Гораздо важнѣе для характеристики его переписки двѣ вводныя главы книги Фогта.

Въ первой изъ нихъ Фогтъ излагаетъ результаты своихъ наблюденій надъ десятью автографами писемъ Петрарки, которые сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ они были получены адресатами ⁶⁾. Изъ ихъ сравненія съ печатнымъ текстомъ, въ основѣ кото-

¹⁾ Die Briefsammlungen, p. 21—22.

²⁾ Мюнхенскій № 5350 и университетской бібліотеки въ Лейпцигѣ № 1269.

³⁾ Die Briefsammlungen, p. 24—28.

⁴⁾ Ibid. p. 28—66.

⁵⁾ Ibid. p. 66 и слѣд.

⁶⁾ ВЪ Laurentiana. Plut. LIII. Cod. XXXV.

раго лежитъ позднѣйшая редакція переписки, оказывается весьма характерная разница. Заимствованное у Цицерона стереотипное обращение къ адресату (напр., Fr. Petrarca Barbato Sulmonensi s. p. d.) ¹⁾ въ оригиналѣ не встрѣчается; вмѣсто него болѣе простой адресъ, составленный въ разныхъ выраженіяхъ: или Modio meo exoptissimo, или Modio meo amantissimo atque или Insigni viro magistro Modio Parmensi amico optimo, при чемъ самое письмо или начинается словами: Amatissime, amice и т. п., или прямо, безъ всякаго обращенія. Точно также измѣнена и подпись. Въ позднѣйшей редакціи она обыкновенно отбрасывается на классическій манеръ; въ оригиналѣ Петрарка подписывался или просто F., или Franciscus tuus или F. vester. Другая весьма характерная разница заключается въ томъ, что классическое tu въ обращеніи, исключительно господствующее въ редакціи, въ оригиналѣ весьма часто замѣняется vos, противъ котораго позже такъ ратовалъ самъ Петрарка ²⁾).

Фогтъ еще въ своемъ общемъ сочиненіи предугадалъ главный выводъ изъ этихъ наблюденій, который теперь получилъ окончательное научное доказательство, именно, что переписка Петрарки вытекала не изъ подражанія древнимъ, а изъ его индивидуальныхъ потребностей. Но результаты наблюденій Фогта служатъ хорошей иллюстраціей и другого весьма важнаго явленія въ эпоху Возрожденія. Открытыя позже письма Цицерона оказали несомнѣнное вліяніе на окончательную редакцію переписки: Петрарка постарался придать произведеніямъ новаго времени античную форму, освятить примѣромъ древнихъ потребность, возникшую при современныхъ условіяхъ. Классическая литература является здѣсь не причиною литературной формы, а ея опорой и санкціей. Будущему изслѣдователю не трудно будетъ показать изъ сравненія сочиненій Петрарки съ соотвѣтствующими произведеніями античной литературы, что такую же роль играло и содержаніе древнихъ авторовъ.

Вторая глава книги Фогта, гдѣ идетъ рѣчь о редакціи переписки, имѣетъ болѣе техническій интересъ. Время составленія сборниковъ и лица, которымъ было поручено это дѣло, извѣстны были и раньше отчасти изъ общаго сочиненія самого Фогта. Здѣсь онъ весьма остроумно и убѣдительно доказываетъ, что Петрарка самъ писалъ свои письма и поручалъ переписчикамъ только дѣлать съ

¹⁾ Фогтъ показалъ, что эти обращенія введены въ печатный текстъ не изъ рукописи Петрарки; первый ихъ ввелъ издатель переписки Sebastianus Manilius. Die Briefsammlungen, p. 14.

²⁾ Ibid. p. 4—6.

нихъ копи, что сожженіе многочисленныхъ писемъ и другихъ произведеній, о которомъ онъ говоритъ въ предисловіи къ дружеской перепискѣ, надобно понимать въ смыслѣ уничтоженія разной макулатуры ¹⁾. Но эти вопросы не имѣютъ существеннаго значенія для біографіи перваго гуманиста.

Что касается до итальянской переписки Петрарки, то она исчезла почти безъ слѣда. Тѣ немногія письма, которыя теперь извѣстны, весьма основательно считаются подложными ²⁾ и по своему содержанию не представляютъ значительнаго интереса. Гораздо важнѣе для біографіи Петрарки его рѣчи. Изъ пяти извѣстныхъ до сихъ поръ его рѣчей наибольшій интересъ представляетъ первая, которую онъ произнесъ въ 1341 году во время своего вѣнчанія въ поэты ³⁾. Она построена весьма систематично. Петрарка выбралъ мотто слѣдующій стихъ изъ третьей книги Георгикъ:

Sed me Parnasi deserta per ardua dulcis
Raptat amor...

Но, произнеся въ началѣ рѣчи стихъ изъ языческаго поэта, Петрарка считаетъ нужнымъ оговориться: на поэтическомъ торжествѣ не должно быть мѣста обычнымъ богословскимъ разсужденіямъ. Тѣмъ не менѣе послѣ стиха Виргилія онъ прочиталъ Ave, Maria. Содержаніе рѣчи заключается въ томъ, что Петрарка примѣняетъ къ себѣ процитированный стихъ: его первая часть (*deserta per ardua*) указываетъ на трудности въ поэтической дѣятельности оратора, вторая (*dulcis raptat amor*) — его любовь къ своему дѣлу. Эти трудности троякаго рода: онѣ заключаются въ природѣ дѣла, для котораго мало одного труда ⁴⁾, въ тяжелой личной судьбѣ оратора.

¹⁾ Ibid. p. 8—13.

²⁾ Они напечатаны у Fracassetti. Lett. fam. I, p. 7—13. Voigt доказываетъ, что одно изъ нихъ, адресованное Vecchamugi, подлинно. Die Briefsammlungen, p. 6—7. См. также Prost, *Observations sur trois lettres attribuées à Pétrarque. Nogent. 1876.*

³⁾ *Collatio edita per clarissimum poetam franciscum petrarcam florentinum rome in capitolio tempore laureationis sue* (По кодексу флорентинской Magliabechiana Classe IX. № 133) издана Горгисомъ. (*Attilio Hortis, Seritti inediti di Francesco Petrarca. Trieste 1874*, p. 311 и слѣд.).

⁴⁾ Quanta inquam sit naturaliter difficultas propositi mei ex hoc apparet quod cum in ceteris artibus studiis et labore possit ad terminum perveniri in arte poetica secus est, in qua nil agitur sine interna quadam et divinitus in animum vatis infusa vi. Ibid. p. 312.

тора, о которой онъ однако не желаетъ распространяться ¹⁾, и въ неблагопріятныхъ временахъ для поэзіи, которыя рѣзко измѣнились послѣ Августа. Эти трудности побѣдила любовь къ поэзіи; „она же заставила его стремиться къ почетному коронованію, при чемъ онъ руководствовался троякими мотивами: желаніемъ почести отъ государства, жаждою славы и стремленіемъ возбудить другихъ къ подражанію“ ²⁾. Петрарка объясняетъ далѣе, почему предпочелъ онъ получить эту почесть въ Римѣ, а не въ Парижѣ: кромѣ значенія города, его побуждало желаніе возстановить старинный вышедшій изъ употребленія обычай. Что касается до второго стимула, то Петрарка открыто заявляетъ, что стремленіе къ славѣ свойство всѣхъ людей и въ особенности выдающихся ³⁾. Далѣе Петрарка считаетъ необходимымъ ближе опредѣлить сущность поэзіи и сказать нѣсколько словъ о безсмертіи имени, которое составляетъ главную награду поэта. По отношенію къ поэзіи Петрарка стоитъ на средневѣковой точкѣ зрѣнія и считаетъ ея сущностью аллегорію ⁴⁾. Зато въ другомъ пунктѣ онъ является настоящимъ родоначальникомъ гуманистовъ. Опираясь на многочисленныя цитаты изъ классическихъ авторовъ, Петрарка настаиваетъ на той мысли, что писатели создаютъ безсмертіе не только для себя самихъ, но и для героевъ въ другихъ сферахъ общественной жизни. Рѣчь заканчивается длиннымъ изъясненіемъ аллегорическаго значенія лавра при коронованіи поэтовъ и полководцевъ.

¹⁾ *Secundum videlicet quam mihi fortuna fuerit semper inexorabilis et dura quantis me laboribus exercuerit ab adolescentia mca quot ejus pertulerim insultus novit altissimus noverunt hii qui me cum familiariter versati sunt. Ego autem eloqui supersedeo ne diem festum lugubri sermone detineam. Ibid. p. 313.* Далѣе онъ съ нѣкоторою таинственностью входитъ въ подробности о своихъ невзгодахъ. *Sentio tamen anxietate carens animus facit omnis acerbi impatiens cupidus silvarum aptusque bibendis fontibus aonidum nec enim cantare sub antro pyeridum tirsumve potest contingere seva paupertas atque eris inops quo nocte dieque corpus eget. Ibid. p. 314.*

²⁾ *Affectus iste animi victor difficultatis illius ex tribus quoque radicibus exoritur, quarum prima est honor reipublice secunda decor proprie glorie tertia calcar aliene industrie. Ibid. p. 316.*

³⁾ *Glorie appetitum non solum communibus hominibus sed maxime sapientibus et excellentibus viris insitum. Ibid. p. 318.*

⁴⁾ *Poëtas sub velamine figuratorum nunc fisica nunc moralia nunc hystorias comprehendisse ut verum fiat quod saepe dicere solco. Inter poëtae et hystorici et philosophi seu moralis seu naturalis officium hoc interesse quod inter nubilosum et serenum coelum interest cum utrobique eadem sit claritas in subjecto sed pro captu spectantium diversa. Ibid. p. 320—321.*

Изъ новыхъ изслѣдователей только Кёртингъ обстоятельно говорить объ этой рѣчи и излагаетъ ея содержаніе ¹⁾. По его мнѣнію, она представляетъ собою „замѣчательный литературный памятникъ, который, нося на себѣ печать наполовину среднихъ вѣковъ, наполовину Ренессанса, стоитъ, какъ пограничный столбъ, на рубежѣ двухъ культурныхъ эпохъ“. Съ этой оцѣнкой нельзя не согласиться, но Кёртингъ слишкомъ низко цѣнитъ внѣшнюю сторону рѣчи. „Въ формальномъ отношеніи“, говоритъ онъ, „рѣчь доставляетъ мало удовольствія (*wenig erquicklich*), вслѣдствіе средневѣкового педагогичнаго схематизма искусственныхъ и утонченныхъ дѣлений и подраздѣленій“. Дѣйствительно, въ построеніи этой рѣчи чувствуется влияніе схоластическихъ приемовъ; но это относится, во-первыхъ, только къ первой ея части, и, во-вторыхъ, Петрарка и здѣсь не злоупотребляетъ традиціонными приемами, вслѣдствіе чего и внѣшняя сторона его рѣчи представляетъ собою переходъ отъ средневѣкового переутонченнаго схематизма къ новой систематичности.

Остальныя рѣчи произнесены Петраркой во время службы у Висконти и представляютъ интересъ не только для выясненія его отношенія къ миланскимъ тираннамъ, но и вообще для характеристики его политическихъ воззрѣній. Первая изъ нихъ, произнесенная имъ въ качествѣ миланскаго посла въ венеціанскомъ сенатѣ ²⁾, не имѣетъ важнаго значенія. Съ помощію многочисленныхъ цитатъ изъ свящ. Писанія и изъ древнихъ авторовъ Петрарка убѣждаетъ сенатъ заключить миръ съ Генуей, которая подчинилась Милану. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Петрарка, обращаясь къ дожу, напоминаетъ ему свое прежнее письмо на ту же тему, а также безцеремонное восхваленіе добродѣтелей и миролюбія Дж. Висконти ³⁾, которое показываетъ, что ораторъ и въ качествѣ придворнаго ученаго и поэта былъ родоначальникомъ позднѣйшихъ гуманистовъ.

Вторая рѣчь произнесена Петраркой при погребеніи Дж. Висконти ⁴⁾. Ораторъ говорилъ на этотъ разъ на текстъ изъ псалма;

¹⁾ L. c. p. 178—183.

²⁾ *Arengna facta venecijs 1353, octavo die Novembris super pace tractanda Inter commune Ianue et dominum Archiepiscopum Mediolanensem ex una parte, et commune veneciarum ex altera per dominum franciscum petrarcam poetam et ambasiatorem supradictum*. Издава по кодексу № 4498 вѣвской придворной бібліотеки Гортисомъ (l. c. p. 329 и слѣд.). Изложеніе ея содержанія у Körtling'a (p. 303—305).

³⁾ Hortis p. 330 и 331.

⁴⁾ *Arrigna facta Mediolani in Millesimo 1354 Die VII octobris de morte Domini Archiepiscopi Mediolanensis: qui fuit Dominus quasi totius*

но коротенькая рѣчь пересыпана многочисленными цитатами изъ древнихъ авторовъ. Панегирической характеръ рѣчи обусловливался самымъ ея поводомъ; тѣмъ не менѣе тонъ ея чрезвычайно характеренъ. Петрарка не только надѣляетъ покойника всевозможными христіанскими добродѣтелями ¹⁾, но и считаетъ его кончину большей потерей, чѣмъ смерть Платона ²⁾. Такія гиперболы не часто встрѣчаются и у позднѣйшихъ гуманистовъ.

Третья политическая рѣчь Петрарки была произнесена имъ по порученію Галеаццо Висконти къ жителямъ Новары, въ 1358 году, послѣ того, какъ они вновь были подчинены Милану ³⁾. Петрарка и здѣсь говорилъ на текстъ псалма *Convertetur populus meus hic*. Послѣ благочестиваго вступленія ⁴⁾ ораторъ дѣлитъ текстъ на двѣ части *convertetur* и *populus meus hic* и истолковываетъ каждое слово примѣнительно къ обстоятельствамъ, влагая весь текстъ въ уста побѣдителя. Первое требуетъ покаянія, три послѣднихъ свидѣ-

Lombardiae, qui obiit die quinta dicti mensis. Per Dominum Franciscum Petrarcam Poëtam Laureatum. Hortis издалъ по кодексу Magliabech. № 123 clas. XXIV итальянскій текстъ рѣчи (l. c. p. 335 и слѣд.). Рукопись относится къ XVI вѣку, и Гортисъ думаетъ, что это переводъ съ латинскаго оригинала. (Ibid. p. 138 — 139). Сомнѣнія, возбужденныя противъ подлинности этой рѣчи, не имѣютъ никакихъ фактическихъ основаній (См. Körting, p. 311—313).

¹⁾ Для това рѣчи характерно слѣдующее мѣсто: *Se si guarda il cammino di Dio, chi vide mai tanta divozione! chi vide mai tanto fervor d'animo! chi vide mai ne Signore, ne altri stare a Messa, et à gli uffizij divini con tanta riverenza, con tanta suggezzione? Se si guarda il Cammino del Mondo, chi vide mai tanta pietà verso i poveri! tanta lealtà verso ogni maniera di gente.* Ibid. p. 336.

²⁾ *Non nego che Plato fu sommo, et nobilissimo Filosofo, et resse la scuola sua con fama grandissima, et con gloria, et credo bene che à gli suoi scolari, et alla sua setta paresse che morendo lui il Sol cadesse del Cielo. Ma che non sia comparazione da cento, ó dugento, scolari, à tanti potentissimi Cittadini, tante Terre, Tanti Popoli, e tutti viveano in pace e giustizia sotto il nostro signore, ai quali tutti non dubito, pare, che il sol sia caduto dal Cielo per la morte sua.* Ibid., p. 337.

³⁾ *Arengna facta per dominum franciscum petrarcham poëtam laureatum in Civitate Nouarie coram populo ejusdem civitatis et presente Magnifico domino galeaz de vicecomitibus de mediolano dum dicta civitas fuisset rebellis ipse domino reducta ad obedienciam dicti domini Galeaz MCCCLVI^o XVIII Junii.* Напечатана по кодексу вѣнской уридворной бібліотеки № 4498 Гортисомъ (l. c. p. 341 и слѣд.) О хронологической ошибкѣ въ заглавіи ibid. p. 166. Изложеніе содержанія у Körting'a p. 339—345.

⁴⁾ *Invocato Spiritu sancto... dicam pauca brevissime ad gloriam et laudem eterni domini nostri ihesu christi.* Hortis, p. 341.

тельствуютъ о любви и уваженіи Висконти къ новарцамъ: слово „народъ“ — почетное названіе, потому что оно не обозначаетъ всякаго сброда людей: пираты, напр., или современные наемныя шайки не народъ ¹⁾. Слово „мой“ Галеаццо въ правѣ употребить, такъ какъ Новара давно принадлежала Висконти, а въ то же время оно обозначаетъ и любовь къ народу ²⁾. То же самое значеніе имѣетъ слово „этотъ“, такъ какъ оно указываетъ на преимущество передъ другими. Эти положенія, какъ и все дальнѣйшее изложеніе, подкрѣплено массой цитатъ, какъ изъ Библии, такъ и изъ классическихкихъ авторовъ. Вторая часть рѣчи истолковываетъ общій смыслъ текста. Она начинается длиннымъ разсужденіемъ о грѣховности чловѣка, изъ которой выводится необходимость снисходительнаго отношенія къ чужой слабости ³⁾. Такъ относится къ гражданамъ и Галеаццо, и это болѣе, чѣмъ прощеніе, потому что новарцы не только провинились, но и нанесли ему глубокое оскорбленіе. (По этому поводу Петрарка приводитъ различные взгляды древнихъ на состраданіе). Галеаццо еще великодушнѣе: онъ не только прощаетъ гражданъ, но даже оправдываетъ и защищаетъ ихъ. Сначала ⁴⁾ они возстали, какъ онъ говоритъ, по винѣ начальниковъ, обольщенные обманщиками; затѣмъ ихъ удерживалъ страхъ передъ новымъ господиномъ и боязнь наказанія отъ стараго; наконецъ, теперь изъ ихъ настроенія видно, что они никогда ничего не замыслили противъ него и что все случившееся произошло благодаря насилію враговъ. Поэтому новарцы должны быть спокойны ⁵⁾, потому что Галеаццо любить ихъ по-прежнему.

Кёртингъ отмѣтилъ „высокій интересъ“ этой рѣчи съ ея „стран-

¹⁾ *Populus non est nisi quem juris et justicie nodus tenet. Ibid. p. 343.*

²⁾ *Est autem amicabile appropriacio quia ait meus. Ibid. p. 345.*

³⁾ Характерно, что для доказательства мысли, *quod cum hominum de hominibus sermo sit nec extra humanam naturam querenda sit bonitas. (Ibid. p. 348),* Петрарка ссылается на Цицерона.

⁴⁾ Ораторъ заставляетъ и Висконти разсуждать по средневѣковымъ приемамъ. Онъ *totum hoc tempus quo hec civitas novarum rerum fluctibus agitata est in tres partes dividit que tripartita divisio omnium temporum ac rerum prope communis est, partes autem sunt principium medium et finis. Ibid. p. 353.*

⁵⁾ Окончательный выводъ изъ рѣчи формулированъ слѣдующимъ образомъ: *Et vos ergo ciues novarienses sinex rebellione non uoluntaria sed coacta metus aliquis domini cordibus uestris annexus erat, si que cure in animos adiuissent soluite metum secludite curas et securitatem pristinam fiduciamque recipite. Ibid. p. 357.*

нымъ смѣшеніемъ средневѣковыхъ и гуманистическихъ элементовъ“, потому что она показываетъ, „какъ трудно и даже невозможно было для Петрарки освободиться отъ оковъ схоластически-теологическихъ возрѣній среднихъ вѣковъ“, и потому еще, что она обнаруживаетъ необыкновенную начитанность оратора не только въ классической, но и въ церковной литературѣ¹⁾. Еще ббльшій интересъ представляетъ эта рѣчь по замыслу. Гортисъ называетъ ее „политическимъ шедевромъ“²⁾, и дѣйствительно она построена съ большимъ искусствомъ. Основная мысль Петрарки—показать виновность народа и великодушіе побѣдителя—сразу достигала двухъ цѣлей: оправдывала поведение Висконти и успокоивала новарцевъ.

Послѣдняя изъ извѣстныхъ рѣчей Петрарки произнесена была имъ въ Парижѣ въ 1361 году передъ французскимъ королемъ Іоанномъ Добрымъ. Галеаццо Висконти, сынъ котораго былъ женатъ на дочери Іоанна, отправилъ Петрарку поздравить своего родственника съ возвращеніемъ свободы. Произнесенная по этому случаю рѣчь не представляетъ интереса³⁾. Петрарка и здѣсь говорилъ на библейскій текстъ, уснащая рѣчь цитатами изъ классическихъ авторовъ. Извинившись за незнаніе французскаго языка, ораторъ долго говорилъ объ измѣнчивости счастья и закончилъ рѣчь исполненіемъ двухъ специальныхъ порученій своего господина: отъ его имени передалъ королю, что его дочь пользуется необычнымъ почетомъ въ Миланѣ, и вручилъ ему перстень, который Іоаннъ утратилъ въ битвѣ при Мопертюи и который удалось приобрести Галеаццо.

Историческое значеніе рѣчей Петрарки обуславливается какъ ихъ формою, такъ и содержаніемъ. Тѣсная связь перваго гуманиста съ средневѣковыми культурными формами обнаруживается здѣсь съ полной наглядностью. Рѣчь Петрарки нѣчто среднее между церковною проповѣдью и ораторскимъ произведеніемъ классической древности и ближе стоитъ къ первой, чѣмъ ко второму. Петрарка начинаетъ съ библейскаго текста, толкуетъ его по старымъ приемамъ и

¹⁾ L. c. p. 344—345.

²⁾ L. c. p. 166.

³⁾ Рѣчь напечатана *Barbeau du Rocher* въ третьемъ томѣ *Mémoires présentés par divers savants à l'academie des Inscriptions et belles lettres de l'Institut de France 1854*, p. 214—225. Рукописи у Гортиса p. 208 Гортисъ подробно изложилъ ея содержаніе съ многочисленными цитатами изъ рукописей. (L. c. p. 208 и слѣд.). Кертингъ (p. 311—352) излагаетъ ее по Гортису. О рѣчи Петрарки передъ венеціанскимъ сенатомъ въ интересахъ Франческо-да-Каррара, которая считается утраченною, см. *Zardo*, p. 166—170.

снабжаетъ комментарий массой библейскихъ цитатъ. Только въ рѣчи на Капитоліи текстъ изъ Библии замѣненъ выдержкой изъ Виргилія, но и классическій стихъ толкуется на схоластическій манеръ. Въ самомъ содержаніи замѣтны иногда средневѣковыя вліянія. Такъ, въ рѣчи по поводу коронаванія въ поэты, поэзія толкуется на средневѣковой ладъ. Но на-ряду съ этими отживающими формами въ рѣчахъ обнаруживается духъ новаго времени. Самый фактъ ихъ существованія нѣчто новое, необычное, и ихъ содержаніе проникнуто небывалыми прежде вѣяніями. Особенный интересъ съ этой точки зрѣнія имѣютъ двѣ рѣчи: на Капитоліи и къ новарцамъ. Въ первой значеніе поэзіи опредѣляется въ духѣ новаго времени, во второй обнаруживаются слѣды политическаго рационализма и притомъ съ задатками той специфической окраски, которую приобрѣтаетъ это направленіе позже и которая достигаетъ наибольшей напряженности въ произведеніяхъ Макіавелли. Остальныя рѣчи представляютъ интересъ, какъ первое проявленіе того обычая, который вскорѣ сдѣлался господствующимъ.

Для характеристики Петрарки наибольшій интересъ имѣютъ его политическія рѣчи. Онѣ характеризуютъ его отношенія къ Висконти и представляютъ неопровержимое возраженіе тѣмъ біографамъ, которые объясняютъ отношенія Петрарки къ князьямъ увлеченіемъ и непониманіемъ дѣйствительности, свойственными поэтамъ. Кромѣ того, рѣчь къ новарцамъ показываетъ, что вообще въ политикѣ Петрарка не былъ далекимъ отъ всякихъ расчетовъ поэтомъ, какъ думаютъ нѣкоторые біографы.

IV.

Произведенія Петрарки научнаго содержанія. Историческая критика въ его письмахъ. Книга „О знаменитыхъ людяхъ“. Ея литературная исторія и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. „Res memorandae“. Цѣль и значеніе этого произведенія. „Сирийскій путеводитель“. Значеніе Петрарки, какъ историка по воззрѣніямъ новыхъ изслѣдователей.

Разсмотрѣнныя нами категоріи произведеній Петрарки представляютъ достаточно матеріала для выясненія его отношенія къ знанію вообще и ко всей совокупности наукъ, унаслѣдованныхъ его временемъ отъ предшествовавшихъ эпохъ. Но и въ этой сферѣ онъ является не только критикомъ и истолкователемъ современнаго на-

строения, но и творцомъ. Главнымъ объектомъ его изученія является, конечно, древность и главное слѣдствіе знакомства съ нею лучшее пониманіе античнаго міра и совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, отношеніе къ завѣщанной имъ цивилизаціи. Результаты изученія римской литературы отразились однако не только на общемъ міросозерцаніи и настроеніи Петрарки, но также послужили для него стимуломъ къ самостоятельной научной работѣ прежде всего въ области истолкованія и критики древнихъ писателей, а потомъ и въ сферѣ исторіографіи. Одно изъ старческихъ писемъ представляетъ обширный комментарий на Виргилиеву Энеиду ¹⁾. Въ этомъ толкованіи Петрарка стоитъ на чистосредневѣковой точкѣ зрѣнія: вся поэма кажется ему сплошной аллегоріей ²⁾, и онъ старается истолковать ея содержаніе въ тройномъ смыслѣ: физическомъ, историческомъ и моральномъ. Такъ, вѣтры брата, потому что они происходятъ отъ одного воздуха — это значеніе физическое; Эоль былъ нѣкогда царемъ сосѣднихъ съ Сициліей острововъ, гдѣ господствуютъ бури ³⁾ — объясненіе историческое; что вѣтры буйны и дуютъ въ разныя стороны — это имѣетъ смыслъ философскій: „всякій стремится къ своей цѣли и на нее преимущественно направляетъ свой разумъ“. Кроме того, весь этотъ

¹⁾ По Фракассетти IV, 5; по базельскому изданію 1581.—IV, 4, p. 785 слѣд. Voigt, опираясь на базельскую рукопись, упоминаемую W. Vischer'омъ въ Исторіи Базельск. университ., приписываетъ Петраркѣ *Ars punctuandi ad Salutatum oratorem insignem* (II, 378). Въ мюнхенской бібліотекѣ сочиненіе Петрарки *De arte punctuandi* занимаетъ два листа въ кодексѣ № 663 (см. Halm et Laubmann, *Catalogus codicum latinorum bibliothecae Regiae Monacensis. Monachii MDCCLXVIII*, p. 130). Кроме толкованія на Виргилія, Петрарка написалъ схолии къ Гомеру. (*Pierre de Nolhac, Les scholies inédites de Pétrarque sur Homère*. По кодексу Парижской Национальной Библіотеки № 7880 напечатаны въ *Revue de philologie* 1887: маѣ извѣстна эта статья только по рецензій Гейгера (*Neue Schriften zur Litteratur der italienischen Renaissance*. Въ *Zeitschrift für vergl. Literaturgesch. und Renaissance-Litter.* I, B. 1887 — 88, p. 482). Въ бібліотекѣ Краковскаго университета въ кодексѣ № 416 (XV вѣка) fol. 171 читается *Incipit Abbreviatio quaedam de Tito Livio, quam inveni in codice vetustissime litere, manibus olim Petrarce lectam et postillatam*. (См. *Wislocki, Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae universitatis Jagellonicae Cracoviensis. Fasciculus II. Cracoviae 1878*, p. 137).

²⁾ Fere nullus apud hunc poëtam versus sine tegmine est. Opera, p. 785.

³⁾ Aeolus vero ventosissimarum novem circa Siciliam insularum rex, quae de nomine ejus Aeoliae dictae sunt, tantum sive usu, sive arte aliqua ventorum notitiam habuisse fertur, ut ex colore motuque aëris montiumque verticibus erupturos aut desituros ventos certa fide praediceret. Ibid.

эпизодъ въ цѣломъ имѣетъ моральное значеніе: вѣтры— „не иное что, какъ порывы гнѣва, страсти и душевныхъ движеній, которые, обитая въ душѣ человѣка (*in pectore subterque praecordia habitantes*), смущаютъ покой человѣческой жизни, какъ бури спокойное море; а Эоль — это самъ правящій разумъ“ и т. д. въ томъ же родѣ ¹⁾.

Гораздо характернѣе критическія экскурсіи Петрарки. При своихъ работахъ онъ чувствуетъ потребность критически провѣрить свои источники. Такъ, чтобы разобратъся въ противорѣчивыхъ показаніяхъ о Петрѣ Даміани, онъ отправляетъ пословъ въ монастырь, гдѣ тотъ одно время жилъ, съ порученіемъ собрать на мѣстѣ нужныя свѣдѣнія ²⁾. Въ трактатахъ и письмахъ критическія замѣчанія встрѣчаются довольно часто ³⁾, а одно изъ старческихъ писемъ представляетъ настоящій критическій этюдъ о подложномъ документѣ. Императоръ Карлъ IV обратился къ Петраркѣ съ вопросомъ относительно двухъ писемъ Ю. Цезаря и Нерона, которыми Австрія освобождалась отъ подчиненія Римской имперіи, и Петрарка доказываетъ въ отвѣтѣ ихъ подложность. Письма имѣли цѣлью создать прочную юридическую привилегію для Австріи; поэтому ихъ авторъ нарочно заставилъ дать ее лучшаго изъ Цезарей и подтвердить худшаго, чтобы никто ее не отмѣнилъ ⁴⁾. Хитрость не подлежить сомнѣнію, а кромѣ того, если бы привилегія и существовала въ дѣйствительности, то ничто, по мнѣнію Петрарки, не можетъ помѣшать Карлу отмѣнить ее, потому что его власть равносильна власти его предшественниковъ ⁵⁾. Но вопросъ о правѣ Петрарка предоставляетъ самому императору и его юристамъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на текстѣ документовъ и прежде всего разбираетъ

¹⁾ Ibid. p. 786. Далѣе—*silva*—жизнь; *ferae*—ея опасности; лѣтняя прелесть лѣса—житейскіе соблазны. Интересно объясненіе троянской войны. *Cum sint tres vitae a poetis ac philosophis intellectae ac descriptae et sit prima sapientiae et studiorum, quae Palladi tribuitur, secunda potentiae atque opum, quae Junoni datur, tertia voluptatis et libidinum, quae Veneri assignatur, Trojani ultimam praetulerunt.* Ibid.

²⁾ De vita Solitaria lib. I, tract. 3, cap. 17.

³⁾ Большинство такихъ мѣстъ отмѣчено у Körting'a, p. 504—6.

⁴⁾ *Duos illos finxit auctores calliditate ridicula, quasi quod optimus fecisset et pessimus confirmasset, rescindi possit a nemini.* Epist. Senil. XV, 5 Opera, p. 955.

⁵⁾ *Par in parem non habet imperium neque aliud Julius Caesar statuit aut Nero, cujus tu contrarium statuere tuo jure non valeas.* Ibid.

письмо Ю. Цезаря. Въ письмѣ Цезарь говоритъ о себѣ во множественномъ числѣ, и Петрарка пѣлымъ рядомъ выписокъ изъ его „подлинныхъ“ писемъ и другихъ авторовъ доказываетъ, что такое словоупотребленіе ему несвойственно¹⁾. Далѣе, Цезарь называетъ себя Augustus, тогда какъ, по словамъ Люція Флора, Светонія, Орозія и Эвтропія, это имя впервые употреблено Октавіаномъ, чѣмъ извѣстно всякому мальчику, если онъ коснулся школьнаго порога. Затѣмъ письмо упоминаетъ о какомъ-то дядѣ Цезаря, тогда какъ источники не только не знаютъ его дяди, но ничего не говорятъ и о его отцѣ. Кромѣ того, самое имя Австрія невозможно въ письмѣ, датированномъ изъ Рима: такъ называли ее народы, жившіе на западѣ отъ нея; а отъ Рима она лежала къ сѣверу. Наконецъ, хронологическая дата письма (*datum Romae die Veneris regni nostri anno primo*) обнаруживаетъ полное невѣжество его автора²⁾. Вопреки обычаю не названы консулы, и, чѣмъ особенно недѣло, указанъ годъ и день письма и пропущенъ мѣсяцъ. Наконецъ, Цезарь не могъ упоминать о своемъ царствованіи, потому что онъ хотѣлъ называться императоромъ, понтифексомъ и диктаторомъ, но никогда царемъ; онъ не могъ даже принять царскаго титула, не подвергаясь большой опасности, потому что въ республиканскій періодъ это имя было ненавистно.

Гораздо короче и слабѣе разборъ письма Нерона. Петрарка объявляетъ, что и къ этому документу относится большая часть сказаннаго имъ по поводу „басни“ о Цезарѣ, и дѣлаетъ только одно новое критическое замѣчаніе, не имѣющее особенно важнаго значенія. Именно Неронъ называетъ себя въ началѣ письма „другомъ боговъ“, чѣмъ, по мнѣнію Петрарки, несомнѣнный подлогъ, потому что Светоній говоритъ, что онъ презиралъ ихъ. Характерно заключеніе критическаго разбора. Петрарка отмѣчаетъ еще одно средство доказать подложность писемъ — ихъ языкъ; но онъ не желаетъ еще пользоваться этимъ могущественнымъ орудіемъ критики, къ которому постепенно пришли его послѣдователи. „Я умалчиваю о стилѣ, говоритъ Петрарка, который съ начала до конца въ обоихъ письмахъ такъ грубъ и такъ непохожъ на стиль древнихъ, что эти письма съ несомнѣнностью кажутся продиктован-

¹⁾ Петрарка заключаетъ цитаты выдержкой изъ грамоты Цезаря, которою онъ даетъ привилегіи жителямъ Сидона. Для тона критики характерно заключеніе: *hoc ille bos ignorabat, quod si scisset, cautius mugisset.* Ibid. Въ другихъ мѣстахъ Петрарка называетъ его *trifurcifer, asellus* и т. п.

²⁾ *Quis pastor, quis arator ita scriberet?* восклицаетъ Петрарка. Ibid. p. 956.

ными какимъ-нибудь невѣжественнымъ писателемъ, который, дѣтски желая подражать каждому слову языка древнихъ, впадаетъ въ постоянныя промахи и ошибки, что даже слѣпому дѣлаетъ ясной абсолютную подложность этихъ чудовищныхъ писаній“¹⁾). Какъ ни грубъ и ни наивенъ подлогъ, какъ ни элементарны критическіе приемы Петрарки, тѣмъ не менѣе это письмо оправдываетъ гордое заявление современнаго итальянскаго историка, что новая историческая критика зародилась на его родинѣ²⁾). Кроме того, оно служитъ доказательствомъ критическаго настроенія Петрарки не только по отношенію къ настоящему. „Я наслаждался историками“, говоритъ онъ о древнихъ въ письмѣ къ потомству, „тѣмъ не менѣе, натолкнувшись на ихъ разногласія, я руководствовался въ сомнительныхъ случаяхъ или вѣроятностью фактовъ, или авторитетомъ писателей“³⁾). Такимъ образомъ въ историческихъ работахъ онъ, по крайней мѣрѣ, желалъ критически относиться къ своимъ источникамъ и вмѣнялъ себѣ это тѣмъ въ большую заслугу передъ потомствомъ, что въ значительной степени на нихъ онъ основывалъ свое ученое безсмертіе⁴⁾).

Петрарка написалъ два сочиненія историческаго содержанія: *Vitae virorum illustrium* или *De viris illustribus* и *De rebus memorandis libri IV*. На первое изъ этихъ произведеній авторъ возлагалъ особенно большія надежды: Африка должна была обезсмертить его, какъ поэта, *Vitae*—какъ историка. Въ своей поэмѣ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Cesare Cantù въ статьѣ *Di alcune falsificazioni storiche* (Archivio storico di Firenze T. XII. P. I, 1860) говоритъ *L'arte de verificare i documenti nacque in Italia fin da quel primo tentativo che ne fece il Petrarca nel 1355, allorchè repudiava quello con cui casa d'Austria faceva rimontare i suoi titoli fino a Cesare e a Nerone, poi francamente applicossi a discutere la donazione di Constantino e le decretali*. Фракассетти, приведя эту цитату, замѣчаетъ (*Lettere senili II, p. 497*) *lo non so d'onde il Cantù abbia tratto la strana notizia che il Petrarca applicossi a discutere la donazione di Constantino e le decretali*. О декреталіяхъ дѣйствительно не упоминается въ сочиненіяхъ Петрарки; но выходки противъ дара Константина встрѣчаются не разъ. См. *Epistolae senil. Opera, p. 751. De remediis ibid. p. 216* и въ *Rime sopra argomenti storici, morali e diversi Sonet. XXIV* по изданію Carducci (p. 143). Для хронологическихъ понятій Петрарки см. *Epist. famil. VII, 2*.

³⁾ *Epist. ad poster. Opera in initio*.

⁴⁾ Критицизмъ Петрарки заставилъ Вегеле съ почетомъ упомянуть о немъ въ „Исторіи вѣмецкой исторіографіи“ (p. 31—32).

онъ торжественно говорить объ этомъ историческомъ сочиненіи ¹⁾, въ письмахъ называетъ его „произведеніемъ великимъ и достопамятнымъ“ (*opus magnum et memogandum*) ²⁾ и въ исповѣди выставляетъ его, какъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ своей жизни ³⁾. Отношеніе современниковъ оправдывало до извѣстной степени эту надежду ⁴⁾; но дальнѣйшая судьба книги даетъ одну изъ интереснѣйшихъ иллюстрацій къ извѣстному изреченію *habent sua fata libelli*. Петрарка сначала задумалъ написать біографіи знаменитыхъ римлянъ отъ Ромула до Тита; затѣмъ расширилъ свою задачу и хотѣлъ составить жизнеописанія великихъ людей всѣхъ временъ и народовъ ⁵⁾; но сочиненіе осталось неоконченнымъ и въ ранѣе задуманныхъ предѣлахъ. По другимъ его произведеніямъ можно про-

¹⁾ Africa lib. IX, vers. 222 и слѣд.

Agnosco juvenem sera de gente nepotum
Quem regio Italiae quemve ultima proferet aetas...
Ile diu profugas revocabit carmine Musas
Tempus in extremum veteresque Helicone sorores
Restituet, vario quamvis agitante tumultu
Francisco cui nomen erit...
Hic quoque magnorum laudes studiosus avorum
Degeret extrema relegens ab origine fortes
Romulidas vestrumque genus, sermone soluto,
Historicus titulosque viris et nomina reddet, etc.

²⁾ См. также *Invenctiva in medicum*. Opera, p. 1095.

³⁾ De contemptu mundi. Dialog. III, in fine бл. Августинъ, упрекая Петрарку за славолубіе, говоритъ: *cogitationes tuas in longinqua transmittens, famam inter posteros concepisti ideoque manum ad majora jam porrigens, librum Historiarum a rege Romulo in Titum Caesarem, opus immensum, temporisque et laboris capacissimum aggressus es eoque nondum ad exitum producto, tantis gloriae stimulis urgebaris, ad Africam poëtico quidam navigio transmisisti et nunc in praefatae Africae libros sic diligenter incumbis, ut alios non relinquens, ita totam vitam his duabus curis (ut incurrentes alias innumeras sileam) prodigus praetiosissimae irreparabilisque rei tribuis etc.*

⁴⁾ Карлъ IV просилъ Петрарку посвятить ему это сочиненіе. *Epist. fam. XIX, 3*. На это же указываютъ многочисленныя рукописи (*Rossetti* p. 102—135) и современный переводъ (см. ниже).

⁵⁾ *Ex omnibus terris ac seculis viros in unum contrahendi illa mihi solitudo dedit animum*. *Epist. fam. VIII, 3*. Körting (p. 593) представляетъ дѣло въ обратномъ порядкѣ, но этому противорѣчитъ цитированное мѣсто изъ Африки. Первоначальный планъ сочиненія былъ составленъ ранѣе 1339 года. См. *Kirner, Sulle opere storiche di Francesco Petrarca. Pisa 1889, p. 8.*

слѣдить, что *Vitae* не были окончены еще въ 1355 году ¹⁾; позже Петрарка о нихъ не говоритъ, а его ранніе біографы единогласно свидѣтельствуютъ, что продолжателемъ его неоконченнаго труда былъ

¹⁾ При опредѣленіи этого пункта встрѣчается препятствіе, которое привело въ затрудненіе добросовѣстнаго Россетти, впервые доказавшаго принадлежность этого сочиненія Петраркѣ (*Rossetti, Petrarca, Giulio Celso e Voccaccio. Trieste 1828*, р. 54 и 55). Именно въ *Epist. 3 libri XIX fam.* Петрарка, описывая свою аудіенцію у Карла IV, говоритъ: *dum enim ad id forte mecum sermo Caesareus. descendisset, ut aliqua sibi de opusculis meis exposceret atque in primis librum, cui De viris illustribus nomen dedi, illud impletum esse respondi et temporis atque otii egentem.* Получается очевидное противорѣчіе, но прибавить *non* или *non**dum* передъ *impletum* или замѣнить *et* передъ *temporis* *sed* или *attamen* не позволяетъ авторитетъ рукописей и изданій. Россетти думаетъ выйти изъ затрудненія такимъ соображеніемъ: *Quella dubbiozza infatti non è che apparente; e quando posatamente rileggasi il testo, nulla vi si trova di discordanza, e bene s'intende ciò che il Petrarca volle dirvi. Egli vi afferma positivamente due fatti: l'uno, che il suo libro sia finito; l'altro, che questo libro medesimo abbisogni ancora del tempo e della quiete di lui. Questo bisogno era dunque quello che può avere uno libro già finito e non già all'uopo di finirlo appena. Il che è quanto dire: „ci voleva del tempo e della quiete per dare l'ultima mano, ossia la lima, al libro già finito“.* Написавши эту тираду, онъ упрекаетъ de Sade за то, что онъ перевелъ *impletum*—*il n'etoit pas achevé.* Но, не говоря уже о крайней искусственности толкованія, прямо противорѣчащаго авторитету древнѣйшихъ біографовъ-современниковъ, Россетти впадаетъ въ два крупныхъ само-противорѣчія. Во-первыхъ, на стр. 71 онъ самъ приводитъ цитированное выше, р. 242 пр. 3, мѣсто изъ Исповѣди, гдѣ говорится, что Петрарка хотѣлъ написать біографіи до Тита, а на стр. 66—67 и 74 признаетъ, что 4 послѣднія біографіи и въ томъ числѣ Октавіана и Тита написаны Домбардо и что, слѣловательно, сочиненіе осталось неоконченнымъ. Во-вторыхъ, онъ относитъ приведенное письмо Петрарки къ 1354 (по Фракассетти, ово написано 25 февр. 1355 года *Lettere famil.*, р. 123) и утверждаетъ, что тогда же написаны и *Vitae* (р. 55), а на стр. 38 самъ приводитъ слова Петрарки: „*scribo de viris illustribus*“—изъ сочиненія, которое онъ вслѣдъ за Baldelli относитъ къ 1355 году. Гораздо вѣрнѣе предположить, что Петрарка или пропустилъ *non* или принялъ приставку въ глаголъ *impleo* за *in* *privativum*. Позднѣйшій авторитетный переводчикъ его писемъ такъ передаетъ это мѣсто: *venuto Cesare a ragionare delle opere mie, e chiesto di averne alcuna e specialmente quella Degli nomini illustri, risposi essere ancora incompiuta e bisognarmi ozio et tempo a finirla* (Fraccasetti, *Lettere famil. Vol. IV* р. 161). (Теперь вмѣсто *impletum* читаютъ *inexpletum*. Kirner, р. 23). Въ концѣ концовъ Россетти приходитъ къ тому выводу, *che l'opera maggiore fosse, secundo la mente dell'autore, già finita nel 1354, ed anco limata prima della morte di lui* (что совсѣмъ не доказано) *ma che ciò non di meno, morto, l'autore, vi si avesse per qualsivoglia altro*

Ломбардо-да-Серико, при чемъ только Filippo Villani упоминаетъ, что Петрарка „обстоятельно и изящно разсуждалъ объ Ю. Цезарѣ и Циціонѣ Африканскомъ старшемъ“¹⁾. Отсюда возникаетъ первый вопросъ, какія изъ 35 біографій²⁾ написаны самимъ Петраркой и какія его продолжателемъ. На основаніи авторитета Виллани, можно съ увѣренностью сказать, что Петраркою написаны біографіи Циціона Африканскаго (старшаго) и Цезаря; кромѣ того, ему же принадлежатъ первыя 14 біографій³⁾, потому что онъ самъ позже изложилъ ихъ въ сокращенномъ видѣ⁴⁾. Съ такою же несомнѣнностью можно отнести 4 біографіи императоровъ къ продолжателю Петрарки⁵⁾; но относительно прочихъ вопросъ не рѣшается съ такою же безспорностью. Нельзя доказать, что Петрарка держался въ своей работѣ строго хронологической системы и что, слѣдовательно, ему принадлежатъ всѣ біографіи отъ Ромула до Цезаря включительно. Наоборотъ въ единственной рукописи, дающей полный латинскій текстъ, между Цезаремъ и Августомъ вставлены 8 дѣятелей республиканской эпохи⁶⁾, а въ одной, содержащей въ томъ же порядкѣ итальянскій переводъ біографій, послѣ жизни Цезаря сдѣлано

motivo fare una qualche aggiunta per compimento da altri desiderato (p. 55). Другими словами, что Ломбардо не былъ исполнителемъ плана Петрарки, а только его продолжателемъ, съ чѣмъ нельзя согласиться въ виду цитаты въ пр. 3 на стр. 72 Ср. Körting, p. 598—99.

¹⁾ См. Rossetti, p. 50—53.

²⁾ Вотъ біографіи въ хронологическомъ порядкѣ: 1) Romulus. 1) Numa Pompilius. 3) Tullus Hostilius. 4) Ancus Marcius. 5) Junius Brutus. 6) Horatius Cocles. 7) L. Q. Cincinnatus. 8) M. F. Camillus. 9) P. Decius Mus. 10) T. Manlius Torquatus. 11) M. Valerius Corvinus. 12) L. Papius Cursor. 13) Alexander Magnus. 14) L. Fabricius. 15) M. Curius Dentatus. 16) Pyrrhus. 17) Q. Fabius Maximus. 18) Claudius Nero et Livius Salinator. 19) M. Claudius Marcellus. 20) T. Q. Flamininus. 21) L. Scipio Asiaticus. 22) Hannibal. 23) Scipio Africanus. 24) Paulus Aemilius. 25) Cornelius Scipio Nasica. 26) M. Porcius Cato. 27) C. Scipio Aemilianus. 28) C. Marius. 29) Q. Cecilius Metellus. 30) Cn. Pompejus Magnus. 31) C. Julius Caesar. 32) Octavianus Augustus. 33) Fl. Vespasianus. 34) Titus. 35) Trajanus. Въ рукописяхъ встрѣчается еще Антиохъ (Rossetti p. 63), но его біографія опущена въ печатныхъ изданіяхъ.

³⁾ Съ замѣною № 13-го № 15-мъ, такъ какъ въ этомъ порядкѣ біографіи слѣдуютъ во всѣхъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. См. Prospetto comparativo у Rossetti p. 206—207.

⁴⁾ Epitoma illustrium virorum во всѣхъ изданіяхъ.

⁵⁾ Rossetti, p. 56—57 и 67—68.

⁶⁾ №№ 20, 21, 25, 24, 29, 27, 28 и 30. См. Prospetto у Rossetti, p. 206.

замѣчаніе, что остальные принадлежать его продолжателю ¹⁾. Единственнымъ доказательствомъ, что всѣ біографіи, кромѣ четырехъ послѣднихъ, принадлежать Петраркѣ, служить ихъ стиль и языкъ ²⁾.

¹⁾ Рукопись туринской бібліотеки. Rossetti, p. 70.

²⁾ Россетти, приводя этотъ аргументъ (p. 74—75), предпосылаетъ ему доказательства, что Петрарка держался хронологической системы (p. 60 и слѣд.). Но самые убѣдительные его аргументы, извлеченные изъ текста біографій (p. 64 и 65), доказываютъ только, что Петрарка *хотѣлъ* провести эту систему. Körtling предполагаетъ даже, что Петрарка издалъ свое сочиненіе тремя выпусками: первый—съ предисловіемъ до Цезаря, второй—жизнь Цезаря и третій—остальные біографіи, какъ ихъ даетъ наиболѣе полная Ватиканская рукопись (p. 599—600). Эта гипотеза не лишена остроумія: она объясняетъ не только расположеніе біографій въ Ватиканскомъ кодексѣ и отсутствіе двухъ послѣднихъ выпусковъ въ другихъ, какъ это замѣтилъ самъ Кёртингъ, но другой, болѣе важный фактъ—дальнѣйшую судьбу біографіи Цезаря: безъ предисловія и посвященія, она распространялась отдѣльно и не вошла въ составъ даже тѣхъ кодексовъ, которые заключали въ себѣ всѣ проія біографіи вмѣстѣ съ дополнительными (см. Cod. Monacensis и Breslaviensis у Rossetti, p. 206, 207), что много облегчало возможность приписать ее другому лицу. Gasparу въ рецензій на книгу Körtling'a (Zeitschrift für romanische Philologie. III. Band, 1879, p. 586—588) доказываетъ, что 8 вставныхъ біографій (см. выше 74 пр. 6) принадлежатъ Ломбардо. Его аргументація сводится къ тому, что 1) въ рукописяхъ предисловіе Lombardo начинается передъ Vita Flaminii (№ 20), а въ кодексѣ Ambrosian послѣ біографіи Цезаря и передъ жизнью Фламиніана стоитъ: *explicit tractatus pulcherrimus de viris illustribus aeditus per dom Et. Petr.* 2) Жизнь Августа Lombardo начинается словами *verum cum ex praeseperto sequi ad propositum cogar, quoniam quidem ardua suspense progrediar*, что предполагаетъ, что эта біографія уже продолженіе работы. Наконецъ, въ концѣ предисловія Петрарки (у Rossetti, p. 231), онъ говоритъ, что уже кончилъ *plus partem aperis dimidiam*: „das wäre doch zu lächerlich, wenn von Petrarca 31, von Lombardo nur 4 Vitae herrührten“. Но эта аргументація, дѣлая вѣроятной гипотезу Гаспари, не рѣшаетъ окончательно вопроса. Возвращаясь къ ней въ своей „Исторіи итальянской литературы“ (I, p. 542), авторъ говоритъ: „was ich da mit einiger Ungewisshheit äuszerte scheint mir heute ganz sicher; doch halte ich es überflüssig zu den dort gegebenen Gründen andere hinzuzufügen“. Кирнеръ примыкаетъ къ взгляду Гаспари, хотя не прибавляетъ ни одного новаго аргумента, за исключеніемъ ничего не доказывающаго мѣста изъ Виллани (p. 21). Но анализомъ текста ему удалось доказать, что Петрарка, вопреки мнѣнію Россетти, не держался хронологическаго порядка (Ibid. p. 15—16), что, впрочемъ, мало замѣняетъ споръ, и вопросъ о подлинности этихъ четырехъ біографій остается открытымъ. Эти строки уже были напечатаны, когда появилось извѣстіе, что De-Nolhas открылъ въ Парижской Национальной бібліотекѣ новую редакцію De Viris illustribus, которая заключаетъ въ себѣ 13 но-

Но существованіе біографій, и несомнѣнно принадлежавшихъ Петраркѣ, весьма долгое время или совершенно отрицалось или на ихъ мѣсто подставляли итальянскій переводъ и даже одно апокрифическое сочиненіе. Франческо-да-Каррара желалъ украсить одну изъ залъ своего дворца изображеніями тѣхъ великихъ людей, біографіи которыхъ написалъ Петрарка, и поручилъ этому послѣднему составить коротенькое извлеченіе изъ своей книги, чтобы помѣстить его подъ портретами въ качествѣ объяснительныхъ надписей. Петрарка успѣлъ сдѣлать это только для 14 первыхъ дѣятелей ¹⁾, а остальное было исполнено послѣ его смерти Ломбардо-да-Серико. Это *Epitome* или *Epitoma virorum illustrium* вмѣстѣ съ дополненіемъ вошло во всѣ изданія его сочиненій, и позднѣйшіе писатели отождествили его съ большимъ сочиненіемъ. Въ эту ошибку впали такіе изслѣдователи, какъ Ап. Дзено, де-Садъ, первый обстоятельный біографъ Петрарки, и ее раздѣляли ранніе историки итальянской литературы — Женгенэ и Корніани. Источникомъ второго заблужденія послужилъ итальянскій переводъ книги Петрарки. Donato degli Albanzani da Pratoveschio, другъ Петрарки, котораго въ письмахъ онъ называетъ Аренинигена, перевелъ въ 1397 году для Николло д'Эсте всѣ біографіи вмѣстѣ съ дополненіемъ Ломбардо ²⁾. Переводъ пользовался довольно широкой извѣстностью, потому что, кромѣ двухъ печатныхъ изданій, весьма часто встрѣчается въ рукописяхъ ³⁾, и вслѣдствіе этого мало-по-малу его стали считать подлинникомъ и приписали Петраркѣ, тѣмъ болѣе, что на печатныхъ изданіяхъ не обозначено имя переводчика. Это заблужденіе поддержалъ всею основательностью своего авторитета знаменитый Тирабоски. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій онъ, вѣрно опредѣливши отношеніе *Epitome* къ большому сборнику біо-

выхъ біографій и весьма интересное предисловіе автора. (Nuov. Antol. 1890 16 Novembre p. 385—386 и Revue historique 1891 Janvier—Fevrier, p. 178). Изданіе этого манускрипта устранить, вѣроятно, много спорныхъ вопросовъ относительно самаго важнаго историческаго произведенія Петрарки.

¹⁾ О порядкѣ біографій въ этомъ извлеченіи см. выше p. 74 пр. 3. Кирнеръ утверждаетъ, не приводя никакихъ доказательствъ, что всѣ біографіи Петрарки, кромѣ Цезаря, прямо написаны для портретной галереи Фр.-да-Каррара, и что жизнеописаніе Цезаря—единственный отрывокъ изъ особеннаго большого сочиненія (p. 22—23 ср. p. 64).

²⁾ Rossetti, p. 98—99.

³⁾ Въ Римѣ 1476 и Венеціи 1527. О рукописяхъ см. Rossetti, p. 115 и слѣд.

графій, утверждаетъ, что послѣдній въ подлинникѣ былъ написанъ по-итальянски ¹⁾, а въ исторіи литературы, уже узнавши о переводѣ Донато, объяснилъ его существованіе тѣмъ, что переводчикъ, увидавши латинскій текстъ книги Петрарки, не подозрѣвалъ, что она была первоначально составлена авторомъ на родномъ языкѣ ²⁾. Наконецъ, въ послѣдней четверти XV вѣка въ самый разгаръ гуманистической критики появилось на итальянскомъ языкѣ подложное сочиненіе, приписанное Петраркѣ — „Біографіи императоровъ и римскихъ первосвященниковъ“ ³⁾. Подложность этого сочиненія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, тѣмъ не менѣе историкъ лите-

¹⁾ Ibid. p. 77—81.

²⁾ Tiraboschi V. p. 525—526.

³⁾ Относительно этой книги до самаго послѣдняго времени не было никакихъ опредѣленныхъ указаній въ литературѣ. Rossetti коротко упоминаетъ о ней въ 2-хъ мѣстахъ своей книги. На стр. 28 онъ говоритъ, что она nulla ha di comune nè coll'opera maggiore nè coll'epitome delle vite degli uomini illustri, e sarà da me forse in altro tempo illustrato. Обѣщаніе, сколько мнѣ извѣстно, осталось невыполненнымъ. На стр. 93 онъ говоритъ: Se pubblicossi coll'attribuirla francamente al Petrarca dall'anno 1478 in più volte la „Cronica delle vite degli'imperatori e pontefici“ scritta in volgiare; abbiamo un libro apocrifo ed un'erronea opinione di più. Въ библиотекѣ Московскаго университета есть изданіе этой книги 1625 sine loco подъ нѣсколькими иными заглавіями. Le vite degli'imperadori et pontifici romani da Messer Francesco Petrarcha, insino a'suoi tempi composte. Dipoi con diligenza et brevità seguitate insino nell'anno MCCCCLXXVIII. Secondo la copia stampata à Fiorenza apud S. Jacobum de Ripoli, Anno Domini MCCCCLXXVIII. Книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ Петрарка объясняетъ ея цѣль и задачи. Онъ имѣетъ въ виду дать занятымъ людямъ коротенькій компендіумъ, въ которомъ, кромѣ біографическихъ данныхъ о папахъ и императорахъ, рассказано che degni e santi huomini in quali tempi fiorirono. Non ho anchora lasciate varie ceremonie dagli Ecclesiastici trovate, ne miracoli avvenuti, ne molte consuetudini dalla sedia Apostolica ordinate. Alla fine, nessuna cosa, che degna di memoria mi sia paruta et che brevemente se sia potuta toccare, ho pretermesso. Послѣ предисловія, въ которомъ, вмѣсто посвященія другу или меценату, выступаетъ на первый планъ столь несвойственная Петраркѣ забота о занятыхъ людяхъ, идетъ біографія Цезаря, „по имени котораго всѣ императоры назывались цезарями“, за нимъ слѣдуютъ Августъ и другіе императоры до Фридриха III включительно. Сравнительно подробно изложена жизнь самого Цезаря и первыхъ 5 императоровъ, въ особенности Нерона; затѣмъ біографіи становятся короче. О византійскихъ императорахъ рассказывается вмѣстѣ съ римскими или они являются единственными наслѣдниками цезарей, если Римъ находился въ рукахъ варваровъ. Затѣмъ, со времени Карла Великаго, біографія котораго обширнѣе другихъ, ихъ мѣсто занимаютъ его преемники. Съ половины XIII вѣка біографіи становятся сравнительно обстоя-

ратуры Негри и извѣстный библиографъ Гаймъ отождествляютъ его съ біографіями Петrarки ¹⁾, хотя по содержанію эти книги не имѣютъ между собою почти ничего общаго. Но почти одновременно съ тѣмъ, какъ Петrarку сдѣлали авторомъ чужой книги, одно изъ его собственныхъ сочиненій приписали другому писателю, никогда притомъ не существовавшему. Въ рукописяхъ комментаріевъ Цезаря весьма часто встрѣчается въ качествѣ исправителя текста Юлій Цельзъ, который называется иногда еще Константиномъ ²⁾. Въ средніе вѣка этого Цельза сдѣлали авторомъ сочиненія о войнѣ Цезаря и Vincencius Bellovacensis (XIII в.), Бурлей (XIV) и другіе упоминаютъ и даже приводятъ его афоризмы, взятые изъ сочиненій самого Цезаря ³⁾. Мало-по-малу сложилось мнѣніе, что самые комментаріи Цезаря De bello gallico и De bello civili окончательнo обработаны по замѣткамъ автора Юліемъ Цельзомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Петrarка въ біографіи Цезаря, и она держалась послѣ до XVII вѣка ⁴⁾. Цельзу и приписали написанную Петrarкой біографію Ю. Цезаря. Эта часть историческаго сочиненія Петrarки въ XIV и XV вѣкахъ ходила въ рукописяхъ отдѣльно и безъ имени автора; поэтому позже, вѣроятно во второй половинѣ XV вѣка,

тельствѣ. Послѣ Григорія XI сдѣлана замѣтка qui finiscono le vite de' pontefici et imperadori Romani, da messer Francesco Petrarcha composte. Изъ дальнѣйшихъ папъ болѣе всего мѣста занимаютъ Пій II и Павелъ II и сочиненіе останавливается на Сикстѣ IV. Вся книга проникнута строго благочестивымъ духомъ. Hartwig (*Quellen und Forschungen II Theil, Halle 1880*, p. 256) показалъ, что въ основѣ этого сочиненія лежитъ извѣстная хроника Мартина Поляка, которая дополнена изъ другихъ источниковъ. Къ этому же выводу пришелъ Кирнеръ, указавшій еще нѣсколько уклоненій отъ основнаго источника (p. 86). Кѣмъ и когда это сочиненіе было приписано Петrarкѣ—неизвѣстно.

¹⁾ См. Rossetti, p. 28—29.

²⁾ Помѣтки Цельза встрѣчаются въ такой формѣ: Julius Celsus vir clarissimus et comes recensuit. Julius Celsus V. C. legi C. Julii Caesaris per Julium Celsum Commentarii. Julius Celsus Constantinus V. C. emendavit. См. Rossetti, p. 166.

³⁾ Vincencius въ своемъ Speculum historiale приводитъ Antiqua dicta Moralia Julii Celsi и говоритъ: „alia multa de bello Caesaris narravit Cerosius et Julius Celsus“. Gualterus Burleus въ книгѣ „De vita et moribus philosophorum et poetarum“ говоритъ: Julius Celsus, Historiographus, scripsit diligenter de Bello Caesaris, quem in V libros distinxit, in quibus multa doctrinalia mirabilia continentur, ex quibus pauca hic posita sunt. Rossetti p. 182 см. также 164 и 165.

⁴⁾ Vita Caesaris, p. 660—662. Авторство Цезаря защищалъ еще Justus Lipsius († 1606). См. Rossetti, p. 174 и слѣд.

на ней было написано имя Цельза ¹⁾ и въ такомъ видѣ она была напечатана впервые въ 1473 году и потомъ издана еще нѣсколько разъ ²⁾. Но итерполяція на этомъ не остановилась. Во всѣхъ рукописяхъ сочиненій Цезаря послѣдняя глава *De bello Hispaniensi* осталась неоконченной; поэтому кто-то прибавилъ для дополненія отрывокъ изъ соотвѣтствующаго мѣста біографіи Петrarки, и въ такомъ видѣ сочиненія Цезаря были изданы 13 разъ ³⁾. Только въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, благодаря трудамъ Шнейдера и Россетти, было вполнѣ установлено, что Петrarка, а не Цельзь былъ авторомъ біографіи Цезаря, окончательно доказано различіе *Eritome* и большого историческаго сочиненія ⁴⁾, хотя и теперь еще окончательно не выяснено, какія дополненія были сдѣланы къ обѣимъ работамъ Ломбардо-да-Серико. Только къ 500-лѣтнему юбилею Петrarки Рацоллини впервые издалъ то его сочиненіе, отъ котораго авторъ ожидалъ безсмертія ⁵⁾.

¹⁾ Россетти приводитъ двѣ рукописи: одна—въ Friuli (cod. LVIII) безъ имени автора; другая, относящаяся къ XIV—XV вѣкамъ,—въ Гамбургѣ. Послѣдняя *позже* была присоединена къ рукописи комментаріевъ Цезаря, и имя Цельза приписано въ началѣ и концѣ ея *другимъ и болѣе новыми почеркомъ* (Rossetti, p. 153).

²⁾ Первое изданіе, очень рѣдкое, въ Вѣнской бібліотекѣ. Затѣмъ біографія, вмѣстѣ съ сочиненіями Цезаря, издана была въ 1697 въ Амстердамѣ и отдѣльно по этому изданію въ Лондонѣ въ 1697 году. Второе изданіе перепечатано въ Лейденѣ въ 1713; кромѣ того, біографія вмѣстѣ съ Цезаремъ издана въ Лондонѣ въ 1819—20 году и въ III томѣ *Bibliotheca classica*, par Achaintre и Lemaire. Paris 1820.

³⁾ Въ новыхъ изданіяхъ XLII глава *De bello Hispaniensi* кончается словами: *quam laudibus et virtute*. Сюда прибавленъ отрывокъ изъ Петrarки со словъ *nam diuturnitas belli rasem* до *hic ergo bellorum civilium finis*, хотя онъ и не подходитъ по смыслу. Впервые съ этимъ добавленіемъ сочиненія Цезаря были изданы во Франкфуртѣ въ 1606 году и въ послѣдній разъ въ Миланѣ въ 1820 г. въ III томѣ *Beitoni, Classicorum latinorum nova editio cum notis et commentariis*. См. Rossetti p. 159 и слѣд.

⁴⁾ Отдѣльные голоса за авторство Петrarки разлаивались и раньше, еще въ XVII в. Такого мнѣнія былъ уже Fabricius и Bernardus Monetta. Rossetti p. 183. Но окончательное рѣшеніе и главная заслуга принадлежатъ одной изъ лучшихъ книгъ, написанныхъ о Петrarкѣ. *Petrarca, Giul. Celso e Boccaccio. Illustrazione bibliologica delle vite degli uomini illustri del D-re Domenico Rossetti di Scander, avvocato Triestino. Trieste 1828.*

⁵⁾ Годомъ раньше Россетти С. F. Chr. Schneider издалъ *Fr. Petrarchae historiae Julii Caesaris*. Leipzig 1827, затѣмъ въ программахъ Бреславльскаго университета 1829, 31, 33 и 34 первая 26 біографій. (Körting p. 606). Россетти въ не разъ цитированной книгѣ издалъ три предисловія по Ватиканской рукописи № 4523 (p. 225—240). Всѣ біографіи въ 2 томахъ издалъ

„Біографіи знаменитыхъ мужей“ представляютъ собою компиляцію. „То, что я имѣю въ виду написать“, говоритъ Петрарка въ предисловіи, „находится у другихъ авторовъ, но у нихъ это расположено въ иномъ порядкѣ: иное, чего недостаетъ у одного, я бралъ у другого, иное излагалъ короче, иное яснѣе, иное, что краткость затемняла, обстоятельнѣе, иное, что находилъ въ отрывочномъ видѣ, соединялъ вмѣстѣ“. Но эта компиляція представляетъ значительный интересъ прежде всего потому, что въ ней впервые проявляется историческая критика. Петрарка ясно понимаетъ недостатки въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ. „Въ этомъ дѣлѣ я считалъ необходимымъ избѣгать сумасбродной и бесполезной старательности тѣхъ, которые собираютъ слова всѣхъ историковъ, чтобы казалось, что нѣтъ никакихъ пропусковъ, и такъ какъ ихъ извѣстія противорѣчатъ другъ другу, то вся исторія не исполняется непроницаемой темнотою и неразъяснимой путаницей (omne historiae suae testum nubilositas ambagibus et inenodabilibus laqueis involuerunt)“. Критика Петрарки еще очень элементарна: онъ не имѣетъ въ виду критически разрабатывать свои источники, сопоставлять и обсуждать ихъ показанія, объяснять ихъ противорѣчія, но просто беретъ изъ нихъ то, что ему кажется достовѣрнѣе, и вовсе не доказываетъ оснований своего выбора. „Я не примиряю историковъ“, пишетъ онъ, „и не сопоставляю ихъ, а слѣдую тѣмъ, вѣроятность которыхъ больше и авторитетъ выше“. Для начала историографіи и это успѣхъ, а кромѣ того сочиненія Петрарки интересны и по воззрѣніямъ автора на исторію, которыя характеризуютъ наступленіе новаго времени и стоятъ въ тѣсной связи съ философскимъ міросозерцаніемъ автора. Какъ для настоящаго индивидуалиста, исторія представляется для него агрегатомъ біографій: „я намѣренъ рассказать исторію“, говоритъ онъ въ предисловіи къ собранію своихъ жизнеописаній. Сообразно съ этимъ взглядомъ, содержаніе исторіи составляетъ изложеніе людскихъ пороковъ и добродѣтелей, ея цѣль—нравственное назиданіе. „У меня находится только то“, говоритъ онъ, „что имѣетъ отношеніе къ добродѣтелямъ или имъ противоположно, потому что, если я не ошибаюсь, плодотворная цѣль историковъ—излагать то, чему читатели должны слѣдовать и чего должны избѣгать“. Петрарка допускаетъ и просто интересный рассказъ „для развлеченія читателя“, но смотритъ на это только какъ на отступленіе, хотя и извинительное.

Razzolini, De viris illustribus vitae. Bologna 1874. О рукописяхъ у Razzolini р. XIV и слѣд.; изданія и переводы Ibid. р. XIII. См. также Ferrazzi р. 788—794.

Наконецъ, сочиненіе характерно и по тѣмъ ожиданіямъ, которыя связываетъ съ нимъ авторъ. Время смиренной скромности анонимныхъ писателей прошло. Петрарка требуетъ одной награды, чтобы читатель любилъ его „хотя и незнакомаго, хотя и погребеннаго въ могилѣ, хотя и превратившагося въ прахъ“, точно такъ же, какъ онъ самъ любилъ тѣхъ писателей, которые жили за тысячу лѣтъ до него.¹⁾

Тѣ изслѣдователи, которые касались этой книги Петрарки, склонны преувеличивать ея цѣну. „Благородство чувствъ“, говоритъ Россетти, „твердость и нравственность принциповъ, постоянное стремленіе къ славѣ и свободѣ родины, составляютъ самое вѣрное украшеніе историческихъ разсказовъ“. Онъ находитъ въ книгѣ „здоровую критику“ и „благородную и твердую точку зрѣнія въ сужденіяхъ на великія военныя и политическія событія“²⁾. Еще дальше идетъ Кёртингъ. По его мнѣнію, это „литературный подвигъ (Grossthat) въ полнѣйшемъ смыслѣ слова“. „Выдающееся значеніе“ книги прежде всего заключается въ томъ, что „со временъ древности это первое пластическое историческое сочиненіе“, которое положило основаніе „искусству новой исторіографіи“ и оказало огромное вліяніе на развитіе прозы. Кромѣ того, „едва-ли исторіографія и философія исторіи“, говоритъ онъ, „достигли бы въ Италиі въ эпоху Ренессанса столь пышнаго расцвѣта, если бы Петрарка не далъ къ этому толчка“. Франція, Германія, Португалія и Англія не имѣли своего Маккиавелли, потому что у нихъ не было Петрарки: „тамъ недоставало такой книги, какъ сочиненіе Петрарки, которая, дѣйствуя подготовляющимъ образомъ, могла бы возбудить пониманіе высокаго значенія и искусства исторіографіи“. Далѣе, безъ біографіи Петрарки самый гуманизмъ „висѣлъ бы на воздухѣ“, по мнѣнію Кёртинга, потому что это сочиненіе сдѣлало „знаніе историческихъ отношеній древности общественнымъ достояніемъ всей интеллигенціи, даже до извѣстной степени всей націи“. „Такимъ образомъ“, говоритъ онъ нѣсколько далѣе, „книга Петрарки сдѣлалась настоящимъ основаніемъ итальянскаго гуманизма и по ней преимущественно развился итальянскій народъ для культуры Ренессанса“. Наконецъ, сравнивая Петрарку по содержанию съ Корнелиемъ Непотомъ, Кёртингъ отдаетъ предпочтеніе первому и рекомендуетъ „практическимъ педагогамъ“ подумать о томъ, не слѣдуетъ ли замѣнить классика гуманистомъ, подвергнувъ его „соотвѣт-

¹⁾ Я цитирую предисловіе по изданію Россетти р. 232 и слѣд.

²⁾ Ibid. р. 145.

ствующей стилистической переработкѣ¹⁾. Нельзя, конечно, отрицать, что гуманистическія тенденціи оказали вліяніе на историческое изложение и вообще на прозу, но онѣ порождены не книгою Петрарки, которая далеко не была ихъ единственнымъ выраженіемъ. Что касается до того факта, что только Италія имѣла Макіавелли, то его причины, вѣроятно, лежатъ глубже предшествующаго состоянія исторіографіи; да и на родинѣ Макіавелли былъ созданъ не біографіями Петрарки. Не слѣдуетъ забывать, что самая крупная изъ нихъ — жизнь Цезаря — была приписана другому лицу уже въ XV вѣкѣ и что обоихъ историковъ отдѣляетъ періодъ времени, когда появилась цѣлая масса историческихъ работъ и когда приемы историческаго изслѣдованія и изложения подвергались самому тщательному обсужденію не только въ публичной перепискѣ, но, что особенно важно, въ шумныхъ инвективахъ²⁾. Не слѣдуетъ преувеличивать далѣе значенія фактическихъ знаній древности для гуманизма и книги Петрарки для знакомства съ античнымъ міромъ: не историческія свѣдѣнія составляли почву гуманизма, какъ это признаетъ самъ Кёртингъ въ другомъ мѣстѣ, а съ другой стороны, письма и торжественныя рѣчи гуманистовъ доставляли гораздо болѣе свѣдѣній о древности, чѣмъ жизнеописанія, въ большинствѣ случаевъ весьма краткія, Петрарки. Эти гиперболы кажутся тѣмъ болѣе смѣлыми, что для оцѣнки книги тогда не было сдѣлано еще необходимыхъ предварительныхъ работъ: чтобы вполне и въ подробностяхъ выяснить исторіографическіе приемы Петрарки, необходимо было опредѣлить его отношеніе къ источникамъ. Эту работу произвелъ Кирнеръ въ своей книгѣ „*Объ историческихъ сочиненіяхъ Петрарки*“. Прежде всего Кирнеръ опредѣлилъ, какими авторами пользовался Петрарка, чтобы показать, какъ онъ относится къ своимъ источникамъ³⁾. Изъ этого анализа оказывается, что названіе „компиляція“ лучше всего характеризуетъ историческій трудъ Петрарки, хотя авторъ всѣми силами старается сохранить свою оригинальность. Онъ тщательно заботится передавать древнихъ писателей своими словами, перифразируетъ даже знаменитыя изреченія⁴⁾. Механическое дополненіе одного писателя другимъ онъ отмѣчаетъ въ

¹⁾ Körtling p. 603, 604, 605 и 607. Даже Voigt, весьма строгій къ Петраркѣ, почти не дѣлаетъ критическихъ замѣтокъ объ этомъ сочиненіи.

²⁾ См. напр. полемику Валлы съ Фаціо.

³⁾ L. c. p. 49 и слѣд. Non pretendendo fare opera compiuta, оговаривается авторъ, ma solo in quanto possa valere a stabilirne il merito storico.

⁴⁾ Напр., слова Цезаря *alea jacta est* переданы: *coepta res est*. Kirner p. 67.

предисловіи какъ важную и самостоятельную сторону своей работы ¹⁾. Простымъ пересказомъ источника онъ никогда не ограничивается, а или комментируетъ его какимъ-нибудь дополненіемъ, или сокращаетъ, что не избавляетъ его отъ фактическихъ промаховъ ²⁾. Но, сокращая источникъ, Петрафка не всегда умѣетъ отличить важное отъ неважнаго и выпускаетъ существенное. Напр., въ біографіи Валерія Корвина онъ не говоритъ, что Валерій былъ *interrex*омъ, не упоминаетъ *lex de provocazione* и т. д. ³⁾. Вслѣдствіе этого Кирнеръ весьма ограничиваетъ оцѣнку Кёртинга, хотя придаетъ стремленію автора къ самостоятельности значеніе очень важной наклонности ⁴⁾. Гораздо выше цѣнить Кирнеръ это сочиненіе за критическіе приемы автора. Та глава, въ которой излагается война Цезаря съ Помпеемъ, кажется ему „удивительной по замѣчаніямъ и системѣ и представляетъ блестящій для времени Петрарки примѣръ исторической критики“ ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе въ общемъ въ книгѣ только „зародыши“ критики, такъ какъ оба ея принципа—авторитетъ и вѣроятность опредѣляются Петраркою совершенно субъективно ⁶⁾.

Менѣе важное значеніе въ развитіи исторіографіи представляетъ второе историческое сочиненіе Петрарки „*O достопримѣчательностяхъ*“ (*De rebus memorandis libri IV*) ⁷⁾. Эта книга представляетъ

¹⁾ Ibid. p. 68.

²⁾ Примѣры у Кирнера p. 71—73.

³⁾ Ibid. p. 68. См. также пропуски въ біографіи Цезаря. Ibid. p. 69.

⁴⁾ Ibid. p. 73. То же самое только въ болѣе рѣзкой формѣ говоритъ Gaspary (I. c. p. 434).

⁵⁾ Ibid. 80.

⁶⁾ Ibid. p. 73 и слѣд. Встрѣчаются рукописи біографій Сенеки и Теренція съ именемъ Петрарки. Такъ, Томазини приводитъ *Vita Senecae auctore Franc. Petrarca. (Tomasinus, Bibliothecae Patavinae manuscriptorum publicae et privatae. Utini. MDCXXXIX)*. Въ Краковской бібліотекѣ, по Вислоцкому (I. c. p. 156), кодексъ № 496 содержитъ между прочимъ *Sentencia Francisci Petrarce de Terentii vita*. Это же сочиненіе названо въ описаніи бібліотеки д'Эсте въ первой половинѣ XV вѣка. *Libro uno chiamato la sententia de messer Francesco Petrarca de la vita de Terencio. (Capelli, La biblioteca Estense nella prima metà del secolo XV. Giorn. stor. d. lett. ital. XIV 21)*.

⁷⁾ Оно напечатано во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Петрарки. Лучшая рукопись, копія съ автографа, сдѣланная Теобальдомъ, въ Laurentiana Cod. 9. Plut. 26. Трактатъ заканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ переписчика. *De Chaldaeis, Matematicis et Magis sequebatur titulus, sed ultra nihil plus, nam istud incompletum dimisit Dominus Franciscus Petrarca, quia ego tantum scripsi Paduae ab exemplari de manu dicti domini Francisci.* Текстъ

собою собраніе анекдотическихъ выписокъ изъ латинскихъ авторовъ, а также анекдотовъ и изреченій изъ современной Петраркѣ жизни. Его собственная литературная работа заключалась въ пересказѣ заимствованнаго изъ книгъ и слышаннаго и въ распредѣленіи матеріала по рубрикамъ, при чемъ самый планъ взятъ изъ главнаго источника, изъ Валерія Максима. Единственной добавкой къ этому образцу служатъ новые анекдоты, собранные впрочемъ въ небольшомъ количествѣ. Сочиненіе осталось неоконченнымъ ¹⁾; но по замыслу оно должно было служить особаго рода исторической энциклопедіей, чѣмъ-то въ родѣ справочной книги назидательныхъ примѣровъ для утвержденія въ различныхъ добродѣтеляхъ и историческихъ иллюстрацій духовныхъ свойствъ челоуѣка. Первая книга посвящена самому интересному для Петрарки вопросу—объ уединеніи и досугѣ и связанныхъ съ ними научныхъ занятіяхъ. Ея первый „трактатъ“ „О досугѣ и уединеніи нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей“—начинается опредѣленіемъ и похвалами этому состоянію; затѣмъ Петрарка приводитъ примѣры, подтверждающіе его мнѣніе, изъ жизни сначала римлянъ, потомъ грековъ и наконецъ Роберта Неаполитанскаго. Второй и послѣдній трактатъ „О занятіяхъ и учености нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей“ стоитъ въ тѣсной связи съ первымъ, расположенъ въ томъ же порядкѣ и только немного его обширнѣй. Его первая глава дополняетъ понятіе о досугѣ, объявляя существеннымъ его признакомъ научныя занятія. По содержанию второй трактатъ интереснѣй предшествующаго, который въ сущности представляетъ собою сокращеніе *De ocio religioso*: главы о Пизагорѣ, Аристотелѣ и въ особенности о Платонѣ ²⁾ опредѣляютъ до нѣкоторой степени отношеніе автора къ этимъ философамъ. Но наиболѣе интереса представляютъ тѣ главы, гдѣ идетъ рѣчь о недавно умершемъ Робертѣ Неаполитанскомъ ³⁾. Петрарка лично зналъ короля, и его рассказъ, въ которомъ онъ при-

базельскихъ изданій крайне плохъ: спутанъ порядокъ изложенія, пропущены большіе отрывки. Kirner напечаталъ нѣкоторыя поправки и дополненія (I. с. 27—28 и 36).

¹⁾ Время ея составленія съ точностью нельзя опредѣлить по существующимъ источникамъ. Начало окончательной редакціи относится ко времени послѣ смерти Роберта Неаполитанскаго. См. *De rebus memorand. Lib. I, tract. I, cap. 2*. Новые изслѣдователи, пытавшіеся дать болѣе точное опредѣленіе, расходятся во мнѣніяхъ. См. Kirner, p. 29 и слѣд.

²⁾ *Lib. I, tr. II, cap. 13 De studio Pythagorae*; c. 14 *De doctrina Platonis*; c. 15 *De studio Aristotelis*.

³⁾ I, I, 9 *De ocio Roberti, regis Siciliae* и I, II, 26 *De studio Roberti regis Siciliae*.

водитъ свои разговоры съ Робертомъ, носить характеръ личныхъ воспоминаній хорошо освѣдомленнаго очевидца.

Вторая книга представляетъ собраніе примѣровъ, характеризующихъ ту сторону добродѣтели, которая называлась *мудростью* (*prudencia*). Въ первой главѣ перваго трактата Петрарка опредѣляетъ по Цицерону мудрость, какъ „знаніе добра и зла“ и дѣлитъ ее на знаніе прошлаго или память, на пониманіе настоящаго (*praesentium intelligentia*) и предвѣдѣніе будущаго. Сообразно съ этимъ въ первомъ трактатѣ приведены въ обычномъ порядкѣ примѣры выдающейся памяти. Въ большинствѣ случаевъ это коротенькіе анекдоты, по самому содержанію не представляющіе интереса даже тогда, когда рѣчь идетъ о современникахъ автора ¹⁾. Въ первой главѣ второго трактата Петрарка выясняетъ планъ дальнѣйшаго изложенія. Пониманіе (*intelligentia*), составляющее второй элементъ мудрости, заключается въ знаніи настоящаго и дѣлится на талантъ къ наукамъ (*ingenium*) и практическую способность (*sollertia*). Главную часть перваго составляетъ краснорѣчіе, „наиболѣе сладкій плодъ“ котораго — остроумныя изреченія; а со второй Петрарка соединяетъ мудрость въ тѣсномъ смыслѣ слова (*sapientia*). Затѣмъ онъ думаетъ перейти къ предвѣдѣнію (*providentia*), которое онъ понимаетъ какъ предусмотрительность, потому что посредствомъ этого свойства „познается будущее изъ сравненія (*ex collatione*) съ настоящимъ или прошедшимъ“; поэтому прежде всего онъ приведетъ примѣры „догадокъ“ (*de conjecturis*), а также гаданій (*de oraculis*), сновидѣній и разнаго рода знаменій (*de omnibus* и *de portentis*) и въ заключеніе находчивости въ войнѣ и мирѣ (*de stratagematibus*), которая относится отчасти ко второй, отчасти къ третьей сторонѣ мудрости ²⁾. Сообразно съ этимъ во второмъ трактатѣ въ обычномъ порядкѣ приведены примѣры таланта въ соединеніи съ краснорѣчіемъ или одного только краснорѣчія, при чемъ въ современной жизни авторъ не нашелъ ни одного факта для этой рубрики. Послѣдній трактатъ второй книги одинъ изъ самыхъ обширныхъ ³⁾, гдѣ идетъ рѣчь о различныхъ шуткахъ, насмѣшкахъ и острогахъ, обработанъ Петраркой съ особенной тщательностью. Въ первой главѣ онъ выясняетъ разные оттѣнки этого понятія, доказывая, что въ латинскомъ языкѣ нѣтъ для него точнаго выраженія, и затѣмъ въ принятомъ порядкѣ при-

¹⁾ De memoria cujusdam amici sui innominati c. XIII и c. XIV De memoria Clementis (VI) парае.

²⁾ De reb. memor. II, II, 1.

³⁾ Въ немъ 54 главы.

водитъ сначала примѣры безобидныхъ шутокъ (с. 2—25), потомъ язвительныхъ (*de mordacibus josis* с. 26—47), и, наконецъ, послѣднія 6 главъ трактуютъ „о шуткахъ бѣдныхъ и вообще объ остроумныхъ средствахъ, придуманныхъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ“. Самыя важныя по фактическому содержанію главы и въ этомъ трактатѣ относятся къ современности. Анекдоты о Бонифаціи VIII и Іоаннѣ XXII даютъ подробности, безынтересныя для характеристики обоихъ папъ ¹⁾, а разсказъ о Данте характеренъ и для самого поэта и для отношенія къ нему Петрарки ²⁾. Первый трактатъ третьей книги, гдѣ идетъ рѣчь о ловкости и хитрости (*De sollertia: astutia sive calliditate, operationes aut verba hominum concernens*) не имѣетъ интереса, но слѣдующій за нимъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ во всей книгѣ. Главное его значеніе заключается въ томъ, что въ немъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, проявляется личность автора. Уже въ первой главѣ онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „пусть знаетъ читатель, что въ этомъ мѣстѣ я разсматриваю людскую мудрость вообще (*de communi hominum sapientia*) и не забываю ни о себѣ самомъ, ни о своемъ планѣ“. Самое содержаніе трактата вызываетъ на разсужденія, требуетъ иногда доказательствъ и комментариевъ, и Петрарка очень часто дѣлаетъ подобныя отступленія: то раздражается филиппикой противъ семейной жизни ³⁾, то порицаетъ Эпикурово ученіе ⁴⁾, то комментируетъ изреченія древнихъ и современныя пословицы ⁵⁾, то, наконецъ, выражаетъ свое отношеніе къ какому-нибудь учрежденію или факту ⁶⁾. Вслѣдствіе этого въ трактатѣ можно найти не мало дополненій къ философскимъ сочиненіямъ Петрарки. Кромѣ того, онъ высказывается здѣсь относительно современности ⁷⁾, сообщаетъ нѣкоторыя фактическія данныя

¹⁾ С. 20 и 54 ср. также с. 22. *De facitate Santii regis Castellae contra papam.*

²⁾ С. 46 *De dicacitate Dantis contra Canem Veronensem.*

³⁾ Въ главѣ 41.

⁴⁾ Cap. 47.

⁵⁾ *De proverbii vulgaribus et ipsorum commendatione in generali et in speciali* с. 67. Комментаріи см. 31, 50 и *passim.*

⁶⁾ Отношеніе къ древне-римскому сенату с. 8, отношеніе къ законодательству Лиурга с. 39, къ пиеагорейской реформѣ въ Кротонѣ с. 40 etc.

⁷⁾ О папствѣ с. 64. Отношеніе къ монашеству с. 67. Но особенно интересна выходка въ 17 главѣ противъ современной учености. Глава озаглавлена такъ: *Quod sapientes nunquam debeant intendere in verborum auctoritate secundum Domitium* и въ концѣ ея Петрарка восклицаетъ: *Quid nunc diceres, Domiti, quando philosophia posthabita et neglecta, garrulitatem pro*

о своемъ времени ¹⁾ и даетъ иногда важныя свѣдѣнія о себѣ ²⁾, вслѣдствіе чего трактатъ является интереснымъ источникомъ для біографіи Петрарки и отчасти для его времени.

Четвертая и послѣдняя книга посвящена третьей составной части мудрости — предвѣдѣнію. Ея первый трактатъ, гдѣ идетъ рѣчь о предсказаніи будущаго относительно лицъ и событій на основаніи вѣрнаго расчета, основаннаго на наблюденіяхъ (*de conjecturis*), содержитъ примѣры исключительно изъ древняго міра и не представляетъ интереса. Во второмъ трактатѣ идетъ рѣчь объ оракулахъ. Наиболѣе интереса имѣетъ 1-я глава, гдѣ Петрарка устанавливаетъ свою точку зрѣнія на этотъ предметъ. Изъ опредѣленія Сенеки „оракуль есть божественная воля, возвѣщенная устами человѣка“ онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что христіанскій оракуль не подлежитъ его обсужденію ³⁾. Петрарка не отвергаетъ возможности вѣрнаго предсказанія будущаго и языческими оракулами, отвѣты которыхъ внушаютъ боги-демоны; но здѣсь изреченія даются, чтобы смутить человѣка, посмѣяться надъ нимъ (оракуль *illusor potius quam consultor*), и отъ вопрошающаго требуется сообразительность, чтобы правильно понять отвѣтъ; поэтому относящіеся сюда примѣры иллюстрируютъ благоразуміе (*prudencia*) ⁴⁾. Весьма характеренъ также третій трактатъ „О естественномъ гаданіи, которое преимущественно состоитъ въ сновидѣніяхъ“. Въ первой главѣ Петрарка довольно неопредѣленно говоритъ о Сивиллахъ: „я могъ бы и здѣсь, какъ въ изреченіяхъ Аполлона“, говоритъ онъ, „заподозрѣть нѣкій обманъ негоднѣйшихъ духовъ, если бы не видѣлъ, что Сивилламъ вѣрятъ наши доктора, вдохновленные божественнымъ духомъ“. Вопросъ такъ и остается открытымъ, зато, опираясь на авто-

virtute sectantes omnes se certatim ad dialecticam transtulerunt, nec pudet in puerilibus senescere sapientiae studium professos. Но въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ называетъ центръ средневѣковой учености *studiorum nutrix alma mater Parisiensis* (II, I, 13).

¹⁾ О Робертѣ Неаполитанскомъ с. 65 и с. 66 *de sapientia Marpei vicecomitis Mediolani*.

²⁾ Для автобіографическихъ свѣдѣній важна послѣдняя глава (68), гдѣ Петрарка сообщаетъ о своихъ юридическихъ занятіяхъ въ молодости. Ср. Kötting, p. 611 и 612.

³⁾ Эта мысль выражена въ очень благочестивой формѣ: *quis ego sum, qui sacros Dei nuntios prophetas veteres attingam stilo? Non ea vis animo neque id meae facultatis est opus.*

⁴⁾ Такова, повидимому, не совѣмъ ясно выраженная общая мысль первой главы. По крайней мѣрѣ, по поводу изреченія Аполлона Тарквинію Гордому, Петрарка замѣчаетъ: *quod si apertum et evidens fuisset, nequaquam tantam laudem acumen interpretis meruisset.*

ритетъ Цицерона, Петрарка тѣмъ рѣшительнѣе высказывается въ слѣдующей главѣ противъ вѣры въ сновидѣнія. „Не прилично философу или разумному человѣку“, говоритъ онъ, „склонять ухо къ нелѣпымъ старушичьимъ суевѣріямъ, и смѣшно думать, что во снѣ даже будущее могутъ предсказывать тѣ, которые наяву не понимаютъ настоящаго и не помнятъ прошедшаго“. Это мнѣніе не опровергается тѣмъ фактомъ, что священное писаніе признаетъ вѣщіе сны. „Я хорошо знаю“, говоритъ Петрарка, „сколько славы приобрѣлъ еврейскій мальчикъ толкованіемъ сновъ; но тамъ было не человѣческое искусство, а божественное откровеніе“. Если сны и сбываются, то, по его мнѣнію, это дѣло простой случайности; тѣмъ не менѣе, изъ страсти къ анекдоту, онъ приводитъ 32 примѣра знаменательныхъ сновъ ¹⁾ и только въ концѣ рѣшается позабавиться надъ глупымъ суевѣріемъ. Трактатъ заканчивается четырьмя примѣрами, приведенными „частію для возбужденія смѣха, частію для разоблаченія обмана снотолкованій“ ²⁾. Слѣдующій коротенькій трактатъ „О пророчествахъ сумасшедшихъ (*furentum*), а также о предсказаніяхъ и гаданіяхъ умирающихъ“ представляетъ интересъ отношеніемъ къ этимъ вопросамъ автора. О первомъ способѣ узнавать будущее Петрарка выражается такъ: „тѣ, которые довѣряютъ пророчествамъ сумасшедшихъ, сами, какъ кажется, не менѣе сумасбродствуютъ, потому что какой здоровый человѣкъ можетъ думать, что люди, утратившіе знаніе настоящаго и память о прошломъ, приобрѣли предвѣдѣніе будущаго“ ³⁾. Поэтому примѣры удачныхъ предсказаній, которые находятся въ несомнѣнныхъ источникахъ, онъ старается объяснить естественнымъ путемъ, а аналогичные случаи въ поэтическихъ произведеніяхъ сопровождаетъ такимъ замѣчаніемъ: „я по доброй волѣ и сознательно обхожу молчаніемъ все, что басня или отзывается баснею“ ⁴⁾. Ко второму способу узнавать будущее Петрарка обнаруживаетъ болѣе довѣрія на томъ основаніи, что въ моментъ перехода отъ земной жизни къ безсмертію человѣкъ освобождается отъ отягчающихъ его тѣлесныхъ узъ и предвкушаетъ свѣтъ загробнаго вѣдѣнія ⁵⁾; поэтому,

¹⁾ Сар. 3—34.

²⁾ Сар. 35, см. также 36—38.

³⁾ Сар. 1.

⁴⁾ С. 2 и 3.

⁵⁾ С. 4. Изъ этой главы видно также, что сочиненіе не получило окончательной обработки и что самое распределеніе матеріала предполагалось какъ будто сдѣлать иначе. Приведя весьма логичныя съ извѣстной точки соображенія относительно вѣроятности предсказаній умирающихъ, Петрарка продолжаетъ: *quin hoc ipsum et ad furorem trahere nituntur et ad somnia.*

вѣроятно, оставляетъ безъ комментаріевъ относящіеся сюда примѣры ¹⁾. Въ пятомъ трактатѣ идетъ рѣчь о гаруспиціяхъ и авгуріяхъ, къ которымъ Петрарка относится отрицательно и относящіеся сюда примѣры объясняетъ или случайностью или естественнымъ путемъ. Самыя интересныя главы 1-я и 2-я, которыя представляютъ любопытный образецъ исторической критики автора ²⁾. Шестой трактатъ посвященъ разнаго рода предзнаменованіямъ (*De omnibus et portentis*). Его первая глава характерна уже по самому заглавію „противъ природы ничего не совершается, хотя иное и кажется противоестественнымъ“ ³⁾. „Я не сомнѣваюсь“, говоритъ тамъ Петрарка, „что все случившееся могло случиться; а разъ что-нибудь могло случиться, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если только рѣдкость не бываетъ матерью удивленія“. Но несмотря на столь категорическое заявленіе, что все случающееся естественно, Петрарка приводитъ цѣлую массу чудесъ и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на современныхъ событіяхъ такого рода ⁴⁾. Послѣдній трактатъ „О тактикѣ“ (*De stratagematibus*) остался ненаписаннымъ, потому что его первая глава составляетъ извиненіе, что авторъ начинаетъ съ Тиверіа, „самаго надменнаго человѣка“, а вторая и послѣдняя передаетъ анекдоты объ этомъ императорѣ, не имѣющіе ничего общаго съ военнымъ искусствомъ ⁵⁾.

Unde enim furentes vaticinari solitos ajunt, nisi quia in eis animus solutus ac liber stimulis suis impulsus, nullo cohobente et habenas corporeas spernit et membrorum vincula transgreditur? Unde quoque multis compositis apparere; quae vigilantes lateant, nisi quia tum maxime videatur animus a corpore relaxari seque velut incustodito carcere licentius educere ad praevidendas res? Ut non immerito inter somnum et mortem quaedam videatur esse cognatio. Hinc et a philosophis et a poetis somnus imago mortis dicitur et a Virgilio consanguineus loeti sopor. Nos autem et de furore modo diximus et de somniis mox dicemus. Приведенные Петраркою выводы должны имѣть значеніе въ его глазахъ, потому что онъ вполне согласенъ съ ихъ посылкою, между тѣмъ въ соответствующихъ трактатахъ онъ о нихъ совсѣмъ не упоминаетъ. Что касается до формы *dicemus*, то она непонятна въ IV трактатѣ, такъ какъ о свяхъ уже сказано въ предшествующемъ.

¹⁾ Анекдотическій интересъ имѣетъ с. 9 *De vaticinio morientis Adelectae de filio suo Aternio*.

²⁾ *De inventione Haruspicinae* с. 1 и *De augurio et qui praecipui fuerint augures, unde etiam initium habuerit*. С. II.

³⁾ С. 1. *Quod nihil contra naturam fiat, licet aliqua fieri videantur*.

⁴⁾ С. 18—23.

⁵⁾ *Stratagemata* Петрарка опредѣляетъ такъ: *ubi scilicet in republica pro qualitate negotii praesentis subito capitur consilium* (II, II, I). Въ такомъ случаѣ не совсѣмъ понятно его извиненіе: *de modestia locuturus, ab*

Кёртингъ ставитъ весьма высоко и это сочиненіе. „Если бы эта книга была написана теперь“, говоритъ онъ, „то, хотя ее во всякомъ случаѣ слѣдовало бы назвать достойной вниманія и вполне годной научной работой, но ей нельзя было бы приписать особеннаго историко-литературнаго значенія“. Другое дѣло XIV вѣкъ: по мнѣнію Кёртинга, она еще болѣе создала почву для гуманизма, чѣмъ біографія¹⁾, и въ этомъ заключается ея значеніе. То и другое подлежитъ однако большому сомнѣнію. По содержанію книгу Петрарки можно раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одна заимствована изъ римскихъ источниковъ, другая—запись личныхъ воспоминаній и современныхъ разсказовъ. Едва-ли можно допустить, чтобы въ концѣ XIX вѣка признали научность за механической выборкой анекдотическаго матеріала изъ римскихъ писателей и преимущественно Валерія Максима, а такіе анекдоты изъ современности, какіе собралъ Петрарка, печатаются теперь въ газетахъ въ отдѣлѣ смѣси. Что касается до второго мнѣнія Кёртинга, то мы имѣли уже случай говорить о немъ выше. Заслуга книги для распространенія историческихъ знаній въ обществѣ могла заключаться только въ томъ, что она приохочивала къ чтенію латинскихъ писателей, если только гуманисты въ этомъ нуждались. Тѣмъ не менѣе книга имѣетъ важность, какъ историческій источникъ, и не осталась безъ вліянія на гуманистическую литературу. Прежде всего, въ ней масса автобіографическаго матеріала, весьма цѣннаго не только для характеристики воззрѣній Петрарки, но и для фактической стороны его жизни. Кромѣ указанныхъ отдѣльныхъ главъ, въ самомъ построеніи книги рѣзко проявляется личность Петрарки. Онъ располагаетъ свое сочиненіе по этическимъ рубрикамъ, такъ что большая часть его анекдотовъ, являясь иллюстраціей лучшихъ и высшихъ проявленій нашего духа, представляютъ собою импозантное фактическое доказательство высокаго достоинства человѣческой природы. Правда, Петрарка слѣдовалъ Валерію Максиму; но его книга представляетъ собою не слѣпое подражаніе. При выборѣ матеріала Петрарка взвѣшиваетъ различныя

homine petulantissimo sumerem exordium. При чемъ *modestia* въ главѣ *De stratagematibus*? Въ изданіи 1496 года, въ концѣ сочиненія, какъ добавленіе къ 21 главѣ, помѣщено стихотворное описаніе двухъ сросшихся флорентійскихъ близнецовъ Петра и Павла съ такимъ заглавіемъ: *De monstro quod natum est in Comitatu Florentinorum cujus effigies sculpta est in hospitali ad Scalas*.

¹⁾ Körtling p. 613—14. Gaspary (l. c. 435—36) видитъ единственное значеніе въ примѣрахъ и анекдотахъ изъ современности.

свойства человѣка и умѣть оцѣнить не только способности къ теоретической дѣятельности, но и практическую ловкость. „Иные“, говоритъ онъ, „весьма способные къ практической дѣятельности (*ad res gerendas acutissimi*), считаются неспособными къ воспріятію наукъ; ихъ каждый назоветъ провицательными, осмотрительными или ловкими (*vel sagaces, vel cautos, vel solertes*) и этимъ, по моему мнѣнію, не уклонится ни отъ истины, ни отъ обычнаго способа выраженія“¹⁾. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ для Петрарки на первомъ планѣ не анекдотъ, а характеризуемый имъ человѣкъ, какъ это доказываетъ его отношеніе къ оракуламъ²⁾ и цитированное выше извиненіе. Но иногда на первый планъ выступаетъ анекдотъ и выступаетъ очень характерно. Такъ, въ введеніи къ главѣ о сновидѣніяхъ Петрарка упрекаетъ писателей, что они, рассказывая о вѣщихъ снахъ, „увеличиваютъ человѣческіе предрасудки“³⁾, а между тѣмъ самъ приводитъ цѣлую массу подобныхъ случаевъ, оговорившись только, что ихъ исполненіе простая случайность. Это противорѣчіе и также многочисленные примѣры различныхъ гаданій, къ которымъ Петрарка относится отрицательно, находятъ свое объясненіе въ настоящей страсти къ анекдоту. Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ иллюстрируетъ интересный для него вопросъ о свойствахъ человѣческой природы такими средствами, которыя и сами по себѣ доставляютъ ему большое удовольствіе, и въ этомъ сказалась потребность новаго времени. Говоря объ острогахъ и шуткахъ, Петрарка видитъ ихъ значеніе между прочимъ въ томъ, что онѣ „ласкаютъ утомленное ухо и развеселяютъ печальный духъ“⁴⁾; онъ посвятилъ имъ цѣлый трактатъ и сдѣлался родоначальникомъ новаго отдѣла литературы. До какой степени чутко выражена имъ назрѣвшая потребность, показываютъ съ одной стороны многочисленные новеллисты, а съ другой колоссальный успѣхъ Фацецій Поджіо. Кроме того, это родство не ограничивается литературной формой, но простирается и на содержаніе анекдотовъ. Печальный пѣвецъ несчастной любви къ Лаурѣ и пессимистически настроенный страдалецъ совершенно неожиданно является рассказчикомъ фривольныхъ анекдотовъ. Въ трактатѣ о шуткахъ онъ не только усердно отыскиваетъ такіе сюжеты въ древней литературѣ, но сообщаетъ подобные рассказы

¹⁾ De reb. mem. II, II, I.

²⁾ См. выше стр. 87 пр. 4.

³⁾ De reb. mem. IV, III, 2.

⁴⁾ Ibid. II, II, 1.

изъ современности ¹⁾). Другая категория анекдотовъ, весьма любимыхъ позднѣйшими гуманистами, имѣла своимъ содержаніемъ разныя уродства и необычныя явленія физическаго міра, и Петрарка, несмотря на рационалистическое отношеніе къ самымъ фактамъ, приводитъ рассказы и такого содержания ²⁾). Вслѣдствіе этого книга Петрарки является если не источникомъ, то настоящимъ прототипомъ Фацецій Поджіо ³⁾). Что касается до значенія книги въ развитіи исторіографіи, то оно исчерпывается, кромѣ формы изложенія, критическими приемами автора, которые особенно интересны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у классическихъ авторовъ заимствуются невѣроятные по содержанію рассказы.

Но полная и всесторонняя оцѣнка этого сочиненія Петрарки едва-ли возможна при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній. Анализъ текста книги едва начался. Только въ 1882 году Baumker началъ опредѣлять источники, которыми пользовался Петрарка въ этомъ сочиненіи, но работа, сколько мнѣ извѣстно, осталась неоконченной ⁴⁾). Кирнеръ повелъ дѣло нѣсколько иначе: ограничившись сравненіемъ книги только съ произведеніемъ Валерія Максима, онъ отмѣтилъ весьма существенную разницу между обоими авторами, какъ въ пониманіи нѣкоторыхъ пунктовъ сюжета ⁵⁾, такъ въ особености въ построеніи. „У Валерія“, говоритъ Кирнеръ, „недостаетъ того строгаго единства, которое мы встрѣтили у Петрарки. Первый съ величайшей легкостью переходитъ отъ одного пункта къ другому,

¹⁾ II, III cap. 4, 12, 16, 17, 27, 29, 31, 39. Изъ современности 19, 20, 45 ср. IV, III с. 38.

²⁾ Ibid. IV, VI с. 18—23.

³⁾ De rebus memorandis не пользовались извѣстностью у послѣдующихъ гуманистовъ. По крайней мѣрѣ, Поджіо и его собесѣдники, повидимому, не знали этой книги, иначе часть ея анекдотовъ вошла бы въ его сборникъ, потому что онъ собиралъ матеріалъ съ особенной старательностью. Единственный рассказъ Петрарки (II, III, 46), съ измѣненіемъ вошедшій въ эту книгу (56), содержитъ остроумную выходку Данте, о которомъ знали и изъ другихъ источниковъ.

⁴⁾ Cf. Baumker, *Quibus antiquis auctoribus Petrarca in conscribendis Rerum memorabilium libris usus sit. Pars prior. Monasterii Guestfalorum 1882* (Гимназическая программа). Работа мнѣ извѣстна только по отзывамъ. По словамъ Кирнера, è poco più che un mero elenco dei passi degli autori antichi, usati dal Petrarca nel primo libro (I. с. p. 29). Ср. рецензію Гейгера въ I томѣ *Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur*. Berlin 1887/88 p. 487.

⁵⁾ Особенно характерно различіе въ пониманіи otium обоими писателями. Kirner p. 33.

отъ пороковъ къ добродѣтелямъ; между тѣмъ какъ второй тща- тельно слѣдуетъ установленной схемѣ¹⁾. Это то же самое измѣненіе схоластическаго схематизма въ систематичность, которую мы отмѣ- тили въ рѣчахъ Петрарки.

Къ числу историческихъ произведеній Петрарки можно отнести и его „Сирійскій путеводитель“ (*Itinerarium Syriacum*)²⁾. Это

¹⁾ Ibid p. 39. Сравнивши текстъ съ цитированною выше рукописью, Кирнеръ слѣдующимъ образомъ воспроизводитъ схему этого сочиненія.

Первый шагъ къ добродѣтелямъ.

(vestibolo delle virtù)

Otium (I, 1)

— Studium et doctrina (I, 2)

Prudentia.	Futurorum providentia	въ обыкно- венной жизни	conjecturae (IV, 1)	divinatio	Dei—oracula (IV, 3)
					люди, которыхъ считаютъ вдохновен- ными (IV)
					естественное { furentes—vaticina (IV, 5) dormientes—somnia (IV, 4)
					по явленіямъ { auruspicina (IV, 6) auguria (IV, 7)
					природы { omina (IV, 8) portenta (IV, 9)
		въ военныхъ предпріятіяхъ.			

²⁾ Онъ напечатанъ въ базельскихъ изданіяхъ. Въ 1888 году *Giacomo Lombroso* вновь издалъ текстъ этого произведенія съ обширнымъ введе- ніемъ (*l'itinerarium del Petrarca* въ *Atti della Reale Accademia dei Lin- cei*. Vol. IV. p. 390). Мнѣ известна эта работа только по изложеніямъ: въ *Giornale stor. d. lett. ital.* XII p. 318 и болѣе обстоятельному у *Kirner'a* (*Sulle opere istoriche del P.* p. 43 и слѣд.) Время составленія книги *Lum- broso* относитъ между 1348—1363 годами. *Kirner* p. 45. Дополненіемъ къ этому сочиненію можетъ служить III, 1. *Familiaris*.

заглавіе придѣлано позднѣйшими издателями: въ рукописяхъ сочиненіе имѣетъ форму длиннаго письма. Изъ предисловія къ „Путеводителю“ видно, что одинъ изъ миланскихъ друзей Петрарки ¹⁾ пригласилъ его отправиться вмѣстѣ на богомолье къ св. Гробу. Отклоняя это приглашеніе, Петрарка вмѣстѣ себя составилъ путеводитель, въ которомъ отмѣтилъ всѣ достопримѣчательности на пути отъ Генуи до Палестины и обратно черезъ Египетъ до Италіи. Онъ дѣлитъ ихъ на три категоріи: однѣ относятся „къ спасенію души“, другія — „къ пріобрѣтенію знанія и къ украшенію ума“, третьи—напоминаютъ о важныхъ событіяхъ и этимъ возбуждаютъ духъ (*quae ad memoriam exemplorum excitandumque animum pertinent*). Сообразно съ этимъ Петрарка описываетъ достопримѣчательности религіозныя, важныя въ историческомъ отношеніи, рассказываетъ мѣологическія преданія и историческія событія, связанныя съ извѣстнымъ мѣстомъ. Независимо отъ этого плана авторъ отмѣчаетъ еще красоту природы тѣхъ мѣстъ, которыя самъ видѣлъ.

Съ исторической точки зрѣнія „Путеводитель“ представляетъ интересъ, какъ первый опытъ древней географіи. Гораздо важнѣе его культурно-историческое значеніе, которое превосходно выяснилъ Кёртингъ. Сравнивая эту книгу съ средневѣковыми путеводителями ко святымъ мѣстамъ, Кёртингъ отмѣчаетъ черты новаго времени въ томъ, что здѣсь религіозный интересъ занимаетъ второстепенное мѣсто, а на первый планъ выступаетъ любознательность просвѣщеннаго путешественника, который ищетъ исторической назидательности и эстетическаго наслажденія. Средневѣковой богомолецъ уступаетъ мѣсто новому туристу ²⁾, и новѣйшій ученый издатель „Сирійскаго путеводителя“ Лумброзо называетъ его первымъ Ведекеромъ ³⁾.

Какъ ни мало удовлетворяютъ историческія сочиненія Петрарки современнымъ требованіямъ науки, они обладаютъ уже зачатками главныхъ приемовъ, которые отличаютъ новую историографію отъ средневѣковой и въ силу этого должны занять замѣтное мѣсто въ исторіи развитія исторической науки. Тѣмъ не менѣе значеніе Петрарки, какъ историка, далеко еще не выяснено, хотя уже Вахлеръ счелъ необходимымъ упомянуть его въ своей „*Исторіи историческаго изслѣдованія и искусства*“. Но зная только *Res memorandae*

¹⁾ Адрессатъ не названъ въ печатномъ текстѣ; но въ нѣкоторыхъ рукописяхъ приведено и его имя—Giovanni di Mandello.

²⁾ Körtling I. c. p. 614—617.

³⁾ Giorn. stor. I. c. О составленной Петраркой картѣ Италіи см. Voigt. Die Wiederbelebung I p. 158 и Körtling p. 508.

Петрарки, Вахлеръ призналъ его „историческимъ писателемъ съ малымъ значеніемъ“ ¹⁾. Лучше освѣдомленный Вегеле не могъ долго остановиться на Петраркѣ въ трудѣ, посвященномъ нѣмецкой исторіографіи. Специальная работа Кирнера— „Объ историческихъ сочиненіяхъ Петрарки“ появилась только въ 1889. Несмотря на незначительный объемъ, книга Кирнера имѣетъ важное значеніе въ литературѣ о Петраркѣ. Главная заслуга автора—уже рассмотрѣнный нами анализъ отдѣльныхъ историческихъ сочиненій перваго гуманиста; но Кирнеръ дѣлаетъ также попытку дать общую оцѣнку заслугъ въ исторіографіи перваго гуманиста. Онъ видитъ въ Петраркѣ „истиннаго историка, а не простого компилятора и хрониста“. „Въ приемѣ, съ которымъ Петрарка пользуется древними авторами“, говоритъ Кирнеръ, „можно замѣтить зародыши (germi) критики, и поэтому онъ заслуживаетъ весьма почетнаго мѣста (un posto molto ragguardevole) въ исторіи исторіографіи“ ²⁾. Историческія сочиненія Петрарки, по словамъ Кирнера, „не имѣютъ для насъ никакой цѣны; но они драгоцѣннѣйшій документъ для исторіи исторіографіи: будучи основателемъ классическаго Возрожденія, Петрарка, благодаря имъ, можетъ называться съ полнымъ правомъ также основателемъ исторической критики. Можетъ быть, безъ Петрарки мы не имѣли бы Валлы“ ³⁾. Съ такимъ выводомъ нельзя однако согласиться вполне: оцѣнка Кирнера не достаточно обоснована и далеко не полна. Критику Петрарки онъ изучалъ только на одномъ его сочиненіи, притомъ ограничился простою суммировкой своихъ наблюденій. Вслѣдствіе этого у Кирнера отмѣчены не всѣ критическіе приемы Петрарки и отмѣченные не приведены въ систему. Кромѣ того, заслуги перваго гуманиста въ исторіографіи не ограничиваются только критическимъ отношеніемъ къ источникамъ. Кирнеръ противопоставляетъ Петрарку, какъ „настоящаго историка“, его предшественникамъ—„хронистамъ и компиляторамъ“, но не выясняетъ съ должной обстоятельностью, въ чемъ заключалась эта разница. Все, что онъ отмѣчаетъ въ исторіографіи Петрарки, кромѣ критики, или сближаетъ его съ средневѣковыми писателями, или не составляетъ выгодной для него разницы. Такъ, Кирнеръ отмѣчаетъ его грубыя хронологическія представленія и полное невниманіе къ хронологіи при изложеніи ⁴⁾ и формулируетъ его наивный взглядъ на исторію. Петрарка не имѣетъ въ виду

¹⁾ Wachler, Geschichte der historischen Forschung I p. 44.

²⁾ Kirner l. c. p. 76.

³⁾ Ibid. p. 81.

⁴⁾ Ibid. p. 60, 62.

реконструировать исторический процесс; „история для него существует, уже написана; остается только одна работа—выбирать из нея существенныя части и передавать их: въ сущности компилировать и составлять компендіумы. Кроме того, мы должны прилагать къ практической жизни примѣры, которые дали намъ древніе: исторія должна давать намъ образцы добродѣтели для подражанія и пороковъ, которыхъ мы должны избѣгать“. По мнѣнію Кирнера, все отличіе Петрарки отъ составителей жизнеописаній святыхъ заключается въ томъ, что онъ, заимствуя сюжеты изъ древняго міра, обучалъ не христіанскимъ, а гражданскимъ добродѣтелямъ ¹⁾. Последнее замѣчаніе, впрочемъ, не оправдывается источниками: въ *Res memorandae*, напр., главное мѣсто занимаютъ не гражданскія, а чисто индивидуальныя достоинства, такъ что отличіе Петрарки отъ монаховъ сводится къ разницѣ въ содержаніи той морали, которую они проповѣдовали. Что касается вообще до дидактическаго характера историческихъ произведеній Петрарки, то онъ не исчерпываетъ причинъ его интереса къ прошлому, какъ думаетъ Кирнеръ. Первый гуманистъ былъ моралистомъ по преимуществу; но изъ его произведеній видно, что исторія его занимаетъ просто какъ знаніе, какъ наука, независимо отъ ея морализующаго вліянія. Такъ, въ „Сирійскомъ путеводителѣ“ онъ сообщаетъ на-ряду съ назидательными свѣдѣніями и такія, quae ad notitiam regum et ingenii memoriam pertinent. Если онъ изучаетъ прошлое главнымъ образомъ съ біографической стороны, то здѣсь дѣйствуетъ не только дидактизмъ, но также индивидуализмъ. Дѣятель античнаго міра интересуется Петрарку не только, какъ моральный образецъ для настоящаго, но также какъ *человѣкъ* прошлаго. Вообще для оцѣнки историческихъ произведеній Петрарки необходимо поставить ихъ въ связь со всей его гуманистической дѣятельностью. Кирнеръ этого не сдѣлалъ, и историческіе труды перваго гуманиста еще ждутъ своего изслѣдователя.

¹⁾ Ibid. p. 65—66.

V.

Историческое значеніе поэтическихъ произведеній Петрарки.—Письма и эклоги. — Историческій интересъ Африки. — Виды итальянской поэзіи Петрарки.—Историческое значеніе его любовныхъ стихотвореній и вопросъ объ ихъ хронологіи.—Де-Нолакъ и Пашерь.—Патріотическія и политическія стихотворенія Петрарки.—Общій выводъ объ историческомъ значеніи всѣхъ произведеній Петрарки.

Поэзія Петрарки, несмотря на ея высокую эстетическую цѣну, съ исторической точки зрѣнія занимаетъ второстепенное мѣсто сравнительно съ его прозаическими произведеніями. Тѣ его идеи и стремленія, которыя имѣютъ всемірно-историческое значеніе, выражены главнымъ образомъ въ его прозѣ: поэзія является простымъ къ ней дополненіемъ. Только одна сторона личности Петрарки, имѣющая историческую важность, отразилась главнымъ образомъ въ его *Canzoniere*. Это—его любовь къ Лаурѣ и отношеніе поэта къ своему чувству. Здѣсь Петрарка является новымъ человѣкомъ въ двухъ отношеніяхъ: по взгляду на любовь и по точному описанію чувства, которое свидѣтельствуетъ о глубокомъ интересѣ перваго гуманиста къ своему внутреннему міру. Кромѣ того, *Canzoniere*—важный источникъ для личной исторіи самого Петрарки и можетъ служить комментариемъ къ его латинскимъ произведеніямъ. Только съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать поэтическія произведенія Петрарки, вслѣдствіе чего колоссальная литература его комментаторовъ и эстетическихъ критиковъ главной своей массой останется за предѣлами нашей задачи.

Среди латинской поэзіи первое мѣсто занимаютъ метрическія письма Петрарки ¹⁾. Новѣйшіе изслѣдователи единогласно признаютъ высокое художественное достоинство этихъ посланій ²⁾, а Кёртингъ ставитъ ихъ даже выше *Canzoniere* ³⁾. Съ исторической точки зрѣнія они точно такъ же не лишены интереса, какъ дополненіе къ дружеской и старческой перепискѣ Петрарки. Въ нихъ заноситъ онъ, часто съ поэтической живостью и непосредственностью, наиболѣе

¹⁾ *Epistolarum poeticarum libri III*. (Въ базельскихъ изданіяхъ *Opera omnia*). Кромѣ того, вмѣстѣ съ *Bucolica* изданы *Rossetti, Poëmata minora, quae extant, omnia. Milano 1819—24*. Всѣхъ писемъ 67 (I—14; II—19; III—34).

²⁾ См. *Ginguené*, I. с. р. 481 и слѣд. *Feuerlein*, I. с. р. 220. *Voigt*, I. с. р. 30.

³⁾ *Körting*, I. с. р. 679 и слѣд.

сильныя впечатлѣнія отъ окружающей дѣйствительности. Поэтому нѣкоторыя изъ писемъ имѣютъ автобіографическое значеніе, какъ, напр., исторія любви къ Лаурѣ, рассказъ о коронаваніи и т. п. ¹⁾; въ другихъ онъ защищаетъ поэзію противъ Зоила ²⁾, изображаетъ одушевлявшія его поэтическія чувства ³⁾, зоветъ папъ въ Римъ изъ Авиньона и описываетъ бѣдствія Италиі ⁴⁾. Дополненіемъ къ письмамъ могутъ служить *Эклоги* ⁵⁾.

Въ предисловіи къ „Письмамъ безъ адреса“ Петрарка проводитъ параллель между ними и эклогами и даетъ происхожденію послѣднихъ такое объясненіе. „Хотя истина всегда была ненавистна, но теперь она смертельно опасна (*capitalis*). Съ возрастаніемъ людскихъ пороковъ естественно возрасла ненависть къ истинѣ и представлено господство лести и лжи. Помню, что я часто говорилъ это, иногда даже писалъ, но слѣдуетъ говорить и писать объ этомъ чаще: не прекратится плачь раньше скорби. Это соображеніе прежде заставило меня написать буколическое стихотвореніе, родъ поэмы съ двоякимъ смысломъ (*poematis ambigui*), чтобы оно, будучи понятно немногимъ, тѣмъ бѣльшему количеству могло бы доставить наслажденіе, потому что у нѣкоторыхъ вкусъ до того испорченъ, что извѣстный вкусъ (*notus sapor*), хотя бы и весьма пріятный, ихъ оскорбляетъ и доставляетъ наслажденіе все неизвѣстное, хотя бы оно было и очень жесткимъ (*asperiora*)“. Такимъ образомъ цѣль эклогъ съ одной стороны замаскировать опасную истину, съ другой — доставить удовольствіе аллегоріей. Къ первой категоріи изъ 12 эклогъ принадлежатъ только самое большое—4. Остальныя же или касаются уже совсѣмъ безобидныхъ сторонъ современной дѣйствительности или излагаютъ нисколько не опасныя теоретическія воззрѣнія Петрарки и факты изъ его внутренней жизни.

Историческій интересъ этихъ стихотвореній весьма ограниченъ. Хотя Петрарка самъ издалъ объясненіе ихъ содержанія ⁶⁾, тѣмъ не

¹⁾ I, 7; II, 1. Ср. II, 17 и 19; III, 3 и 27 etc.

²⁾ II, 11 и 18.

³⁾ II, 12; III, 24.

⁴⁾ Воззваніе къ Бенедикту XII, I, 2 и 5. Ср. I, 14.

⁵⁾ *Bucolicum carmen in XIII aeglogas distinctum*. Въ базельскихъ изданіяхъ Opera omnia. О другихъ изданіяхъ и переводахъ см. Ferrazzi, p. 772—773.

⁶⁾ *Epytomata domini francisci petrarce super suis bucolicis*. Впервые изданы Гортисомъ по кодексу ССХХХІІ Моденской Biblioteca Estense (l. c. p. 359). Гортисъ предпослалъ изданію превосходный очеркъ (Delle

менѣ ихъ частности, которыя могли бы имѣть значеніе, остаются непонятными; а общій смыслъ, истолкованный самимъ авторомъ, полнѣе и яснѣе выраженъ въ другихъ его сочиненіяхъ. Такъ, въ первой эклогѣ—*Parthenias* Петрарка выводитъ на сцену двухъ пастуховъ—Моника и Сильвія: послѣдній изображаетъ самого поэта¹⁾, первый его брата—монаха; рѣчь идетъ о поэзіи и богословіи, о жизни дѣятельной и созерцательной. Основная мысль эклоги заключается, повидимому, въ томъ, что поэзія не вредитъ религіи. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что представителемъ поэтовъ является пророкъ Давидъ²⁾, а въ то же время Богоматерь изображена подъ видомъ богини *Pales*, а Христосъ подъ видомъ Аполлона³⁾.

Сюжетъ второй эклоги—*Argus* заимствованъ изъ современности. Собесѣдники (Сильвій—авторъ, *Ideus*—Дж. Барили и *Phytius*—*Barbato Sulmonese*) ведутъ рѣчь о смерти Андрея Неаполитанскаго. По мнѣнію Гортиса, эклога написана вслѣдствіе того, что Петрарка не хотѣлъ открыто нападать на дочь своего благодѣтеля⁴⁾. Дѣйствительно, авторъ простираетъ здѣсь свою осторожность на собственное объясненіе эклоги, въ которомъ, открывая имена собесѣдниковъ, умалчиваетъ о содержаніи ихъ разговора.—Въ третьей эклогѣ—*Amor pastorius*—идетъ рѣчь о любви автора (*Stupeus*) къ поэзіи (*Damne*) и о его коронованіи на Капитоліи. По объясненію самого Петраки, въ эклогѣ имѣется въ виду только поэзія⁵⁾; но одинъ изъ современныхъ автору комментаторовъ, а за нимъ и Гортисъ утверждаютъ, что подъ именемъ *Damne* скрываются не только поэтическіе лавры, но и Лаура⁶⁾, вслѣдствіе чего подъ чувствомъ *Stupeus*'а Петрарка изображаетъ не только свой интересъ

egloghe del Petrarca. Ibid. p. 221 и слѣд.), въ которомъ сопоставляетъ историко-литературныя свѣдѣнія объ эклогахъ и приводитъ ихъ толкованія.

¹⁾ Per Silivium ipse poëta huius operis autor intelligi debet, eo quod diu siluam et solitudinem pro suo ocio incoluit, uel silivius a silua. i. a civitate. Nam silua pro cuitate per totum opus intelligi potest. Epytomata p. 359. Объясненію этой эклоги Петрарка посвятилъ еще одно письмо къ брату. Epist. famil. IV, 10.

²⁾ Per totam inscripti collocutores disputant de theologia poësi, in qua poëta precipuus intraducitur david. Epyt. Ibid.

³⁾ Hortis l. c. p. 236.

⁴⁾ Ibid. p. 241.

⁵⁾ Naturali enim inclinatione ipse poëta hic dictus stupeus ad poëticam artem dispositus fuit, cujus affectio quanta fuerit per discursum ipsius egloge patebit. damne ipsa poësis est. Ibid. p. 360.

⁶⁾ Ibid. p. 242—244.

къ поэзіи, честолюбивое стремленіе къ лаврамъ, но также и любовь къ Лаурѣ. Съ этой точки зрѣнія эклога имѣла бы важный біографическій интересъ, если бы можно было выяснитъ ея содержаніе. Четвертая эклога, *Daedalus*, трактуетъ о поэзіи. По объясненію Петрарки, собесѣдники „разсуждаютъ, почему у итальянцевъ поэзія процвѣтала болѣе, чѣмъ у галловъ, и приходятъ къ заключенію, что мы итальянцы въ этомъ счастливѣе“ ¹⁾. Три слѣдующія эклоги политическаго содержанія. Пятая—*Pietas pastoralis*—была посвящена Кола-ди-Риенцо и представляетъ интересъ для политическихъ воззрѣній автора, являясь дополненіемъ къ его перепискѣ ²⁾. По объясненію Петрарки, въ ней „выводятся три пастуха Марцій, Аппицій и Фестинъ. Двое первыхъ разсуждаютъ, возможно ли возстановитъ Римъ, который они называютъ матерью. Марцій—фамилія Колонна, названная такъ отъ Марса, потому что Колонны—люди воинственные. Аппицій—домъ Орсини (*domus Ursina*) отъ Аппиція, великаго мастера въ искусствѣ пировать, такъ какъ и сами Орсини весьма прилежатъ къ пирамъ и банкетамъ. Римскій народъ названъ Фестинусъ отъ небудуманности и непостоянства (*a festinantia et mobilitate*); но и онъ наконецъ признаетъ, что двое первыхъ не настоящіе римляне“ ³⁾. Эклоги шестая (*Pastorum pathos*) и седьмая (*Grex infectus*) служатъ дополненіемъ къ „Письмамъ безъ адреса“. Въ обѣихъ идетъ рѣчь о куріи; къ сожалѣнію объясненія Петрарки ограничиваются только истолкованіемъ дѣйствующихъ лицъ. Въ шестой эклогѣ: Ramphilus—ап. Петръ, Mitio—Климентъ VI, потому что авторъ нашелъ въ немъ сходство съ героемъ одной комедіи Теренція; въ седьмой дѣйствуетъ тотъ же Mitio и женщина Эпи, относительно которой Петрарка не даетъ никакихъ объясненій ⁴⁾. Объ эти эклоги, непонятныя въ подробностяхъ, не лишены интереса для характеристики отношенія автора къ церкви.

¹⁾ Erytoma, p. 361. Собесѣдники—Gallus fuit quidam proprio nomine philippus in musica summus artifex (Филиппъ-де-Витри, епископъ Мо) и Tyrenus—ipse poëta. Подъ Дедаломъ quisque legens hristum intelligat. homo enim super naturam ipse fuit sapientie eloquentie atque virtutum et artium omnium dator. Ibid.

²⁾ Петрарка далъ объясненіе этой эклогѣ въ письмѣ къ римскому трибуну (*Variae XLII*).

³⁾ Erytoma, p. 361—362. Гаспари считаетъ Festinus'a за Кола-ди-Риенцо. L. c. I, 415.

⁴⁾ Erytoma, p. 363. Современные Петраркѣ толкователи расходились въ пониманіи этой фигуры: одни видѣли въ ней олицетвореніе Авиньона, другіе—церкви. См. Hortis, p. 250.

Восьмая эклога (*Divortium*) автобіографическаго содержанія, такъ какъ Петрарка изображаетъ въ ней свой разрывъ съ Колоннами ¹⁾. Девятая эклога (*Querulus*), въ которой оплакиваются бѣдствія чумы 1348 года, не представляетъ историческаго интереса. Автобіографическое значеніе имѣетъ десятая эклога — *Laurea occidentens*. Рѣчь идетъ въ ней объ упадкѣ поэзіи; но Петрарка, по собственному признанію, дѣлаетъ въ ней намеки „на благородную женщину, которую любилъ“ и о которой онъ такъ рѣдко говоритъ въ своей латинской прозѣ ²⁾. Одиннадцатая эклога (*Galathea*) дополняетъ предшествующую. По объясненію Петрарки, Галатея изображаетъ уже умершую Лауру, а три собесѣдницы эклоги — Ниоба, Фуска и Фульгида аллегорія различныхъ состояній самого автора ³⁾. Заключительная эклога (*Conflictatio*) изображаетъ борьбу Англии съ Франціей въ 1346 г. и не лишена интереса, какъ отголосокъ современныхъ мнѣній объ этомъ дѣлѣ ⁴⁾

Быть можетъ, правильнѣе видѣть въ Еру—куру. Въ *Epitoma* Петрарка говоритъ: In hac septima Egloga titulus est grex infectus per quem poeta intelligit et innuit non solum ipsum summum pastorem lascivia et voluptatibus infectum sed etiam lasciviam cardinalium. Ibid. p. 362—363.

¹⁾ Дж.-Коломна Ganimedes ipse cardinalis dicitur a Ganymede trojano ad concilium deorum raptus per Jouem in formam aquile transformatum sic et iste ad collegium cardinalium tractus est. Ibid. p. 363. Нортисъ пытается дать болѣе детальное объясненіе этой эклогѣ въ связи съ однимъ письмомъ безъ адреса. Ibid. p. 253 и слѣд.

²⁾ Posses etiam dicere quod equivoce faciat mentionem de morte illius lauree muliebris nobilis quam adamavit et quam celebrem materna eloquentia reddidit. Mortua enim eo absente ut in fine egloge patebit. Важно также, что говоритъ Петрарка о своемъ собесѣдникѣ, который часто встрѣчается въ его перепискѣ. Socrates a magno Socrate dictus quidam germanus nomine louisius in musica peritissimus eius poëte consocius atque amicissimus. *Epitom.* p. 364.

³⁾ Inde galathea. i. candida dea per quam intelligitur illa cara domina de qua in egloga proxime precedenti mentionem fecit. Introducuntur autem tres collocutrices. Niobe. Fusca. et Fulgida, eo ipso quod homo est animal concupissibile, irascibile et rationale est. Cupit enim ipse poeta illam vivere videre. Irascitur eam mortuam et queritur. castigat ratio appetitum et Iracundiam. Ibid. p. 364—365. Дальнѣйшее объясненіе представляетъ интересъ для психологическихъ воззрѣній Петрарки. In pectore prime due sunt. nam ex felle Irascibilitas et ex epate concupiscentia trahit originem. Ratio in arce capitis supereminet, dicitur... Fusca a materia circa quam versatur sepe concupiscentia de turpibus est. Fulgida quia nil ratione clarius. Ibid.

⁴⁾ Эклога съ толкованіемъ обстоятельно изложена у Нортиса, p. 191 и слѣд. Изъ *Epitoma* автора характерно названіе одного изъ собесѣдниковъ *Multivulus. i. populus quia multa vult.* Ibid. p. 365. Указаніе важнѣй-

Самое обширное из поэтических произведений Петрарки, его эпическая поэма *Африка* ¹⁾, не лишено цѣны, какъ историческій источникъ. Автобіографическій интересъ представляетъ только лучшая часть поэмы и въ художественномъ отношеніи, именно, ея лирическія мѣста. Предсмертная рѣчь Магона въ VI книгѣ является въ извѣстномъ смыслѣ исповѣдью самого поэта. Мастерское изображеніе красоты Софонизбы и внутренней борьбы Массиниссы, который сначала предпочитаетъ любовь опасности, а потомъ отравляетъ любимую женщину, чтобы спасти себя отъ мести римлянъ ²⁾, показываетъ, какъ умѣлъ Петрарка цѣнить женскую красоту и понимать внутреннюю борьбу. Въ поэмѣ встрѣчаются и болѣе прямыя автобіографическія указанія. Такъ, Сципіонъ предсказываетъ своему сыну, что современемъ въ Тосканѣ родится поэтъ, второй Энній, который воспоетъ его подвиги и разрушеніе Карфагена ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ это пророчество повторяетъ самъ Энній, который рассказываетъ также о коронованіи Петрарки и о его историческихъ произведеніяхъ ⁴⁾. Лиризмъ эпической поэмы выражается между прочимъ въ томъ, что Петрарка по временамъ влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ свои собственныя воззрѣнія. Такъ, выводя на сцену языческихъ боговъ, онъ не рѣшается оставить христіанской точки зрѣнія. Ночью, наканунѣ рѣшительной битвы между Ганнибаломъ и Сципіономъ, богини Рима и Карфагена умоляютъ Юпитера каждая за свой городъ, при чемъ первая приводитъ между прочимъ въ свою пользу тотъ аргументъ, что обитатели ея города современемъ будутъ покло-

шихъ разборовъ Эклогъ въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи литературы у Ferrazzi l. c. p. 773. Эти разборы носятъ по большей части эстетическій характеръ и не представляютъ интереса въ историческомъ отношеніи. Послѣ выхода книги Ferrazzi появилась въ журналѣ Propugnatore новая работа Ruberto, *Le Ecloghe del Petrarca*. Мнѣ извѣстно только Discorso preliminare (Propugnatore XI, 1878, p. 245 и слѣд.), въ которомъ авторъ дѣлаетъ эскизный обзоръ предшествующей критики и выясняетъ свою задачу. A me preme d'intendere, говоритъ онъ, le ecloghe del nostro Petrarca, e a questo fine tenterò ogni via, studiandomi di comentare poeta col poeta o con la storia (Ibid. p. 288). Изъ позднѣйшей литературы о Петраркѣ не видно, чтобы труды Ruberto увѣнчались успѣхомъ.

¹⁾ Текстъ Африки напечатанъ въ базельскихъ изданіяхъ. Лучшее изданіе *Africa nunc primum emendata, curante Francisco Corradini. Padova 1874.* (Padova a Fr. Petrarca il XVIII luglio MDCCLXXIV). Другія изданія и переводы. Ferrazzi, p. 763—769.

²⁾ Lib. V.

³⁾ Lib. II, Vers. 441 и слѣд.

⁴⁾ Lib. IX. Vers. 23—64 и 304.

няться истинному Богу. Въ свою очередь Юпитеръ объявляетъ имъ, что онъ намѣренъ въ скоромъ времени вочеловѣчиться и претерпѣть смерть для спасенія людей ¹⁾. Въ одномъ мѣстѣ поэмы встрѣчается рѣзкая выходка противъ дѣленія власти между консулами и восхва-леніе преимуществъ единовластія ²⁾; въ другомъ выражено твердое убѣжденіе, что Римъ, несмотря на временный упадокъ, навсегда останется столицей міра ³⁾. Наконецъ, Африка служитъ дополне-ніемъ къ историческимъ произведеніямъ Петрарки. Въ пророчествѣ Сципіона ⁴⁾ не безъ основанія видятъ списокъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, которые должны были войти въ его книгу *De viris illu- stribus*. Далѣе, и въ поэмѣ Петрарка пользуется тѣми же источни-ками, которые лежатъ въ основаніи его историческихъ произведеній. Въ ея построеніи онъ подражаетъ Энеидѣ, а содержаніе заимствуетъ изъ римскихъ писателей, преимущественно изъ Ливія и Флора, при чемъ иногда нѣсколько украшаетъ источникъ, а изрѣдка неправильно его понимаетъ ⁵⁾.

Къ числу поэтическихъ произведеній Петрарки слѣдуетъ отнести

¹⁾ Lib. VI. Vers. 500—728.

²⁾ Lib. VIII. Vers. 547—611.

³⁾ II. Vers. 1—383.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ См. Körting, p. 657 и слѣд. Примѣръ недоразумѣнія у Петрарки *ibid.*, p. 668. Отзвѣвы объ Африкѣ въ обшихъ сочиненіяхъ не представляютъ интереса (до 1878 года они перечислены у Ferrazzi, p. 768); исключеніе составляетъ книга Кёртинга, который, кромѣ эстетической оцѣнки, указы-ваетъ источники Петрарки и отношеніе къ нимъ поэта. Заслуживаетъ вниманія только вопросъ объ отношеніи Петрарки къ Силію Италику. Въ XVI вѣкѣ Н. Фравко упрекалъ Петрарку, что онъ не зналъ своего пред-шественника, а *Lefebvre de Villebrune* въ изданіи Силія Италика 1781 года наоборотъ обвинилъ его въ плагиатѣ. Это обвиненіе встрѣтило цѣлый рядъ рѣзкихъ опроверженій, наиболѣе обстоятельныя изъ которыхъ принадле-жатъ Baldelli (I. с. п. 199 и слѣд.) и *Occioni (Cajo Siliio Italico e il suo poema. Studi. Firenze 1871)*. Обвиненіе пало само собою, такъ какъ до послѣдняго времени держалось мнѣніе, что Петрарка не зналъ Силія, ко-торый былъ открытъ Поджіо только въ 1417. (Это мнѣніе повторено между прочимъ Кёртингомъ I. с. p. 656). Между тѣмъ Арригони нашелъ въ числѣ книгъ, принадлежащихъ Петраркѣ, и *De secundo bello Punico* Силія, экзем-пляръ этого сочиненія, оказывается, былъ подаренъ поэту кардиналомъ Колонною. (*Arrigoni, Souvenirs de Pétrarque. Milan 1883*. См. *Giornale stor. d. lett. ital.* III, p. 467). Этотъ фактъ вызвалъ новую защиту противъ стараго обвиненія. Хотя Оччіони доказалъ невозможность плагиата сравне-ніемъ Африки съ ея мнимымъ оригиналомъ, тѣмъ не менѣе *Develay (Pétrar- que et Silius Italicus. Вѣ Bulletin du Bibliophile. 1883. Decembre)* вновь

его „Покаянные псалмы“¹⁾ и молитвы, хотя тѣ и другія и написаны прозой. Самая мысль написать такіе псалмы характерна для его настроенія. Подражаніе Давиду само собою приходило ему въ голову, потому что онъ переживалъ внутреннюю борьбу, и всѣ семь псалмовъ изображаютъ душевное страданіе, какъ ея результатъ²⁾. Такимъ же характеромъ отличаются и молитвы³⁾.

Итальянская поэзія Петрарки, которой онъ обязанъ за свою

защищаетъ Петрарку отъ обвиненія и пытается доказать, что манускриптъ Арригони не принадлежалъ поэту. (Послѣдняя работа мнѣ извѣстна только по рецензій).

¹⁾ *Psalmi poenitentiales* напечатаны въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка. Ихъ семь, и каждый изъ нихъ оканчивается обычнымъ *Gloria patri etc.*

²⁾ Для примѣра приведемъ третій. *Miserere Domine dolorum meorum satisque superque volutatus sum et in coeno peccatorum meorum marci miser. Et quid restat amplius afflicto. Tempus inutiliter abiit, vitam in consiliis expendi. Mors ante oculos meos adest et domus novissima sepulcrum et stridor ac gemitus gehennae. Quamdiu me deludit hodiernus dies sub expectatione crastini, quando incipiam ad te reverti? Siste jam fluctus, ac procellas animi, illumina consilium cordis mei et metam laboribus impone. Qui intellectum dederas, ut bene agere, tribuere voluntatem et in actum dirige, ne exprobratione tui muneris confundar. Eripe me a servitio tui et ne insultet in opus manuum tuarum prohibe, quoniam aliter, qui prohibeat non est. Libera me de suppliciis aeternis, sit mihi pars purgationis labor meus, quo hic per singulos dies exerceor. Reliquum mihi hac vita et in his membris exige, priusquam veniat tempus egestatis. Reduc me in vias tuas, aute solis occasum, advesperascit enim et nox est amica praedonibus. Coge ire si vocare parum est denique ut libet, modo ne peream. Respice, Domine, miserere quoniam tu solus omnes miserias nosti. Gloria. Opera. 1554, p. 370.*

³⁾ Молитвы Петрарки впервые издалъ Гортисъ (*Scritti inediti*, p. 367—72). Онѣ распадаются на три категоріи: 1) *Orationes contra tempestates aereas* числомъ три: первая къ св. Лаврентію, вторая къ блаж. Агатѣ и третья къ самому Христу. 2) *Oratio quotidiana* и 3) *Oratio contra tempestates* (на морѣ). Всѣ онѣ не имѣютъ важнаго біографическаго значенія. Сюда же относятся стихотвореніе св. Магдалины. См. *Frassass. Lett. Sen. XV*, 15. О приписываемыхъ Петраркѣ молитвахъ, см. *Ibid.* p. 298—301. Комедія Петрарки *Philologia* считается утраченною. См. о ней *Voigt. I*, 155. *Körting*, p. 531—532. *Mebus (Vita Traversarii*, p. CCXXXIX) упоминаетъ приписываемое Петраркѣ сочиненіе *De casu Medae miserrimae, postquam a pravo proditore Jasone fuit in deshabitata insula derelicta, opus nobilissimum*. Сначала изложенъ самый мпѣ; потомъ Медея произноситъ рѣчь къ Сатурну, Юпитеру, Аполлону, Венерѣ, Меркурію, Діанѣ, Плутону и прочимъ богамъ. Сочиненіе остается неизданнымъ. Рукоиси у *Voigt'a II*, p. 411. Другое неизданное произведеніе, которое также считается подложнымъ, носитъ названіе: *Comoedia edita a laureato viro domino Francisco Petrarca super destructione Caesenaе* (*Mehus. Ibid.*).

давнишнюю популярность, съ исторической точки зрѣнія имѣеть сравнительно узкое значеніе. *Canzoniere* дѣлать обыкновенно на 4 части: въ первой Петрарка воспѣваетъ свою любовь при жизни Лауры (*Sonetti e canzoni in vita di madonna Laura*), во второй— послѣ ея смерти (*Sonetti e canzoni in morte di madonna Laura*); третью часть составляютъ лирическія стихотворенія различнаго содержания (*Sonetti e canzoni sopra varj argomenti*); четвертая заключаетъ въ себѣ аллегорическіе *Триумфы* (*Trionfi in vita e in morte di madonna Laura*)¹⁾. Историческій интересъ двухъ первыхъ отдѣловъ исчерпывается вопросомъ объ отношеніи Петрарки къ любви. Что это было чувство вполне реальное, что поэтъ не только переживалъ любовь, но и наблюдалъ за своей внутренней жизнью, передавая тончайшіе оттѣнки чувства — это признають всѣ наиболѣе крупныя критики Петрарки. Точно такъ же никто болѣе не сомнѣвается, что трубадуры оказали только формальное вліяніе на лирическую поэзію перваго гуманиста, а ея содержаніе почерпнуто поэтомъ изъ реальной исторіи собственнаго сердца. Поэтому обзоръ критики *Canzoniere*, представляющей любопытный эпизодъ въ исторіи эстетическихъ воззрѣній новаго времени, не имѣеть интереса съ нашей точки зрѣнія²⁾. То же самое можно сказать и о комментаторахъ. Заслуживаетъ вниманія только тотъ фактъ, что изъ 400 изданій *Canzoniere* къ періоду до начала XVII вѣка относится болѣе 200, а 68 изъ нихъ появились до 1525 года и что между его ком-

¹⁾ Хотя это дѣленіе не основано на автографѣ Петрарки, гдѣ отдѣлъ, названный у насъ третьимъ, не былъ выдѣленъ изъ двухъ первыхъ (см. *Pakscher, Die Chronologie der Gedichte Petrarca's. Berlin 1887, p. 5* в слѣд.), тѣмъ не менѣе я удерживаю его въ виду удобства для исторической оцѣнки *Canzoniere*. Изданій Rime около 400. Кардуччи, который составилъ исторію текста *Canzoniere*, насчитываетъ до конца 1875 года 367 изданій. Онъ дѣлитъ ихъ по характеру текста на 4 періода

1-й	отъ 1470 до 1525	содержитъ 68 изданій.
2-й	„ 1525 „ конца XVI вѣка	135 „
3-й	„ 1722 „ 1819	— 72 „
4-й	„ 1819 „ 1875	— 75 „

Кромѣ того, отъ 1600 до 1722 было сдѣлаво 17 изданій (*Rime di Francesco Petrarca sopra argomenti storici, morali e diversi. Saggio di un testo e commento nuovo a cura di Grosuè Carducci. Livorno 1876. Prefaz. p. XVIII—XXIX.*

²⁾ Литература о *Canzoniere* приведена у Ferrazzi (p. 645—667); гдѣ ея произведенія, которыя имѣють историческій интересъ, будутъ разсмотрѣны ниже.

ментаторами встрѣчаются такія имена, какъ Л. Марсильи, Кандидо Дечембріо и Филельфо ¹⁾. Это обстоятельство можетъ служить однимъ изъ аргументовъ противъ обычнаго обвиненія гуманистовъ въ слѣпомъ увлеченіи древностью и въ презрѣніи ко всему національному.

Но любовная поэзія Петрарки имѣетъ важное историческое значеніе еще въ другомъ отношеніи. Его стихотворенія захватываютъ обширный періодъ его жизни (около 30 лѣтъ), и ихъ хронологія можетъ указать существенное подспорье для *внутренней исторіи* перваго гуманиста, которая имѣетъ несомнѣнно важное значеніе для

¹⁾ Къ XV вѣку относятся комментаріи триумфовъ *Bernardino Licino* и ко всей поэзіи *Antonio da Tempo*. *Филельфо* публично объяснял *Canzoniere* въ Миланѣ. Его краткія замѣтки продолжены *Скаррчиафико*. Въ XVI вѣкѣ *Rime* комментировали: *Fausto da Longiano* и *Silvano da Venafro*, которые сопоставляли сонеты съ латинскими сочиненіями и пытались опредѣлить ихъ хронологію. *Marco Mantova Benavides*, Падуанскій юристъ, вноситъ *ragion civile*, по выраженію Кардуччи, и сравниваетъ сонеты съ античными и церковными писателями. Всѣ эти комментаріи изданы только 1 разъ. *Alessandro Velutello* въ Авиньонѣ собиралъ свидѣнія о Петраркѣ и Лаурѣ (его комментаріи напечатаны 27 разъ). *Bernardino Daniello* (въ 2 изданіяхъ) сравнивалъ Петрарку съ Данте и латинскими поэтами. *Giovan Andrea Gesualdo da Traietto* составилъ обширный комментарій (9 изданій), въ которомъ разбираетъ своихъ предшественниковъ. Лучшимъ Кардуччи считаетъ *Castelvetro* (одно изданіе). *Anastagio Gregorio Giraldi* не издавъ (кодексъ № 2451 университетской бібліотеки Болоньи); замѣчанія риторическія и параллельныя мѣста изъ разныхъ стихотвореній. Комментаторамъ этой эпохи Кардуччи даетъ такую общую характеристику: *differenti molto in valore, pur conferiscano tutti alla intelligenza o erudita o poetica o grammatica o storica del Canzoniere* (Prefaz. p. XXXIV). Кромѣ того въ XVI вѣкѣ былъ цѣлый рядъ комментаторовъ отдѣльныхъ мѣстъ *Canzoniere* (*Giovanbattista da Castiglione*, *Antonio Brucioli*, *Ludovico Dolce*, *Giulio Camillo*, *Ludovico Beccadelli*, *Girolamo Muzio* и нѣсколько анонимовъ; съ чисто грамматической точки зрѣнія комментировали: *Francesco Alunno*, *Bembo* и одинъ анонимъ). Въ XVII вѣкѣ одинъ комментаторъ *Tassoni*. Въ XVIII вѣкѣ знаменитый *Miratori*, составившій эстетическій комментарій, *Sebastiano Pagello* и *Ternow* (отдѣльныя замѣчанія сдѣланы *Salvini* и *Vittorio Alfieri*). Въ XIX вѣкѣ *Antonio Meneghelli*, *Luigi Spadi* сдѣлали попытку хронологически расположить отдѣльныя. Наиболѣе важны комментаріи *Biagioli*, страстнаго поклонника Петрарки, сравниваго его съ Данте и знаменитаго *Леонарди*, который хотѣлъ подражать схоластамъ и сдѣлать *Canzoniere* доступными „женщинамъ, дѣтямъ и иностранцамъ“. Кромѣ того, сводъ предшествующихъ комментаріевъ съ нѣкоторыми отдѣльными замѣчаніями былъ сдѣланъ: *Carlo Albertini*, *Luigi Carrer* и *Francesco Ambrosoli*. Точно также съ примѣчаніями изданы вѣмецкіе переводы *Förster'a* и *Kekule*. *Carducci*. Prefazione, p. XXXI—XLVIII. Ср. *Ferrazzi*, p. 683—728; о комментаріи Дечембріо см. ниже.

пониманія всего движенія. Но установленіе хронологическихъ датъ для отдѣльныхъ стихотвореній не удалось до настоящаго времени, хотя имѣетъ уже весьма продолжительную исторію. Уже въ XVI вѣкѣ *Веллотелло*, *Джезуальдо* и *Даниелло* ¹⁾ пытались разрѣшить эту задачу, но ихъ попытки при тогдашнемъ состояніи свѣдѣній о Петраркѣ не могли быть удачными. Точно также не удалось это дѣло и Де-Саду, несмотря на всѣ его старанія ²⁾. Въ XIX столѣтіи попробовали подойти къ этому вопросу съ другой стороны. „Дѣло психолога, говоритъ Бутервекъ, съ точностью опредѣлить хронологію сонетъ и канцонъ, содержаніе которыхъ составляетъ Лаура и любовь“ ³⁾. На основаніи психическихъ признаковъ Кине раздѣлилъ стихотворенія Петрарки на періоды ⁴⁾, а *Менегелли* и *Спади* пытались опредѣлить хронологическія даты отдѣльныхъ стихотвореній ⁵⁾. Но всѣ эти хронологическія построенія, сдѣланныя на чрезвычайно субъективныхъ основаніяхъ, не только не дали прочныхъ результатовъ, но вызвали возраженія противъ самой задачи. Правда, нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напр., знаменитый *Леонарди*, продолжали настаивать на желательности и необходимости такой хронологіи ⁶⁾, но Кёртингъ считаетъ ее невозможной ⁷⁾, а нѣкоторые и весьма авторитетные писатели даже и не нужной. Такъ, по мнѣнію Де-Санктиса, если бы и удалось установить хронологію, то исторія любви Петрарки, написанная на этомъ основаніи, представляла бы собой романъ, совершенно непохожій на дѣйствительность, потому что *Canzoniere* — дневникъ влюбленнаго, а не изложеніе развитія его чувства ⁸⁾. Еще рѣшительнѣй выражается новѣйшій историкъ итальянской литературы *Гаспари*. „Любовь Петрарки, говоритъ онъ, не имѣетъ внѣшняго развитія; съ того мгновенія, когда онъ въ первый разъ увидалъ свою Лауру въ церкви св. Клары, его любовь осталась на томъ же самомъ пунктѣ 21 годъ,

¹⁾ *Vellutello, Le volgari opere del Petrarca con l'esposizione. Venezia 1525; Gesualdo, Il Petrarca colla Esposizione. Venezia 1533; Daniello, Sonetti, Canzoniere Triumphî di messer Francesco Petrarca con la sposizione. Venezia 1541.*

²⁾ О Де-Садѣ, см. ниже.

³⁾ *Bouterweck, l. c. p. 157.*

⁴⁾ *Quinet, l. c. p. 135—136.*

⁵⁾ *Meneghelli, Le rime di F. Petrarca. Padua 1819; Spadi, Il Canzoniere di F. Petrarca riordinato. Firenze 1858.*

⁶⁾ См. *Carducci, l. c. p. XLIII—XLIV* и *Pakscher, p. 2.*

⁷⁾ *Körting, l. c. p. 701.*

⁸⁾ *De Sanctis, Saggio critico sul Petrarca. Napoli 1883, p. 97.*

до самой ея смерти“¹⁾). Несмотря на всю невѣроятность съ психологической точки зрѣнія утверждений Де-Санктиса и Гаспари, фактическое ихъ опроверженіе возможно только при документальной хронологіи отдѣльныхъ стихотвореній, и недавно открытый автографъ Петрарки даетъ надежду на ея научное установленіе.

29 мая 1886 года въ *Journal officiel* и въ *Gazzetta Piemontese* было объявлено, что *Пьеръ Де-Нолакъ* открылъ автографъ *Canzoniere* Петрарки и двухъ другихъ его сочиненій. Вслѣдъ за тѣмъ Де-Нолакъ сдѣлалъ сообщеніе объ этомъ открытіи, изъ котораго видно, что автографы находятся въ Ватиканской бібліотекѣ, гдѣ Cod. Vat. № 3196 заключаетъ въ себѣ разрозненные листки *Canzoniere*, Cod. Vat. 3195 — все сочиненіе, Cod. Vat. 3358 *Opus Bucolicum* и Cod. Vat. 3359 *De sui ipsius et multorum ignorantia*²⁾). 3 іюня 1886 года *Пахшеръ* заявилъ въ *Rassegna*, что это открытіе сдѣлалъ также и онъ независимо отъ Де-Нолака. Послѣ продолжительнаго спора между обоими учеными³⁾, изъ котораго оказалось, что честь открытія принадлежитъ имъ обоимъ, а первенство Де-Нолаку⁴⁾; послѣ полемики по поводу подлинности автографовъ, изъ которой выяснилась предшествующая исторія рукописей и ихъ палеографическія особенности⁵⁾, Пахшеръ сдѣлалъ въ особомъ сочиненіи⁶⁾ новую и весьма важную попытку установить

¹⁾ *Gaspari*, I. c. I, p. 462.

²⁾ *Pierre De Nolhac, Le canzoniere autographe de Pétrarque. Communication faite à l'académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris 1886. Idem, Note sur deux autographes de Pétrarque* (въ *Revue critique d'histoire et de littérature. Paris, 1886, p. 469*). Автографъ *Canzoniere* былъ извѣстенъ уже Томазини, о которомъ см. ниже.

³⁾ *Pakscher, Il canzoniere Petrarcesco*. (Въ *Fanfulla della domenica VIII, № 28*). *De-Nolhac, Un'ultima parola sul Canzoniere Petrarcesco*. Кромѣ того, полемика велась въ *Deutsche Literatur Zeitung* (B. VII). См. *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft IX, p. 261*.

⁴⁾ См. *Renier, L'autografo Canzoniere petrarchesco*. (Въ *Giornale storico della letteratura italiana VII, p. 463* и слѣд.). *Geiger, Neue Schriften zur Litteratur der italienischen Renaissance*. (Въ *Zeitschrift für Vergleichende Litteratur - Geschichte und Renaissance Litteratur. 1887—88, p. 480*).

⁵⁾ *De Nolhac, La bibliothèque de Fulvio Orsini. Paris 1887. Idem, Facsimilés de l'écriture de Pétrarque et appendices au „canzoniere autographe“ avec des notes sur la bibliothèque Pétrarque. Rome 1887; Pakscher, Di un probabile autographo Boccacesco*. (Въ *Giorn. stor. della litter. ital. VIII p. 364*); *Idem, Aus einem Katalog des Fulvius Ursinus*. (Въ *Zeitschrift für romanische Philologie. X. B. 1887, p. 205* и слѣд.). *Appel, Die Berliner Handschriften der Rime Petrarca's. Berlin 1886*.

⁶⁾ *Pakscher, Die Chronologie der Gedichte Petrarca's. Berlin 1887*.

хронологию стихотворений Петрарки. На основании тщательнаго наблюдения надъ автографами Папкерьъ пытается опредѣлить, какъ составлялъ Петрарка *Canzoniere* ¹⁾, и приходитъ къ убѣжденію, что при окончательной редакціи онъ держался хронологическаго порядка ²⁾. Такъ какъ нѣкоторыя стихотворенія въ черновыхъ наброскахъ имѣютъ даты, въ другихъ точная хронологія дана самымъ содержаніемъ, то такія стихотворенія опредѣляютъ время составленія промежуточныхъ ³⁾. Вопросъ этимъ, конечно, далеко не рѣшенъ: самъ Петрарка уклонялся отъ хронологическаго принципа ⁴⁾, да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ принципъ этотъ проведенъ послѣдовательно, хронологія большинства стихотворений опредѣляется приблизительно, въ предѣлахъ двухъ или трехъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе первые шаги на весьма трудномъ пути сдѣланы, и то, что уже сдѣлано, имѣетъ важное значеніе для внутренней исторіи перваго гуманиста.

Значительный историческій интересъ представляютъ стихотворенія Петрарки политическаго содержанія ⁵⁾. Первое мѣсто между ними занимаетъ неподражаемая по искренности патріотическаго чувства канцона *Italia mia*, одно изъ самыхъ лучшихъ стихотворений Петрарки. Поэтъ изображаетъ въ ней бѣдствія, которыя причиняютъ Италіи наемныя войска, преимущественно нѣмецкія, обвиняетъ за это сеньеровъ и требуетъ прекращенія этого зла установленіемъ прочнаго мира ⁶⁾. Идеи, выраженныя въ этой канзонѣ, не разъ встрѣчаются въ другихъ произведеніяхъ Петрарки и въ особенности въ его перепискѣ ⁷⁾; тѣмъ не менѣе стихотвореніе имѣетъ важность,

¹⁾ Ibid. p. 20, 21 и слѣд.

²⁾ Ibid. p. 28 и слѣд.

³⁾ Ibid. Cronologische Tabelle p. 130.

⁴⁾ Ibid. p. 31—32; 96, 97, 104, 134.

⁵⁾ Превосходное изданіе съ обширными комментаріями этой части стихотворений Петрарки сдѣлано Carducci (Livorno 1876). Въ весьма полезномъ предисловіи, гдѣ изложена исторія текста *canzoniere* и названы его комментаторы, Кардуччи сводитъ задачи своей работы къ 6 пунктамъ: 1) опредѣлить „время, поводъ и содержаніе каждаго стихотворенія“; 2) объяснить встрѣчающіеся тамъ намеки на событія личной жизни и на современность; 3) выяснитъ смыслъ; 4) отмѣтитъ знаніе древности; 5) указать заимствованія идей и выраженій изъ латинскихъ прозаиковъ и церковныхъ писателей; 6) сравнитъ особенности языка съ языкомъ Данте и Боккаччіо; (Prefaz. p. XLVIII). Онъ приводитъ въ началѣ мнѣнія предшественниковъ, соглашаясь, или дополняя, или оспаривая ихъ.

⁶⁾ По изданію Carducci XX.

⁷⁾ Мѣста приведены у Carducci, p. 128.

какъ превосходная иллюстрація чувствъ перваго гуманиста. Кромѣ того, въ канцонѣ есть два мѣста, въ которыхъ думаютъ найти указаніе на отношеніе Петрарки къ имперіи: въ одномъ изъ нихъ поэтъ обращаетъ вниманіе соотечественниковъ на „баварскій обманъ“, въ другомъ убѣждаетъ ихъ „не дѣлать идоломъ пустое имя безъ содержанія“¹⁾). Большинство комментаторовъ, начиная съ Филельфо, относили канцону къ 1328 году, когда Людовикъ Баварскій совершилъ походъ въ Италію, и въ приведенныхъ мѣстахъ видѣли намеки или на этого императора или на имперію вообще²⁾). Впервые Де-Садъ, а за нимъ Кардуччи, Дзумбини и Пакшеръ отнесли стихотвореніе къ 1344—45 годамъ, когда происходила Пармская война, и истолковали „баварскій обманъ“, какъ намекъ на знаменитаго герцога Вернера, который былъ родомъ изъ Баваріи, или какъ синекдоху вмѣсто нѣмецкій обманъ, а „пустое имя“, какъ старую репутацію нѣмецкой воинственности³⁾). Но это воззрѣніе не нашло себѣ общаго признанія: Де-Санктисъ продолжаетъ раздѣлять старое мнѣніе о хронологіи канцоны, а Д’Анкона, относя „пустое имя“ къ имперіи, датируетъ стихотвореніе 1356 или даже 1370 годомъ, когда Петрарка разочаровался въ Карлѣ IV⁴⁾). Последнее мнѣніе намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, хотя по существу дѣла вопросъ останется спорнымъ, если даже удастся точно установить хронологію стихотворенія, потому что Петрарка никогда не былъ послѣдовательнымъ гибеллиномъ.

Цѣлую бібліотеку составляютъ комментаріи къ другой знаменитой канцонѣ Петрарки *Spirto gentil*. Принадлежа къ числу наилучшихъ произведеній поэта по художественнымъ свойствамъ, канцона иллюстрируетъ тѣ же его чувства и идеи, которыя выражены главнымъ образомъ въ его письмахъ къ Кола-ди-Риенцо, —

1) *Nè v'accorgete ancor, per tante prove,
De'l bavarico inganno
Ch'alzando'l dito con le morte scherza?*

и другое:

*Non far idolo un nome
Vano, senza soggetto.*

2) См. Carducci, p. 120 и слѣд.

3) Carducci, p. 122. Pakscher I. c. p. 75 и слѣд. Изъ раннихъ комментаторовъ аналогичное толкованіе даетъ только Марсилли (Carducci, p. 109 и 111). О Zumbini см. ниже.

4) De-Sanctis, Saggio, p. 194, 197, *D'Ancona, Studi di critica e storia letteraria. Bologna 1880*, p. 32. См. также *Bartoli, Storia di letterat. ital.* VII, 146.

любовь къ Риму и Италіи, вѣра въ возможность возстановить ихъ утраченное величіе или, по крайней мѣрѣ, объединить Италію, и глубокая ненависть къ хищнымъ баронамъ. Съ исторической точки зрѣнія канцона не даетъ ничего новаго, и ея многочисленные комментарии не представляютъ значительнаго интереса. Весь споръ сводится къ вопросу о томъ, къ кому обращено это стихотвореніе. До конца семидесятыхъ годовъ большинство комментаторовъ считало адрессатомъ канцона Кола-ди-Ріенцо; но Кардуччи удалось сильно поколебать это мнѣніе, хотя его продолжаютъ раздѣлять такія авторитетныя имена, какъ Д'Анкона, Торрака, Гаспари и друг. Кандидатъ самого Кардуччи, Джіованни Колонна не встрѣтилъ сочувствія въ ученой средѣ: вмѣсто него выставлены: Джакомо Габріелли и Бузоне-да-Губбіо ¹⁾. За послѣдніе три года споръ затихъ, и Бузоне-да-Губбіо, на основаніи документальныхъ данныхъ, имѣетъ наиболѣе шансовъ на побѣду ²⁾, хотя борьба можетъ снова возгорѣться. Если канцона дѣйствительно обращена къ Бузоне, о дѣятельности котораго почти ничего неизвѣстно и котораго Петрарка самъ зналъ только по наслышкѣ, то стихотвореніе представляетъ новое подтвержденіе вѣры перваго гуманиста въ могущество личности въ дѣлѣ установленія общественныхъ порядковъ.

Два стихотворенія — сонетъ *Il successor di Carlo* и канцона *O aspettata in ciel* — выражаютъ сочувствіе Петрарки къ новому Крестовому походу, который предполагалъ предпринять Филиппъ VI Красивый. Первый гуманистъ восторженно привѣтствуетъ средне-вѣковое предпріятіе, при чемъ краснорѣчиво выражаетъ въ канцонѣ свое благочестіе ³⁾, а въ сонетѣ — твердый католицизмъ, признавая папу намѣстникомъ Христа со всѣми правами этого сана. Но въ то же время Крестовой походъ вызываетъ въ поэтѣ массу воспоминаній изъ античной мифологіи и исторіи ⁴⁾, и онъ пользуется случаемъ въ поэтической формѣ еще разъ формулировать свою

¹⁾ Литература этой канцона до 1878 года приведена у Ferrazzi, 714 и слѣд. Carducci въ 1876 далъ ея критическій обзоръ (I. c. p. 42 и слѣд.) Новѣйшіе комментарии со всей ихъ аргументаціей разсмотрѣны у Pakscher'a (I. c. p. 40 и слѣд.).

²⁾ См. въ особености Bartoli, *Da un codice Ashburnhamiano* (Domenica del. Fracassa 1885, № 2) и Pakscher, I. c.

³⁾ Forse i devoti e gli amorosi preghi

E le lagrime sante de'mortali

Son quante inanzi a la pietà superna etc. Carducci, p. 22.

⁴⁾ См. канцону vers. 61 и слѣд.

обычную проповѣдь о возвращеніи папы въ Римъ ¹⁾). Соединеніе стараго съ новымъ и отчасти переработка старыхъ стремленій въ духѣ новыхъ потребностей, характерная черта литературной дѣятельности Петрарки, обнаруживается и въ его поэзіи. — Три сонета (по нумераціи Кардуччи №№ XXII, XXIII и XXIV), направленные противъ еуріи, составляютъ дополненіе къ „Письмамъ безъ адреса“. Ихъ историческій интересъ заключается точно также въ иллюстраціи выраженнаго въ прозѣ настроенія и тѣсной связи латинскихъ и итальянскихъ произведеній перваго гуманиста. И судьба этихъ сонетовъ была одинакова съ „Письмами безъ адреса“: они были внесены на Тридентскомъ соборѣ въ списокъ запрещенныхъ книгъ ²⁾).

Остальные стихотворенія этой категоріи не имѣютъ значительнаго интереса съ нашей точки зрѣнія. Въ нихъ обнаруживаются тѣ же стремленія и симпатіи Петрарки, которыя выражены съ болѣе рельефностью или въ латинскихъ сочиненіяхъ ³⁾ или въ первой части *Canzoniere* ⁴⁾. Заслуживаетъ особеннаго вниманія только сонетъ *Cara la vita*, потому что въ немъ выраженъ иной взглядъ на женщину, нежели въ латинской прозѣ ⁵⁾. То же самое можно сказать и о *Triumphax* Петрарки. Ихъ основная мысль, что чело-вѣка побѣждаетъ любовь, надъ которой торжествуетъ цѣломудріе, въ свою очередь побѣждаемое смертью; что смерть побѣждаетъ слава, славу — время, а время — божество или, точнѣе, вѣчность — не характерна для времени. Историческій интересъ этой аллегоріи заключается только въ томъ, что и въ ней, какъ повсюду, чувствуется вѣяніе индивидуализма въ автобіографическихъ указаніяхъ; и въ

¹⁾ E'l vicario di Cristo con la soma
De le chiavi e de'l manto a'l nido torna,
Si che, s'altro accidente no'l distorna,
Vedrà Bologna e poi la nobil Roma. Carducci, p. 19.

О комментаріяхъ и хронологіи обихъ стихотвореній см. Carducci p. 29 и слѣд. и Pakscher, p. 33 и слѣд.

²⁾ Исторія толкованій этихъ сонетовъ у Carducci, p. 145; хронологія у Pakschera, p. 82. Ср. также сонетъ XIV. Два сонета по поводу побѣды Колонны надъ Орсиви (Carducci, №№ VI и VII) не имѣютъ историческаго интереса.

³⁾ Такова, напр., канцона къ св. Дѣвѣ Маріи (*Vergine bella*) или сонетъ *La gola e'l sonno* (у Carducci, № 1).

⁴⁾ См., напр., у Carducci, №№ IV, V, XII.

⁵⁾ У Carducci, № XXVIII. Такое же значеніе имѣетъ переводъ Петрарки новеллы Боккаччіо о Гризельдѣ.

ней Петрарка стремится сообщить побольше свѣдѣній о древнемъ мірѣ и будить античныя воспоминанія. Но надъ всѣмъ этимъ еще носится остатокъ средневѣкового настроенія: все—суета сравнительно съ вѣчностью¹⁾.

Въ цѣломъ и общемъ между латинскими произведеніями Петрарки и его итальянской прозой нѣтъ существенной разницы въ основномъ тонѣ и господствующемъ настроеніи. Ихъ общую характерную черту составляетъ *индивидуализмъ*, который красной нитью проходитъ черезъ всѣ сочиненія перваго гуманиста и въ каждомъ изъ нихъ находитъ своеобразное выраженіе. Въ *De remediis* онъ отразился необыкновеннымъ интересомъ къ индивидуальной земной жизни, въ чрезвычайной заботливости о земномъ счастьѣ; въ *De vita solitaria* онъ выразился эгоистическимъ пониманіемъ уединенія и одушевленнымъ панегирикомъ человѣческому духу; въ *De otio religioso* и *De vera sapientia*—страстной враждою къ схоластическому богословію. Индивидуализмъ создалъ автобіографическія произведенія Петрарки съ ихъ необычнымъ интересомъ къ внутренней жизни и съ тщательнымъ анализомъ ея важнѣйшихъ стимуловъ. Развитое чувство личнаго достоинства объясняетъ появленіе инвективъ и эпистолографіи, которая вмѣстѣ съ другими произведеніями Петрарки свидѣтельствуетъ о его интересѣ къ природѣ и дѣйствительности; присутствіе индивидуализма чувствуется въ рѣчахъ Петрарки и даже въ тѣхъ, которыя произнесены не по его инициативѣ, потому что всѣ онѣ одушевлены вѣрою въ могущество человѣческаго слова. Та же самая черта обнаруживается въ поэзіи перваго гуманиста: лирическія отступленія—единственная художественная сторона его эпоса, а эстетическая цѣна его итальянской лирики заключается въ художественномъ изображеніи тончайшихъ оттѣнковъ личнаго чувства. Петрарка—поэтъ внутренней жизни, которой онъ чрезвычайно интересуется и которую онъ тщательно наблюдаетъ. Индивидуализмомъ проникнуты и всѣ его воззрѣнія, начиная съ общаго философскаго міросозерцанія. Вслѣдствіе интереса къ человѣку Петрарка относится отрицательно къ метафизикѣ и сводитъ къ морали не только философію, но даже и науку. Индивидуализмомъ объясняется нѣсколько мистическій оттѣнокъ его религиозныхъ воззрѣній

¹⁾ Приписываемыя Петраркѣ спорныя стихотворенія собраны *Ferrato (Rime attribuite a F. Petrarca. Padova 1874)* и у *Carboni (Rime di Fr. Petrarca colla vita del medesimo. Torino 1874)*. См. о нихъ *Geiger, Italienische Schriften zur Petrarca-Feier.* (Въ Beilage zur Augsburger Allgemeine Zeitung 1874, № 38). Ранняя литература у Ferrazzi, p. 815.

съ пренебреженіемъ къ теологіи и съ благочестивымъ лиризмомъ въ поэзіи и отчасти въ философскихъ трактатахъ. Интересъ къ личности лежитъ въ основѣ его отношенія къ наукѣ: онъ ставитъ реторику выше медицины, потому что первая имѣетъ объектомъ высшую сторону человѣческой природы; онъ чувствуетъ особый интересъ къ исторіи, потому что видитъ въ ней моральную назидательность и проявленіе могущества индивидуальной дѣятельности. Результатомъ индивидуализма было проявленіе новаго метода въ историческихъ произведеніяхъ: критическое отношеніе къ источникамъ. Наконецъ, вѣрованіе въ силу человѣческаго слова и въ могущество отдѣльной личности въ дѣлѣ созиданія общественныхъ порядковъ лежитъ въ основѣ политическихъ воззрѣній и стремленій Петрарки. *Индивидуализмъ составляетъ первую и самую характерную черту литературной дѣятельности Петрарки и служитъ ключемъ къ понятію его личности и историческаго значенія.*

Другая характерная черта произведеній Петрарки—новое отношеніе къ древности. Всѣ его сочиненія проникнуты глубокой симпатіей къ античной литературѣ: ее вмѣстѣ съ древней исторіей онъ дѣлаетъ исключительнымъ предметомъ своихъ научныхъ изслѣдованій; ея изученіе онъ проповѣдуетъ въ огромномъ большинствѣ своихъ произведеній; цитаты изъ древнихъ авторовъ приводятся въ огромной массѣ не только въ латинской прозѣ, но и въ итальянской поэзіи. Античный міръ имѣетъ огромную цѣну въ глазахъ перваго гуманиста, но онъ не преклоняется слѣпо передъ его авторитетомъ. Подъ вліяніемъ индивидуализма появляется критическое отношеніе къ классическимъ писателямъ. Въ историческихъ работахъ Петрарка не просто переписываетъ свои источники; въ перепискѣ и философскихъ трактатахъ онъ подвергаетъ классиковъ рѣзкой критикѣ и даже суровому осужденію¹⁾. *Античная литература имѣетъ въ глазахъ Петрарки безусловный авторитетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда подтверждаетъ его воззрѣнія или даетъ формулу для его настроенія.*

Третью характерную черту произведеній Петрарки составляетъ стремленіе примирить новыя потребности съ средневѣковымъ христіанствомъ, и это стремленіе также красной нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти попытки оканчиваются полной неудачей. Петрарка или не замѣчаетъ противорѣчій, какъ, напр., между своими „Письмами безъ адреса“

¹⁾ См. De otio. Op. p. 307. De ignor. p. 1039, 1044 и Epist. var.

и строгимъ благочестіемъ въ философскихъ трактатахъ, или даже между различными точками зрѣнія въ одномъ и томъ же произведеніи, какъ это не разъ отмѣчено было нами выше. Или онъ довольствуется чисто внѣшнимъ примиреніемъ непримиримаго, оправдывая, напр., интересъ къ древнему міру моральной назидательностью античной литературы и не замѣчая коренного отличія этой морали отъ средневѣкового аскетизма. Или, наконецъ, Петрарка болѣзненно чувствуетъ это противорѣчіе, какъ показываетъ его *Secretum*, и, не будучи въ состояніи его примирить, впадаетъ въ *acedia*. *Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что первый гуманистъ не желалъ порывать съ предшествовавшей эпохой, замѣнивъ ее античной культурой, и стремился, наоборотъ, примирить съ ней новыя стремленія.*

Эти три главныя черты произведеній Петрарки имѣютъ огромную историческую важность. Мы найдемъ ихъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, у всѣхъ позднѣйшихъ гуманистовъ занимающей насъ эпохи; слѣдовательно, благодаря имъ, Петрарка можетъ быть названъ родоначальникомъ Ренессанса и первымъ гуманистомъ. Въ силу этого мы теперь уже, опираясь на документальныя данныя, въ правѣ констатировать тотъ фактъ, что *исходнымъ пунктомъ гуманистическаго движенія было появленіе у личности сознанія важности и интереса своей внутренней жизни и стремленія найти теоретическое оправданіе для индивидуальныхъ потребностей осужденныхъ аскетизмомъ.* Классическій міръ служилъ при этомъ только родною почвою, изъ которой первый борецъ думалъ извлечь поддержку для борьбы съ отживавшей культурой; но замѣнить имъ христіанскую цивилизацію никогда и въ голову не приходило первому гуманисту.

VI.

Значеніе біографіи Петрарки. — Періоды его біографической литературы. — Боккаччіо и другіе біографы XIV вѣка. — Біографы-гуманисты XV столѣтія. — Начало новаго теченія въ біографіяхъ Петрарки. — Отношеніе къ нему историковъ литературы и всемірно-историческихъ хроникъ этого времени. — Значеніе біографіи перваго періода.

Если произведенія Петрарки имѣютъ важное историческое значеніе, какъ выраженіе воззрѣній и стремленій ранняго гуманизма, то его біографія можетъ служить ключемъ для пониманія начальной исторіи самаго движенія. Сущность Ренессанса въ занимающую насъ

эпоху составляет переворотъ въ общественныхъ идеалахъ и стремленіяхъ, который начался въ отдѣльныхъ личностяхъ и только мало-по-малу охватилъ все общество и измѣнилъ его міросозерцаніе. Прослѣдить и изучить начало и ходъ этого измѣненія можно только на индивидуальныхъ біографіяхъ; при этомъ огромное значеніе имѣетъ жизнеописаніе тѣхъ людей, которые были побѣдоносными вождями новаго движенія. Ихъ популярность служитъ признакомъ близкаго родства ихъ стремленій съ общественнымъ настроеніемъ; ихъ высокій авторитетъ доказываетъ, что они дали ясную формулу назрѣвшимъ общественнымъ потребностямъ; ихъ побѣда знаменуетъ, что ихъ личныя стремленія были результатомъ общественнаго прогресса и выражали могучія общественныя стремленія. Можно утверждать съ огромной вѣроятностью, что ихъ внутреннюю исторію въ цѣломъ и общемъ переживали всѣ ихъ соратники, потому что ихъ личная жизнь, которую наполняли общественныя стремленія, опредѣлялась не столько случайностями индивидуальнаго существованія, сколько новыми потребностями эпохи, которымъ предстояло завоевать міръ. Къ числу такихъ вождей принадлежалъ Петрарка, безусловно самый популярный и вліятельный человекъ своего времени, и его біографія, столь богатая источниками, имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что о его средѣ, какъ мы увидимъ ниже, извѣстно очень немногое. Совершенно естественно, что изученію жизни Петрарки посвящено много трудовъ, результаты которыхъ могутъ составить довольно обширную бібліотеку. Эта богатая біографическая литература, многосторонне освѣтившая жизнь и дѣятельность перваго гуманиста, чрезвычайно поучительна съ исторіографической точки зрѣнія. Она съ несомнѣнной ясностью и рельефностью показываетъ, какое огромное значеніе имѣетъ общій взглядъ на эпоху при изученіи ея отдѣльныхъ дѣятелей. Историческое значеніе Петрарки, вполне ясное тѣмъ изслѣдователямъ, которые сами принадлежали къ гуманистическому движенію, совершенно затемнилось, когда гуманизмъ отошелъ въ область исторіи, но не былъ еще выясненъ исторической наукой. Образъ и заслуги перваго гуманиста вновь стали получать правильное освѣщеніе только тогда, когда наука стала выяснять историческій смыслъ и значеніе того движенія, въ главѣ котораго стоялъ Петрарка. Эту точку зрѣнія мы и положили въ основаніе дѣленія біографической литературы о Петраркѣ на періоды ¹⁾.

¹⁾ Единственное изслѣдованіе, посвященное біографамъ Петрарки (*Re Zefirino, I biografî del Petrarca. Ragionamento. Fermo 1859*), къ сожалѣнію, мнѣ извѣстно только по заглавію.

Самымъ раннимъ біографомъ Петрарки былъ *Джованни Боккаччіо*¹⁾. Его коротенькое хвалебное жизнеописание перваго гуманиста было составлено задолго до смерти Петрарки²⁾, гораздо ранѣе его знакомства съ біографомъ³⁾. Боккаччіо только видѣлъ Петрарку, а свѣдѣнія о немъ имѣлъ по слухамъ да по сочиненіямъ, которыя сдѣлались извѣстны къ тому времени. Поэтому приводимыя имъ фактическія данныя скудны и частію невѣрны⁴⁾, только живое описание наружности Петрарки обнаруживаетъ въ авторѣ очевидца⁵⁾. Тѣмъ не менѣе біографія имѣетъ живой интересъ, какъ историческій источникъ. Она представляетъ отголосокъ современныхъ мнѣній и даетъ нѣкоторыя указанія для рѣшенія весьма важнаго въ исторіи Возрожденія вопроса о причинахъ популярности Петрарки. Въ глазахъ Боккаччіо онъ прежде всего латинскій героическій поэтъ и возстановитель древности. Африку Боккаччіо знаетъ только по слухамъ, тѣмъ не менѣе называетъ „произведеніемъ великимъ, удивительнымъ“, которое написано „съ талантомъ скорѣе божественнымъ“,

¹⁾ *De vita et de moribus Domini Francisci Petrarcae de Florentia secundum Johannem Bochacii de Certaldo*. Россетти напечаталъ ее въ цитированной уже книгѣ. Petrarca, Giul. Celso e Boccaccio. Trieste 1828, по рукописи Морелли въ бібліотекѣ св. Марка въ Венеціи, снабдивъ ее примѣчаніями и переводомъ. Онъ предполагаетъ, что этотъ панегирикъ написанъ для того, чтобы побудить флорентійское правительство къ возвращенію Петрарки (р. 352). О другихъ изданіяхъ см. Hortis p. 311 и Ferrazzi, p. 555.

²⁾ Сочиненіе не могло быть написано позже 1345 года, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста. *Habita igitur laureatione praedictus (Петрарка) cum Azone de Corigio Parmam ivit ibique secum integra amicitia junctus per aliquale tempus commoratus est et moratur usque hodiernum*. De vita. p. 321.

³⁾ Личное знакомство Петрарки съ Боккаччіо въ 1350 году. Epist. fam. XXI, 15. Op. Rossetti, p. 368 и 389.

⁴⁾ Напр. годъ рожденія, воспитаніе во Флоренціи и проч. De vita, p. 316, 317. Такая же неточность и относительно сочиненій Петрарки. *Scrpsit pulcherrimam comoediam, cui nomen imposuit Philostratus; et, si dicerem illum Terentii vestigia persecutum, timeo ne dum omnibus palam erit quae, adhuc modicis visa, latent, ductori ductum legentes extiment et merito praeporendum*. Ibid. p. 324.

⁵⁾ *Statura quidem procerus, forma venustus, facie rotunda atque decorus, quamvis colore etsi non candidus, non tamen fuit obscurus, sed quadam decenti viro fuscitate permixtus. Oculorum motus gravis; intuitus laetus et acuta perspicacitate subtilis, aspectu mitis, gestibus verecundus; quam plurimum risu laetissimus, sed nunquam cachino inepto concuti visus; incessu moderatus; prolatione placidus et jocosus, sed rara locutione utitur, nisi interrogatus etc.* De vita, p. 321—322.

чѣмъ человѣческимъ“¹⁾). На отношеніяхъ Петрарки къ Роберту Неаполитанскому онъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ и, кромѣ извѣстнаго экзамена, передаетъ за достовѣрное любопытный слухъ. Подъ вліяніемъ Петрарки король, „жадный къ знанію всего похвальнаго, оставивши всѣ занятія теологіей и богословіемъ, принялся за изученіе поэтовъ, чѣмъ раньше пренебрегалъ и приглашалъ къ себѣ въ наставники самого Франциска“²⁾). Объ итальянскихъ стихотвореніяхъ Петрарки Боккаччіо говоритъ вскользь, самую Лауру считаетъ аллегоріей лавроваго вѣнца³⁾, но на личности поэта, на его наружности, привычкахъ, индивидуальныхъ особенностяхъ останавливается съ большою обстоятельностью, посвящаетъ этому половину своей коротенькой біографіи. По мнѣнію перваго біографа, знаніе и распространеніе древности—главная заслуга Петрарки.

Августинецъ - эремитъ *Пьетро - да - Кастеллетто*, называвшій себя близкимъ человѣкомъ Петрарки, взялся исправить и дополнить біографію Боккаччіо и написалъ къ ней широковѣщательное заглавіе и предисловіе⁴⁾). Но его исправленіе не улучшило труда Боккаччіо, а добавленія почти ничѣмъ его не пополнили. Результатовъ личнаго знакомства съ Петраркой совсѣмъ не видно; Кастеллетто перечислилъ его сочиненія, вышедшія послѣ біографіи Боккаччіо, да и то не точно⁵⁾, сообщилъ годъ смерти и вставилъ значительную выдержку изъ надгробной рѣчи Бонавентуры-да-Перага, не указавши однако источника⁶⁾). Исправленій еще меньше: всѣ ошибки Бок-

¹⁾ *Opus suum illud magnum et mirabile, cui Africa nomen imposuit ingenio divino potius quam humano creditur compilasse. Ibid. p. 312.*

²⁾ *Ibid. p. 319--20.*

³⁾ *Laurettam illam allegorice pro laurea corona, quam postmodum est adeptus, accipiendam existimo. Ibid. p. 323.* Характерно, какъ объясняетъ Боккаччіо удаленіе Петрарки изъ Воклюза, ne hominum notitia solitudine nimia privaretur. *Ibid. p. 319.*

⁴⁾ *Francisci Petrarchae de Florentia laureati incipit vita ab excellenti ejus discipulo Johanne Boccaccio de Certaldo inchoata ac post ejus obitum perfecta et correcta a magistro Petro de Castelletto ordinis heremitarum sancti Augustini, qui dicti oratoris atque poetae mores atque gesta et longa ejus familiaritate cognovit.* Напечатано по той же рукописи и въ той же книгѣ Россетти. Тексту предпослано brevis praefatio.

⁵⁾ О Trionfi онъ говоритъ: cum IV facere disposuisset, unum solum dimisit, p. 350.

⁶⁾ Самая рѣчь не вполне напечатана у *Marsand, Biblioteca petrarchesca. Milano 1826. Sermo, habitus in exequiis domini Francisci Petrarcae, poetae laureati a revendissimo magistro Bonaventura de Padua, ordinis fratrum eremitarum sancti Augustini, anno Domini MCCCCLXXIII, qui postea*

качїю сохранены, прибавлено только, что Діониджи-ди-Борго былъ августинець ¹⁾, да измѣнены въ монашескомъ духѣ нѣкоторыя выраженія не только біографа-гуманиста, но и монаха оратора ²⁾.

Кромѣ этихъ біографій, остававшихся неизданными до нашего столѣтія, въ XIV вѣкѣ было написано еще 4. Одна изъ нихъ, очень коротенькая, принадлежитъ *Доменико-ди-Бандино Аретино*, который лично зналъ Петрарку ³⁾. Доменико передаетъ въ весьма сжатомъ видѣ внѣшніе факты изъ жизни Петрарки, перечисляетъ его сочиненія, описываетъ наружность и, приведя въ заключеніе эпитафію Салютати, заканчиваетъ очеркъ правоученіемъ о непрочности и суетности нашей жизни. Интересная особенность этой біографіи заключается въ томъ, что авторъ старается объяснить поведеніе Петрарки: духовнымъ онъ сдѣлался для большого спокойствія и обезпеченнаго досуга въ виду занятій ⁴⁾ и отказался жить при куріи вслѣдствіе ея грѣховности ⁵⁾.

Другая біографія была написана *Коллючїо Салютати*, который былъ младшимъ современникомъ Петрарки; но его сочиненіе, которое знали біографы XV вѣка ⁶⁾, въ настоящее время считается утраченнымъ ⁷⁾.

Къ концу XIV вѣка или къ началу XV относится біографія

factus est patriarcha Aquilejensis, р. XXXIII. Рѣчь представляетъ собою напыщенный наборъ словъ, перемѣшанный съ текстами изъ Библіи, такъ что біографія Боккаччіо гораздо менѣе выиграла отъ этихъ добавленій, чѣмъ отъ одного выпуска очень интереснаго мѣста *Cibo et potu etc.*, кончая словами *scribenda relinquo* р. 323.

¹⁾ Castell. р. 343.

²⁾ Напр. Боккаччіо говоритъ: *Sic iuventibus fatis, quibus de facili non obstat, Castelletto исправляетъ: nolente Deo, cui nequidquam obstat*, р. 341. Въ выраженіи Бонавентуры *Christum, non Jovem, invoco testem* онъ замѣняетъ *Jovem—rationem* р. 347.

³⁾ Она напечатана у Mehus'a. *Vita Ambrosii*, р. CXCVII—VIII.

⁴⁾ *Ne igitur uxoris voces quaerulae, vel rei familiares inopia hunc sacris Musis deditum lacerarent, factus clericus*. Mehus, р. CXCVII.

⁵⁾ *Visis tunc Clericorum ineptiis, absterritus horribilitate peccantium sprete benevolentia Cardinalium et Pontificis... in Valle clausa... sedit*. Ibid.

⁶⁾ Салютати описывалъ главнымъ образомъ смерть Петрарки. Манетти говоритъ о его книгѣ. *De hac praecipua ejus morte Colluccius non ignobilis nostri temporis Poëta libellum quemdam composuit*. У Galletti, р. 89.

⁷⁾ Rossetti, р. 288. *Colluccii libellum nondum editum aliasque in oras emigrantem septem abhinc annis versavi deploravique*. Mehus, р. CCXXVIII. При современномъ состояніи каталоговъ рукописей даже въ наиболѣе богатыхъ итальянскихъ бібліотекахъ нельзя утверждать, чтобы это сочиненіе было потеряно.

Петрарки *Филиппо Виллани*, находящаяся во 2-й книгѣ его сочиненія „*О происхожденіи Флорентійскаго государства и его знаменитыхъ гражданахъ*“¹⁾. Повидимому, Виллани лично не былъ знакомъ съ Петраркой и получилъ свои свѣдѣнія о немъ изъ его сочиненій и отъ его ученика Ломбардо-да-Серико²⁾. Фактическихъ данныхъ почти нѣтъ въ біографіи, тѣмъ не менѣе и она имѣетъ интересъ историческаго источника. Виллани представляетъ Петрарку прежде всего, какъ любителя и знатока древности, произведенія котораго могутъ быть поставлены наравнѣ съ античными³⁾. Изъ всей біографіи онъ обстоятельно рассказываетъ только столкновеніе его съ отцомъ изъ-за древнихъ авторовъ и приводитъ аналогичный случай изъ жизни Овидія⁴⁾. Кромѣ того, у Виллани впервые слышится полемическая нотка противъ враговъ Петрарки, которые обвиняли его въ безнравственности⁵⁾ и малой заботѣ о спасеніи. „Весьма многіе думали, говоритъ Виллани, что Петрарка, питаясь церковными бенефиціями и не воздерживаясь отъ пѣсенъ о легкомысленной страсти (*lascivientis cupidinis*), мало заботился о святой жизни; но они весьма далеки отъ истины, потому что, созрѣвши съ годами, онъ при непрерывномъ изученіи богословія, при посѣщеніи церковной службы, съ молитвами и постами жилъ просто и благочестиво, какъ это доказалъ его исходъ“. И Виллани передаетъ со словъ очевидцевъ, какъ при кончинѣ Петрарки душа его поднялась къверху „въ видѣ бѣлоснѣжнаго облака“, „на подобіе дыма отъ ладона“, и это чудо доказываетъ, что его „божественный духъ будетъ весьма угоденъ Богу⁶⁾“.

Послѣднимъ біографомъ Петрарки XIV вѣка или однимъ изъ

1) *Philippi Villani „De origine civitatis Florentiae et ejusdem famosis civibus“*. Объ изданіяхъ см. Rossetti, p. 289—91. Я пользуюсь изданіемъ *Galletti. Philippi Villani liber de civitatis Florentiae famosis civibus ex codice Mediceo-Laurentiano nunc primum editus et De Florentinorum litteratura, Principes fere synchroni scriptores. Florentiae 1847.*

2) Referente siquidem Lombardo, veritatis amico, praeseus audivi Cal., p. 15.

3) Перечисливши почти всѣ сочиненія Петрарки, Виллани говоритъ, что онъ оставилъ *et alios complures, in quibus a veteribus morum scriptoribus se non patitur superari*. Gull., p. 15.

4) *Ibid.*, p. 14.

5) Упомянувши о многочисленныхъ друзьяхъ Петрарки, Виллани считаетъ нужнымъ замѣтить: *Amicitias confavit multas, sed bonas et graves, quas coluit, et ab omni turpitudine conservavit illaesas*. *Ibid.*, p. 15.

6) *Ibid.*, p. 15 и 16. Ferrazzi упоминаетъ еще *Ricordi sulla vita di messer Francesco Petrarca e di madonna Laura scritta da Luigi Peruzzi loro contemporaneo* (p. 557).

первыхъ слѣдующаго былъ *Пьетро Паоло Вержеріо старшій* (1351—1431) ¹⁾. Въ сжатой формѣ Вержеріо передаетъ важнѣйшіе біографическіе факты и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на его сочиненіяхъ. Петрарка внушаетъ ему глубокое уваженіе своей личностью главнымъ образомъ потому, что онъ жилъ въ тяжелое для науки и добродѣтели время. „Кто могъ, восклицаетъ Вержеріо, выйти на ясный свѣтъ добродѣтели и знанія среди столькихъ грязныхъ пороковъ, среди такого мрака невѣжества“ ²⁾. Съ этой точки зрѣнія онъ восхваляетъ добродѣтели Петрарки и его ученныя заслуги, при чемъ даетъ двоякій перечень его сочиненій (неполный и неточный), одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ и съ особенной обстоятельностью останавливается на Африкѣ. Коротенькій очеркъ Вержеріо не имѣетъ значенія для біографіи Петрарки, потому что всѣ свои свѣдѣнія авторъ почерпнулъ, по собственному признанію, изъ извѣстнаго письма къ потомству ³⁾; но его работа сама по себѣ имѣетъ интересъ историческаго источника. Вержеріо даетъ коротенькій разборъ Африки, весьма характерный для критическихъ приемовъ и воззрѣній эпохи ⁴⁾.

Въ 1433 году *Сикко Полентоне* составилъ неизданное до сихъ поръ сочиненіе „*О знаменитыхъ писателяхъ на латинскомъ*

¹⁾ *Petrarcae vita Paulo Vergerio autore. Ex bibliotheca S. Johannis in Viridario Patavii.* Издана дважды у *Томмазини* (*Petrarca redivirsus*, p. 175 и слѣд., и у *De-Sade* (III p. 13). Я пользуюсь послѣднимъ.

²⁾ *Vita* p. 16.

³⁾ *Ex qua haec pene omnia ad litteram transtuli.* *Ibid.* 19.

⁴⁾ Вержеріо въ общемъ высоко ставитъ Африку. *Est enim (ut res ipsa indicat) refertus historia, documentis abundans et plenus poëticae fictionis. Magna est in eo volumine et velustatis et naturae cognitio; magna eloquentiae vis; magna praecipendi facultas, sed nescio quam ob causam male de eo auctor suus senserit, indigneque damnaverit*, p. 18. Но далѣе онъ указываетъ недостатки и въ формѣ, и въ содержаніи. *Constat autem esse versus aliquos dimidiatos et imperfectos, ut est creberrime apud Maronem, aliquando et sententiam imperfectam... sunt et malae (sic) mensuratae syllabae, quae tamen non praeterierunt auctorem. Insuper si secundi belli Punici summa spectetur et gestarum rerum ordo, ad finem quarti libri plurimum ex historia omissum est. Taceo enim Scipionis ex Hispania transitum ad Siphacem, qui praeterea quod a plerisque inter temeraria numeretur, fortassis de industria praetermissus est a poeta. Sed praeter hoc nec trajectionem exercitus in Africam, nec castrorum Siphacis nocturnam exustionem tractat aut, ut postea Siphax atque Hasdrubal aperta acie victi sunt. Neque ut invidus rex tandem in suo regno a Massinissa et Laelio et superatus et captus fit. Sed haec ratio cum inducere potuit, cum supremam pugnam, quae inter summos duces, Scipionem Hannibalemque habita est, descriptus esset, quae bello finem posuit, ne simi-*

языкъ“ и далъ въ немъ краткую біографію Петрарки ¹⁾. Этотъ очеркъ написанъ по обычному тогда плану (сначала нѣсколько біографическихъ данныхъ, затѣмъ коротенькое *elogium* ²⁾, эпитафія и перечень сочиненій) и не представляетъ никакого интереса.

Въ началѣ XV вѣка было составлено жизнеописаніе Петрарки однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей третьяго поколѣнія итальянскихъ гуманистовъ — *Леонардо Бруни Аретино* ³⁾. Эта коротенькая біографія представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Послѣдователь перваго гуманиста имѣетъ въ виду познакомить большую публику съ жизнью своего родоначальника; поэтому онъ вопреки своему обычаю написалъ очеркъ не на латинскомъ, а на итальянскомъ языкѣ. По плану и изложенію эта біографія далеко превосходитъ всѣ предшествующія. Ея главное содержаніе составляютъ фактическія данныя, собранныя въ такой полнотѣ, какъ никогда прежде ⁴⁾, и обнимающія всю жизнь Петрарки, вслѣдствіе чего сжатый очеркъ получаетъ цѣльный характеръ. Латинскихъ сочиненій Петрарки Бруни не перечисляетъ и не разбираетъ, потому что они всѣмъ извѣстны ⁵⁾, хотя въ нихъ видитъ главную его заслугу. Пе-

litudine rerum lectorem offenderet, sciens volensque haec omnia praetermisit. In ultimo quoque libro, in quo plurimum sibimet loci fecit, somnium omisit, ut annotata suscriptio demonstrat. Sed hi si defectus dicendi sunt, caeterarum rerum splendore teguntur et reliqui corporis pulchritudinem illustriorem reddunt. Dividitur autem in 9 libros; duorum primorum materiam ex 6 de Republica Ciceronis artificiose ad se transtulit, et quidquid de inferiore ibi doc-tum est, hic ad superiorem mira novitate traduxit. Vita p. 19.

¹⁾ Томазини ошибочно напечаталъ ее подъ такимъ заглавіемъ: *F. P., poëtae clariss. vita feliciter incipit. Auctoris incerti anno 1463. Ex Ms. V. C. Iacobi Gaffarelli. Petrarca redivivus 1650 p. 185—194. (См. De Sade p. XIII)* и въ исправленномъ видѣ у Mehus'a p. CXCVIII—CC.

²⁾ *Multa quidem legit, multa cognovit, omnia investigavit p. 193.*

³⁾ Оно было написано вмѣстѣ съ біографіей Данте въ 1436 году. Въ концѣ сочиненія сказано: *finita la vita di Dante Aldighieri e di M. Francesco Petrarca fatta per. M. Lionardo Aretino l'anno 1436 nella Città di Firenze nel mese di Maggio.* Объ ея изданіяхъ см. Rossetti, p. 293—94 и De-Sade, p. XVI. Я пользуюсь перепечатаннымъ у Галлетти изданіемъ: *Le vite di Dante e del Petrarca scritte da Lionardo Bruni cavate da un manoscritto antico della libreria di Giovanni Cinelli e confrontate con altri testi a penna. Perugia 1671.* О другихъ изданіяхъ см. Ferrazzi, p. 556—557.

⁴⁾ Бруни первый сообщаетъ между прочимъ о сестрѣ Петрарки, существованіе которой отвергаетъ Körting. *Dal padre o poco o niente d'eredità gli rimasse ed in maritare una sua sorella etc.* Galletti, p. 53.

⁵⁾ *Opere molte compose in prosa ed in versi, le quali non fa bisogno raccontare, perche sono note. Ibid. p. 54.*

трарка „обладалъ такою тонкостью (grazia) ума, что первый возвратилъ къ свѣту познанія тѣ возвышенныя (sublimi) занятія, которыя долгое время находились въ упадкѣ, были неизвѣстны и, возрастая потомъ, достигли ихъ теперешней высоты ¹⁾“. Чтобы рельефнѣе выставить на видъ заслуги Петрарки, Бруни излагаетъ въ краткомъ отступленіи судьбы латинскаго языка, который послѣ цвѣтущаго состоянія въ эпоху республики пришелъ въ упадокъ вмѣстѣ съ политической свободой при имперіи, и находился въ самомъ жалкомъ состояніи во времена средневѣковаго варварства ²⁾. Эта эффектная тирада, ловко вставленная въ біографію, представляетъ большой интересъ, какъ одна изъ первыхъ попытокъ гуманиста опредѣлить сущность гуманизма. Заключительныя слова очерка, гдѣ Бруни выгодно сравниваетъ Петрарку съ Цицерономъ и Виргиліемъ, такъ какъ онъ обладалъ талантомъ одинаково писать хорошо прозой и стихами, точно также весьма характерны ³⁾.

Въ 1459 году новую біографію Петрарки написалъ *Джанноццо Манетти*, одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и наименѣе талантливыхъ гуманистовъ третьяго поколѣнія ⁴⁾. Онъ выдаетъ свою работу за отдыхъ среди болѣе трудныхъ ученыхъ занятій ⁵⁾, тѣмъ не менѣе его біографія самая обширная изъ всѣхъ предшествующихъ. Манетти сдѣлалъ компиляцію изъ Боккаччіо, Виллани и Бруни ⁶⁾ и добросовѣстно дополнилъ ее данными, заимствованными изъ переписки Петрарки, на которую весьма часто ссылается ⁷⁾; но у него не хватило умѣнья систематически изложить матеріалъ ⁸⁾ и придать ему внутреннее единство. Онъ заимствовалъ у своихъ предшественниковъ не только факты, но и истолкованіе ихъ. Слова Бруни о состояніи латинскаго языка и его сравненіе Петрарки съ Цицero-

¹⁾ Ibid. p. 52.

²⁾ Ibid. p. 52—53.

³⁾ Ibid. 54.

⁴⁾ Я пользуюсь перепечатанными у Галлетти вмѣстѣ съ Виллани *Dantis, Petrarchae ac Boccaccii vitae ab Iannotio Manetto scriptae. Quae primum recenset Laurentio Mehus una cum Dantis ac Boccaccii vitis a Siccone Polentono scriptis ac nonnullis excerptis ex I. M. Philelphi libello ad Dantis studia, scripta etc. spectantibus. Florentiae 1747.*

⁵⁾ Galletti, p. 69.

⁶⁾ Онъ упоминаетъ, кромѣ того, біографію Салютати. Ibid. p. 89.

⁷⁾ Ibid. 83, 84, 85, 86. Фактическія ошибки Манетти указаны Де-Садомъ, p. XVII и XVIII.

⁸⁾ Такъ, заслуги Петрарки по отношенію къ возстановленію древности изложены въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Ibid. p. 84 и 87.

номъ и Виргилиемъ Манетти перенесъ въ свою біографію, прибавивъ къ нему совѣтъ ненужныя объясненія ¹⁾. То же самое сдѣлалъ онъ съ извѣстіемъ Виллани о смерти Петрарки и отъ своего имени передаетъ его соображеніе, что любовь къ Лаурѣ нужно понимать символически ²⁾. Особенность Манетти составляетъ желаніе объяснять поступки Петрарки. Иногда это ему удается: въ стремленіи къ уединенію онъ видитъ только желаніе спокойно предаваться любимымъ занятіямъ ³⁾, но по большей части эти попытки нельзя признать удачными. Желаніе Петрарки научиться греческому языку онъ объясняетъ подражаніемъ Катону Старшему ⁴⁾ и, распространяясь о необыкновенномъ его благочестіи, утверждаетъ, что Петрарка сдѣлался духовнымъ лицомъ по недостатку средствъ ⁵⁾. Единственно важное дополненіе, внесенное Манетти въ біографію Петрарки, составляютъ подобранные имъ факты для характеристики популярности перваго гуманиста ⁶⁾, если только онъ не слѣдовалъ въ этомъ отношеніи неизвѣстному до сихъ поръ сочиненію К. Салютати.

Ко второй половинѣ XV вѣка относится одна изъ интереснѣйшихъ біографій Петрарки, написанная Скварчафико или Скварцафико ⁷⁾. Авторъ по своимъ связямъ и образованію принадлежалъ къ гуманистамъ и особенно близко стоялъ къ Кандиду Дечембріо ⁸⁾. Свою работу, посвященную имъ венеціанскому патрицію Петру Кан-

¹⁾ Ibid. p. 84—85.

²⁾ Ibid. p. 86—87.

³⁾ Vitam solitariam utpote hujusmodi humanarum et Divinarum rerum studiis accomodatiorem adamavit. Ibid. p. 86.

⁴⁾ Ibid. p. 87.

⁵⁾ Ut facilius juxta vota sua in tenuitate patrimonii cogente in otio viveret p. 85 Cf. p. 88.

⁶⁾ Ibid. p. 85. Saxius (Hystoria typographico-literarum col. CCXCIV) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ письма *Federici Galli* къ *H. K. Дечембріо*: memini te significasse, talem vitam (Petrarchae) copiosissime collegisse commentumque super cantilenas edidisse. Эта біографія вмѣстѣ съ комментариемъ остаются до сихъ поръ неизвѣстными и въ позднѣйшей литературѣ о Петраркѣ обходятся полнымъ молчаніемъ.

⁷⁾ Она напечатана въ базельскихъ изданіяхъ сочиненій Петрарки. Я пользуюсь отдѣльнымъ изданіемъ *Francisci Petrarchae Vita ac Testamentum illa ab ipso poeta et Hieronimi Squarzafico profecta hoc vero a Paulo Manutio et Io. Georgio Graevio conservatum. Emendavit multis locis, notis ac singularibus quibusdam auxit Io. Henr. Acker.*

⁸⁾ Orator clarissimus ac historicus facundissimus Candidus December mihi narravit, cum semel Ferrariae loqueremur (magna consuetudo cum viro illo mihi fuit) p. 55.

тарено, онъ предпринялъ, повидимому, главнымъ образомъ по матеріальнымъ соображеніямъ: его ограбили: „дважды сдѣлался онъ добычею жестокаго (effega) племени галловъ“. Работа была для него не особенно затруднительна, хотя онъ и жалуется на трудности. Воспользовавшись біографіями своихъ предшественниковъ - гуманистовъ ¹⁾ и положивъ въ основаніе очеркъ Вержерію, котораго онъ часто цитируетъ, а иногда и прямо списываетъ ²⁾, Скварчафико постарался *украсить* свою работу, сдѣлать ее болѣе интересною для читателя. Его біографія является, такимъ образомъ, первую попыткою художественнаго жизнеописанія Петрарки. Нельзя сказать, однако, чтобы авторъ достигъ своей цѣли; но въ погонѣ за содержательностью разсказа онъ внесъ въ свой очеркъ цѣлую массу преданій, иногда съ указаніемъ источника, а гораздо чаще безъ этого. Такъ, онъ приводитъ восторженный отзывъ о Петраркѣ его учителей, который они передали его отцу ³⁾, передаетъ разсказъ о томъ, что папа Бенедиктъ хотѣлъ отдать Лауру замужъ за Петрарку, но тотъ отказался, боясь вмѣстѣ съ женитьбой утратить любовь ⁴⁾, сообщаетъ, что инквизиторъ Marius Picenus обвинялъ въ магіи Петрарку ⁵⁾. Откуда заимствованы эти свѣдѣнія, было ли это сочиненіе самого Скварчафико или онъ повторялъ только ходячіе разсказы, сказать трудно. Кромѣ этихъ анонимныхъ извѣстій, онъ передаетъ безъ малѣйшей критики всякіе разсказы, какіе только доходили до него. Такъ со словъ Филельфо онъ разсказываетъ, какъ братъ Петрарки продалъ свою сестру влюбленному папѣ, вслѣдствіе чего разгнѣванный Петрарка оставилъ Авиньонъ ⁶⁾, и тому подобныя басни ⁷⁾.

Въ изданіи стихотвореній Петрарки 1471 года впервые напечатана была его біографія, которая должна была служить введеніемъ главнымъ образомъ къ его итальянской поэзіи. Родоначальникомъ

¹⁾ Consecutus enim sum Paulum Vergerium, Cichum Polentonem, Leonardum Aretinum et Philelphum. Ibid. p. 63.

²⁾ См. p. 36, 38 и въ особености 60.

³⁾ Ibid. p. 28.

⁴⁾ Ibid. p. 30.

⁵⁾ Ibid. p. 49.

⁶⁾ Ibid. p. 45. См. Baldelli p. 190, 191 и 196.

⁷⁾ Ibid. p. 51, 52, 55. Къ 1477 году относится *Vita Petrarchae per Rodulphum Agricolum Frisium* (рукопись въ Мюнхенской королевской бібліотекѣ. Тамъ же находится анонимное *De Vita et moribus F. Petrarchae*. См. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. IX, 1884).

весьма многочисленныхъ біографовъ этой категоріи былъ *Антоніо-да-Темпо* ¹⁾. Особенность его очерка заключается, во-первыхъ, въ томъ, что онъ не касается чисто гуманистической стороны дѣятельности Петрарки и не упоминаетъ о его латинской прозѣ. Для его читателей важно знать нѣкоторыя событія изъ жизни поэта, его характеръ, наружность и въ особенности отношенія его къ Лаурѣ; поэтому да-Темпо сообщаетъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія, и это составляетъ вторую особенность его біографіи. Эти свѣдѣнія весьма неточны, но очень характерны. Къ концу XV вѣка, самое позднее, ходили уже легенды о Петраркѣ, и одну изъ нихъ, которую раньше сообщилъ Скварчафико, совсѣмъ въ другомъ тонѣ передаетъ да-Темпо. По его словамъ, Урбанъ V предложилъ Петраркѣ жениться на Лаурѣ, которая не была замужемъ, обѣщая сохранить ему всѣ его пребенды и бенефиціи; но Петрарка отказался, боясь съ пріобрѣтеніемъ Лауры потерять источникъ своей поэзіи ²⁾. Легендарность этого разсказа видна уже изъ того, что онъ слишкомъ поэтиченъ для дѣйствительности; а кромѣ того можно считать доказаннымъ, что Лаура была замужней женщиной, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она умерла раньше, чѣмъ сдѣлался папой Урбанъ V ³⁾.

Въ венеціанскомъ изданіи *Trionfi* 1475 г. напечатана коротенькая біографія Петрарки, написанная „медикомъ и философомъ“

¹⁾ Она напечатана во многихъ изданіяхъ XV и XVI вѣка, которыя перечислены у Rossetti и у Ferrazzi p. 558. Я пользуюсь перепечаткою у Marsand'a подъ такимъ заглавіемъ. *Vita di Francesco Petrarca scritta da amico autore forse in sul finire del secolo XIV e pubblicata la prima volta nella edizione che del canzoniere di esso poeta fu posta in luce in Roma l'anno MCCCCLXXI.*

²⁾ E quantunque gli volse essere data per donna ad istanza di Papa Urbano Quinto, il quale lui singolarmente amava, concedendogli di tener colla donna i benefici insieme, nol volse mai consentire; dicendo, che il frutto che prendea dell'amore a scrivere, di poi che la cosa amata consegnito avesse tutto se perderia. *Vita* p. XXVI.

³⁾ *Grion* доказываетъ, что Antonio da Tempo (1275—1336) не могъ быть авторомъ этой біографіи и что ее написалъ нѣкто Domenico Saliprandi, написавшій также подъ именемъ Squarciafico латинскую біографію Петрарки. Оба имени были псевдонимомъ Saliprande. (Ieronino Squarciafico, Alessandrino — анаграмма Domenico Saliprandi, fiolo Gasparis). *Grion, Delle Rime Volgari, Trattato di Antonio da Tempo Bologna 1869.* (Книга извѣстна мнѣ только по изложенію у Ferrazzi p. 558). Въ недавнее время этотъ вопросъ вновь былъ подвергнутъ пересмотру *Patroni, Antonio da Tempo, commentatore del Petrarca e la critica di Grion.* (Propugnatore 1889 № 4).

Бернардо Личини или Латини ¹⁾, котораго Де-Садъ считаетъ первымъ по времени біографомъ-комментаторомъ ²⁾. По содержанию она несравненно ниже предыдущей: авторъ не только не далъ себѣ труда справиться съ предшествующими работами и надѣлалъ массу крупныхъ ошибокъ ³⁾, но рассказываетъ ничѣмъ не оправдываемые абсурды въ родѣ слѣдующаго: „Петрарка, достигши восьмого года своей жизни и сознавая, что его фамилія, не особенно высокая и знатная, но старая и честная, не могъ видѣть отца изгнанникомъ и убѣждалъ его, что слѣдуетъ удалиться изъ Италіи. Тогда отецъ, блуждавшій два года въ Пизѣ, переселился, вслѣдствіе убѣжденія сына, въ Галлію Транзальпійскую“.

Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія критико-біографическія замѣчанія о Петраркѣ въ нѣкоторыхъ общихъ сочиненіяхъ конца XV и самаго начала XVI столѣтій. Сюда относятся біографическія произведенія *Кортезе* и *П. Джовіо*, а также всемірно-историческія хроники *Коччіо* и *Форести*. Нѣсколько строкъ, которыя посвящаетъ Петраркѣ Кортезе, чрезвычайно характерны для отношенія гуманистовъ къ своему родоначальнику. Кортезе вполне признаетъ его за слуги въ этомъ отношеніи ⁴⁾ и высоко цѣнитъ его произведенія: несмотря на крайнее несовершенство формы, они могутъ доставлять не только пользу, но и удовольствіе ⁵⁾. На иной точкѣ зрѣнія стоитъ *Джовіо* въ своихъ „*Elogia*“. Въ его глазахъ Петрарка только поэтъ; притомъ его надежды на вѣчную славу за Африку не оправдались,

¹⁾ Rossetti знаетъ 9 изданій этой перепечатки; см. также Ferrazzi p. 559. Я пользуюсь изданіемъ *Triomfi* безъ заглавнаго листа и пагинаціи; въ концѣ говорится *Finisse il comento deli triumphi del Petrarcha composto per il praestantissimo philosopho chiamato messer Bernardo da Sena; impresso nilla inclita citta da Venexia per Theodorum de Reynsburch et Reynaldum de Novimagio compagni nelli anni de signore MCCCCLXXVIII*. Біографія вставлена въ предисловіе.

²⁾ Свѣдѣнія о немъ даетъ De-Sade p. XX—XXI.

³⁾ Джакомо Колонну, напр., онъ называетъ *Vescovo Bomberiensis* o vero *Bombergiense*. Il n'y a pas une ligne qui ne contienne une erreur, говоритъ De-Sade p. XXIII.

⁴⁾ *Fuit in illo ingenii atque memoriae tanta magnitudo, ut primus ausus sit eloquentiae studia in lucem revocare; nam hujus ingenii affluentia primum Italia exhilarata, et tanquam ad studia impulsa atque incensa est.* (*Pauli Cortesii, De hominibus doctis dialogus* у Galletti p. 224).

⁵⁾ *Hujus sermo, nec est latinus, et aliquanto horridior, sententiae autem multae sunt, sed concisae; verba abjecta, res compositae diligentius, quam elegantius... ab eo non est delectatio petenda, sed transferenda utilitas; quamquam omnia ejus, nescio quo pacto, sic inornata delectant.* Ibid.

такъ что единственнымъ источникомъ его безсмертія является *Canzoniere*; но въ этой сферѣ поэзіи онъ достигъ неподражаемаго совершенства ¹⁾).

Коччіо въ своихъ „*Рассодіяхъ*“ только упоминаетъ о вѣнчаніи Петрарки на Капитоліи ²⁾); гораздо обстоятельнѣе говоритъ о немъ Форести. По его словамъ, Петрарка былъ родоначальникъ новаго направленія и самый знаменитый человекъ своего времени ³⁾). Своей славой онъ обязанъ „сверхчеловѣческому генію“ ⁴⁾ и выдающимся нравственнымъ свойствамъ. Онъ знаменитый поэтъ, блестящій ораторъ и всесторонній философъ ⁵⁾). Отношеніе Петрарки къ папской куріи и къ свѣтскимъ князьямъ представляется Форести высокимъ нравственнымъ подвигомъ, и онъ сравниваетъ пѣвца Лауры съ Іоанномъ Крестителемъ ⁶⁾). Апостолъ Петрарки изъ отдѣльныхъ біографическихъ очерковъ его друзей и послѣдователей перешелъ въ началѣ XVI столѣтія и въ систематическое изложеніе всемірной исторіи.

Значеніе біографій перваго періода для фактической исторіи жизни Петрарки весьма и весьма ограничено; но онѣ, въ качествѣ документальныхъ данныхъ гуманистической эпохи, представляютъ большой интересъ для исторической оцѣнки дѣятельности пѣвца Лауры. Біографы этого періода за весьма немногими и болѣе поздними исключеніями видятъ главную заслугу Петрарки въ его латинскихъ произведеніяхъ и ставятъ на второй планъ *Canzoniere*; въ ихъ глазахъ Петрарка прежде всего гуманистъ; для нѣкоторыхъ сама Лаура представляется простою гуманистическою аллегоріей. Такая точка зрѣнія, несмотря на ея крайности, въ общемъ совершенно правильна; но на-ряду съ ней въ концѣ періода выступаетъ другая: въ Петраркѣ видятъ преимущественно національнаго поэта, въ его біографіи

¹⁾ In eo poësis genere, amatorioque praesertim... nobilium poetarum et primus et ultimus... existimetur. *Pauli Iovii, Elogia doctorum virorum ab avorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium. Basileae 1556* p. 21.

²⁾ L. c. p. 806—807. О Коччіо и Форести см. выше p. 8 и 9.

³⁾ L. c. подъ 1341 годомъ fol. 250. In tota Italia imo fere Europa maximo in precio est habitus. См. также выше p. 9, пр. 3.

⁴⁾ Huic autem ingenium praeter humanum... datum. Ibid.

⁵⁾ Propter ingenii magnitudinem insignis poeta atque orator facundissimus evasit atque ei omnis philosophiae sinus apertus est. Ibid.

⁶⁾ Cum in eis atque divinis scripturis se totum contulisset, captus amore vitae solitariae: ad execranda omnia vicia summi pontificis et aliorum patrum ac principum mundanorum benevolentiam tanquam alter Ioan. Baptista sprevit. Ibid.

ищутъ преимущественно романическихъ эпизодовъ, и таинственная Лаура получаетъ особенный интересъ въ глазахъ біографовъ. На такой точкѣ зрѣнія стоятъ преимущественно тѣ біографіи, которыя предпосылаются обыкновенно изданію *Canzoniere*. Такимъ образомъ въ біографической литературѣ о Петраркѣ опредѣляются два направленія: одно, болѣе раннее, видитъ въ немъ преимущественно гуманиста; другое — національнаго поэта. Первое стоитъ въ связи съ изученіемъ латинскихъ произведеній Петрарки, обусловливается пониманіемъ важности гуманистическаго движенія и можетъ быть названо *историческимъ*. Второе обусловлено увлеченіемъ *Canzoniere*, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ національную поэзію и можетъ быть названо *литературно-эстетическимъ*. Борьба между этими обоими направленіями не окончилась и въ настоящее время, хотя побѣда замѣтно склоняется на сторону перваго.

VII.

Характеръ біографической литературы 2-го періода.—Біографы XVI вѣка.—Веллютелло, Дезуальдо и Беккаделли.—Значеніе книги Томазини.—Новое теченіе въ біографіяхъ Петрарки XVIII вѣка.—Муратори, Бандини и Басти.—Мемуары Де-Сада и ихъ отношеніе къ предшествующей литературѣ.—Ягеманнъ и Тирабоски. — Общее значеніе біографій Петрарки этого періода.

Второй періодъ біографической литературы о Петраркѣ захватываетъ три столѣтія. Ея характернымъ признакомъ служитъ полная побѣда литературно-эстетическаго направленія, которое въ XVI столѣтіи достигаетъ своего апогея. Біографіи встрѣчаются только въ качествѣ приложеній къ безчисленнымъ изданіямъ *Canzoniere*. Дополненіемъ къ нимъ являются монографическія работы, которыя точно также изслѣдуютъ только отношеніе Петрарки къ Лаурѣ, но этотъ вопросъ разрабатывается съ необычайной детальною: издаются „лекціи“ о томъ, почему Петрарка нигдѣ не воспѣлъ носа своей возлюбленной. Съ XVII вѣка появляются отдѣльныя біографіи Петрарки, независимо отъ *Canzoniere*; но и онѣ носятъ ту же окраску. Только въ XVIII столѣтіи начинаетъ обнаруживаться ослабленіе крайняго увлеченія, но реакція выражена еще весьма слабо: главное сочиненіе, „Мемуары“ Де-Сада написаны съ прежней точки зрѣнія. Поэтому для выясненія историческаго значенія Петрарки не сдѣлано ничего, разработка его внутренней исторіи еще не началась, и значеніе всей литературы исчерпывается собираніемъ и критической провѣркой фактическаго матеріала.

Первымъ біографомъ Петрарки въ XVI вѣкѣ былъ *Алессандро Веллутелло*, комментаторъ его *Canzoniere*. Написанная имъ біографія, появившаяся въ 1525 году въ Венеціанскомъ изданіи *Canzoniere*¹⁾, представляетъ интересъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, авторъ старается критически отнестись къ своимъ предшественникамъ и опровергаетъ уже сложившіяся легенды. Такъ, онъ считаетъ вымысломъ извѣстіе Филельфо о сестрѣ Петрарки, какъ клевету, доказываетъ сопоставленіемъ датъ невозможность диспенсаціи, которая будто бы дана была Петраркѣ Урбаномъ V для вступленія въ бракъ съ Лаурой²⁾, и опровергаетъ мнѣніе, что маленький Франческо, которому Петрарка написалъ эпитафію, былъ не внукъ, а сынъ поэта. Другая характерная черта этой біографіи заключается въ стремленіи къ фактической полнотѣ и обстоятельности. Веллутелло, опираясь на собственныя свѣдѣнія, ради которыхъ онъ предпринималъ путешествіе въ Авиньонъ, а также и на переписку Петрарки, на предшествовавшихъ біографовъ и комментаторовъ, ссылаясь на историковъ, какъ Коріо, старается собрать всѣ факты и установить хронологическія даты. Его біографія богаче всѣхъ предшествовавшихъ по фактическому матеріалу, хотя его показанія далеко не всегда точны³⁾; но она носитъ чисто внѣшній характеръ, потому что Веллутелло совсѣмъ не касается значенія Петрарки и не перечисляетъ даже его латинскихъ сочиненій⁴⁾. Какъ всѣ біографы, предпославшіе свои очерки комментарию къ *Canzoniere*, Веллутелло не только не отрицаетъ реальности Лауры, но посвящаетъ ей особый очеркъ⁵⁾. И здѣсь, какъ въ біографіи Петрарки, онъ сопоставляетъ различныя преданія о Лаурѣ, критически ихъ разбираетъ и пытается извлечь изъ самыхъ стихотвореній данныя о ея жизни. Вслѣдствіе скудости и ненадеж-

¹⁾ См. Rossetti p. 299 — 300. Тамъ же перечислены изданія *Canzoniere*, гдѣ она была перепечатана. Я пользуюсь слѣдующимъ. *Il Petrarca con l'esposizione d'Allessandro Vellutello e con più utili cose in diversi luoghi di quella novissimamente da lui aggiunte. In Vinegia per Comin de Trino di Monferrato. L'anno 1547.* Біографія безъ напнаци.

²⁾ Hanno detto che papa Urbano V. volse dispensare, ch'egli potesse tor per donna M. L. et ancor goder i benefici, e non hanno considerato che p. Ur. V fu creato l'anno 1362 e M. L. era morta l'anno 1348.

³⁾ Онъ говоритъ, напр., что Петрарка поселился въ Миланѣ при Гал. Висконти.

⁴⁾ Ne la latina in verso et in prosa molte utili e degne opere, le quali perche sono a tutti gli studiosi notissime, non accade in questo luogo recitarle.

⁵⁾ Origine di Madonna Laura.

ности источниковъ, въ этой біографіи чрезвычайно много ошибокъ и неточностей ¹⁾).

Около 1530 года, по мнѣнію Фракассетти ²⁾, жилъ *Lelio de' Leli*, неизданная біографія котораго хранится въ миланской *Ambrosiana* и въ флорентійской *Riccardiana*. Показанія Леліо относительно Петрарки не отличаются особой точностью ³⁾, но въ его біографіи заключаются интересныя свѣдѣнія объ одномъ изъ друзей Петрарки Леліо, которыя однако также нуждаются въ критической провѣркѣ ⁴⁾).

Однимъ изъ популярнѣйшихъ преемниковъ Веллютелло былъ *Дж. Андреа Джезуальдо* ⁵⁾; его біографія Петрарки появилась въ 1533 году и была перепечатана потомъ 4 раза въ XVI вѣкѣ ⁶⁾. Позднѣйшіе біографы считали Джезуальдо лучшимъ комментаторомъ Петрарки ⁷⁾, а Басти находятъ въ его очеркѣ только тотъ недостатокъ, что авторъ не дѣлаетъ экскурсіи въ современную исторію и не изображаетъ обстановки Петрарки ⁸⁾; самъ Де-Садъ, чрезвычайно строгій къ своимъ предшественникамъ, считаетъ его біографію лучше всѣхъ предыдущихъ ⁹⁾. Дѣйствительно, Джезуальдо первый приложилъ научный методъ къ своей работѣ: онъ изображаетъ жизнь Петрарки по его письмамъ, вслѣдствіе чего онъ говоритъ объ отношеніи перваго гуманиста и къ Кола-ди-Риенцо ¹⁰⁾, и къ папамъ и

¹⁾ Онъ думаетъ, напр., что ея родина Тоскана, что она не была заму-жемъ—*per cosa certa abbiamo da tenere, ch'ella non fosse mai maritata.*

²⁾ *Letter. famil.* I p. 479.

³⁾ См. *Hortis Studj.* p. 346.

⁴⁾ См. *Baldelli* p. 258 и *Fraccassetti* l. c.

⁵⁾ Ранѣе *Gesualdo* Петрарка имѣлъ въ XVI вѣкѣ еще двухъ біографовъ: *Fausto da Longiano*, очеркъ котораго былъ напечатанъ однажды въ Венеціанскомъ изданіи *Canzoniere* 1532 (*Il Petrarca col commento di Sebastiano Fausto da Longiano.* См. *Marsand.* p. 41) и *Silvano da Venafro*; его очеркъ въ *Il Petrarca col commento di Silvano da Venafro. Napoli 1533* *Marsand.* p. 42. Я не имѣлъ подъ руками этихъ біографій; но онѣ не пользовались извѣстностью, какъ это видно изъ отсутствія перепечатокъ, и не представляли интереса по содержанию, такъ что *de Sade* не упоминаетъ о нихъ въ обзорѣ своихъ предшественниковъ. Послѣдняго не упоминаетъ и *Ferrazzi.*

⁶⁾ Объ изданіяхъ См. *Ferrazzi* p. 559. Я пользуюсь: *Il Petrarca con la spositione di M. Giovanni Andrea Gesualdo* и въ концѣ книги *In Venetia per Domenico Giglio MDLIII.* Біографія безъ пагинаціи озаглавлена *La vita del Petrarca.*

⁷⁾ См. *De Sade* p. XXXVIII.

⁸⁾ *Mémoires de l'Academ.* T. 15 p. 749 (*у de Sade* p. 39).

⁹⁾ *De Sade*, p. XXXIX.

¹⁰⁾ Онъ называетъ его *Nicolo di Renzo*, p. 7 біографіи.

вообще исчерпываетъ весь находившійся въ его рукахъ матеріалъ. Но самые источники Дездемо были скудны и хронологія писемъ не опредѣлена, поэтому онъ пропускаетъ одни событія и ошибается въ датахъ другихъ, хотя для избѣжанія ошибокъ онъ и принимаетъ по временамъ хронологическія изысканія ¹⁾. Другой и болѣе существенный недостатокъ Дездемо раздѣляетъ со всѣми предшественниками и съ большинствомъ послѣдователей: его біографія чисто внѣшняго, фактическаго характера; въ ней не говорится не только о внутренней жизни Петрарки, но и о его литературной дѣятельности.

Въ 1549 году появилась еще одна біографія Петрарки, написанная *Бернардино Даниелло* ²⁾. Это коротенькій, безсодержательный очеркъ, въ которомъ авторъ ставитъ Петрарку на-ряду съ Пиндаромъ и Гораціемъ ³⁾ и прибавляетъ новыя ошибки къ его біографіи ⁴⁾.

Самымъ лучшимъ біографомъ Петрарки въ XVI вѣкѣ былъ Рагузскій архіепископъ *Людвико Беккаделли* ⁵⁾. Его очеркъ, оставшійся неизданнымъ до половины XVII вѣка, перепечатывался весьма часто въ теченіе всего прошлаго столѣтія, даже послѣ выхода монументальныхъ мемуаровъ Де-Сада ⁶⁾. Главное достоинство этой біографіи заключается въ томъ, что авторъ слѣдуетъ сочиненіямъ и перепискѣ Петрарки, почти исключительно оттуда черпаетъ свой матеріалъ и подтверждаетъ каждое сообщеніе ссылкой. Предшествующая литература ему извѣстна, но онъ систематически воздерживается отъ непровѣренныхъ извѣстій и не впадаетъ поэтому

¹⁾ Напр., о времени коронованія (р. 5) или пребыванія въ Неаполѣ (р. 6).

²⁾ *Sonnetti, canzoni e triumphi di Francesco Petrarca con la spositione di Bernardino Daniello da Lucca. In Vinegia MDXLIX.* Біографія безъ пагинаціи озаглавлена *Vita e costumi del Poeta.*

³⁾ Io non so vedere in che si sia inferiore il Petrarca nostro al Thebano Pindaro o al Venusino Horatio, р. 3 біографіи.

⁴⁾ Persuaso dal Cardinale (Колонной) si diede à servigi del Pontefice, da cui fu molto adoperato e mandato hora a Roma, hora in Francia, secondo le occorrentie. р. 1.

⁵⁾ Свѣдѣнія о немъ даетъ De Sade, I р. XL—XLII.

⁶⁾ Впервые напечаталъ ее Tomasini въ приложеніи къ второму изданію своей книги подъ такимъ заглавіемъ: *Vita del Petrarca scritta da Ludovico Beccadello, Arcivescovo di Ragusa Dal Signor Antonio Gigante, Da Fossombrone. (Petrarcha redivivus 1650, р. 213 — 241; я цитирую по этому изданію).* Rossetti насчитываетъ 8 перепечатокъ этой біографіи при изданіяхъ Rime, изъ которыхъ послѣдняя относится къ 1787 году. См. также Ferrazzi, р. 560.

въ грубыхъ ошибки ¹⁾). Біографія раздѣлена на двѣ части: въ одной сообщаются фактическія данныя, въ другой Беккаделли желаетъ показать въ жизни Петрарки, „какъ въ ясномъ зеркалѣ образъ многихъ и высокихъ добродѣтелей, которыя въ немъ блестяли“ ²⁾). Первая представляетъ собой сжатое, почти конспективное изложеніе внѣшнихъ событій, но безъ крупныхъ пропусковъ; во второй указаны хорошія свойства Петрарки, которыя обнаруживаются въ его произведеніяхъ, и перечислены его друзья покровители. Самый рассказъ довольно живой, несмотря на сухость содержанія, и біографическій очеркъ производитъ благопріятное впечатлѣніе.

Значительный шагъ назадъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ біографія Петрарки, написанная *Ровилліо* ³⁾). Несмотря на нѣкоторую популяриность въ XVI вѣкѣ ⁴⁾, этотъ очеркъ не имѣетъ значенія даже какъ простой перечень внѣшнихъ фактовъ, потому что онъ преисполненъ ошибками и неточностями. Такъ, авторъ утверждаетъ, что Петрарка удалился въ Воклюзъ вслѣдствіе чумы въ Авиньонѣ, что тамъ около Воклюза онъ познакомился съ Лаурой, что онъ возлагалъ особыя надежды на Людовика Баварскаго, чрезъ котораго рассчитывалъ вернуться во Флоренцію и ради „этого, по совѣту друзей“, сблизился съ миланскими Висконти и т. д. ⁵⁾). Эта небрежность Ровилліо прямо указываетъ на то, что типографъ издатель *Canzoniere* не придавалъ значенія біографическому введению, потому что въ его время не трудно было избѣгать такихъ ошибокъ ⁶⁾.

Во второй половинѣ XVI вѣка не было болѣе написано ни одной біографіи Петрарки. Несмотря на рѣзкій отзывъ одного изъ

¹⁾ Такъ о Лаурѣ онъ говоритъ *Chi fosse Madonna Laura et in che luoco et come di lei s'innamorasse molte cose da altri sono state dette. Io non ne dirò, se non quello medesimo, che'l Petrarca n'hà lasciato scritto. Vita* p. 216—217.

²⁾ *Ibid.* p. 227.

³⁾ *Vita e costumi del poeta.* Въ изданіи *Il Petrarca con nuove et brevi dichiarazioni. In Lyone appresso Gulielmo Rovillio 1550.*

⁴⁾ Біографія была перепечатана въ 14 изданіяхъ. Maldeghen перевелъ ее на французскій языкъ (Bruxelles 1600). Феррацци (p. 559) считаетъ ее передѣлкой Vellutello и знаетъ 18 перепечатокъ.

⁵⁾ *Vita*, p. 7 и 8.

⁶⁾ Въ томъ же году вышла біографія Петрарки, написанная *Jeann de Tournes* въ изданіи *Il Petrarca. In Lione pro Giovanni di Tournes 1550.* См. Marsand. p. 60. Она была напечатана только разъ и не пользовалась никакой извѣстностью.

позднѣйшихъ біографовъ ¹⁾, легко замѣтить, что литература о Петраркѣ совершила въ фактическомъ отношеніи нѣкоторый прогрессъ ²⁾.

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ біографической литературѣ о Петраркѣ XVII вѣка была книга Томазини „*Оживленный Петрарка*“ ³⁾. До сихъ поръ біографіи имѣли видъ статей, болѣе

¹⁾ De Sade называетъ авторовъ этой эпохи *pédans obscures dont les noms écorchent les oreilles*: Bernardo Glicini, Antonio da Tempo, Silvano da Venafrà, Girolamo Squarzacchi. *Mémoires* I, p. XX. Изъ общихъ сочиненій этой эпохи, заключающихъ также біографію Петрарки, Ferrazzi упоминаетъ *Fichard, Vitae virorum eruditorum et doctrina illustrium. Francofort 1536*. Эта біографія мнѣ осталась неизвѣстной.

²⁾ Увлеченіе итальянской поэзіей Петрарки и детальными отношеніями его къ Лаурѣ вызвало въ первой половинѣ XVI вѣка извѣстную сатиру *Niccolo Franco*. Въ 1539 году онъ написалъ діалогъ *Il Petrarchista*, гдѣ осмѣиваетъ біографовъ Петрарки и его самого. Одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ, Sannio, глуповатый поклонникъ поэта, рассказываетъ о своемъ путешествіи въ Авиньонъ и передаетъ свѣдѣнія о Лаурѣ и ея пѣвцѣ, собранныя имъ на мѣстѣ. О происхожденіи Лауры онъ не узналъ ничего опредѣленнаго (*di maniera che udendo tante varietà, con tanti pareri e tutti l'uno a l'altro contrari, m'hebbi a dare al diavolo più di tre volte, e poco ci manco che io non mandassi il sacca a Laura et al Petrarca*, p. 6); но онъ поправилъ ошибки біографовъ, которые утверждали, что Воклюзъ отстоитъ отъ Авиньона на 15, 12 или 10 миль: онъ самъ вымѣрилъ и нашелъ 13 миль 55 шаговъ и *due palmi* (p. 7). Тамъ онъ нашелъ массу неизвѣстныхъ прежде сонетъ и писемъ, изъ которыхъ онъ извлекъ много новыхъ данныхъ, напр. *forse per commovere a compassione Laura, mostrandole, che per non potere sfogar seco le fiamme sue, era constretto di rimediarsi per li bordelli, non senza pregiudicio del decoro poetico ne senza pericolo d'infranciosare per quella Francia* (p. 41) etc. и совѣтъ новый взглядъ на его отношеніе къ Лаурѣ (p. 46). Франко подвергъ осмѣянію главнымъ образомъ петраркистовъ; по отношенію къ Петраркѣ онъ издѣвается преимущественно надъ его любовью. Но Ercole Giovannini, слѣдуя его примѣру (p. 21), продолжалъ то же самое надъ всѣми фактами изъ жизни Петрарки. Для этого онъ приводитъ цѣлую массу несуществующихъ писемъ Лауры, Петрарки и его друзей. Діалоги выдержали массу изданій см. Fraccassetti *Lettere* p. 7. Я цитирую по *Li due Petrarchisti. Dialoghi di Nicolo Franco e di Ercole Giovannini. Ne quali con vaga dispositione si scuoprono bellissime Funtasie, nuovi et ingegnosi secreti sopra il Petrarca. Venetia 1623*. Ferrazzi называетъ двѣ апологіи Петрарки этой же эпохи. Zoppio Hieronimo, *Ragionamento in difesa di Dante et del Petrarca. Bologna 1585* и Massini Filippo, *Estatico, Insensato, Lezioni recitate da lui pubblicamente nell' Academia degl' Insensati di Perugia. Perugia 1585* (p. 753). Оба сочиненія мнѣ извѣстны только по заглавіямъ.

³⁾ Въ первый разъ она вышла въ 1635 году. Я пользуюсь вторымъ изданіемъ. *Iacobi Philippi Tomasini Patavini, episcopi Aemoniensis, Petrarca redivivus, integram poetæ celeberrimi vitam iconibus aere caelatis exhibens-*

или менѣе популярнаго характера; Томазини первый написалъ ученую книгу о Петраркѣ, хотя она и не имѣла большой цѣны для послѣдующихъ работъ. Его отношеніе къ предмету не соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ о научной біографіи: его книга, вызванная желаніемъ угодить Урбану VIII, который считалъ себя родственникомъ Петрарки ¹⁾, представляетъ собою диэпирамбъ, хотя обставленный богатыми для того времени фактическими подробностями. Томазини такъ начинается свое изложеніе: „Франческо Петрарка, нектаръ Феба, любимецъ (corculum) музъ, украшеніе прежней учености, утѣшеніе литературы, достоинъ памяти всѣхъ вѣковъ“ ²⁾. Ту главу, гдѣ перечисляются произведенія Петрарки, онъ озаглавливаетъ „Превосходные памятники таланта“ ³⁾ и т. д. Мы не находимъ далѣе въ біографіи никакихъ попытокъ выяснитъ связь между событіями личной жизни Петрарки, его отношеніе къ своему времени, вліяніе на потомство и т. п.; вся сила Томазини заключается въ обилии собраннаго имъ матеріала, который онъ распредѣляетъ по отдѣльнымъ рубрикамъ-главамъ. Онъ тщательно выписываетъ отзывы разныхъ писателей о Петраркѣ, защищаетъ его отъ нападокъ и упрековъ ⁴⁾, приводитъ цѣлыя документы ⁵⁾, перепечатываетъ портреты Лауры, самого поэта, виды мѣстностей и домовъ, гдѣ онъ жилъ. Въ книгѣ нѣтъ критики, а потому масса ошибокъ ⁶⁾, но, благодаря полнотѣ фактическаго матеріала, она и до сихъ поръ еще не вполне утратила свое значеніе ⁷⁾.

Еще раньше Томазини біографію Петрарки написалъ *Андрей Шредернъ* или *Шодеренъ*. Характеръ его книги уже виденъ изъ

Accessit nobilissimae feminae Laurae brevis historia. Editio altera correcta et aucta. Cui addita Poetae Vita Paulo Vergerio, Anonymo, Ianozzo Manetto, Leonardo Aretino et Ludovico Beccadello auctoribus. Patavii 1650 стр. 270.

¹⁾ De Sade I, XLV—XLVI.

²⁾ Petrarca redivivus p. 3.

³⁾ Ibid. p. 22.

⁴⁾ С. IX. Vindiciae tutelares p. 39. О добросовѣстномъ отношеніи его къ предшественникамъ можетъ свидѣтельствовать Cap. VIII Census eorum, qui Vatis vitam conscripserunt quive ejusdem opera commentariis illustrarunt, p. 35, первый опытъ бібліографіи сочиненій о Петраркѣ, а также перепечатанныя имъ біографіи.

⁵⁾ Напр. Privilegium laurae receptae p. 48.

⁶⁾ Важнѣйшія изъ нихъ указаны у Де-Сада I p. XLVII.

⁷⁾ Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть седьмая глава, гдѣ перечислены Ватиканскія рукописи сочиненій Петрарки p. 29 и несомнѣнное значеніе имѣютъ приложенія.

ея заглавія, гдѣ Петрарка названъ „фениксомъ и родителемъ литературы“¹⁾). Шредеръ знаетъ по имени нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, но читалъ только Скварчафико, котораго положилъ въ основаніе своей книги, сдѣлавши незначительныя дополненія изъ сочиненій Петрарки. Его книга не имѣла распространенія и уже въ XVIII вѣкѣ считалась библиографической рѣдкостью²⁾).

Три года спустя послѣ появленія перваго изданія книги Томазини, появилась новая біографія Петрарки³⁾, написанная французскимъ юристомъ *Жаномъ Массономъ*⁴⁾. Біографія задумана довольно оригинально: авторъ выписалъ изъ сочиненій Петрарки мѣста, имѣющія автобіографическій характеръ, и напечаталъ ихъ подъ рубриками, безъ особенно строгой системы. Рубрикъ этихъ огромное количество подъ самыми разнообразными заглавіями: тамъ есть „Предки Петрарки“, „Занятіе Петрарки рыболовствомъ“ или „Петрарка любилъ городъ Падую“⁵⁾ и т. д. Только въ одномъ случаѣ авторъ вставляетъ критическій параграфъ⁶⁾, гдѣ онъ дѣлаетъ замѣчаніе объ именахъ родителей Петрарки; во всѣхъ остальныхъ онъ совершенно ступшевывается, такъ что біографія имѣетъ видъ хрестоматіи, которой неудобно пользоваться вслѣдствіе ея безсистемности и неполноты⁷⁾).

1) *Schoderenus, Vita Francisci Petrarcae, litterarum phoenicis ac parentis. 1622.*

2) Ея не видѣлъ Rossetti и не упоминаетъ въ своей „Библиотекѣ“ *Margand. De Sade* говоритъ *Cette vie est fort rare; je ne l'ai trouvée que dans la bibliothèque du Roi. Je ne conseillerois pourtant pas à un libraire de faire les frais d'une seconde édition. I, XLIX.* Я не имѣлъ въ рукахъ этой книги и пользуюсь ея изложеніемъ у Де-Сада. По словамъ *Ferrazzi Schroedern sequi lo Squaciatico, ed aggiunse poco del suo (p. 565).*

3) Де-Садъ даетъ въ „компаньоны“ Томазини *Maldeghen'a*, автора біографіи о Петраркѣ и даетъ отзывъ объ этой біографіи, не подозревая, что она переводъ очерка Ровилльо, написаннаго въ половинѣ XVI вѣка. *De Sade I, XLVIII, XLIX.*

4) *Vita Francisci Petrarcae* во второмъ томѣ *Io Papirii Massonis, Foresii in Senatu Paris. Elogia varia. Parisiis 1638* p. 31—184. *Ferrazzi*, если только онъ не впадаетъ въ ошибку, называетъ еще одно сочиненіе, повидимому, сомненнаго автора, жившаго въ XVI столѣтіи: *Massonii Papirii, Vitae triumph. Hetruriae procerum, Dantis, Petrarcae et Boccaccii. Parisiis 1587.* Мнѣ сочиненіе это осталось не извѣстнымъ.

5) *Vita* p. 31, 101 и 172.

6) *Incerta, quae vulgo de Petrarca circumferuntur. Vita* p. 181.

7) Такъ, напр., тамъ нѣтъ ни слова объ отношеніи Петрарки къ Коладди-Риенцо. — Къ XVII вѣку относятся еще два біографа: *Ottavio Ferrari (Elogia doctorum virorum)* (около 1634) и *Ziliolo (Francesco Petrarca)*. Ихъ

Литературу о Петраркѣ XVII вѣка заключаетъ весьма жалкій очеркъ Плачидо Катанузи, предосланный имъ французскому прозаическому переводу итальянскихъ стихотвореній Петрарки ¹⁾. Заимствовавши изъ Томазини нѣсколько хвалебныхъ отзывовъ о Петраркѣ разныхъ знаменитостей, Катанузи романически изображаетъ небывалую встрѣчу его съ Лаурой „подъ тѣнью дерева, на берегу ручья“, близъ Воклюза ²⁾, повторяетъ басню о папѣ, который хотѣлъ со сватать влюбленныхъ ³⁾, и даетъ совершенно фантастическое описаніе коронованія Петрарки, заключая его совѣмъ нелѣпнымъ анекдотомъ ⁴⁾. Эти нелѣпности и ошибки, къ которымъ можно прибавить и еще нѣсколько ⁵⁾, дѣлаютъ послѣднюю біографію Петрарки XVII вѣка одною изъ самыхъ послѣднихъ и по качеству.

Изъ общихъ сочиненій XVII вѣка, въ которыхъ упоминается Петрарка, заслуживаютъ вниманія *Elogia Bocchii*. Хотя авторъ написалъ свою книгу по-латыни, тѣмъ не менѣе во взглядѣ на Петрарку онъ совершенно сходится съ біографами - комментаторами *Sanzoniere*. Итальянская поэзія Петрарки — предметъ его исключительнаго интереса, и все „похвальное слово“ сводится къ панегирику *Sanzoniere* ⁶⁾.

Первымъ біографомъ Петрарки въ XVIII вѣкѣ былъ знамени-

произведенія напечатаны у *Valentinelli, Petrarca e Venezia* (См. Ferrazzi p. 560—561).

¹⁾ *Les oeuvres amoureuses de Petrarque traduites en français avec l'italien à costé. Par le Sieur Placide Catanusi, Docteur et Professeur en Droit en Parlement. Paris 1669.* Біографія безъ пагинаціи.

²⁾ P. 7 біографіи.

³⁾ Ibid. p. 9.

⁴⁾ Il arriva malheureusement qu'une femme s'estant méprise, luy versa sur la teste une bouteille d'eau forte qui le rendi chauve tout le reste de sa vie p. 13.

⁵⁾ Напр., il se retira à Vaucluse pour estre plus près de sa maistresse, p. 9 и passim.

⁶⁾ Non desunt, qui commendent varias lucubrationes, quas scripsit, multaeque laudibus afficiant. Nos unum tantum opus, ceteris omnibus omissis, intuebimur, et cur sit tam magno in precio apud omnes contemplabimur. *Bocchii, Elogiorum, quibus vir doctissimi nati Florentiae decorantur edilio altera emendatior. Florentiae MDCCLXIV* p. 42. (Первое изданіе вышло въ 1609 г.). Изъ другихъ общихъ сочиненій XVII вѣка, нѣкоторый интересъ представляетъ только *Censura celebriorum authorum Thomas Pope-Blount'a* (Londini MDCXC), гдѣ собраны отзывы о Петраркѣ нѣкоторыхъ раннихъ писателей преимущественно гуманистическаго направленія (p. 304—307) (*Vossius, De historicis latinis* не имѣетъ значенія).

тый *Муратори*. Его очеркъ, впервые напечатанный въ моденскомъ изданіи *Sanzoniere* 1711, былъ переизданъ нѣсколько разъ ¹⁾ и послужилъ источникомъ для многихъ передѣлокъ и переводовъ ²⁾. Но въ его біографіи нѣтъ внутренней исторіи Петрарки и полнотою фактическаго матеріала она не отличается отъ предшествующихъ ³⁾. Наконецъ, въ ней не видно вліянія ни большой начитанности извѣстнаго историка, ни критическаго отношенія къ матеріалу ⁴⁾. Муратори, сохраняя традицію, даетъ описаніе наружности Петрарки, а изъ внутренней его жизни отмѣчаетъ только любовь къ Лаурѣ, чтобы защитить ея платоническій характеръ ⁵⁾. Отъ своихъ предшественниковъ онъ отличается нѣсколько большей критической осторожностью ⁶⁾ и главнымъ образомъ *попыткою установить историческую перспективу въ оцѣнкѣ значенія Петрарки*. Муратори ставитъ на первый планъ его итальянскую поэзію. Петраркѣ „принадлежитъ титулъ главы итальянской лирики“ (*principe della lirica italiana*), говоритъ онъ, „и его слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ образцовъ, однимъ изъ наиболѣе достойныхъ уваженія отцовъ какъ этой поэзіи, такъ нашей рѣчи вообще“ ⁷⁾. Латинскія сочиненія, хотя „въ нихъ и чувствуется гений“, „теперь читаются немногими и навѣрное ни въ комъ не возбуждаютъ удивленія“; тѣмъ не менѣе они имѣютъ историческое значеніе. „Чтобы вполнѣ понять

¹⁾ Rossetti, p. 307—308. Я цитирую *Vita di Francesco Petrarca compilata da L. A. Muratori*, напечатанную въ *Le rime Francesco Petrarca, riscontrate co i testi a penna della lebreria Estense e co i fragmenti dell'Originale d'esso Poeta. S'aggiungano le consiperazioni rivedute e ampliate d'Alessandro Tassoni, le annotazioni di Girolamo Muzio e le osservazioni di Ludovico Antonio Muratori. Seconda edizione. In Venezia. 1741.*

²⁾ Эту біографію слово въ слово передаетъ Nicéron въ 28 томѣ своихъ извѣстныхъ мемуаровъ. Ross. p. 303. De Sade I, I.III.

³⁾ Муратори не упоминаетъ, напр., объ отношеніяхъ Петрарки къ Коладди-Риенцо.

⁴⁾ De Sade ставитъ ее ниже Джезуальдо и Беккаделли и перечисляетъ допущенныя Муратори ошибки. *Mémoires* I, LI—LII и LIV—LVII.

⁵⁾ Muratori, Vita, p. XVIII.

⁶⁾ О замужествѣ Лауры, напр., онъ говоритъ. *Lascero ad altri l'investigare, se Laura fosse maritata, o zitella, e molt' altre simili o notizie, o minuzie, non avendo io per rintracciarle assai ozio ne assai genio per registrarle.* Ibid. Но это не избавило Муратори отъ массы ошибокъ и неточностей, такъ что Baldelli говорятъ, что его біографію *breve, confusa, piena d'ancronismi, vien con raggione reputata l'opera la piu infelice di quel valentissimo letterato* (Del Petrarca, p. XI).

⁷⁾ Ibid., p. XXII.

заслугу Петрарки, говорить Муратори, нужно хорошо познакомиться съ характеромъ (il sistema) того вѣка, когда онъ процвѣталъ, вѣка варварскаго, когда не было никакого вкуса ни къ изящной, ни къ серьезной (sode) литературѣ; поэтому кромѣ школьной теологіи и юриспруденціи, которыя имѣли тогда большой кредитъ, но не могли пользоваться лучшими приѣмами, остальные искусства и науки находились въ пренебреженіи и презрѣніи у всей Европы¹⁾. Это было возвращеніе къ точкѣ зрѣнія гуманистовъ съ тою разницею, что смыслъ движенія, во главѣ котораго стоялъ Петрарка, понимался нѣсколько шире. Но до полного пониманія значенія перваго гуманиста было еще далеко, и Муратори, описывая его популярность, объясняетъ ее геніальностью Петрарки. Слѣдовъ XVIII вѣка въ біографіи Муратори не видно, кромѣ развѣ по-гуманистически подчеркнутаго средневѣкового варварства и папской цензуры²⁾.

Вскорѣ послѣ появленія очерка Муратори, въ VIII томѣ Giornale de' Litterati d'Italia появилась новая біографія Петрарки, нѣсколько разъ потомъ перепечатанная въ разныхъ изданіяхъ Saponiere³⁾. „Итальянскіе журналисты“, какъ называетъ ее неизвѣстнаго автора Росетти, только пересказали Муратори, по ихъ собственному признанію⁴⁾. Единственное сдѣланное ими дополненіе къ сокращенному пересказу составляетъ извѣстіе о послѣдней дипломатической миссіи Петрарки въ Венецію, изложенное ими по 3 современныхъ хроникамъ⁵⁾. Эти вставки исчерпываютъ весь интересъ передѣлки Муратори.

Въ 1748 году вышла біографія Петрарки, написанная Бан-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. p. XIX.

³⁾ Rossetti p. 308—309. Я пользуюсь *Vita di Francesco Petrarca*, напечатанною въ не названномъ у Росетти изданіи *Le Rime di Francesco Petrarca. In Orleans. 1786. Tomo primo.*

⁴⁾ Vita p. 1.

⁵⁾ Одна изъ этихъ хроникъ, принадлежащая *Andrea de' Redusi* передаетъ за фактъ несомнѣнный анекдотъ, болѣе характерный для тогдашней историографіи, чѣмъ для Петрарки. Apud quos (Venetos) dum poëta et orator eximius pervenisset, in sua oratione defecit more alani (? sic), nam viso Senatu Venatorum obstupuit non minus, quam Cinna (sic) ad Romanorum senatum a Pyrrho destinatus, et ob hoc in alteram diem Poëtae atque oratoris eximii oratio ad integrum suffecta, vi cujus est pax ipsa formata, tantam in se continuit venustatem quod visu et auditu astantium ab extra omnes praesentes rancores (sic) sustulit et amovit intrinseca tamen utrinque manente perfidia. Ibid. p. XIII.

длин 1), очеркъ котораго представляет собою дальнѣйшее развитіе біографіи Муратори, хотя онъ и сохранилъ его ошибки 2). Бандини удержалъ планъ своего предшественника, передалъ существенное содержаніе его работы въ очень близкихъ, иногда даже тождественныхъ выраженіяхъ 3), но внесъ въ нее такія дополненія, которыя сохранили за біографіей значеніе даже для настоящаго времени. Онъ взялся за работу, потому что ему „казалось, что старыя писатели мало говорили о Петраркѣ“ и что „многое можно прибавить къ сочиненіямъ о немъ новыхъ“ 4). При тогдашнемъ состояніи источниковъ Бандини не могъ дать, конечно, исчерпывающій вопросъ фактической полноты и точности 5), но нѣкоторыя части жизни Петрарки и въ особенности свѣдѣнія о его отцѣ и предкахъ изложены съ такою обстоятельностью, какой нѣтъ и у позднѣйшихъ біографовъ 6).

1) Rossetti p. 310. Тамъ же перечислены изданія Canzoniere, гдѣ она перепечатана. Я пользуюсь Vita di Francesco Petrarca въ неизвѣстномъ Россетти изданіи *Rime di Mess. Francesco Petrarca. Lugano 1791.*

2) Онѣ указаны у De Sade I, p. LXV—LXVI.

3) Напр., мѣсто, цитированное въ нр. 6 на стр. 138, Бандини передаетъ такъ: *La questione se vivesse nel celibato o nò... lasciero volentieri all'esame de' più curiosi indagatori.* p. XVI. Ср. также слова обоихъ біографовъ о *Vonpventura da Peraga.* Bandinì p. XXXII и Muratori p. XXI.

4) Vita p. III.

5) Объ отношеніяхъ Петрарки къ Кола-ди-Риевцо, напр., Bandinì не знаетъ или время пребыванія его въ Миланѣ опредѣляетъ въ 10 лѣтъ (p. XXV).

6) Кромѣ мелкихъ извѣстій второстепеннаго значенія, можно привести два крупныхъ факта, которыми до сихъ поръ не воспользовались біографы. Одинъ относится къ отцу Петрарки. *Petrarco ebbe a soffrire la calunnia d'aver falsificato uno strumento in pregiudizio di M. Albizo di M. Guido de' Franzesi dalla Foresta. Laonde a' 20 d'ottobre di quell'anno fu condannato a pagare lire 1000 di moneta o a perdere la mano destra, qualunque volta venisse in forza del Comune. Il Signor Barone della Bastie (Vie du Pétrarque) va screditando questa notizia, come favola spacciata dal Gamurrini. Ma quanto egli su tal fatto s'inganni, potrà chiechesia osservarlo in appresso (p. VIII).* Другой фактъ, болѣе сомнительный, но и болѣе важный, касается пребыванія Петрарки въ Миланѣ. Опираясь на Corio и Sassi (*Istor. Tipograf. di Milano*), который пользовался Placido Puccinelli (*Chronica Glaxiatensis*), Бандини говоритъ, что въ Миланѣ Петрарка avea instituito un'Accademia composta di trenta giovani del più raro talento, i quali con litterarj colloquj e studiosi componimenti utilmente fra loro si divertissero. E questo virtuoso congresso seguito ancora dopo la sua partenza. Въ 1368 на свадьбѣ Віоланты, дочери Галеаццо Висконти, вмѣстѣ съ Петраркой furono ancora invitati socci di questa Accademia, i quali con varie e belle Poesie Toscane diedero saggio del loro ingegno e con festosi componimenti applaudirono ai regj Sposi. Tra questi si trova esservi allora intervenuto un tale Antonolo Resta... Tento

Кромѣ того, онъ впервые послѣдовательно проводитъ научные приемы изслѣдованія, систематически приводя основанія для своихъ утвержденій, и эти доказательства имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что часто они заимствованы изъ источниковъ, оставшихся неизданными до настоящаго времени ¹⁾. Наконецъ, Бандини сдѣлалъ шагъ впередъ, хотя и не большой, и въ другомъ отношеніи. Въ оцѣнкѣ значенія Петрарки отъ держится точки зрѣнія Муратори, но старается точнѣе опредѣлить интересы перваго гуманиста ²⁾ и дѣлаетъ скромную попытку отыскать внутренніе мотивы для его поступковъ ³⁾.

Весьма большую цѣну для біографіи Петрарки имѣютъ 70 страницъ in folio, которыя отвелъ ему Mehus въ своей замѣчательной книгѣ о Траверсари ⁴⁾. Mehus не даетъ связной біографіи; его задача пополнить біографію Петрарки данными, извлеченными изъ рукописей ⁵⁾. Съ этой точки зрѣнія онъ перепечатываетъ неизданныя тогда наиболѣе важныя по древности біографіи перваго гуманиста—Вилани, Бандини, Сикко Полентоне, сообщаетъ свѣдѣнія о его отцѣ, учителѣ, разсматриваетъ состояніе древней литературы въ его время ⁶⁾, приводитъ массу отзывовъ о немъ младшихъ совре-

eziandio il Petrarca d'erigere in Milano una biblioteca e di farvi un Palladio o Museo; ma qualunque se ne fosse la causa, non ebbe effetto il suo desiderio (р. XXV—XXVI). Правда, Петрарка не говоритъ объ этомъ въ своей перепискѣ, но изъ молчанія писемъ, весьма многія изъ которыхъ были уничтожены авторомъ, нельзя вывести твердаго заключенія. Кромѣ того, Bandini упоминаетъ еще одного ученика Петрарки, неизвѣстнаго біографамъ—Zelone o Zenone da Pistoja, который въ 1374 году написалъ въ честь Петрарки итальянскую поэму Pietosa fonte, напечатанную у Lami (Delic. Etud. t. 4) (XXXII—XXXIII). Строгий Бальделли признаетъ заслуги Бандини по отношенію къ вопросу о предкахъ Петрарки, ma quasi lo abbandonasse poscia quell'amore di ricerca, apparisce nelle gesta e nei pregi del lodato, quanto gli antecedent, magro, trascurato e confuso scrittore (Del Petrarca p. XI).

¹⁾ Кромѣ архивныхъ документовъ онъ цитируетъ, напр., Epist. Petri Candidi Decembrii (р. XIV).

²⁾ L'animo suo era tutto volto alla filosofia morale, all'istoria ed alla poesia, a cui si consceva specialmente formato p. XXXVIII.

³⁾ Такъ, онъ страстью къ Лаурѣ объясняетъ путешествія Петрарки, p. XVII.

⁴⁾ *Vita Ambrosii Traversarii* p. CXCv—CCLXVI.

⁵⁾ Habes jam documenta nondum edita, говоритъ онъ, quae ad Petrar-cham pertinent, quorum non alienum videtur, quo magis expicentur, pauca interserere. Ibid. p. CCVI.

⁶⁾ Mehus лучше, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, понималъ значеніе Петрарки. Ad bonas autem litteras delendas illud etiam adcesserat insaniae,

менниковъ, указываетъ сохранившіяся рукописи его сочиненій съ современными глоссами, приводитъ письма къ нему его друзей и т. п. Несмотря на нѣкоторыя фактическія ошибки ¹⁾, книга Mehus'a въ свое время имѣла огромное значеніе, которое отчасти она сохранила и до настоящаго времени. Значительная часть рукописныхъ отрывковъ, приводимыхъ Мегусомъ, теперь уже издана вполнѣ, включая сюда и письма Петрарки, но біографія Бандини, письма къ Петраркѣ Battifole ²⁾, посвященное ему стихотвореніе Zamorì и вообще данныя объ адресатахъ Петрарки до сихъ поръ еще не утратили цѣны.

За нѣсколько лѣтъ до Бандини біографомъ Петрарки явился другъ Муратори, французъ *Жозефъ де Бимаръ баронъ де ла Басти* ³⁾, котораго можно назвать настоящимъ предшественникомъ научныхъ изслѣдователей XIX вѣка. Басти широко задумалъ свою работу; сочиненіе распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ біографію Петрарки до его коронованія, вторая — до смерти. По первоначальному плану, дополненіемъ къ біографіи должна была служить „Библіотека Петрарки“, въ которой предполагалось изложить „съ большой обстоятельностью заботы, которыя имѣлъ этотъ ученый о собираніи сочиненій древнихъ“. „Я приложу“, продолжаетъ Басти, „каталогъ авторовъ, которыхъ онъ имѣлъ счастье найти, и тогда мы узнаемъ, какія сочиненія по беллетристикѣ и философіи были извѣстны въ XIV вѣкѣ“. Кромѣ того, авторъ обѣщалъ каталогъ сочиненій самого Петрарки, „какъ тѣхъ, которыя были уничтожены или потеряны, такъ и тѣхъ, которыя сохранились въ рукописяхъ или напечатаны“ ⁴⁾. Смерть не позволила Басти привести въ испол-

quod ejusdem aetatis homines, et in his illi praecipue, qui sacra procurarent, abhorrebant ab ethnicis scriptoribus, quippe qui a Christi Fide alieni fuissent atque remoti. Hac itaque opinione, neque bona, neque pia, quam Petraracha, alique extinguere sunt conati, quum uterentur per ea tempore scriptores, vix de Ciceronis, bonorumque auctorum exemplaribus exemplum sumere ausi sunt. Ibid. p. CCXI—CCXII.

¹⁾ Такъ, напр., Сократомъ Петрарка называлъ, по его мнѣнію, своего брата Жерардо. Ibid. CCXLVII.

²⁾ Ibid. CCXXVI, CCXLIX и CCII.

³⁾ Свѣдѣнія о его жизни у De Sade I, p. LVIII и слѣд. *Vie de Pétrarque tirée de ses écrits et de ceux des auteurs contemporains. Par M. le Baron de la Bastie.* Она напечатана въ *Mémoires de littérature, tirés de registres de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres.* Первая въ 15 томѣ, Paris 1743, p. 746—794; вторая въ 17 томѣ. Paris 1751, p. 390—490.

⁴⁾ Mémoires. T. XV p. 750.

неніе этотъ планъ: онъ прочиталъ въ Академіи надписей только первую часть біографіи, а вторая была уже прочитана послѣ его смерти ¹⁾). Эта біографія представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Басти усвоилъ себѣ методъ Беккаделли и Джезуальдо, но значительно расширилъ задачу—онъ подробнѣе останавливается на современныхъ событіяхъ, часто пробуетъ точнѣе установить хронологию ²⁾ и, что особенно важно, дѣлаетъ попытки дать внутреннюю исторію Петрарки, постоянно отмѣчаетъ, какъ реагировалъ онъ на окружавшія его явленія, и эти попытки иногда очень удачны ³⁾. Наконецъ, онъ первый изъ біографовъ указываетъ на то, что Петрарка, какъ гуманистъ, имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели какъ итальянскій поэтъ ⁴⁾. Эта точка зрѣнія, на которой стояли біографы-гуманисты XIV и XV вѣковъ, была оставлена позднѣйшими итальянцами. Ранѣе всѣхъ вернулся къ ней французъ.

Нельзя сказать однако, чтобы содержаніе біографіи Басти соответствовало по достоинству его плану. У него не мало и фактическихъ ошибокъ ⁵⁾ и совсѣмъ не видно, чтобы характеръ Петрарки и его значеніе для гуманизма были ему понятны. Въ характерѣ Петрарки онъ видитъ отдѣльныя черты—благочестіе, славолубіе и любовь къ Лаурѣ ⁶⁾; но не изображаетъ ихъ проявленія и взаимнаго отношенія и вообще не умѣетъ представить цѣльной картины внутренней жизни Петрарки. Съ другой стороны, значеніе латинскихъ произведеній перваго гуманиста также ему неясно. Объясняя и оправдывая ихъ полное забвеніе въ его время, Басти указываетъ на ихъ несовершенный языкъ и внѣшнюю ученость, въ которой видитъ главную причину ихъ прежняго успѣха ⁷⁾. Историческій ихъ смыслъ остается еще непонятнымъ въ XVIII вѣкѣ.

¹⁾ Первая часть была прочитана въ академіи 5 іюля 1740 (XV р. 746), начало второй 22 декабря 1741 (XVII р. 390), продолженіе 3 августа 1742 (Ibid. р. 431) и конецъ 3 сентября 1742 года (Ibid. 460). Басти умеръ въ августѣ 1742 года. De Sade LXI. Судьба остальныхъ частей его біографіи. Ibid.

²⁾ Mémoires XV. 793.

³⁾ См., напр., его очень мѣткое замѣчаніе о письмѣ къ Колоннѣ. Mémoires XVII р. 414.

⁴⁾ Ibid. XV р. 747.

⁵⁾ См., напр., описаніе встрѣчи съ Лаурой. Ibid. 770. Всѣ его ошибки отмѣчены у De Sade passim.

⁶⁾ Ibid. XVII р. 483.

⁷⁾ Ibid. р. 488—89.

Достойнымъ продолжателемъ Басти ¹⁾ явился Де-Садъ ²⁾. Книга Де-Сада естественно выросла изъ предшествовавшей литературы, была необходимымъ результатомъ ея органическаго развитія. Де-Садъ ясно понимаетъ свою связь съ предшественниками, рассматриваетъ каждаго изъ нихъ отдѣльно въ обширномъ введении и примыкаетъ къ тому направленію, которое держалось въ изложеніи сочиненій Петрарки, дополняя ихъ современной литературой и свѣдѣніями о тогдашнихъ событіяхъ. По этой методѣ онъ задумалъ огромный трудъ. „Мемуары раздѣлены на 6 книгъ, говоритъ онъ, потому что я нахожу 6 главныхъ эпохъ въ жизни Петрарки, на которыхъ я считаю долгомъ остановиться. Вы найдете въ первой книгѣ его рожденіе, воспитаніе, научныя занятія до перваго свиданія съ Лаурой. Вторая простирается съ его любви къ Лаурѣ до коронованія; третья съ коронованія до смерти Лауры; четвертая со смерти Лауры до переселенія въ Миланъ; пятая—до рѣшенія поселиться въ Венеціи и Падубѣ, шестая—до смерти. Эти шесть книгъ составятъ четыре значительныхъ тома“ ³⁾. Послѣ появленія перваго тома Де-Садъ измѣнилъ свой первоначальный планъ и рѣшилъ сократить книгу на одинъ томъ. „Я выпущу тѣ примѣчанія, которыя не для всякаго интересны, а также оправдательные документы, которые я могу всегда дать, если этого пожелаетъ публика“ ⁴⁾. Но и въ настоящемъ видѣ книга состоитъ изъ трехъ томовъ in 4° и заключаетъ въ общей сложности болѣе 2000 страницъ. Самъ авторъ признаетъ чрезмѣрность объема своего труда. „Я чувствую, что это слишкомъ много для біографіи частнаго человѣка и ученаго; но несчастное положеніе, въ которомъ я нахожусь, думать иначе, чѣмъ другіе, почти во всѣхъ пунктахъ біографіи Петрарки, требуетъ, какъ мнѣ казалось, извѣстныхъ разсужденій для оправданія моихъ мнѣній“ ⁵⁾.

¹⁾ Въ *Le rime di M. Francesco Petrarca coi migliori esemplari diligentemente riscontrate corrette. In Bergamo 1746*, помѣщена его біографія, написанная *Serassi*. Въ 1752 она была перепечатана вмѣстѣ съ изданіемъ. См. *Marsand* p. 101 и 103. Я не имѣлъ ея подъ руками; ея вліянія на литературу о Петраркѣ совершенно незамѣтно.

²⁾ *Mémoires pour la vie de François Pétrarque tirés de ses oeuvres et de auteurs contemporains. Avec des notes ou dissertations et les pièces justificatives. Tome I, Amsterdam 1744 CXIX + 447 + 79. Tome II* (появившійся 8 мѣсяцевъ спустя послѣ перваго. См. *Mémoires* II p. IV) *XXIV + 495 + 82. Tome III Ibid. 1747. 812 + 88.*

³⁾ *Mémoires* I p. LXXXV—LXXXVI.

⁴⁾ *Ibid.* II p. XVIII—XIX.

⁵⁾ *Ibid.* I p. LXXXVI.

Благодаря этимъ разногласіямъ Де-Садъ вмѣстилъ въ себя все фактическое содержаніе своихъ предшественниковъ и *сдѣлалъ ихъ совершенно ненужными для исторіи внѣшнихъ событій жизни перваго гуманиста*. Но обширный объемъ его книги зависитъ и отъ ея содержанія. Де-Садъ написалъ не біографію Петрарки, а только мемуары къ ней. „Есть огромная разница между біографіей и мемуарами, говоритъ онъ. Біографія—это исторія; мемуары слѣдуетъ разсматривать какъ матеріалы для исторіи. Гораздо болѣе требуется отъ историка, чѣмъ отъ компилятора мемуаровъ, болѣе выбора въ фактахъ, болѣе строгой критики, болѣе порядка и точности въ разсказѣ, болѣе вниманія къ тому, чтобы сосредоточиться на своемъ предметѣ, а сверхъ всего—болѣе благородства, точности и пріятности въ стилѣ. Біографія, подчиненная законамъ исторіи, должна имѣть правильный ходъ, и тому, кто ее пишетъ, не позволительно дѣлать слишкомъ большія отступленія. Когда пишутъ мемуары, поступаютъ болѣе свободно; тогда можно дѣлать маленькія экскурсіи, останавливаться на нѣкоторыхъ деталяхъ, захватывать нѣкоторые предметы, которые кажутся посторонними и которые не войдутъ въ тщательно написанную біографію... Всякій знаетъ, что нужно болѣе ума и таланта, чтобы писать біографію, чѣмъ чтобы компилировать мемуары. Компиляція—трудъ почти механической, который доставляетъ болѣе работы и дѣлаетъ менѣе чести“¹⁾. Дѣйствительно, книга Де-Сада представляетъ собою обширный біографическій и реальный комментарий къ перепискѣ и стихотвореніямъ Петрарки. Авторъ добросовѣстно собираетъ все, что можетъ послужить къ ихъ объясненію, рассказываетъ и генеалогію князей, съ которыми онъ приходитъ въ сношенія, и исторію Авиньона, и борьбу папъ съ императорами и т. д., при чемъ самыя его письма и стихотворенія приводятся на французскомъ языкѣ въ большомъ количествѣ. Онъ перевелъ и вставилъ въ текстъ огромное количество писемъ; стихотворенія онъ передаетъ обыкновенно стихами же²⁾,

¹⁾ Ibid p. XXXVI.

²⁾ Переводъ этотъ отличается неточностью, совершенно искажающею смыслъ подлинника. Для примѣра достаточно слѣдующихъ строкъ. У Петрарки:

Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono
Di quei sospiri ond'io nudriva il core
In sul mio primo giovenile errore
Quand'era in parte altr'uom da chel ch'io sono.

а иногда и въ стихахъ, и въ прозѣ, если требуется особенная точность ¹⁾; кромѣ того, въ текстѣ же помѣщена почти цѣликомъ переведенная автобіографія Петрарки ²⁾).

Какъ справочная энциклопедія для исторіи внѣшнихъ событій въ жизни перваго гуманиста, книга Де-Сада не утратила своего значенія до настоящаго времени; но нѣтъ никакого основанія жалѣть, что авторъ ограничился мемуарами и не написалъ біографіи. Онъ не понимаетъ внутренней жизни Петрарки, и ему совсѣмъ не ясно его историческое значеніе. Де-Садъ считаетъ любовь къ Лаурѣ самымъ существеннымъ пунктомъ въ біографіи ея пѣвца. „Кто повѣритъ, что онъ прочиталъ біографію Петрарки, если не найдетъ тамъ подробностей о его любви къ Лаурѣ?“ спрашиваетъ онъ. „Я боюсь, что это будетъ самой интересной стороною въ его исторіи для большинства тѣхъ, которые пожелаютъ прочесть эти мемуары; можетъ быть, только одна она будетъ возбуждать любопытство въ тотъ вѣкъ, когда всюду желаютъ любви“ ³⁾. Оставаясь рассказчикомъ только внѣшнихъ событій во всей біографіи, Де-Садъ для любви дѣлаетъ исключеніе. Онъ не даетъ очерка состоянія тогдашней науки, поэзіи и философіи, но характеризуетъ отношеніе къ любви и посвящаетъ ей обширное примѣчаніе ⁴⁾. Знакомство съ біографической литера-

De Sade переводитъ:

Lecteurs! Voici le fruit honteux de me jeunesse.
En lisant ces vers langoureux,
Qu' à l'amant le plus malheureux
Dictoit une amoureuse ivresse. Mémoires I, 116.

¹⁾ Ibid. p. 384—396.

²⁾ Ibid. II p. 102.

³⁾ Ibid I p. 22.

⁴⁾ Note XXI. Sur la nature et de l'amour de Pétrarque. II. Notes p. 76—82. О тогдашнихъ воззрѣніяхъ на любовь. I p. 117—120. Въ этомъ вопросѣ De Sade стоитъ на вполне правильной точкѣ зрѣнія. Среди біографовъ и комментаторовъ Петрарки, признающихъ реальность его чувства, есть два направленія. Les uns soutiennent qu'il étoit pur et honnête, dégagé de ces désirs grossiers, qu'on voit ordinairement à la suite de l'amour; les autres sont persuadés que celui de Pétrarque n'étoit pas d'une nature différente, des autres et qu'il desiroit de Laure ce que dans tous les temps les amans ont désiré de leurs maîtresses. Notes p. 77. De Sade склоняется къ послѣднему мнѣнію и объясняетъ его состояніемъ времени. Въ началѣ его любовь была чистая, возвышенная, платоническая; тогда это часто бывало. L'amour n'étoit pas alors ce qu'il est à present, un arrangement de convenance, ou un commerce de libertinage (I p. 117). Агнесса Наварская, какъ Лаура, любила Гильома де-Машо, оставаясь добродѣтельной женой и матерью. Но Пе-

турой гуманистическаго періода не могло не навести Де-Сада на мысль о значеніи Петрарки, какъ гуманиста. „Петрарка извлекъ литературу (*lettres*) изъ варварства, въ которомъ она была погребена“, говоритъ онъ въ введеніи; „онъ установилъ правильныя научныя занятія (*bonnes études*) въ Европѣ; ему мы обязаны сохраненіемъ древнихъ авторовъ, которые были бы потеряны, если бы онъ не приложилъ такихъ стараній къ ихъ розысканію и къ снятію съ нихъ хорошихъ копій. Онъ очистилъ вкусъ и уничтожилъ часть предразсудковъ, которые препятствовали прогрессу въ наукахъ. Наконецъ, онъ показалъ литераторамъ путь, котораго они должны держаться для достиженія совершенства“¹⁾. Эта сторона дѣятельности должна заслуживать вниманія не только въ біографіи, но и въ подготовительныхъ для нея работахъ; между тѣмъ Де-Садъ ее почти совершенно игнорируетъ. Для характеристики возрѣвѣвшей Петрарки онъ ограничивается коротенькими и немногочисленными цитатами изъ его писемъ²⁾; изъ латинскихъ сочиненій онъ перевелъ только *De contemptu mundi* въ виду автобіографическаго значенія трактата, а на остальные не обращаетъ почти никакого вниманія. Вотъ для примѣра разборъ одного изъ важнѣйшихъ трактатовъ Петрарки *De remediis*: „Этотъ трактатъ полонъ ума, эрудиціи, философіи, вѣрныхъ сентенцій (*maximes*), почерпнутыхъ изъ нѣдръ опыта и изъ сочиненій лучшихъ философовъ. Содержаніе углублено и украшено (*égayée*) массой чертъ изъ исторіи древней и новой“³⁾. Это весь разборъ въ трехтомныхъ мемуарахъ. Де-Садъ не любитъ такихъ изслѣдованій; онъ главнымъ образомъ повѣствователь, который старается дать своему разсказу критически провѣренное содержаніе.

Несмотря на то, что Де-Садъ внесъ только одинъ существенно новый фактъ въ біографію Петрарки, именно доказалъ, что Лаура была замужня женщина⁴⁾, его книга составляетъ эпоху въ литературѣ о первомъ гуманистѣ. Мемуары довершили фактическую біографію, написанную по старому методу. Далѣе въ смыслѣ обстоятельности и

трарку увлекалъ темпераментъ и обстановка куріи. *Pétrarque qui voyoit tous ces prélats de la cour Romaine plongés dans la débauche ne devoit-il pas dire ce que dit Chereas, ce jeune homme de Terence, en voyant un tableau qui représentoit Jupiter dans les bras de Danaé. Pourquoi ne ferois je pas ce que font les Dieux même.* Ibid. p. 120. У Лауры былъ иной темпераментъ и пная обстановка, и Петрарка былъ несчастливъ.

¹⁾ *Mémoires* I, p. LXX.

²⁾ Для всего этого см. единственную 95-ю страницу 1-го тома.

³⁾ *Mémoires* III, p. 484.

⁴⁾ Впрочемъ многіе оспариваютъ и этотъ фактъ. См. ниже.

внѣшнихъ подробностей итти было нельзя, и позднѣйшіе біографы начинаютъ сокращать Де-Сада въ этомъ отношеніи и дополняютъ его изслѣдованіями взглядовъ и стремленій перваго гуманиста. Но это случилось не вдругъ. Въ первое время появленіе книги Де-Сада сдѣлало какъ бы ненужной самостоятельную работу по этому вопросу. Мемуары начинаютъ переводить и компилировать на всѣхъ языкахъ, и эти компиляціи образуютъ цѣлую литературу. Въ 1776 году *Сусанна Добсонъ* выпустила вторымъ изданіемъ на англійскомъ языкѣ двухтомное извлеченіе изъ мемуаровъ, и книга выдержала, по крайней мѣрѣ, 6 изданій ¹⁾. Около этого времени, въ 1774, появился шеститомный переводъ мемуаровъ на нѣмецкій языкъ ²⁾, а затѣмъ въ 1794 г. анонимный авторъ сдѣлалъ новую компиляцію ³⁾. На французскомъ языкѣ были сдѣланы двѣ компиляціи — *Арно и Левокомъ*, напечатанныя вмѣстѣ съ сочиненіями Петрарки ⁴⁾.

Литература о Петраркѣ второй половины XVIII вѣка за однимъ исключеніемъ не представляетъ интереса. Фактическихъ свѣдѣній было собрано достаточно; для внутренней исторіи нужно было новое изученіе источниковъ, которые оставались неизданными. Поэтому біографами Петрарки являлись ex officio издатели или переводчики его стихотвореній, которые помѣщали коротенькіе очерки въ предисловіяхъ; таковы были *Соаве и Германнъ* ⁵⁾. Въ XVIII вѣкѣ появляются впервые двѣ поэмы, сюжетомъ для которыхъ служитъ жизнь Петрарки и его отношеніе къ Лаурѣ; авторомъ одной была *м-те Дезюльберъ*, другая написана *Делономъ* ⁶⁾. Въ это же время *Заборра* положилъ начало монографической литературѣ о Петраркѣ ⁷⁾, а из-

¹⁾ *Dobson Susanna. The life of Petrarch. Collected from Mémoires pour la vie de Pétrarque. In two volumes. The second edition. London 1776.* О числѣ изданій Marsand. p. 153.

²⁾ *Nachrichten zu dem Leben des Franz Petrarca. Lemigo 1774, 6 Bände.*

³⁾ *Franz Petrarca. Biographie. Prag und Leipzig 1794.*

⁴⁾ *Arnaud, Le génie de Pétrarque, ou imitation en vers françois de ses plus belles poésies; précédée de la vie de cet homme célèbre, dont les actions et les écrits font une des plus singulières époques de l'histoire et de la littérature modernes. A Parme 1778. Levesque. Choix des poésies de Pétrarque, traduites de l'italien. Venise 1787.*

⁵⁾ *Francesco Soave, Poesie scelte di Francesco Petrarca colla vita dell'autoree un discorso intorno alle medesime. Milano 1790. Friedrich Hermann, Petrarca's sämmtliche italienische Gedichte. Leipzig 1796.*

⁶⁾ *Delon. Les vies de Pétrarque et de Laure et description de la Fontaine de Vauchuse, et Laure, et Pétrarque. Poëme. Nismes 1788.*

⁷⁾ *Zaborra, Petrarca in Arquà. Dissertazione storico-scientifica, scritta nell'anno 1797. Padova.* Впрочемъ монографическая литература началась

вѣстный аббатъ *Бетинелли* написалъ ему похвальное слово ¹⁾. Само-стоятельныя біографіи Петрарки, написанныя во второй половинѣ XVIII вѣка (одна нѣмецкая и три французскихъ), или разбавленный сантиментальными изліяніями перечень общеизвѣстныхъ фактовъ, или находятся подъ сильнымъ вліяніемъ Де-Сада. *Бутеншёнъ* передалъ въ обширномъ извлеченіи содержаніе писемъ Петрарки ²⁾, и его книга не представляетъ рѣшительно никакого интереса. Анонимный авторъ

еще въ XVI столѣтіи, но она ограничивалась только одной стороною біографіи Петрарки, именно его любовью къ Лаурѣ. Сюда относятся въ XVI столѣтіи:

1) *Ridolfi, Artefila. Dialogo. Lione 1560.*

2) *Vieri, Discorso della grandezza et felice fortuna d'una gentilissima e graziosissima dama qual fu M. Laura. Firenze 1581.*

3) *Gandino, Lezioni sopra un dubio come il Petrarca non lodasse Laura espressamente dal naso. Venezia 1581.*

4) *Cambi Importuni, Ridolfi e Giuntini, Lettere sul vero giorno e l'ora dell'innamoramento di Fr. Petrarca. Lyone 1574.*

5) *Cresci, Sopra la qualità dell'amore del Petrarca.* (Впервые въ изданіи *Canzoniere Venezia 1585* и потомъ во многихъ другихъ. См. *Ferrazzi* p. 652).

Въ XVII столѣтіи:

1) *Zuccolo, Dialogo dell'amor Platonico e del Petrarca. Perugia 1615.*

2) *Tommasi, Gli affetti ed effetti di amore. Virtuosi discorsi d'amore sopra il Petrarca. Milano 1622.*

Въ XVIII вѣкѣ:

1) *Schiavo, Pietra del paragone amoroso, ovvero dell'amore platonico del poeta Fr. Petrarca. Venezia 1737.*

2) *Gravina, Dell'amore razionale ovvero Platonico* (въ Венеціанскомъ изданіи *Canzoniere 1756*) (*Zatta*). Тамъ же *Gagliardi, Lettera* на ту же тему. См. *Ferrazzi*. p. 653.

3) *Menard, sur l'origine de Laure, célébrée par Pétrarque* (въ *Mémoires de l'Académie Royal. t. XXX. Paris 1764*. См. *Ferrazzi* p. 645). Особенный интересъ въ Лаурѣ въ XVI столѣтіи объясняется тѣмъ, что *Vellutello* въ 1533 нашелъ ея могилу, можетъ быть, мнимую въ фамильной капеллѣ де-Сады; на надгробномъ камнѣ не было надписи, но въ гробу нашли свинцовое яблоко, внутри котораго находился сонетъ и медаль съ изображеніемъ женщины на одной сторонѣ и съ буквами M. L. M. J. Эти буквы де-Сево истолковалъ такъ: *Madonna Laura mortua jacet.* (*Gaspary I* p. 405 и слѣд.) Позже Де-Садъ нашелъ въ фамильномъ архивѣ брачный договоръ Лауры, дочери *Audibert de Noves* съ *Hugo de Sade* 1325 года. Эти открытія вызвали горячую полемику въ началѣ нынѣшняго столѣтія, которая не прекратилась до настоящаго времени.

¹⁾ *Betinelli, Delle lodi del Petrarca. Mantova 1788.*

²⁾ *Butenschön, Pétrarca. Ein Denkmal edler Liebe und Humanität. Leipzig 1796.* *Marsand*. p. 151.

обширной французской біографіи ¹⁾ живо и обстоятельно рассказываетъ внѣшнія событія жизни Петрарки, сокращая для этого мемуары Де-Сада. Но онъ дѣлаетъ попытку познакомить читателя съ внутреннимъ міромъ перваго гуманиста, при чемъ главное вниманіе обращаетъ на его любовь къ Лаурѣ. Опираясь на сонеты, онъ описываетъ всѣ перипетіи чувства, дѣлитъ его на эпохи ²⁾ и вообще посвящаетъ ему значительную часть своей книги. Нельзя сказать, чтобы эта сторона жизни Петрарки была изображена безукоризненно ³⁾; но все-таки здѣсь получается довольно живая картина. Гораздо неудачнѣе другая попытка—указать его политическія стремленія. „Два великіе проекта,—говоритъ авторъ,—привлекали вниманіе Петрарки и по временамъ отвлекали его отъ любви. Первый—возстановленіе св. престола въ Римѣ, второй—новый крестовый походъ для завоеванія святыхъ мѣстъ... Видно, что онъ видѣлъ въ крестовомъ походѣ предпріятіе самое справедливое и самое славное. Этотъ предразсудокъ царствовалъ еще въ тотъ малофилософскій вѣкъ“ ⁴⁾. Но авторъ не только даетъ ложное освѣщеніе политическимъ симпатіямъ Петрарки, выдвигая на первый планъ такую мимолетную мечту его, какъ возвращеніе Іерусалима; болѣе того, онъ прямо извращаетъ политическія надежды Петрарки. „Онъ потерялъ надежду видѣть городъ Римъ возстановленнымъ въ его прежнемъ блескѣ, когда узналъ, что императоръ вступилъ въ Италію“, говорится въ біографіи ⁵⁾. Въ дѣйствительности было какъ разъ наоборотъ.

Изъ общихъ сочиненій XVIII вѣка, касающихся Петрарки, первое мѣсто принадлежитъ исторіи литературы. Произведенія такого содержанія представляютъ тотъ интересъ, что они не ограничиваются біо-

¹⁾ *Vie de François Pétrarque, célèbre poète italien, dont les actions et les écrits font une de plus singulières époques de l'histoire et de la littérature moderne, suivie d'une imitation en vers françois de ses plus belles poésies. Paris 1786.* Другая французская біографія въ первомъ томѣ *Vies des hommes et des femmes illustres d'Italie 1768*, а также *Megnart, F. Petrarca's Biographie 1794*, мнѣ извѣстны только изъ вторыхъ рукъ. Последняя книга не вошла въ бібліографію Marsand'a.

²⁾ *Vie* p. 99 и *passim*.

³⁾ Такъ, отношенія Петрарки къ матери его дѣтей изображены совершенно невѣрно. Il eut une intrigue galante. Sa nouvelle maitresse ne fut pas cruel; elle portait les marques de sa complaisance: elle alloit devenir mère. *Ibid.* p. 59. Собственные признанія Петрарки указываютъ, что въ его отношеніяхъ всего менѣе было галантности.

⁴⁾ *Ibid.* p. 45—46.

⁵⁾ *Ibid.* p. 214. Книга *Fabroni (Fr. Petrarcae vita. Parmae 1790)* мнѣ извѣстна только по заглавію.

графическими свѣдѣніями, но сообщаютъ и библиографическія данныя, чего не дѣлаютъ обычныя біографіи. Первый обстоятельный каталогъ сочиненій Петрарки далъ въ XVIII вѣкѣ іезуитъ *Джулио Негри* въ своей „*Исторіи флорентійскихъ писателей*“¹⁾. Его біографическій очеркъ Петрарки совершенно незначителенъ; самый каталогъ не полонъ и составленъ безъ критики и системы. Но Негри впервые собралъ свѣдѣнія объ изданіяхъ и рукописяхъ произведеній Петрарки, о его комментаторахъ, критикахъ, біографахъ, и книга Негри, утратившая теперь всякую цѣну для біографіи Петрарки, долгое время служила единственнымъ источникомъ библиографическихъ свѣдѣній о сочиненіяхъ перваго гуманиста. Инымъ характеромъ отличается изложеніе въ исторіи итальянской литературы *Ягеманна*. Тамъ нѣтъ каталога сочиненій Петрарки, но они рассмотрѣны и оцѣнены, при чемъ совершенно правильно выяснены его заслуги въ исторіографіи и отмѣчены его географическіе интересы²⁾. Весьма обстоятельный біографическій очеркъ составленъ по Де-Саду, но съ нѣкоторыми поправками и дополненіями, сдѣланными на основаніи переписки Петрарки и другихъ его сочиненій³⁾. Что особенно важно, Ягеманнъ возстаетъ уже противъ обычнаго взгляда на перваго гуманиста. „Обыкновенно ему удивляются, — говоритъ онъ, — какъ поэту, который своими произведеніями довелъ до совершенства итальянское поэтическое искусство. Конечно, одной этой заслуги достаточно для того, чтобы сдѣлать его безсмертнымъ. Но я утверждаю, что онъ и безъ этого преимущества возбуждалъ вѣчное удивленіе въ потомствѣ за свое великое вліяніе на возстановленіе учености вообще“⁴⁾. Почти то же самое говоритъ о Петраркѣ и *Тирабоски* въ своемъ классическомъ трудѣ по исторіи итальянской литературы, только его изложеніе отличается большею обстоятельностью и большими подробностями. Тирабоски предпослалъ V тому своей исторіи, гдѣ излагается XIV вѣкъ, обширный критическій разборъ книги Де-Сада; но, исправивъ его ошибки и пополнивъ его пробѣлы, онъ положилъ знаменитые „Мемуары“ въ основу своего очерка біографіи Петрарки⁵⁾.

1) *Giulio Negri Ferrarese, della Compagnia di Gesu, Istoria degli scrittori fiorentini. In Ferrara MDCCXXII p. 208 и слѣд.*

2) *Jagemann, Die Geschichte der freyen Künste und Wissenschaften in Italien. Leipzig. 1779, p. 74—76; 235—239.*

3) *Ibid. p. 352 и слѣд.*

4) *Ibid. p. 353.*

5) *Tiraboschi storia della letteratura italiana. V. Venezia 1823 p. 684 и слѣд.*

Подобно Ягеманну, Тирабоски останавливается на всѣхъ произведеніяхъ Петрарки въ соответствующихъ рубрикахъ V тома, только онъ разсматриваетъ ихъ съ болѣе внѣшней, библіографической точки зрѣнія. Но что особенно характерно, оба историка опредѣляютъ историческое значеніе Петрарки въ почти буквально тождественныхъ выраженіяхъ. „То совершенство, — говоритъ Тирабоски, — до котораго возвысилась благодаря Петраркѣ итальянская литература, обыкновенно составляетъ главное содержаніе похвалъ, которыя воздаютъ ему писатели. Въ прославленіи этой заслуги я не уступлю ни одному изъ нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не побоюсь сказать, что если бы онъ никогда не обратился къ поэтической дѣятельности на итальянскомъ языкѣ, Италія все-таки должна была бы съ уваженіемъ признать его однимъ изъ величайшихъ людей, которыми она можетъ гордиться. Она можетъ указать многихъ людей, которые были ученикомъ его — одни въ одной наукѣ, другіе въ другой, но не будетъ въ состояніи указать ни одного человѣка, которому съ болѣе широкимъ правомъ подходилъ бы титулъ реставратора и отца итальянской литературы“¹⁾. Это любопытное совпаденіе взглядовъ двухъ историковъ различныхъ національностей показываетъ, что къ концу XVIII столѣтія односторонняя точка зрѣнія на Петрарку уже отживала свой вѣкъ²⁾.

Значеніе біографической литературы о Петраркѣ второго періода сводится главнымъ образомъ къ установленію и критической провѣркѣ внѣшнихъ фактовъ его жизни. Настоящей біографіи еще нѣтъ, но тщательно собираются матеріалы для нея. Съ этой стороны нѣкоторые біографы, какъ Де-Садъ, не вполне утратили свое значеніе и въ настоящее время. Но успѣшность работы и въ этой области замедлялась плохимъ состояніемъ источниковъ и преимущественно переписки Петрарки. Кромѣ того, другія его латинскія сочиненія почти совершенно игнорировались, такъ какъ интересъ къ его внутренней жизни ограничивался его отношеніемъ къ Лаурѣ. Эта одно-

¹⁾ Ibid. p. 683—684.

²⁾ Кромѣ названныхъ сочиненій, нѣкоторый интересъ представляютъ уже упомянутыя нами (p. 143) *Dissertazioni Vossiane di Apostolo Zeno*, вслѣдствіе находящихся тамъ бібліографическихъ замѣчаній (I p. I и слѣд.). Кромѣ того, Ferrazzi указываетъ (p. 565 и 613) слѣдующія, оставшіяся мнѣ неизвѣстными, общія сочиненія, въ которыхъ идетъ рѣчь о Петраркѣ:

1) *Meuschen, Vitae eruditorum virorum. Coburg 1741, t. IV.*

2) *Merian, Origines de la poésie italienne. Вѣ Nouveaux Mémoires de l'Académie de Berlin 1784 et 1786.*

3) *Pelli, Elogio degl'illustri scrittori toscani v. I Lucca 1771.*

4) *Rubbi, Elogio di Fr. Petrarca. Вѣ Opere v. XI Venezia. 1782.*

сторонность начинаетъ исчезать только съ половины XVIII столѣтія. Но и тѣ писатели, которые настаиваютъ на важности латинской прозы Петрарки, еще не выяснили себѣ значеніе пѣвца Лауры, какъ гуманиста, потому что имъ не ясно было самое движеніе, въ главѣ котораго онъ стоялъ. Потребовалось еще болѣе полувѣка, чтобы личность Петрарки получила новое и исторически вѣрное освѣщеніе.

VIII.

Характеръ біографій Петрарки 3-го періода.—Бальделли и первые біографы XIX столѣтія.—Уго Фосколо, Маколей и Бланъ.—Отношеніе къ Петраркѣ историковъ литературы и значеніе для его біографіи общихъ обзоровъ исторіи Возрожденія.—Георгъ Фогтъ.—Общее значеніе біографій этого періода.

Характерную черту біографической литературы этого періода составляетъ побѣда исторической точки зрѣнія на Петрарку надъ литературно-эстетической. Этотъ поворотъ стоитъ въ тѣсной связи съ появленіемъ бблшаго интереса къ гуманистическому движенію и съ болѣе правильнымъ его пониманіемъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія появилась упомянутая выше книга Мейнерса ¹⁾, въ которой вмѣстѣ съ новымъ взглядомъ на Возрожденіе формулирована и новая точка зрѣнія на Петрарку. Съ этихъ поръ интересъ къ гуманистической сторонѣ дѣятельности пѣвца Лауры проходитъ черезъ всѣ его біографіи и, поддерживаемый общими сочиненіями по Ренессансу, которыя начинаютъ появляться съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, проникаетъ въ обзоры исторіи литературы. Но, сдѣлавши предметомъ изученія Петрарку, какъ гуманиста, его біографы за этотъ періодъ не успѣли еще выяснитъ его историческаго значенія. Благотворное вліяніе новой точки зрѣнія обнаружилось главнымъ образомъ на изданіи неизвѣстныхъ прежде его сочиненій и на появленіи монографій о его воззрѣніяхъ вообще, на подготовленіи матеріала для его внутренней исторіи. Только съ самымъ концѣмъ періода Георгъ Фогтъ сдѣлалъ попытку дать всестороннее освѣщеніе личности Петрарки, какъ родоначальника гуманистическаго движенія.

Одной изъ послѣднихъ біографій Петрарки въ XVIII вѣкѣ была книга Бальделли „О Петраркѣ и его произведеніяхъ“ ²⁾. Бальделли смотритъ на Петрарку не только, какъ на пѣвца Лауры: „онъ

¹⁾ См. о немъ выше р. 37.

²⁾ Baldelli *Del Petrarca e delle sue opere. Libri quattro. Firenze 1797.*

былъ руководителемъ для умовъ неувѣренныхъ и блуждающихъ на крутой стезѣ знанія, онъ приобрѣлъ наукамъ и ихъ дѣятелямъ плодотворное и могучее покровительство государей, онъ направилъ науку на самоулучшеніе, словами, сочиненіями и примѣромъ онъ просвѣщаль народы, непрестанно внушая имъ любовь къ миру, къ гармоніи и добродѣтели“¹⁾. Точно также гораздо шире и глубже своихъ предшественниковъ понимаетъ Бальделли и задачу біографа перваго гуманиста. „Для выясненія его особенной заслуги слѣдуетъ, по моему мнѣнію, не только изложить эпохи и обстоятельства его жизни, но и дать обзоръ политическаго и литературнаго состоянія Италіи въ его время и подвергнуть изслѣдованію его латинскія сочиненія, конечно, великія и удивительныя для той эпохи, но слывшія у потомства за ничтожныя и скучныя“²⁾. Къ выполненію этой задачи Бальделли подготовился чрезвычайно тщательно: онъ изучилъ всю предшествующую литературу, приложилъ къ своей книгѣ списокъ болѣе раннихъ біографовъ и въ предисловіи сдѣлалъ вкратцѣ ихъ критическую оцѣнку. Въ основу своего сочиненія онъ положилъ обширный трудъ своего непосредственнаго предшественника аббата Де-Сада, но внесъ въ него много новыхъ данныхъ, для собранія которыхъ онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ жилъ Петрарка, и работалъ въ бібліотекахъ Падуи, Венеціи, Флоренціи, Рима, Милана, Турина и Парижа, откуда извлекъ массу неизданныхъ писемъ³⁾. Но, несмотря на все это, задача осталась невыполненной въ особенности въ той своей части, въ которой имѣлось въ виду выяснить связь Петрарки съ современностью. Посвященное этому вопросу введеніе слишкомъ обще и кратко даже и для того, чтобы служить фономъ для историческаго портрета Петрарки. Тѣмъ не менѣе біографія Бальделли имѣетъ два весьма существенныя достоинства: во-первыхъ, фактическія данныя, собранныя въ достаточной полнотѣ, проверены и установлены критически и, во-вторыхъ, описаны и проявленія вну-

1) *Del Petrarca* p. III—IV. Ср. p. 146 и слѣд.

2) *Ibid* p. IV.

3) Свое отношеніе къ Де-Садѣ онъ опредѣляетъ такъ: *Mi furono di massimo giovamento le memorie del dotto e benemerito abate di Sade, l'abbreviamento delle medesime avendomi data la traccia del mio lavoro. Su questo aggiunti le notizie ignorate o trascurate da lui, che io reputava importanti, da me raccolte nella lettura di tutte le opere del Petrarca. Ebbe cura di riscontrare le citazioni, le autorità dell'opera del Sade, la coressine mutai l'ordine cronologico, quando credealo sbagliato, l'ampliai talvolta, l'abbreviai in ciò che credeva inutile per lo meno esteso piano che mi era prefisso. P. XVI—XVII.*

тренней жизни Петрарки, его воззрѣнія и настроенія. Интересъ Бальделли къ перепискѣ и латинскимъ сочиненіямъ перваго гуманиста сдѣлалъ свое дѣло, хотя въ изложеніи фактовъ его внутренней исторіи еще нѣтъ даже и хронологической послѣдовательности. Бальделли умѣетъ иногда уловить сущность воззрѣній Петрарки, но не указываетъ ихъ роли въ его жизни и ихъ взаимной связи. „Первымъ объектомъ его моральныхъ размышленій, говоритъ онъ, былъ человекъ“, и этимъ объясняетъ появленіе его сочиненія *De remediis* ¹⁾, но въ біографіи мы не находимъ дальнѣйшаго развитія этой точки зрѣнія. Бальделли отмѣчаетъ точно также благотворное вліяніе изученія древности на науку ²⁾, но не выясняетъ значенія этихъ занятій во внутренней жизни Петрарки. Политическая роль Петрарки опредѣлена очень мѣтко: его вліяніе основывалось, по словамъ Бальделли, на „публичномъ словѣ“; онъ правильно объясняетъ послѣдовательность его политическихъ стремленій въ отношеніяхъ къ Колади-Ріенцо, къ императору и папѣ ³⁾, но сильно преувеличиваетъ его вліяніе. Бальделли дѣлаетъ попытки объяснить нѣкоторыя стороны внутренней жизни Петрарки и поставить ихъ въ связь съ его поступками, но эти объясненія или неопредѣленны, или прямо невѣрны. Такъ, его *acedia* онъ выводитъ изъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ: изъ „общественныхъ и частныхъ бѣдствій“, изъ „чумы“ и „огромной смертности“ и т. п. ⁴⁾. Его борьбу съ алхиміей, астрологіей и схоластикой онъ придаетъ уже слишкомъ рационалистическую окраску, такъ что первый гуманистъ является почти „просвѣтителемъ“ XVIII вѣка ⁵⁾. Знаменитое восхожденіе на *Mont Ventoux* онъ объясняетъ несчастною любовью и угрызениями совѣсти за измѣну Лаурѣ ⁶⁾.

Но, несмотря на всѣ промахи, эти попытки имѣютъ важное значеніе намѣченнаго вопроса для дальнѣйшихъ біографовъ. Гораздо болѣе вредитъ книгѣ Бальделли проникающій ее панегирический тонъ.

¹⁾ Ibid. p. 62.

²⁾ Dovendo allo studio dei Classici la gloria d'esserci slanciato fuori ristretto confine del saperi etc. p. 133.

³⁾ Arrecava miraviglia inoltre la somma influenza, che egli acquisto, non per la via dell'armi, o del ministero, ma col senno, coll'esperienza, colla virtù, ed il vederlo giunto a tanta altezza mercé la publica voce in un secolo incolto nel quale erano intenti i popoli più a distruggersi, ch'a giavarsi p. 122—123.

⁴⁾ Ibid. p. 94.

⁵⁾ Ibid. 127—128.

⁶⁾ Dall'amore e dai rimorsi agitate etc. p. 48.

Петрарка представляется ему вмѣстилищемъ всевозможныхъ добродѣтелей и талантовъ ¹⁾; говоря о его путешествіяхъ, онъ превозноситъ его необычайную мудрость ²⁾; его любовь—образецъ самаго чистаго и самаго возвышеннаго платонизма ³⁾ и т. д. Подъ вліяніемъ восторга передъ такимъ совершенствомъ Бальделли дѣлаетъ массу лирическихъ обращеній то къ Флоренціи, то къ нему самому ⁴⁾. Вредное вліяніе такого тона чувствуется особенно сильно на оцѣнкѣ произведеній Петрарки. Бальделли, первый изъ его біографовъ, сдѣлалъ попытку разсмотрѣть не только жизнь, но и сочиненія перваго гуманиста, и эту попытку въ общемъ нельзя назвать удачною. Въ его книгѣ нѣтъ систематическаго изложенія трактатовъ, а ихъ оцѣнка носитъ диѳирамбическій характеръ. *De rebus memorandis* онъ считаетъ весьма полезнымъ моральнымъ трактатомъ ⁵⁾. О полемическомъ трактатѣ *De ignorantia* онъ говоритъ: „этого сочиненія было достаточно для освобожденія итальянскихъ школъ отъ господствующей схоластической философіи; между тѣмъ предпочтеніе и справедливыя похвалы, расточаемыя имъ божественному Платону, вполне могли дать силу платонизму въ Италіи, но итальянцы не были достаточно подготовлены къ тому, чтобы найти вкусъ (*assaporare*) въ высшей степени поэтическихъ (*imagnosissimi*), очаровательныхъ и гениальныхъ гипотезахъ“ ⁶⁾. *Epistolae ad veteres* кажутся Бальделли „первымъ философскимъ этюдомъ“, „первымъ образцомъ критики и литературной исторіи древности“ ⁷⁾, а переписка вообще— „самымъ важнымъ произведеніемъ этой эпохи“ ⁸⁾. То же самое можно сказать и о его взглядѣ на *Canzoniere*: расходясь съ истиной, Бальделли

¹⁾ Ibid. 127.

²⁾ Ibid. 39.

³⁾ Ibid. p. 27 и *passim*.

⁴⁾ O Firenze, o concittadini del Cantore di Laura! Non siate lenti nella riconoscenza... Pensa, o Firenze, che la memoria dei tuoi georiosi maggiori è il più saldo appoggio della moderna tua rinomanza etc. p. 145. Біографія заключается настоящимъ аканестомъ. Se a voi, Laura e Francesco, se a voi celesti spiriti, giunge la voce mia mal sicura nel celebrarvi, esaudite i miei vuoti; traete la mente nostra dai meschini esempi del secolo e la inalzate a contemplare le virtù vostre. E tu, o Petrarca, trasfondi, riaccendi in noi quel pure amore di patria, che t'animava, onde torni la Italia all'altezza da cui decadde. p. 160. Ср. p. 87—88 и *passim*.

⁵⁾ Trattato morale, tanto più utile, quanto l'ardua e streile teoria non espone soltanto, ma la pratica persuasiva, possibilee grandiosa p. 58—59.

⁶⁾ Ibid. p. 130.

⁷⁾ Ibid. p. 136.

⁸⁾ Ibid. p. 142.

утверждаетъ, что Петрарка „воспѣвалъ на своей лирѣ только любовь чистую и небесную“ ¹⁾. Такого же тона держится онъ по отношенію къ друзьямъ Петрарки и въ особенности по отношенію къ Лаурѣ. Знаменитаго своими пороками и въ особенности вѣроломствомъ Аццо-ди-Корреджіо онъ называетъ человѣкомъ „съ царской душой“ ²⁾, а Лауру считаетъ идеаломъ женщины ³⁾ и поетъ ей настоящій ди-эирамбъ ⁴⁾.

Бальделли приложилъ къ своей книгѣ семь дополненій, которыя составляютъ почти половину ея ⁵⁾. Въ первомъ изъ нихъ онъ разсматриваетъ всѣ свѣдѣнія о Лаурѣ, дошедшія до насъ, и самъ примыкаетъ въ этомъ вопросѣ къ Де-Саду. Во второмъ доказываетъ подлинность собственноручныхъ замѣтокъ Петрарки о Лаурѣ и друзьяхъ въ бывшемъ Миланскомъ кодексѣ Виргилія. Третій очеркъ составляетъ дополненіе къ даннымъ о предкахъ Петрарки, собраннымъ Бандини, а также тамъ собраны свѣдѣнія о его родственникахъ. Въ четвертомъ опровергается „клевета“ Лефевра-де-Виллебрюнъ относительно заимствованій Петрарки для Африки изъ Силія Италика; въ пятомъ, до сихъ поръ не утратившемъ своего значенія, перечисляются важнѣйшія рукописи сочиненій Петрарки и ему приписываемыхъ. Шестое дополненіе составляетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ весьма полезный сборникъ свѣдѣній о тѣхъ лицахъ, которыя упоминаются въ біографіи Петрарки, и, наконецъ, седьмое — хронологическая таблица событій изъ его жизни съ указаніемъ ихъ источниковъ. Въ общемъ эти дополненія теперь устарѣли; но для своего времени они имѣли значительную научную цѣнность.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія Булэ въ своей „*Исторіи философіи*“ далъ біографическій очеркъ Петрарки и анализъ его философскихъ воззрѣній. Очеркъ составленъ по Де-Саду и не имѣетъ самостоятельной цѣны; но глава, посвященная философіи Петрарки, имѣетъ важное значеніе, какъ первый опытъ выясненія философскаго міросозерцанія родоначальника гуманистовъ. Булэ не пытается привести въ систему взгляды Петрарки и просто излагаетъ содержаніе его латинскихъ сочиненій. Но въ цѣломъ онъ вѣрно опредѣляетъ общій характеръ его философіи и ея источники. „Петрарка, гово-

¹⁾ Ibid. p. 27.

²⁾ Ibid. p. 63.

³⁾ Ibid. p. 159.

⁴⁾ Non cessi mai l'Italia d'onorarti, d'encomiarti, o Laura, se pari agli obbligh deve essere la gratitudine etc. p. 27.

⁵⁾ Illustrazioni dell'opera. Articoli sette. p. 163—321.

рить онъ, представилъ *философію жизни*, за которую онъ хотя обязанъ былъ изученію римскихъ мудрецовъ, но которая тѣмъ не менѣе была оригинальнымъ прекраснымъ плодомъ его духа, его собственнаго опыта и размышленія надъ міромъ и людьми“¹⁾. Булэ вѣрно опредѣляетъ далѣе, что древняя философія дѣйствовала на него чрезъ Цицерона, Сенеку и бл. Августина, а первоначальный толчокъ къ философскимъ размышленіямъ дала собственная жизнь, при чемъ онъ придаетъ особое значеніе любви къ Лаурѣ, и вызванное ею стремленіе къ уединенію²⁾. Значеніе этого послѣдняго фактора, можетъ быть, нѣсколько преувеличено; но весьма вѣроятно, что романтическая неудача впервые открыла глаза Петраркѣ на глубокое противорѣчіе его внутренняго міра. Его отношеніе къ Аристотелю и Платону Булэ опредѣляетъ въ общемъ тоже совершенно вѣрно: Петрарка не могъ быть послѣдователемъ ни того, ни другого, потому что не былъ знакомъ съ ихъ произведеніями³⁾. Къ сожалѣнію, онъ не выясняетъ причинъ, почему онъ предпочиталъ Платона Аристотелю и безо всякихъ основаній утверждаетъ, что этимъ предпочтеніемъ обусловливалось позднѣйшее преклоненіе передъ этимъ философомъ во Флоренціи⁴⁾.

Біографическая литература о Петраркѣ въ первой половинѣ XIX вѣка представляетъ мало самостоятельнаго интереса. Біографами перваго гуманиста являются или авторы сборниковъ, какъ *Ломонако*, который, говоря о знаменитыхъ итальянцахъ, поневолѣ долженъ былъ упомянуть о Петраркѣ⁵⁾, и его очеркъ, довольно обширный, представляетъ собою простую компиляцію. Или его жизни касаются мимоходомъ тѣ писатели, которые заинтересованы почему-нибудь Авиньономъ, какъ, напр., натуралистъ *Геранъ*⁶⁾. Сюда же относятся по большей части анонимные біографическіе очерки, на-

¹⁾ Buhle. Geschichte der Philosophie II p. 87.

²⁾ Ibid p. 89—90.

³⁾ Ibid. p. 89.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ *Francesco Lomanaco, Vite degli eccellenti Italiani. Italia 1802.* Первый томъ посвященъ Петраркѣ. *Wismayr, Pantheon Italiens, enthaltend Biographien der ausgezeichnetsten Italiener nebst deren Bildnissen. München 1815.*

⁶⁾ *Guerin J., Description de la Fontaine de Vaucluse, suivie d'un essai sur l'histoire naturelle de cette source, au quel on a joint une notice sur la vie et les écrits de Pétrarque. Avignon 1804.* Къ этой же категоріи относится *Pétrarque à Vaucluse et histoire de cette fontaine. Par un ancien habitant de Vaucluse. Paris 1804.*

писанные для любознательныхъ туристовъ, посѣщающихъ родину Лауры ¹⁾. Далѣе продолжаетъ сохраняться прежній обычай—писать похвальные слова знаменитымъ людямъ, и на долю Петрарки выпало нѣсколько такихъ произведеній ²⁾. Самостоятельныя біографіи, какъ аббата *Романа* и маркиза *Форція д' Урбана* ³⁾, носятъ чисто компилятивный характеръ и преимущественно составлены по Де-Саду ⁴⁾. Передъ изданіемъ стихотвореній по-прежнему время отъ времени даютъ въ формѣ введенія біографической очеркъ пѣвца Лауры. Первымъ изъ такихъ біографовъ былъ *Розини* ⁵⁾. Его очеркъ выгодно отличается отъ предшествующихъ не только формою изложенія, умѣньемъ коснуться всего въ немногихъ словахъ, но и болѣе широкою точкой зрѣнія. Розини касается и латинскихъ сочиненій Петрарки, и его историческаго значенія. Правда, хвалебный тонъ нѣсколько портитъ впечатлѣніе, и главное вниманіе автора направлено на итальянскую поэзію, тѣмъ не менѣе эта всесторонность и интересъ къ внутренней жизни поэта—характерный признакъ литературы о Петраркѣ XIX вѣка, которая постепенно подготавливаетъ Фогта и его послѣдователей. Очеркъ Розини заканчивается оцѣнкою исторической заслуги Петрарки. „Кромѣ того, что онъ создалъ новый родъ поэзіи и новый стиль, говоритъ Розини, и призвалъ людей, занимающихся наукой, къ подражанію великимъ образцамъ древности, онъ сумѣлъ сдѣлать столь хорошее употребленіе изъ соперничества, что государи, осыпая его почестями и лаской, показывали, что они сами сдѣлаются блестящими меценатами наукъ. Поэтому собирались бібліотеки, болѣе цвѣтущія становились университетами, основывались новыя каѳедры и повсюду распространялся пылъ къ наукѣ, отыскиванье кодексовъ, культура и хорошій вкусъ. Такимъ образомъ только одинъ оригинальный человѣкъ съ немногими одушевленными сотрудниками, въ нѣкоторомъ смыслѣ имъ воспитанными, въ короткій срокъ немногихъ

¹⁾ Таковы *Vie de Pétrarque, publiée par l'Athénée de Vaucluse. Avignon 1804. Précis historique ou abrégé de la vie et des amours de Pétrarque et de Laure, par un amateur. Avignon 1811.*

²⁾ *Pezzoli Luigi, Elogio al Petrarca, letto nel solenne riaprimiento dell' Accademia Veneta di belle lettere. 1808.* Такимъ же характеромъ отличается *Piombiolo, Discorso e poesie sulle opere di Fr. Petrarca. Brescia 1807.*

³⁾ *Roman l'abbé, Vie de Pétrarque. Avignon 1804,* впервые вышла въ 1778. *Fortia d'Urban, Vie de Pétrarque. Paris 1804.* Такимъ же характеромъ отличается *Gironi, Vita del Petrarca. Milano 1808.*

⁴⁾ Объ отношеніи Романа къ Де-Саду см. Du Laurens p. VI.

⁵⁾ *Rosini. Vita de Francesco Petrarca* въ роскошномъ изданіи *Rime de Francesco Petrarca. Tomo 1. Pisa 1805.* p. I—XXII.

лѣтъ могъ измѣнить лицо всей Италіи, которая изъ бездны невѣжества, гдѣ она томила, высоко подняла голову и сдѣлалась единственной и свѣтозарной учительницей всѣхъ націй“¹⁾. За пышными фразами слишкомъ повышеннаго тона замѣтно уже и въ этой сферѣ зарожденіе новой точки зрѣнія на пѣвца Лауры. Такой же интересъ, только менѣе самостоятельности обнаруживаетъ Ферновъ. Ферновъ стоитъ въ тѣсной связи съ Бальделли²⁾. Его очеркъ представляетъ собою сводъ результатовъ предшествующихъ работъ, рассказанный для большой публики. Ферновъ не сообщаетъ новыхъ фактовъ и не подвергаетъ критической провѣркѣ старыхъ, но біографія Петрарки въ его обработкѣ утратила, благодаря главнымъ образомъ вліянію Бальделли, исключительнo вышній характеръ. Онъ сообщаетъ факты, имѣющіе значеніе только для внутренней жизни перваго гуманиста, какъ знаменитое восхожденіе на Mont Ventoux³⁾, объясняетъ психическіе мотивы его поступковъ⁴⁾ и даетъ даже цѣлую схему его внутренней исторіи, которая выясняетъ въ то же время историческое значеніе его дѣятельности. Въ біографіи отмѣчены всѣ стремленія Петрарки, хотя ихъ послѣдовательность и относительная сила изображены не точно, а иногда и прямо не вѣрно. Ферновъ останавливается прежде всего на любви и даетъ вѣроподобное освѣщеніе отношенія къ Петраркѣ Лауры, которая умѣла искусственно удержать около себя симпатичную знаменитость, не жертвуя своей добродѣтелью⁵⁾; но онъ преувеличиваетъ вліяніе этого чувства на Петрарку, утверждая за Бальделли, что восхожденіе на Mont Ventoux вызвано стремленіемъ укрыться отъ любви и отъ угрызеній совѣсти за измѣну Лаурѣ⁶⁾. Такую же невѣрную окраску придаетъ

¹⁾ Vita p. XXII.

²⁾ *Fernow, Vita del Petrarca*, напечатанная въ его изданіи *Le Rime di Francesco Petrarca. Tomo 1. Iena 1806*. (Въ *Raccolta di autori classici Italiani. Poeti. Tomo quarto*). Marsand (p. 154) называетъ нѣмецкое изданіе этой біографіи. Leipzig 1818. По словамъ Blanc'a это буквальный переводъ упомянутой выше работы Merian'a (Petrarca въ *Encyclop. von Ersch*, p. 207).

³⁾ Vita p. XVII.

⁴⁾ Напр. по поводу его переселенія въ Италію онъ говоритъ. A tale partenza fu vivamente sospinto dall'amore della patria e dalle istanze de' principi italianiche lo bramavano e lo pregavano a ripassare le Alpi, come pure da un cano, nicato di Parma ottenuto da Clemente VI, di cui volle prender possesso, p. XXIV—XXV.

⁵⁾ Ibid. p. XV. Совершенно также смотритъ Ugo Foscolo Saggi p. 62.

⁶⁾ Dall'amore, dai rimorsi e dalla vergogna agitato p. XVII. Ср. выше стр. 11.

Ферновъ и другимъ его стремленіямъ. Онъ повторяетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ мнѣніе Бальделли, что Петрарка, прежде всего патріотъ-политикъ, достигшій огромнаго вліянія „публичнымъ словомъ“¹⁾, и отмѣчаетъ политическій элементъ въ его отношеніяхъ къ папѣ, на котораго онъ возлагалъ особыя надежды, извѣрившись въ императора²⁾. Но онъ сильно преувеличиваетъ его политическіе интересы, утверждая, что Петрарка обратился къ наукамъ только вслѣдствіе разочарованія въ политикѣ³⁾. Самая научная дѣятельность перваго гуманиста представляется Фернову, какъ и Бальделли, въ видѣ такой же борьбы съ мракомъ, какую вели „просвѣтители“ XVIII вѣка, при чемъ его интересъ къ древности, отодвинутый на второй планъ, совершенно остается въ тѣни⁴⁾. При всемъ томъ Ферновъ ставитъ на первый планъ итальянскую поэзію, въ ней видитъ источникъ его безсмертія⁵⁾ и не упоминаетъ о его латинскихъ трактатахъ. Но, несмотря на это, біографія Фернова не лишена нѣкотораго значенія, какъ популяризація Бальделли⁶⁾.

Четыре года спустя въ 1810 году появилась новая біографія Петрарки, написанная лордомъ *Woodhouselee*⁷⁾. Книга озаглавлена „Критическій этюдъ“, и главные удары автора направлены на Де-Сада и клонятся къ тому, чтобы доказать, что Лаура никогда не была замужемъ. Аргументы не убѣдительные, и самая полемика не имѣетъ большой цѣны для исторіографіи Ренессанса. Въмѣстѣ съ указанными выше произведеніями, литература о Петраркѣ за второе десятилѣтіе не представляетъ значительнаго интереса ни въ какомъ

1) *Arreca meraviglia inoltre la somma influenza ch'egli acquistò non per via delle armi o del ministero, ma col senno, coll'esperienza e colla virtù, ed il vederlo giunto a tanta altezza mercè la pubblica voce in un secolo così incolto.* Ibid. p. XXXII.

2) Ibid. p. XXXIII.

3) *Non avendo potuto rendere pace, energia e libertà all'Italia, rivolse tutto il vigore dell'animo a far risorgere le lettere etc.* p. XXXIII.

4) Ibid. p. XXXIV.

5) Ibid. XL.

6) Въ теченіе перваго 25-лѣтія XIX вѣка вышли еще три біографіи Петрарки такого же характера: одна предпослана англійскому переводу его *Rime—Sonnets and Odes, translated from the italian of Petrarch. London 1808.* Вторая написана *Mathias'*омъ и приложена къ его книгѣ. *Aggiunta ai componimenti lirici de più illustri poeti d'Italia. Londra 1808.* Третья принадлежитъ *Saint-Geniès* и напечатана въ его *Poësie de Pétrarque, traduites en vers français. Paris 1816.*

7) *Woodhouselee, An historical and critical essay on the life and character of Petrarch. Edinburg. 1810.*

отношеніи ¹⁾. Наиболѣ выдающейся книгой были появившіеся въ 1823 году на англійскомъ языкѣ „Опыты о Петраркѣ“ *Ugo Foscolo* ²⁾. Изъ четырехъ его этюдовъ два, наиболѣ талантливые и интересные, не имѣютъ значенія для исторіографіи Возрожденія, потому что первый посвященъ изображенію любви Петрарки къ Лаурѣ, а второй представляетъ собою литературно-эстетическую критику его поэзіи ³⁾. Третій этюдъ „о характерѣ Петрарки“ утратилъ все то значеніе, которое имѣлъ при появленіи книги. Характеристика У. Фосколо безсистемна и часто безсвязна; онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя воззрѣнія, симпатіи и антипатіи Петрарки обыкновенно обширными цитатами изъ его переписки, тогда еще не вполне изданной и мало извѣстной, и въ этихъ цитатахъ заключалось нѣкогда главное достоинство книги. Наиболѣ интереса представляетъ послѣдній этюдъ — „Параллель между Данте и Петраркой“; но большую часть его занимаетъ сравненіе ихъ поэзіи, а попытку объяснить особенности ихъ, какъ поэтовъ, характеромъ эпохи и характеризовать для этой же цѣли философское міросозерцаніе Петрарки ⁴⁾ нельзя признать удачной.

¹⁾ За это время, кромѣ указанныхъ, вышли: *Paccard, Pétrarque solitaire ou les épanchements du coeur, lettres familières et secrets de Pétrarque, précédées d'un discours apologetique sur la vie de cet homme célèbre. Paris 1816.* *Capelli, Petrarca wazani jako poeta, filolog i moralista. Wiena 1817.* (Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ). *Pietropoli, Il Petrarca impugnato dal Petrarca. Venezia 1818.* *M-me Genlis, Pétrarque et Laure. Paris 1819* (романъ). *Ginguené, Notice sur la vie et coup d'oeil generale sur ses differents ouvrages. Milan. 1820;* *Dionisi, Dei vicendevoli amori di mess. Fr. Petrarca e della celebratissima donna Laura. Verona 1822.* *Brachet, Mon dernier voyage à Vaucluse, suivi d'une notice historique sur Pétrarque et la belle Laure. Avignon 1823.* *Cibrario, Dell'ingegno e del cuore di Fr. Petrarca. 1825.* Наибольшій интересъ представляетъ *Marsand, Memorie della vita di Francesco Petrarca, raccolte dalle opere latine del Poeta. Padova 1819.* По словамъ *Ferrazzi*, книга эта выдержала 17 изданій (р. 562).

²⁾ *Ugo Foscolo. Essays on Petrarch. London 1823.* Не имѣя подъ руками этой книги, я цитирую по итальянскому переводу *Угоми* (напечатанному въ *Le Rimedi Francesco Petrarca secondo l'edizione e col proemio di Antonio Marsand. Parigi 1847*): *Saggi sopra il Petrarca pubblicati in inglese da Ugo Foscolo e tradotti in italiano dal Barone Ugomi.*

³⁾ Во второмъ этюдѣ встрѣчается очень интересное замѣчаніе объ отношеніи поэзіи Петрарки къ библіи. Фосколо рядомъ цитатъ доказываетъ, что въ *Sanzoniere* Петрарка гораздо чаще заимствуетъ выраженія и образы изъ священнаго Писанія, чѣмъ изъ классическихъ поэтовъ. *Saggi*, р. 83—85.

⁴⁾ Фосколо совершенно бездоказательно объявляетъ Петрарку платоникомъ и считаетъ „скуднымъ“ содержаніе трактата *De ingorantia*, написаннаго будто бы въ защиту Платона противъ Аристотеля. *Ibid.* р. 176.

„Изученіе классической литературы, говоритъ У. Фосколо, усилило вкусъ къ универсальному и увеличило ученость, но ослабило въ то же время смѣлость и оригинальность природнаго ума. Тѣ самые, которые могли бы сдѣлаться подражаемыми писателями на родномъ языкѣ, довольствовались тратою своихъ силъ на простое подражаніе латинскимъ. Писатели перестали принимать участіе въ текущихъ событіяхъ и оставались зрителями издалека. Нѣкоторые рассказывали своимъ согражданамъ объ ихъ прошлой славѣ и обращали ихъ вниманіе на грозившее разрушеніе родины, другіе вознаграждали лестью покровителей, потому что именно въ XIV вѣкѣ тиранническія правительства начали обучать преемниковъ политикѣ держать на жаловань ученыхъ, чтобы обманывать міръ. Такова вкратцѣ исторія Италіи въ теченіе 53 лѣтъ отъ смерти Данте до смерти Петрарки“¹⁾. Прежде всего, если исключить Петрарку, то мы не найдемъ у его современниковъ ни одной черты изъ этой характеристики; интересъ къ латинской литературѣ только-что зарождался, а слѣдовательно не могли обнаружиться и вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго увлеченія ею. У. Фосколо взялъ матеріалъ для своей картины отчасти изъ позднѣйшей эпохи, отчасти изъ біографіи самого Петрарки; но обвиненія несправедливы и въ этомъ случаѣ. Не говоря уже о полной неосновательности утвержденія о вредномъ вліяніи античной литературы, совершенно невѣрно, что латинскія произведенія гуманистовъ были только подражаніемъ и что писатели этого направленія игнорировали современность. Всѣ труды Петрарки, а также историческіе и критическіе трактаты Бруни, Поджіо и Валлы достаточно опровергаютъ это мнѣніе.

Нѣкоторый интересъ представляетъ появившійся въ 1824 году очеркъ *Маколея*, посвященный Петраркѣ²⁾. Блестящій, хотя довольно поверхностный этюдъ распадается на двѣ части. Въ первой авторъ объясняетъ причины необыкновенной и, по его мнѣнію, незаслуженной славы Петрарки въ позднѣйшемъ потомствѣ; во второй разсматриваетъ его сочиненія. Чрезвычайная популярность Петрарки обуславливается, по мнѣнію Маколея, прежде всего тѣмъ, что онъ былъ эгоистъ и постоянно говоритъ о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ. Эта черта, столь непріятная въ личныхъ сношеніяхъ, по особой склонности ума человѣческаго представляется необыкновенно привлекательной въ сочиненіяхъ. Вторая причина славы Петрарки заключалась

¹⁾ Ibid. p. 157.

²⁾ *Маколей, Петрарка*. Въ III томѣ *Полнаго собранія сочиненій*. Изданіе Тиблена. С.-Петербургъ 1862, p. 172 и слѣд.

въ томъ, что онъ былъ первый поэтъ любви въ новое время и что долгое время не имѣлъ себѣ соперника въ этой сферѣ. Наконецъ, третья причина—его необыкновенная преданность наукѣ и литературѣ. Вопросъ, поставленный Маколеемъ, цѣлкомъ относится къ литературѣ, потому что онъ имѣетъ цѣлью выяснитъ причины литературной извѣстности Петрарки въ новое время. Съ этой же точки зрѣнія разсматриваетъ авторъ итальянскія и нѣкоторыя латинскія произведенія перваго гуманиста, такъ что его очеркъ нисколько не подвинулъ впередъ выясненіе историческаго значенія Петрарки ¹⁾.

Тридцатые годы не дали ничего крупнаго для біографіи Петрарки. Нѣкоторой популярностью пользовалась книга *Растуля-де-Монжо*, выдержавшая два изданія ²⁾, да въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ вышелъ пересказъ біографическихъ мѣстъ изъ писемъ Петрарки *Делеклюза* ³⁾ и „*Опытъ біографіи Петрарки*“ *Дю-Лоранса* ⁴⁾. Авторъ написалъ книгу для своихъ соотечественниковъ, для которыхъ трудъ Де-Сада былъ слишкомъ великъ, а итальянскіе біографы недоступны по языку. Въ предисловіи онъ указываетъ, кромѣ комментатора Тассони, біографовъ Дезуальдо, Веллутелло, Муратори и Бальделли ⁵⁾, какъ свои источники, и въ книгѣ приводитъ изъ нихъ обширныя выписки. Кромѣ того, онъ хорошо знаетъ Де-Сада и стихотворенія самого Петрарки. „Опытъ“, написанный на основаніи этихъ источниковъ, представляетъ собою живой и популярный рассказъ жизни Петрарки и коротенькую „диссертацию“ о родинѣ и семьѣ Лауры. Въ началѣ и концѣ дано описаніе окрестностей Авиньона и Воклюза ⁶⁾, приведены въ подлинникѣ и прозаическомъ французскомъ переводѣ многочисленные образцы

¹⁾ Къ двадцатымъ годамъ относятся еще слѣдующія біографіи: *Campbell, The life and times of Petrarch. London 1882.* (Популярный рассказъ общезвѣстныхъ фактовъ). *Wagner, Saggio sopra il Petrarca (Въ Parnaso italiano, Vol I Lipsia 1826).* *Martini, Orazione d'inaugurazione dei busti del Petrarca e del Poggio detta nell'Accademia Valdarnese di Montevarchi il 7 sett. Firenze 1829.*

²⁾ *Rastoul de Mongeot, Pétrarque et son siècle-Avignon 1836* и второе изданіе въ двухъ томахъ Bruxelles 1846. Рассказъ въ полубеллетристической формѣ съ разговорами.

³⁾ *Delécluze Vie de Pétrarque, écrite par lui même. Paris 1839.*

⁴⁾ *Essai sur la vie de Pétrarque, par M. Achille Du Laurens. Avignon. 1839.*

⁵⁾ Essai p. VII.

⁶⁾ Изложенію предпосланъ Voyage d'Avignon à Vaucluse, p. 1—5. См. также p. 223 и 224.

сонетовъ, такъ что прѣзжій читатель могъ получить довольно опредѣленное представленіе о жизни и поэзіи главной знаменитости въ Авиньонѣ. Дѣйствительно, „Опытъ“ вполне заслуживаетъ занять видное мѣсто среди біографій-путеводителей, къ числу которыхъ онъ принадлежитъ. Но вообще въ литературѣ о Петраркѣ Дю-Лорансъ стоитъ гораздо ниже Бальделли. Внутреннюю жизнь пѣвца Лауры онъ интересуется гораздо меньше своего предшественника, латинскихъ его сочиненій совсѣмъ не знаетъ и видитъ въ немъ только поэта. Для характеристики его историческаго значенія онъ приводитъ тираду изъ мѣстной газеты *Messenger de Vaucluse*, принадлежащую *Виктору Курте*, который проводилъ ту мысль, что внѣ поэтической славы Петрарка безвѣстная личность ¹⁾. Поэтъ совсѣмъ затемнилъ гуманиста въ Петраркѣ; но для тогдашняго туриста послѣдній былъ бы и непонятенъ и мало интересенъ.

Къ сороковымъ годамъ относятся двѣ характерныя біографіи Петрарки. Одна изъ нихъ, написанная *Ламерсомъ*, представляетъ тотъ интересъ, что составлена съ чисто исторической точки зрѣнія. Ламерсъ предпосылаетъ изложенію обзоръ состоянія науки и литературы въ средніе вѣка и заканчиваетъ очеркъ выясненіемъ заслугъ Петрарки въ этой области ²⁾. Другая біографія принадлежитъ *Blanc'у* и напечатана въ *Энциклопедіи Эрша и Грубера* ³⁾. По словамъ Феррацци, „это лучший трудъ о Петраркѣ, какой когда-либо былъ

¹⁾ A quel titre connaisons nous Pétrarque? n'est-ce pas comme poète? etc. p. 223. Тому же автору принадлежитъ еще одно сочиненіе о Петраркѣ. *Courtet, Notice sur Pétrarque avec une pièce inédite de Mirabeau sur la Fontaine de Vaucluse. Paris 1835.* Къ концу тридцатыхъ годовъ относятся еще три, упомянутыя Ferrazzi (p. 562) біографіи: *Sacchi, Petrarca. Nouvelle e Racconti. Milano 1838.* *Barozzi, Petrarca* (въ *Cosmorama pittorico. Lugano 1839*) и *Reina Gorini Petronilla* въ *Ricordi di trenta illustri Italiani. Brescia 1839.* Кроме того, нѣсколько очерковъ въ путевыхъ замѣткахъ о прежнемъ жилищѣ Петрарки (*Bocchi, Alcuni giorni nei colli Euganei Venezia. 1831* и *Chevalier, Una visita ad Arquà. Padova 1831. Ibid. p. 538*).

²⁾ *Lamers, Disputatio historica litteraria de Fr. Petrarcae vita, moribus et in bonas litteras meritis. Trajecti ad Rhenum 1842.* Я не имѣлъ книги подъ руками, но ея планъ виденъ изъ заглавій отдѣльныхъ частей. I. De universa litterarum medii aevi conditione. II. Francisci Petrarcae vita. III. Petrarcae characterismus. IV. De Petrarcae in bonas litteras meritis.

³⁾ *Blanc, Petrarca* (въ *Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften und Künste in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern bearbeitet. Dritte Section. Leipzig 1844, p. 204 u. слѣд.*) Очерки въ другихъ энциклопедіяхъ я выпускаю изъ обзора въ виду ихъ чисто фактическаго и обыкновенно компилятивнаго содержанія.

напечатанъ въ Германіи¹⁾, и этотъ приговоръ, съ хронологическимъ ограниченіемъ, можно еще расширить. Очеркъ Блана представляетъ собою самую обстоятельную и критическую біографію изъ всѣхъ, написанныхъ до половины нынѣшняго столѣтія. Особенность Блана заключается въ полномъ знакомствѣ не только съ произведениями Петрарки, но и съ его біографами. Онъ предпосылаетъ своей біографіи критическій обзоръ важнѣйшихъ предшествующихъ работъ и въ самомъ изложеніи подробно разсматриваетъ важнѣйшія контроверсы²⁾. Съ фактической стороны біографія исчерпываетъ весь матеріалъ, который заключался въ извѣстныхъ тогда источникахъ, при чемъ авторъ не оставляетъ безъ провѣрки ни одного мало-мальски сомнительнаго факта и старается выяснитъ внутренніе мотивы поступковъ Петрарки³⁾. Кроме того, Бланъ съ особеннымъ вниманіемъ относится къ сочиненіямъ Петрарки: излагаетъ ихъ содержаніе, пытается опредѣлитъ ихъ хронологію, даетъ много біографическихъ указаній. Съ этой стороны до появленія въ 1878 году книги Кертинга очеркъ Блана былъ самымъ обстоятельнымъ сочиненіемъ. Тѣмъ не менѣе его біографія страдаетъ однимъ недостаткомъ, который лишаетъ ее всякой цѣны въ настоящее время: у Блана нѣтъ опредѣленной точки зрѣнія на историческое значеніе Петрарки. Онъ не видитъ въ первомъ гуманистѣ исключительно пѣвца Лауры, но ему не ясно, какія черты его дѣятельности и характера имѣютъ историческую важность, какъ проявленіе новаго времени, и какія составляютъ его личную особенность. Поэтому характеристика Петрарки, сдѣланная Бланомъ въ концѣ біографіи, совершенно лишена исторической цѣны: онъ описываетъ его наружность, добродѣтели въ родѣ умѣренности въ пищѣ и недостатки въ родѣ вспыльчивости, вообще личный характеръ, и не приводитъ въ систему его стремленій и воззрѣній. „Сопоставивши вкратцѣ впечатлѣнія, которыя производятъ на насъ его жизнь и сочиненія, — говоритъ Бланъ, — мы должны сказать: онъ былъ вполне благомыслящій, справедливый и любезный человекъ, но съ большой слабостью въ характерѣ, такъ что его жизнь нерѣдко стояла въ противорѣчій съ прекрасными чувствами и принципами, которые онъ повсюду выражаетъ“⁴⁾. Съ этой точки зрѣнія объясняетъ Бланъ противорѣчія въ поведеніи Петрарки, а его

¹⁾ Ferrazzi I, с. р. 566.

²⁾ Напр., споръ о Лаурѣ р. 228 и слѣд.

³⁾ Напр., причины его путешествій (р. 212), усиленныхъ занятій въ уединеніи (р. 214) и пр.

⁴⁾ Ibid. р. 249.

увлечение древностью остается безо всякаго объясненія, какъ простая индивидуальная склонность. Бланъ освободился отъ недостатковъ біографовъ предшествующаго періода, но еще не усвоилъ себѣ научнаго взгляда на личность и дѣятельность перваго гуманиста ¹⁾).

Біографія Блана заканчиваетъ біографическую литературу о Петраркѣ за этотъ періодъ ²⁾); но въ концѣ пятидесятихъ годовъ появился въ общемъ сочиненіи по Ренессансу біографическій очеркъ перваго гуманиста, который впервые установилъ новую точку зрѣнія на его историческую роль. Этотъ очеркъ принадлежитъ *Георгу Фогту*. Но новый взглядъ на Петрарку былъ подготовленъ не только общими его біографіями, а также специальными монографіями и общими сочиненіями, въ которыхъ разсматривалась та или другая сторона дѣятельности перваго гуманиста.

Монографическая литература этого періода очень возросла въ количествѣ и значительно измѣнилась по содержанию. Вопросъ о Лаурѣ и объ отношеніи къ ней Петрарки утратилъ прежній интерес ³⁾); зато гораздо многочисленнѣе становятся монографіи, изслѣдующія отдѣльные факты изъ біографіи Петрарки ⁴⁾). Въ это же время появляются, какъ мы видѣли, изданія неизвѣстныхъ прежде истори-

¹⁾ Книга *Leoni, Vita del Petrarca. Padova 1843* мнѣ осталась неизвѣстной. Очерки: *Bozzoli, Petrarca, Ferrara 1845* и *Planche, Pétrarque. Вѣ Revue des deux mondes XVIII, p. 997. 1847. 15 juin*) совершенно незначительны, при чемъ послѣдній имѣетъ въ виду исключительно итальянскую поэзію Петрарки. Къ сороковымъ годамъ еще относятся: *Cittadella Andr., Arquà. Padova 1842* и *Tommaseo, Arquà. Padova 1846*.

²⁾ Въ пятидесятихъ годахъ біографіи Петрарки посвящены: *Agrati, Petrarca. Milano 1854*; незначительная брошюра. *Ugolini, Brevi, cenni sulla vita di Fr. Petrarca, Firenze 1857* и три журнальныя статьи: *Viennet, Pétrarque et son siècle* (Вѣ Revue cont. Avril et Mai 1852). *Henschel, Francesco Petrarca* въ *Allgem. Monatschrift für Wissenschaft und Litteratur 1853 fasc. VII*. и *Drestel, Fr. Petrarca. Ein Lebensbild* въ *Deutsches Museum 1858 №№ 31 и 32*.

³⁾ Всѣхъ монографій три, и двѣ изъ нихъ на французскомъ языкѣ. *Costaing de Pussignan, La Muse de Pétrarque ou Laure de Beaux, sa solitude et son tombe dans les vallons de Galas. Paris 1819*, *D'Olivier-Vitalis, L'illustre chatelaine des environs de Vaucluse, la Laure de Pétrarque. Dissertation et examen critique des diverses opinions. Paris 1842* и *Levati, Laura* въ *Biografia delle donne illustri. Milano 1228*.

⁴⁾ Самая обширная изъ нихъ принадлежитъ *Levati (Viaggi di Francesco Petrarca in Francia, in Germania, in Italia descritti. 5 vol. Milano 1820)*. Мнѣ осталось неизвѣстнымъ это изслѣдованіе; Blanc называетъ его mehr rhetorische, als historische Darstellung, doch mit sehr heiziger Berücksichtigung der Chronologie (I. c. p. 207). Сюда же относятся: *Affò, Sulla dimora*

рических трудов Петrarки и упомянутая монографія о нихъ Рос-сетти. Какъ характерный признакъ времени, весьма важно появленіе такихъ монографій, которыя изслѣдуютъ Петrarку какъ писателя, при чемъ, на-ряду съ его поэтическимъ творчествомъ ¹⁾, подвергаются изслѣдованію и его гуманистическія заслуги ²⁾. Наконецъ, появляются спеціальныя работы по выясненію религіозныхъ воззрѣній Петrarки ³⁾ и трактатъ *Маджоло* о его философіи. Небольшое сочиненіе ⁴⁾ Маджоло не даетъ систематическаго изложенія всего міросозерцанія Петrarки; его содержаніе заключается главнымъ образомъ въ подробномъ изложеніи трактата *De vera sapientia* и въ нѣсколькихъ замѣчаніяхъ относительно другихъ философскихъ сочиненій перваго гуманиста. Но заслугу автора составляетъ, во-первыхъ, вѣрное опредѣленіе общаго характера философіи Петrarки. Маджоло неопровержимо доказалъ, что Петrarка не принадлежалъ ни къ одной философской школѣ древности, что онъ былъ „эклектикъ во всемъ томъ, что не дано человѣку откровеніемъ“, что, наконецъ, онъ былъ исключительно моральный философъ, искренно и безъ разсужденія

del Petrarca in Parma (въ предисловіи ко второму тому *Memorie degli scrittori e letterati Parmigiani*); *Belani, Del vero sito della villa del Petrarca presso Milano* (въ *Rivista Europea Nov. et Dec. 1845*); *Milvica, Lettre sur Avignon. Bologne 1824*; *Meneghelli, Del canonicato di mess. Fr. Petrarca. Padova 1818*; *Ala Stefanucci, La morte di Fr. Petrarca. Roma 1839*.

¹⁾ *Gidel, Pétrarque et les troubadours. Thèse présentée à Faculté des Lettres à Paris. Angers. 1857.*

²⁾ *Van Walree, Over den invloed van Petrarca op de klassieke Letterkunde. 1826* и *Van Goudoever, Oratio de Francisco Petrarca, litterarum humanarum saeculo XIIY instauratore praecipuo. Въ Annal. Acad. Rheno-Trajectanae 1827—28.* Обѣ работы мнѣ извѣстны только по указанію *Ferrazzi*, p. 829.

³⁾ *Rossetti, Dello spirito antipapale che produsse la Riforma, sulla segreta influenza, ch'esercito sulla letteratura di Europa, e specialmente d'Italia, come risulta da molti suoi classici, mussime da Dante, Petrarca e Boccaccio. Londra 1832.* *Parolari, Della religiosità di Fr. Petrarca. Bassano. 1847.* *Schlegel W. Dante, Pétrarque et Boccace justifiés de l'érésie. Leipzig 1846.* Къ сожалѣнію, всѣ эти произведенія извѣстны мнѣ только изъ того же источника.

⁴⁾ *Maggiolo. Essai sur la philosophie morale de Pétrarque. Thèse présentée à la Faculté des Lettres de Strasbourg. St.-Nicolas. 1843.* *Ferrazzi* вмѣсто этого сочиненія, которое осталось ему неизвѣстнымъ, цитируетъ другое того же автора: *Essai sur la philosophie morale de Pétrarque, et particulièrement sur son traité intitulé De Contemptu Mundi.* Въ *Mémoires de l'Acad. de Stanislas. Nancy 1863.*

вѣровавшій въ догматы католической церкви ¹⁾). Существенный пробѣлъ этой общей характеристики заключается въ томъ, что она игнорируетъ индивидуалистичекую основу философіи Петрарки, изъ которой вытекаютъ всѣ ея свойства. Другую заслугу Маджоло составляетъ вѣрный, хотя и блѣдный абрисъ историческаго значенія перваго гуманиста. Маджоло рѣзко возстаетъ противъ прежняго къ нему отношенія. „Этотъ могучій умъ долгое время оставался непризнаннымъ, — говоритъ онъ. — Окруженный славою, которую снискала ему репутація гармоничныхъ пѣсень, Петрарка только поэтотъ переходилъ изъ эпохи въ эпоху. Но пришло время, когда можно встряхнуть пыль, затемнявшую часть его славы ²⁾“. Маджоло вѣрно подмѣчаетъ въ Петраркѣ новаго человѣка и этимъ объясняетъ доступность его страданій нашему сочувствію ³⁾; ближайшая причина этихъ страданій указана также совершенно вѣрно. „Древность, несмотря на свои превосходныя моральныя доктрины, безсильна вполнѣ удовлетворить его душу, говоритъ Маджоло, она оставляетъ пустоту въ его сердцѣ, потому что онъ съ полною вѣрою христіанина отвергаетъ большую часть рѣшеній, которыя она даетъ вопросу о назначеніи человѣка. Что же дѣлать, чтобы успокоить возбужденный умъ, обезпокоенный въ виду столькихъ системъ, суетность которыхъ онъ призналъ? Страдать, углубиться въ себя и въ особенности погрузить въ надежды на лучшій міръ свою бѣдную душу, преисполненную горечью здѣшней жизни. Среди нашихъ сомнѣній, среди неопредѣленности и тревогъ насъ поддерживаетъ глубокая вѣра въ будущее, мы утѣшаемся въ настоящихъ бѣдствіяхъ счастливою надеждой, что настоящія усилія принесутъ пользу человечеству и приготовятъ ему болѣе свѣтлые дни. Но въ XIV вѣкѣ, когда мнѣніе о непрерывномъ упадкѣ, какъ казалось, лучше всего соотвѣтствовало опыту, кто осмѣлился бы обращать взоры къ будущему? Тогда можно и должно было взирать только на небо и все назначеніе человѣка заканчивалось адомъ, чистилищемъ и раемъ“ ⁴⁾. Таково было въ дѣйствительности настроеніе Петрарки; но Маджоло не даетъ ключа къ его объясненію ⁵⁾.

1) Essai p. 99—108.

2) Ibid. p. 2.

3) Ibid. p. 4—5.

4) Ibid. p. 6—7.

5) Появленіе книги Маджоло не помѣшало Dandolo утверждать, что Петрарка былъ убѣжденный платоніецъ и что онъ былъ виновникомъ общаго увлеченія этимъ философомъ во второй половинѣ XV вѣка. I Secoli di Dante e Colombo I p. 90 и слѣд.).

Общія сочиненія этого времени по гуманистической эпохѣ представляютъ нѣкоторый интересъ вслѣдствіе проявленія въ нихъ новаго взгляда на Петрарку. Съ этой точки зрѣнія особенно характерны обзоры исторіи литературы. Повидимому, въ этой области прежняя оцѣнка Петрарки должна была бы сохраняться дольше, чѣмъ гдѣ-либо. Между тѣмъ уже *Бутервекъ*, книга котораго вышла въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, утверждаетъ, что итальянская поэзія „только малая часть заслуги Петрарки“, потому что „науки въ цѣломъ немногимъ людямъ столько обязаны, сколько Петраркѣ, котораго обыкновенно знаютъ только, какъ поэта“¹⁾. У *Жененэ* мы не находимъ такого опредѣленнаго приговора; но и онъ обращаетъ особое вниманіе на ученія заслуги Петрарки и посвящаетъ отдѣльную главу его латинскимъ сочиненіямъ²⁾. Зато *Сисмонди* рѣшительно заявляетъ, что истиннымъ источникомъ его славы должны быть его латинскія произведенія, какъ и смотрѣлъ на нихъ онъ самъ и его современники, и что „его лирическія стихотворенія гораздо менѣе важны, чѣмъ духъ учености, которымъ запечатлѣлъ онъ свое столѣтіе“³⁾. Съ этимъ взглядомъ согласенъ и *Рутъ*, несмотря на крайне своеобразное и чрезвычайно враждебное отношеніе къ Петраркѣ. Отличительной чертой характера перваго гуманиста Рутъ считаетъ неискренность и притворство. „Онъ обладалъ въ высокой степени искусствомъ притвориться (*Schein zu machen*), говоритъ Рутъ, и еще болѣе труднымъ искусствомъ одновременно жить въ добромъ согласіи съ самыми противоположными и самыми враждебными партіями. Такимъ образомъ онъ извлекалъ для себя выгоду изъ всякаго несчастія своей родины“. Его письма „льстивая и пресмыкающаяся софистика“ ради эгоистическихъ цѣлей; его патріотическія сочиненія „игра въ политику“; его прославленіе величія древняго Рима — простая декламация и лесть римскому населенію. Даже его лирика, воспѣвающая безотвѣтное чувство, сплошное лицемѣріе, потому что при Авиньонской куріи немислима „двадцатилѣтняя духовная любовь“ и „Петрарка былъ не такой человѣкъ, чтобы дѣлать что-нибудь безъ награды“. Это притворство было источникомъ и причиною его славы, потому что каждый видѣлъ въ немъ своего чело-

¹⁾ *Bouterweck, Geschichte der Poesie und Beredsamkeit. I. Göttingen, 1801, p. 155.* Его біографическій очеркъ Петрарки, составленный по Де-Саду, не представляетъ интереса.

²⁾ *Ginguené II p. 431 и слѣд., 443 и слѣд.* Обширный біографическій очеркъ Петрарки составленъ имъ по Де-Саду, Тирабоски и Бальделли.

³⁾ *Sismondi, De la littérature du Midi de l'Europe I, p. 402 и 447.*

вѣка и смотрѣлъ на него его собственными глазами ¹⁾. Написанный съ этой точки зрѣнія біографическій очеркъ представляетъ собою настоящій памфлетъ; тѣмъ не менѣе Рутъ вполне признаетъ гуманистическія заслуги Петрарки, только считаетъ ихъ выясненія внѣ своей задачи ²⁾.

Въ обзорахъ итальянской исторіи этой эпохи мы не находимъ пока попытокъ выяснитъ характеръ и значеніе политической дѣятельности Петрарки. Историки, какъ Сисмонди и Папенкордтъ, ограничиваются изложеніемъ его фактическихъ отношеній къ куріи и къ Кола-ди-Риенцо ³⁾ и только Канту даетъ его біографическій очеркъ и мало поучительную, чисто внѣшнюю параллель между нимъ и Данте ⁴⁾.

Гораздо болѣе важное значеніе для біографической литературы о Петраркѣ имѣютъ посвященные ему очерки въ общихъ обзорахъ исторіи Ренессанса, которые впервые появляются въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Сами по себѣ эти очерки не имѣютъ цѣны и изобилуютъ ошибками; но огромную важность представляетъ проявляющаяся въ нихъ точка зрѣнія. Такъ, первый историкъ гуманизма, *Бетинелли*, даетъ въ своей книгѣ крайне поверхностную біографію Петрарки, объявляетъ его великимъ астрономомъ и физикомъ, считаетъ основателемъ въ Италіи Платоновой философіи и т. п., но онъ высказываетъ мысль, что его изученіе Цицерона принесло обильные плоды въ послѣдующія столѣтія ⁵⁾. Преемникъ Бетинелли, *Эрхардъ* не дѣлаетъ ошибокъ; но его очеркъ біографіи Петрарки совершенно незначителенъ ⁶⁾ и представляетъ историческій интересъ только по-

¹⁾ Ruth. I. c. I p. 529, 560, 568.

²⁾ Petrarca's grösstes Verdienst, das um die Wiederbelebung der alten Litteratur, gehört nicht in unsern Plan; wir würden uns sonst gerne weitläufig auslassen, schon um den Verdacht eines vorgefassten Urtheils zu entfernen. Ibid. 569.

³⁾ Sismondi, Histoire des Républiques italiennes. IV. passim; Papencordt, I. c. p. 399 и passim.

⁴⁾ Cantu, Storia degli italiani II, p. 788 и слѣд. Только *Флеру*, видя въ сочувствіи Петрарки къ Кола-ди-Риенцо проявленіе его крайняго легкомыслія, пытается на основаніи этого подорвать цѣну его нападокъ на курію (*Fleury*, *Histoire ecclesiastique*. T. VI. Paris 1840, p. 220.

⁵⁾ Saverio Betinelli, *Risorgimento d'Italia negli studi, nelle arti e nei costumi dopo il mille*. Milano 1819 — 20 p. 16 и слѣд. и p. 64. Его раннее сочиненіе *Delle lodi del Petrarca*. Bassano 1786 мнѣ извѣстно только по заглавію.

⁶⁾ Erhard, *Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftlicher Bildung, vornehmlich in Deutschland bis zum Anfange der Reformation*. I. Band. Magdeburg. 1827. p. 204 и слѣд.

тому, что авторъ даетъ недурную характеристику философіи перваго гуманиста и выдвигаетъ на первый планъ его прозаическія сочиненія ¹⁾. Шарпантье посвящаетъ Петраркѣ три главы своей „Исторіи Возрожденія“ и не только даетъ очеркъ его фактической біографіи, но и пытается объяснить его стремленія ²⁾. Въ цѣломъ и общемъ объ задачи выполнены неудовлетворительно: очеркъ страдаетъ крайнею поверхностностью, объясненія фантастичностью. Такъ, увлеченіе Петрарки древностью представляется автору какой-то „высшей дивинаціей“ ³⁾, въ его работахъ историко-географическаго содержанія онъ видитъ сознательный планъ возстановленія древняго міра и т. п. ⁴⁾ Кроме того, вся характеристика проникнута панегирическимъ духомъ ⁵⁾. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Шарпантье удается вѣрно характеризовать какое-нибудь стремленіе Петрарки, онъ не умѣетъ опредѣлить его относительной силы. Такъ, онъ вѣрно, хотя слишкомъ обще, формулируетъ политическіе идеалы Петрарки, но ставитъ ихъ на одну линію со всею его гуманистической дѣятельностью ⁶⁾. Тѣмъ не менѣе и для Шарпантье Петрарка прежде всего гуманистъ и особенно назидательными онъ считаетъ его моральные трактаты ⁷⁾.

Несмотря на всѣ недостатки біографій Петрарки въ связанныхъ изложеніяхъ исторіи Возрожденія, на этой почвѣ впервые выросла его первая научная характеристика. Только въ связи съ общимъ характеромъ гуманистическаго движенія можно понять его личность и найти ключъ къ правильному истолкованію его сочиненій. Эта заслуга почти всецѣло принадлежитъ Фогту, несмотря на всѣ пробѣлы его труда.

Въ 1859 году появилось общее сочиненіе о Ренессансѣ *Георга Фогта*, посвятившаго значительную часть своей книги характеристикѣ Петрарки ⁸⁾. Несмотря на то, что въ это время весьма важная часть сочиненій перваго гуманиста еще не была издана, что еще не появился драгоценный сборникъ Фракассетти и что авторъ не могъ

¹⁾ Ibid. p. 212 п слѣд.

²⁾ Charpentier, *Histoire de la Renaissance des lettres en Europe au quinzième siècle*. I. Paris 1843. p. 95 п слѣд.

³⁾ Ibid. p. 111.

⁴⁾ Ibid. p. 115—116.

⁵⁾ Ibid. p. 140.

⁶⁾ Ibid. p. 120 и 138.

⁷⁾ Ibid. p. 129.

⁸⁾ *Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus*. Von Dr. Georg Voigt, Prof. honor an der Universität zu München. Berlin 1859.

воспользоваться книгой Бальделли, его взглядъ на Петрарку составилъ эпоху въ историографіи начального гуманизма. Для правильнаго пониманія значенія Петрарки Фогтъ считаетъ необходимымъ „освободиться отъ обычнаго считающагося въ Италіи и во Франціи почти каноническимъ, взгляда на него и снова приблизиться къ тому мнѣнію, которое было общимъ среди его современниковъ ¹⁾“. Какъ поэта, онъ ставитъ его не особенно высоко: онъ не новаторъ въ этой сферѣ, которая, кромѣ того, имѣетъ мѣстный характеръ и сама по себѣ не имѣетъ особаго значенія ²⁾. Тѣмъ не менѣе онъ называетъ Петрарку „звѣздой первой величины“ въ „литературной исторіи не только Италіи, но и всего цивилизованнаго міра и не только въ литературной исторіи, но и вообще въ исторіи человѣческаго духа (Geistesgeschichte der Menschheit)“, при чемъ его значеніе нисколько не уменьшилось бы, „если бы онъ не сочинилъ ни одного стиха на языкѣ Si“ ³⁾. Это значеніе заключается въ томъ, что Петрарка „открылъ новый міръ гуманизма“, указалъ новые пути и сдѣлалъ первые твердые шаги по всѣмъ направленіямъ Ренессанса. Въ этомъ смыслѣ Петрарка былъ геній, и его геніальность сдѣлалась могущественнымъ факторомъ гуманистическаго движенія ⁴⁾. Сообразно съ такимъ пониманіемъ значенія Петрарки, Фогтъ ставитъ своей главной задачей „изложить тѣ моменты изъ его жизни и стремленій, которыми онъ задалъ тонъ слѣдующимъ за нимъ ученикамъ и школамъ гуманизма“ ⁵⁾.

Эта задача мастерски выполнена авторомъ. Онъ дѣйствительно отмѣтилъ *все* исторически-важные моменты въ жизни и стремленіяхъ

¹⁾ Ibid. p. 12.

²⁾ Wenngleich Schöpfungen von sirenenhaftem Zauber, zeigen sie (Rime) ihn doch nur als den Meister einer melodischen Sprache, die er ausgebildet vorfand, als gewandten jener Welt von Liebesvorstellungen, die unter einem andern Himmel entstanden war und dort ihre Blüthe bereits ausgehaucht hatte (Въ новомъ изданіи — Berlin 1880 — это мнѣніе нѣсколько смягчено: вмѣсто послѣдняго предложенія, читается der er durch den sentimentalen Hauch seiner Lieder ganz neuen Reiz zu geben wusste (p. 22) и выпущенъ слѣдующій періодъ: Und dieses Gebiet, dessen Beschränktheit an sich einleuchtet, beutete er so unersättlich aus, dass er den unzähligen Nachfolgern zwar die Wege plattgetreten, aber die Früchte vorweggenommen hatte (p. 12).

³⁾ In der Sprache von Si (въ нов. изд. Tusciens). Ibid. p. 13 и 14.

⁴⁾ Фогтъ такъ озаглавилъ первую книгу своего сочиненія: *Francesco Petrarca, die Genialität und ihre zündende Kraft*.

⁵⁾ Ibid. p. 14.

Петрарки и въ большинствѣ случаевъ вѣрно ихъ *описалъ*. Такъ, Фогтъ впервые и совершенно вѣрно показалъ, что Петрарка смотрѣлъ на поэзію въ сущности съ средневѣковой точки зрѣнія, считая ея характернымъ признакомъ аллегорію и ея цѣлью мораль¹⁾. Защищая его отъ обвиненія въ плохой латыни и болтливости, Фогтъ доказываетъ, что онъ былъ чуждъ слѣпой подражательности, стремился передать свои впечатлѣнія съ живостью ребенка, только научившагося говорить, и требовалъ, чтобы стиль писателя носилъ такія же черты индивидуальности, какъ его лицо, походка и голосъ²⁾. Констатировавъ далѣе фактъ несомнѣннаго увлеченія Петрарки древностью, Фогтъ вѣрно замѣчаетъ, что его заслуга для изученія античнаго міра заключается не въ открытіи новыхъ памятниковъ, а въ распространеніи ихъ и въ возбужденіи интереса къ ихъ изученію. Съ этой точки зрѣнія имѣетъ важное значеніе и его бібліотека, и его попытки научиться греческому языку, и археологическій интересъ къ Риму. Въ связи съ увлеченіемъ древностью пытается Фогтъ объяснить отношеніе Петрарки къ Кола-ди-Риенцо и вообще его политическія воззрѣнія и затѣмъ переходитъ къ его чисто-гуманистической дѣятельности въ борьбѣ со схоластикой. Этотъ послѣдній вопросъ одна изъ самыхъ лучшихъ частей всей біографіи. Фогтъ вполне убѣдительно доказываетъ, что Петрарка сводилъ всю философію къ морали и въ нравственномъ воспитаніи человѣка видѣлъ единственную задачу всѣхъ наукъ. Съ этой точки зрѣнія съ большимъ искусствомъ онъ собираетъ главнѣйшіе аргументы Петрарки противъ всѣхъ областей средневѣковаго знанія, такъ что въ цѣломъ получается очень рельефный эскизъ первой гуманистической полемики.

Изложивши дѣятельность Петрарки, Фогтъ даетъ характеристику его личности. Сначала онъ изображаетъ тѣ стороны его характера, которыми опредѣлялась его общественная дѣятельность (*Petrarca als Weltweiser*), потомъ тѣ, которыми обуславливалась его индивидуальная жизнь (*Petrarca als Individualmensch*). Первая часть оставляетъ желать весьма многого, но вторая—настоящій *chef d'oeuvre* всей книги. Съ неподражаемымъ мастерствомъ изображаетъ Фогтъ, какъ изъ развалинъ средневѣковыхъ сословныхъ перегородокъ вышелъ первый микрокосмъ, первая личность, которая „осмѣлилась возвысить свое я до отраженія вселенной (*zum Spiegel der Welt*)“. „Мы не колеблемся,—говоритъ авторъ,—назвать Петрарку въ этомъ

¹⁾ Ibid. p. 17.

²⁾ Ibid. p. 19—22. Объ индивидуальности стиля только въ новомъ изданіи I p. 35.

смыслъ пророкомъ новаго времени, родоначальникомъ новаго міра“. Фогтъ намекаетъ на значеніе индивидуализма и въ личной жизни Петрарки, и въ его вліяніи на современниковъ, и въ цѣломъ движеніи. „Петрарка ищетъ въ книгахъ Цицерона и Августина, — говоритъ онъ, — только такихъ чувствъ, которыя похожи на его собственныя: въ книгахъ онъ ищетъ чловѣка“. Это исканіе чловѣка и „было, по его мнѣнію, тѣмъ самымъ глубокимъ и самымъ могучимъ очарованіемъ, которое приковывало уваженіе современниковъ къ этому чловѣку, какъ таинственному пророку“. Въ почестяхъ Петрарки проявилась, слѣдовательно, та тенденція, которая и легла въ основаніе всего движенія; ея выясненіе и составляетъ, по мнѣнію Фогта, главную заслугу перваго гуманиста. „Петрарка много сдѣлалъ для классическихъ наукъ, — говоритъ онъ, — онъ далъ могущественный толчокъ къ ниспроверженію схоластики, но величайшимъ, труднѣйшимъ и важнѣйшимъ (*verdienstlichste*) результатомъ его дѣятельности была его собственная индивидуальность (*sein Selbst*)“¹). Къ крайнему сожалѣнію, эти мысли брошены вскользь, не оцѣнены для исторіи движенія ни самимъ Фогтомъ, ни другими изслѣдователями. Фогтъ даетъ превосходную иллюстрацію индивидуализма Петрарки въ изложеніи знаменитаго восхожденія на Мон-Венту, принимаетъ его въ расчетъ при выясненіи его *acedia* и при разборѣ автобіографіи, но почти совершенно игнорируетъ въ остальныхъ частяхъ книги. — Біографія заканчивается рельефной, хотя и не полной²), картиной почестей, которыя со всѣхъ сторонъ сыпались на Петрарку.

Недостаточная оцѣнка индивидуалистическихъ стремленій въ жизни Петрарки и составляетъ главный недостатокъ біографіи Фогта. Его основная мысль заключается въ томъ, что вся дѣятельность Петрарки и весь его внутренній міръ созданы крайнимъ увлеченіемъ древней литературой. Отсюда проистекаетъ цѣлый рядъ преувеличеній, натяжекъ и даже противорѣчій. Прежде всего, самая причина увлеченія античной литературой является у Фогта случайной. Игнорируя свое собственное мнѣніе, что Петрарка искалъ въ книгахъ своихъ чувствъ, онъ думаетъ, что поэтъ увлекла „красота ритмическихъ формъ и мелодическое богатство классической латыни“ и потомъ уже это увлеченіе перешло и на содержаніе³). Далѣе, самое

¹) Ibid. p. 81—82.

²) Онъ опускаетъ отношенія къ Петраркѣ Роберта Неаполитанскаго, папъ и Карла IV.

³) Ibid. p. 22.

увлечение древностью въ значительной степени преувеличено. Въ противоположность съ приведенной выше цитатой, Фогтъ утверждаетъ, что вычитанное Петrarкою у древнихъ имѣло для него такую же, если не высшую цѣну, какъ и создание собственнаго духа ¹⁾. Для характеристики этого увлеченія Фогтъ приводитъ его страстные поиски рукописей, любовь къ книгамъ, археологическіе интересы въ Римѣ, желаніе изучить греческій языкъ и восторженные отзывы о древнихъ писателяхъ. Все это факты, не подлежащіе сомнѣнію; но есть и другіе, показывающіе, что Петrarка любилъ древность не до слѣпого увлеченія. Кромѣ индивидуализма, позволявшаго почерпать изъ античной литературы только то, что соответствовало соб-

¹⁾ На стр. 81 онъ говоритъ: Er spürt in Cicero's und Augustinus' Büchern solchen. Empfindungen nach, die denen des eigenen Busens gleichen; er sucht in den Büchern den Menschen. На стр. 22: Was er von den Alten gelernt, war ihm mindestens von gleichem Werthe mit dem, was sein Geist selbstständig schaffen mochte, ja er würde den ihm eigentümlichen Gedanken gern dem classischen unterordnen. Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія Фогте приводитъ слѣдующую цитату изъ „дружеской переписки“ Петrarки: Testatus sum tamen, me nihil novum, nihil meum dicere, immo vero nihil alienum; omnia enim, *undecunque* didicimus, nostra sunt, nisi forsitan abstulerit ea nobis oblivio. Epist. fam. VI, 2. Въ новомъ изданіи (р. 37) къ этому прибавлено: ähnlich XXII, 2. Но первая изъ цитатъ, сама по себѣ взятая, какъ разъ подтверждаетъ первое мнѣніе. По связи же мѣста она имѣетъ самый общій смыслъ. Петrarка въ этомъ письмѣ напоминаетъ Колоннѣ: flagitasti, ut dicerem explicite, unde putarem liberales et unde mechanicas initium habuisse: quod carptim ex me audieras. Эти-то свѣдѣнія Петrarка и называетъ своимъ собственнымъ достояніемъ и далѣе объясняетъ *undecunque*: Quaeris nunc, ut, quod illo die dixi, repetam ac litteris mandem... Parebo tamen, ut potero. *Possem te ad antiquos et ad modernos mittere, a quibus, quod poscis, accipies.* Кстати замѣтить, что письмо, которое Фогтъ приводитъ въ доказательство крайняго увлеченія Петrarки древностью, озаглавлено имъ такъ: *Scientiam quae catholicae fidei adversetur, in odio habendam esse nec scientiae nomen mereri.* Что касается до XXII, 2, то это весьма важное письмо обнаруживаетъ даже чисто индивидуалистическія побужденія, которыя заставляли Петrarку критически относиться къ древнимъ: Sum, quem priorum semitam, sed non semper aliena vestigia sequi iuvat. Sum qui aliarum scriptis non furtim, sed precario uti velim in tempore, sed dum liceat, meis malim. Sum quem similitudo delectet, non identitas, et similitudo ipsa quoque non nimia, in qua sequacis lux ingenii emineat, non coecitas, non paupertas. Sum qui satius rear duce caruisse, quam cogi per omnia ducem sequi. Nolo ducem, qui me vinciat, sed praecedat etc. Осторожность Петrarки доходила до того, что онъ не хотѣлъ подражать древнимъ даже въ стилѣ. Multo malim meus mihi stilus sit, incultus licet atque horridus.. quam alienus cultior ambitio ornatu etc. Fracassetti III p. 125 и 124.

ственнымъ вкусамъ и стремленіямъ ¹⁾, этому препятствовала еще религиозно-этическая точка зрѣнія, съ которой относился Петрарка къ древности. Въ старыхъ изданіяхъ его сочиненій отдѣльно печатались его *Epistolae ad veteres* ²⁾, въ которыхъ древнимъ писателямъ предъявлялись иногда очень рѣзкія обвиненія. Самъ Цицеронъ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія ³⁾.

Изъ увлеченія древностью объясняетъ Фогтъ и ту черту характера Петрарки, которую онъ считаетъ основной, именно — славолюбіе ⁴⁾. Славолюбіе, переходящее въ крайнюю суетность, по мнѣнію Фогта, составляетъ ключъ къ пониманію всего поведенія перваго гуманиста, потому что оно проникало все его существо—это была „суетность безграничная, неизгладимая, какъ бы сросшаяся со всѣми фибрами (mit allen Fasern) его духа“ ⁵⁾. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Петрарка любилъ славу и стремился къ ней, но такое преувеличеніе этой стороны его характера повлекло за собою неправильную оцѣнку другихъ его стремленій и положило невѣрную окраску, на его личность. Такъ, это сказалось въ изображеніи отношенія Петрарки къ церкви. Фогтъ не отрицаетъ какъ-будто его благочестія, отмѣчаетъ его духовное родство съ бл. Августиномъ ⁶⁾, но въ его нападкахъ на церковь не признаетъ искренности. Нападки Петрарки на пороки духовенства Фогтъ объясняетъ тѣмъ, что тогда требовалъ этого духъ времени и что онъ чувствовалъ потребность выступить пѣвцомъ, проповѣдникомъ (*vates*) въ духѣ „ветхозавѣтныхъ пророковъ“; но въ этихъ проповѣдяхъ онъ остается „фразеромъ (*Redekünstler*), строгимъ цензоромъ, который старается по должности, а не ради дѣла“. Въ доказательство Фогтъ ссылается на его сожигательницу и побочныхъ дѣтей, на то, что онъ „напоказъ

¹⁾ См. предшествующее примѣчаніе.

²⁾ Фракассетти отнесъ ихъ въ послѣднюю книгу *familiars*.

³⁾ См., напр., *De republica optime administranda*. Op. p. 372.

⁴⁾ И въ этомъ случаѣ Фогтъ впадаетъ въ противорѣчіе, на стр. 73 говорится: *dieser verzehrenden Krankheit, die wir immerhin als eine Infection des Hirdenthums betrachten dürfen etc.* На стр. 81, говоря объ индивидуализмѣ Петрарки, онъ замѣчаетъ: *selbst seine ungemessene Ruhmsucht und seine kleinlichen Eitelkeiten gehören dazu.*

⁵⁾ *Ibid.* p. 71. Cp. 73, 74, 81, 83—84.

⁶⁾ Въ первомъ изданіи встрѣчается даже такое выраженіе *in ihr (seiner Stellung zur Kirche, zur Theologie und zum Glauben) liegt der Angelpunkt seines Geisteslebens, sie führt uns am Tiefsten in das Verständniz seiner Persönlichkeit* (p. 49). Эта точка зрѣнія однако настолько противорѣчитъ изложенію, что въ новомъ изданіи приведенная фраза выпущена.

выставлялъ свои посты и молитвы“, что онъ не могъ отказаться отъ языческихъ философовъ. Кроме того, теологію онъ отрицалъ, „потому что она была чужда древней мудрости“, а монашество, „потому что оно противорѣчило римской философіи“¹⁾. Фогтъ и не пытается примирить эту точку зрѣнія съ благочестіемъ Петрарки, съ его внутренней близостью съ бл. Августиномъ и приводит въ доказательство грѣхи юности, сдѣланные въ тотъ періодъ, когда Петрарка былъ просто веселымъ канонникомъ, какъ многіе изъ его тогдашнихъ сотоварищей. Правда, онъ отрицательно относился къ средневѣковому богословію, но скорѣе съ точки зрѣнія мистиковъ, чѣмъ языческихъ философовъ²⁾ и никогда не отвергалъ монашества, какъ это показываютъ его многочисленныя письма къ брату-монаху или трактатъ *De otio religioso*. Петрарка видѣлъ въ монашествѣ только тѣ его стороны, которыя гармонировали съ его собственнымъ стремленіемъ къ уединенію, и мало думалъ о глубокомъ противорѣчии аскетизма съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Также несправедлива ссылка и на любовь его къ языческой философіи.

Фогтъ не выясняетъ опредѣленно философскихъ воззрѣній Петрарки: онъ отмѣчаетъ только его враждебное отношеніе къ Аристотелю и благоговѣніе передъ Платономъ. Трактатъ *De ignorantia*, въ которомъ онъ рѣзко противопоставляетъ свое христіанское чувство языческой мудрости, онъ считаетъ продуктомъ задѣтаго самолюбія и выраженное тамъ благочестіе объясняетъ духомъ противорѣчія. „Гдѣ Петрарка усерднѣе всего высказывается христіаниномъ и защитникомъ христіанской вѣры, тамъ возбуждаетъ его по бѣльшей части антагонизмъ противъ аввероистовъ... Хотя мы допускаемъ, что онъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ съ почтеніемъ говорилъ о христіанскомъ ученіи, но лишь въ позднѣйшіе годы и со времени этого конфликта онъ любилъ противопоставлять себя старательно и опредѣленно языческимъ философамъ“³⁾. На самомъ дѣлѣ христіанское ученіе, нѣсколько прилаженное къ индивидуалистическимъ наклонностямъ, и нравственный уровень философовъ составляетъ критерій, который постоянно прилагаетъ Петрарка къ философскимъ шеоламъ. Гдѣ идетъ дѣло о метафизикѣ, онъ одинаково отрицаетъ и схоластиковъ, и древнихъ, потому что эти вопросы вполнѣ разрѣшены въ свящ. Писаніи⁴⁾. Съ нравственной точки зрѣнія онъ осуждаетъ

¹⁾ Ibid. p. 49, 50, 51, 52.

²⁾ См., напр., его трактатъ *De vera sapientia*.

³⁾ Voigt, p. 56 и 57.

⁴⁾ См., напр., *De remediis*. Op. p. 45.

всѣхъ древнихъ философовъ, включая сюда и Сенеку, и Платона, и Сократа ¹⁾). Если онъ предпочитаетъ Платона Аристотелю, то главнымъ образомъ потому, что перваго считали болѣе подходящимъ къ христіанству ²⁾).

Еще рѣзче проявляются результаты односторонности и преувеличеній въ оцѣнкѣ политическихъ стремленій Петрарки. Фогтъ полагаетъ въ основу ихъ суетное желаніе сказать вѣское слово и считаетъ ихъ содержаніе простымъ пересказомъ цитатъ изъ римскихъ писателей. По поводу писемъ Петрарки къ кардиналамъ, на которыхъ была возложена реформа городского управленія въ Римѣ, онъ говоритъ: „ничто лучше этого не обнаруживаетъ передъ нами высокомерія (Dünkel) Петрарки и въ то же время его неспособности отдѣлать реальный міръ отъ міра своихъ занятій“ ³⁾). Собственное изложеніе Фогта не оправдываетъ, да и не можетъ оправдать такого вывода. Можно привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ сочиненій Петрарки, которыя съ несомнѣнностью доказываютъ, что Петрарка хорошо понималъ глубокую разницу между блестящимъ прошлымъ и печальнымъ настоящимъ. Въ частности въ тѣхъ самыхъ письмахъ, въ которыхъ Фогтъ усмотрѣлъ полную политическую неспособность Петрарки, авторитетный историкъ Рима Грегоровіусъ видитъ проявленіе господствующей тогда тенденціи и считаетъ его совѣтъ не чуждымъ не только практичности, но и глубины ⁴⁾). Фогтъ заподозрѣваетъ даже искренность стремленій Петрарки, упрекаетъ его за то, что, приглашая папу въ Римъ, самъ онъ не переселяется въ священный городъ ⁵⁾). Какъ будто переселеніе туда Петрарки и возвращеніе папы достигали одинаковой цѣли! Самый патріотизмъ перваго гуманиста Фогтъ совершенно игнорируетъ въ первомъ изданіи своего сочиненія и рѣзко отрицаетъ во второмъ ⁶⁾). При такой точкѣ зрѣ-

¹⁾ Для Сенеки *Epist. ad veteres*. Op. p. 707; для Платона *De remediis*. Or. p. 63 и 64; для Сократа *Epist. de reb. famil.* X, 5.

²⁾ *Ep. famil.* XVII, 1. Фогтъ въ первомъ изданіи не объясняетъ причинъ предилекціи Петрарки къ Платону и только во второмъ мимоходомъ отмѣчаетъ истинное основаніе этой симпатіи. I p. 83 и 84. (Всѣ цитаты въ трехъ послѣднихъ примѣчаніяхъ взяты изъ сочиненій предшествовавшихъ трактату *De ignorantia*).

³⁾ Voigt, p. 35.

⁴⁾ Gregorovius, *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*. Band VI, 2. Aufl. Stuttgart 1871 p. 226—227.

⁵⁾ Voigt, p. 37.

⁶⁾ Irgend ein persönliches Opfer hat er weder Italien noch Rom dargebracht. Niemals hat er sein Ansehen bei den Höfen und bei den Republiken,

нія вся политическая дѣятельность Петрарки получила невѣрное, а по временамъ и несправедливое освѣщеніе. Такъ, при оцѣнкѣ его отношенія къ Кола-ди-Риенцо, Фогтъ не принимаетъ во вниманіе его глубокой вѣры во всемогущество отдѣльной личности въ устройствѣ общественныхъ порядковъ, и упрекъ за поддержку фантаста утрачиваетъ всякую силу въ виду всеобщаго вниманія къ предпріятію трибуна. Сношенія Петрарки съ Карломъ IV Фогтъ излагаетъ только въ новомъ изданіи своей книги и пытается извлечь изъ нихъ новое доказательство, что политическія „мечтанія были болѣе продуктомъ его пера, нежели его сердца“ ¹⁾. Главнымъ основаніемъ обвиненія служитъ письмо, въ которомъ Петрарка рассказываетъ о своемъ свиданіи съ императоромъ въ Мантуѣ ²⁾. Въ немъ онъ не передаетъ политическихъ бесѣдъ съ Карломъ IV; слѣдовательно, заключаетъ Фогтъ, ихъ и не было; слѣдовательно, Карлъ презиралъ философа уединенія, который жилъ въ шумномъ Миланѣ, а Петрарка забылъ о своихъ политическихъ мечтахъ ³⁾. Но выводы изъ умолчанія и сами по себѣ не убѣдительны, а кромѣ того извѣстно изъ другихъ источниковъ, что Петрарка въ это именно время принималъ непосредственное участіе въ переговорахъ Карла IV съ Висконти, о чемъ онъ тоже не упоминаетъ въ этомъ письмѣ.

Еще несправедливѣе отношеніе къ Петраркѣ Фогта тамъ, гдѣ онъ изображаетъ его „какъ республиканца и слугу князей“. Петрарка отрицалъ родовую аристократію, сообразно съ этимъ онъ гордый республиканецъ, гдѣ даетъ ходъ своимъ теоріямъ“ ⁴⁾. Но быть демократомъ еще не значитъ быть республиканцемъ, и Петрарка никогда и не проповѣдывалъ республиканскихъ теорій. Упрекая далѣе Петрарку за то, что онъ льстилъ Колоннамъ въ то время, когда въ качествѣ сторонника Кола громилъ римскую знать ⁵⁾, Фогтъ не

seine Gunst bei den Fürsten ernstlich dazu verwendet, sie für sein politischen Ideale zu erwärmen. Immer trachtete er als eitler Schöngeist nur nach dem eigenen Ruhm. I, p. 65. Но ради чего разошелся онъ съ Колоннами и съ Орсини? Ради чего, отказавшись отъ выгоднаго секретаріата при куріи и почетнаго мѣста во Флоренціи, онъ занялъ непопулярный постъ совѣтника ненавистнаго тирана? Что касается до его равнодушія къ своимъ политическимъ идеаламъ, то это голословное обвиненіе опровергается каждой строкой его писемъ политическаго содержанія.

¹⁾ Voigt, I, p. 69.

²⁾ Epist. famil, XIX, 3.

³⁾ Voigt, I, p. 68—69.

⁴⁾ Voigt, p. 60.

⁵⁾ Ibid. p. 61.

приводить цитаты въ доказательство этого положенія и не упоминаетъ, что изъ-за трибуна именно Петрарка навсегда порвалъ съ этой фамилией и порвалъ съ глубокой болью въ сердцѣ, какъ это показываетъ его эклога *Divortium*. Въ позднѣйшемъ письмѣ онъ прямо объясняетъ этотъ разрывъ любовью къ родинѣ, и мы не можемъ указать другого, болѣе правдоподобнаго объясненія. Что касается до службы князьямъ, то Фогтъ не отмѣчаетъ хронологіи и совершенно несправедливо утверждаетъ, будто бы она вовсе не имѣла политическаго характера¹⁾; вслѣдствіе этого связь Петрарки съ тиранами и въ особенности съ Висконти оказывается совсѣмъ непонятнымъ проявленіемъ какой-то личной испорченности.

Преувеличеніе вліянія на Петрарку древности и созданнаго этимъ вліяніемъ славолубія отразилось и на его личной характеристикѣ. Фогтъ не падить при ея изображеніи темныхъ красокъ и по временамъ налагаетъ ихъ слишкомъ густо. Такъ, въ аллегорическомъ характерѣ его латинской поэзіи онъ находитъ „привкусъ шарлатанства“ (*Beigeschmack der Charlatanerie*)²⁾ и слишкомъ подчеркиваетъ его погоню за доходными мѣстами и желаніе играть роль мудреца. Фогтъ противопоставляетъ стремленіе къ уединенію Петрарки съ его заботою о синекурахъ, какъ сознательное и непримиримое противорѣчіе (*Petrarca als Anachoret und Pfründensjäger*)³⁾, но въ дѣйствительности оба эти стремленія тѣсно связаны: для досуга и независимости была необходима экономическая обезпеченность, и Петрарка искалъ синекуръ, какъ всѣ другіе, и дѣлалъ это съ спокойной совѣстью. Эта погоня за доходами вовсе не имѣла, кромѣ того, такого алчнаго характера⁴⁾, какъ представляетъ Фогтъ: Петрарка не шель дальше комфорта и умѣлъ въ случаѣ надобности отказываться отъ синекуръ въ пользу друзей⁵⁾. Также

¹⁾ Ibid. p. 61. Сравни дополненіе въ новомъ изданіи I p. 99—102.

²⁾ Voigt, p. 19. Въ новомъ изданіи это мѣсто выпущено.

³⁾ Ibid. p. 62—64.

⁴⁾ Эта алчность особенно подчеркнута въ новомъ изданіи. Тамъ мы встрѣчаемъ между прочимъ такіа выраженія. *Petrarca unter den Pfründenschnappern, deren Treiben den Hof von Avignon so verrufen gemacht, einer der schlimmsten war (I, 108). Или: gewisz hat er sich zum Sophisten und Heuchler erniedrigen müssen, um den Widerspruch zwischen diesem Verhältnisz und seiner stoischen Hoheit vor der Welt zu rechtfertigen. (Ibid. 109). Самую борьбу съ пороками куріи Фогтъ пытается объяснить съ этой точки зрѣнія: Seine Verbitterung gegen Avignon und die Curie lässt auf manche miszlungene Bewerbung schlieszen (Ibid. p. 104).*

⁵⁾ См. Körting, *Petrarca's Leben und Werke*. Leipzig 1878, p. 200—201 и 406—406 и въ особенности цитаты на стр. 297 и 298.

преувеличеннымъ и еще болѣе произвольнымъ представляется утверждение Фогта, что Петрарка не довольствовался репутаціей знаменитаго писателя, что „онъ хотѣлъ, какъ мудрецъ (als Weltweiser), высоко царить надъ своей эпохой, возбуждая удивленіе и почтеніе, какъ солнце, о лучахъ котораго неизвѣстно, что они такое и откуда они приходятъ“. Вслѣдствіе этого тщеславнаго стремленія Фогтъ находитъ во всѣхъ идеяхъ Петрарки примѣсь „непреодолимой лжи на сердцѣ“¹⁾. Исключительно вліяніемъ древности и славолубія объясняетъ онъ и культъ дружбы. Въ дружбѣ Петрарки онъ не находитъ никакихъ слѣдовъ личнаго чувства: это созданный подъ вліяніемъ книги Цицерона „аппаратъ для возведенія философскаго трона, который долженъ быть окруженъ друзьями, какъ княжеской благородной свитой придворныхъ“²⁾. Гораздо проще и естественнѣе объясняется это чувство развившимся индивидуализмомъ; у Петрарки оно было тѣмъ интенсивнѣе, что онъ, обладая привязчивой натурой, зналъ только несчастную любовь. Достаточно перелистовать его переписку, чтобы среди дружеской реторики отыскать слѣды неподдѣльнаго чувства. Кромѣ того, въ тотъ самый кодексъ Вергилія, гдѣ онъ написалъ знаменитыя строки о Лаурѣ, потому что, — какъ онъ говоритъ, — манускриптъ „часто бываетъ у меня подъ глазами“, онъ вносилъ только для себя горестныя замѣтки о смерти своихъ друзей³⁾. Самая любовь представляется Фогту такой же искусственной, какъ и дружба, и Лаура, по его мнѣнію, такой же „статистъ любви, какъ Лелій, Симонидъ и друг. — дружбы“⁴⁾. Для такого мнѣнія нельзя, конечно, искать доказательствъ ни въ *Canzoniere*, ни въ трактатѣ *De contemptu mundi*, гдѣ мы находимъ настоящую лѣтопись сердца, хорошо знакомаго съ мукой неудовлетворенной любви.

Мы не въ правѣ, конечно, требовать въ общемъ сочиненіи *историческаго* изложенія біографіи Петрарки (да въ 1859 году оно было еще и невозможно по состоянію источниковъ⁵⁾); но отъ смѣшенія различныхъ періодовъ его жизни произошли многія неясно-

¹⁾ Voigt, p. 58 и 59.

²⁾ Ibid. p. 67.

³⁾ Подлинность этихъ замѣтокъ доказалъ еще Baldelli (*Del Petrarca*, p. 177 и сл.). Тамъ же напечатаны и замѣтки, p. 180—185.

⁴⁾ Въ первомъ изданіи Фогтъ совершенно игнорируетъ любовь Петрарки и только во второмъ посвящаетъ ей двѣ страницы I, p. 115—117.

⁵⁾ Въ первомъ изданіи Фогтъ сдѣлалъ попытку отмѣтить крупныя періоды въ біографіи Петрарки. Die erste wird durch eine Reihe von philo-

сти въ его характеристикѣ, какъ, напр., отношеніе къ князьямъ. Гораздо существеннѣе другой пробѣлъ. У Фогта превосходно изложено культъ Петрарки и популярность его сочиненій; но изъ самыхъ сочиненій разобрана одна автобіографія, а остальные только упоминаются ¹⁾. Можно думать, что хронологическое изложеніе латинскихъ трактатовъ въ связи съ перепиской сгладило бы излишнія рѣзкости въ блестящей характеристикѣ перваго гуманиста и лучше освѣтило бы его внутреннюю исторію ²⁾.

Значеніе біографій Петрарки третьяго періода заключается въ томъ, что онѣ изъ простаго комментарія къ его лирикѣ сдѣлались важными монографіями по Ренессансу, первую главою въ исторіи культурнаго движенія, открывающаго новый періодъ всемірной исторіи. Изученіе личности Петрарки съ этихъ поръ пріобрѣтаетъ историческую важность, какъ ключъ къ пониманію Возрожденія и какъ исторія первыхъ шаговъ его развитія. Нельзя сказать, чтобы отдѣльныя стремленія перваго гуманиста были выяснены съ научной безспорностью; но слѣдуетъ признать весьма важнымъ результатомъ, что новая постановка вопроса обоснована за этотъ періодъ съ солидной ученостью, а у иныхъ писателей и съ большимъ талантомъ. Главная заслуга въ этомъ важномъ успѣхѣ исторіографіи гуманизма безспорно принадлежитъ Георгу Фогту.

sophischen Tractaten bezeichnet: vom Mittel gegen Leiden und Freuden etc., p. 84. Но неудачное дѣленіе оставлено самимъ авторомъ во второмъ изданіи; тамъ онъ указываетъ 1348 годъ, какъ поворотный въ настроеніи Петрарки. I, p. 145.

¹⁾ Въ прежнемъ изданіи имъ посвящена всего одна страница (100); въ новомъ ихъ бібліографическая исторія значительно расширена (I, 153—159).

²⁾ Второе изданіе, въ значительной степени дополненное, не измѣняетъ основной точки зрѣнія на Петрарку и только вноситъ новыя данныя, добытыя появившимися работами и новыми источниками. Наиболѣе важныя дополненія слѣдующія: отношенія Петрарки къ учителямъ (p. 14, 24, 25, 26), къ Виргилію (27—28), къ Лаурѣ (115—117), о службѣ Петрарки князьямъ (99—102), о его доходахъ (103—107), о его поклонникахъ (150—151) и сочиненіяхъ (153—159). Фактическія ошибки въ старомъ изданіи старательно исправлены (Ср. p. 70 стар. изд. и 122 нов.), внесены новыя работы по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ дѣятельности Петрарки. Напр. объ авверонстахъ p. 89—90.

IX.

Важнѣйшія явленія біографической литературы четвертаго періода.—Изданія Фракассетти.—Мезьеръ и де-Санктист.—Юбилейная литература.—Гейгеръ, Фейерлейнъ и Дзумбини.—Біографія Кёртинга.

Существенное вліяніе на біографію Петрарки четвертаго періода оказали три фактора: характеристика перваго гуманиста, сдѣланная Фогтомъ; его переписка, изданная Фракассетти, и его пятисотлѣтняя годовщина, отпразднованная въ 1874 году. Нельзя сказать, чтобы идеи Фогта были приняты сразу, безъ борьбы. Его черезъ чуръ рѣзкое отношеніе къ личности Петрарки вызвало оппозицію, наилучшимъ представителемъ которой можетъ служить Мезьеръ, а противъ его слишкомъ презрительнаго отношенія къ *Canzoniere* возсталъ Де-Санктистъ, который почти совершенно вернулся къ воззрѣніямъ біографовъ втораго періода. Тѣмъ не менѣе идеи Фогта несомнѣнно одержали верхъ и не въ одной только Германіи. Гораздо прямѣе обнаружилось вліяніе новаго и вполне научнаго изданія самаго важнаго источника для біографіи Петрарки. Въ томъ же самомъ году, когда появилось сочиненіе Фогта, вышелъ первый томъ сборника писемъ *Фракассетти*, а за нимъ вскорѣ послѣдовали и два остальные ¹⁾. Это изданіе впервые сдѣлало возможнымъ настоящую біографію Петрарки. Кромѣ предисловія, весьма обстоятельнаго въ бібліографическомъ отношеніи, Фракассетти приложилъ цѣлый рядъ указателей, которые не только облегчаютъ пользованіе его сборникомъ, но и даютъ возможность провѣрить текстъ каждаго письма съ другими изданіями. Наконецъ, онъ составилъ синхронистическую таблицу, въ которой съ фактами изъ біографіи Петрарки сопоставлены современныя имъ историческія событія. Кромѣ писемъ, названныхъ въ заглавіи, въ сборникъ вошли: *epistola ad posterios*, *appendix litterarum VIII* (4 между ними изъ *epistolae sine titulis*, которыя не оскорбляли религиозное чувство издателя) и *Testamentum*. Обстоятельности сборника соотвѣтствуетъ и критическая старательность издателя ²⁾. Самымъ крупнымъ недостаткомъ

¹⁾ *Francisci Petrarcae, Epistolae de rebus familiaribus et variae tum quae adhuc tum quae nondum editae; familiarium scilicet libri XXIV, variarum liber unicus, nunc primum integri et ad fidem codicum optimorum vulgati studio et cura Josephi Fracassetti. Volumen I Florentiae MDCCLXIX, II—MDCCLXII, III—MDCCLXIII.*

²⁾ Отдѣльныя неособенно значительныя поправки къ тексту были сдѣланы Voigt'омъ по нѣмецкимъ рукописямъ (*Wiederbelebung I, p. 21* и pas-

изданія Фракассетти слѣдуетъ признать его планъ: примѣчанія и опредѣленіе хронологическихъ датъ cadaго письма въ отдѣльности не приложены къ латинскому тексту. Но и этотъ пробѣлъ былъ пополненъ изданіемъ въ 5 томахъ итальянскаго перевода „Домашнихъ писемъ“, первый томъ котораго появился въ 1863 г. ¹⁾.

Фракассетти снабдилъ свой переводъ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ, кромѣ біографическихъ данныхъ, онъ даетъ краткую характеристику личности Петрарки по его письмамъ. Главный недостатокъ этого очерка слишкомъ панегирической тонъ. Фракассетти превозноситъ до небесъ благочестіе Петрарки ²⁾ и старательно оправдываетъ его отъ всѣхъ обвиненій. Онъ пытается доказать, что Петрарка въ денежныхъ дѣлахъ былъ умѣренъ до бѣдности, въ сношеніяхъ съ князьями безкорыстенъ и искрененъ до ригоризма. Въ отвѣтъ на обвиненія Уго Фосколо, упрекавшаго Петрарку въ гордости, нетерпимости и заносчивости, Фракассетти старается доказать, что во всемъ этомъ виноваты враги Петрарки ³⁾, и далѣе въ томъ же родѣ. Но кромѣ предисловія Фракассетти присоединилъ къ переводу примѣчанія, имѣющія огромную цѣну. Въ нихъ помѣстилъ онъ хронологическія изслѣдованія о каждомъ отдѣльномъ письмѣ, мелкія и крупныя данныя для біографіи Петрарки и бібліографіи его сочиненій и, что особенно важно, собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его друзьяхъ и адресатахъ. Въ примѣчаніяхъ Фракассетти собрано почти все, что извѣстно въ настоящее время по этому послѣднему вопросу, имѣющему огромную важность для исторіи начального гуманизма. Два года спустя послѣ появленія послѣдняго тома этого сборника Фракассетти издалъ переводъ „старческихъ“ писемъ Петрарки, снабдивъ ихъ столь же цѣнными замѣчаніями ⁴⁾.

Одновременно съ книгой Фракассетти отчасти вскорѣ послѣ ея выхода и подъ ея вліяніемъ появилось нѣсколько коротенькихъ біо-

sim) и Мезьеромъ въ приложеніи къ его книгѣ о Петраркѣ — по французскимъ. Самой крупной ошибкой Фракассетти слѣдуетъ признать то, что онъ приписалъ Петраркѣ одинъ діалогъ Ломбардо-да-Серико (App. III). Объ этомъ см. ниже.

¹⁾ *Lettere di Francesco Petrarca delle cose familiari libri ventiquattro, lettere varie libro unico ora la prima volta raccolte, volgarizzate e dichiarate con note de Giuseppe Fracassetti Volume I—Firenze 1863; II—1864; III—1865; IV—1866; V—1867.*

²⁾ Prefazione p. 53. Cf. note къ V, 13, VI, I и XVI, 4.

³⁾ Ibid. p. 53—63.

⁴⁾ *Lettere senili di Francesco Petrarca volgarizzate e dichiarate con note da Giuseppe Fracassetti. Volume I, Firenze 1869. II—1870.*

графій Петрарки, не имѣющихъ важнаго значенія. Это или журнальныя статьи, или обычныя Elogia ¹⁾). Нѣкоторый интересъ по основной мысли представляетъ статья Паоли „Петрарка—предшественникъ Возрожденія“. Паоли сводитъ гуманистическія стремленія къ двумъ пунктамъ: „разрушить школьную мудрость, которая, не соотвѣтствуя болѣе чувствамъ и настроеніямъ, оставалась пустымъ формализмомъ, и реставрировать мудрость зрѣлой цивилизаціи, чтобы ассимилировать съ новой мыслью уже выработанныя воззрѣнія, которыя удовлетворяли потребностямъ возрождающагося разума“ ²⁾). Таковы же были и стремленія Петрарки; но онъ еще не былъ чистымъ гуманистомъ, потому что его душа, по выраженію автора, представляла собою „зеркало“, въ которомъ на-ряду съ новыми тенденціями отражались еще „убѣжденія предшествующей эпохи“ ³⁾). Съ этой точки зрѣнія и разсматриваетъ Паоли дѣятельность Петрарки. Въ тѣсныхъ предѣлахъ небольшой журнальной статьи авторъ могъ только слегка иллюстрировать свою мысль и не имѣлъ возможности дать ей твердое научное обоснованіе ⁴⁾). Тѣмъ не менѣе статья ясно показываетъ значительный прогрессъ во взглядѣ на перваго гуманиста сравнительно съ предшествующими біографіями.

Изъ многочисленныхъ монографическихъ изслѣдованій о Петраркѣ, появившихся передъ пятисотлѣтіемъ его смерти ⁵⁾), заслуживаетъ вни-

¹⁾ Сюда относятся: 1. *Cazzino, Biografia di Fr. Petrarca* (въ *La Scuola e la famiglia di Genova* 1865 №№ 8—11). 2) *B., Petrarca* (въ *Rivista Contemporanea di Torino*. Marzo 1866). 3) *La Vista Luigi, Petrarca* (въ *Memorie e scritti* 1863). 4) *Muzzi, Vita di Fr. Petrarca* (въ *Vita d' Italiani illustri in ogni ramo dello scibile da Pifagore al Rossini*. Bologna 1863) 5) *Bullart, Pétrarque* (въ *Eloges hist. des hommes illustres*. Paris 1862). 6) *Rezza, Nella commemorazione di Fr. Petrarca. Discorso. Genova 1869*. 7) *Malmignati, Parole sulla tomba di Fr. Petrarca. Padova 1870*. Всѣ эти произведенія извѣстны мнѣ только по указаніямъ Ferrazzi.

²⁾ *Paoli, Il Petrarca precursore della Rinascenza*. Въ *Nuova Antologia*. Vol. XIX (1872) p. 514.

³⁾ *Ibid.* 520.

⁴⁾ Лучше всего показаны черты переходнаго времени въ политическихъ воззрѣніяхъ Петрарки сравнительно съ Данте, p. 516, 517, 518 и 520.

⁵⁾ Большая часть изъ нихъ трактуетъ о Лаурѣ и о любви Петрарки. Сюда относятся: *Bondelon, Vaucluse, Pétrarque et Laure*. 1864; *Verrati, Della Laura del Petrarca*. (Въ *Opere* vol. VI, 1865); *Betti, La Laura del Petrarca*. Modena 1866; *Grión, Madonna Laura chi fosse*. (Въ *Atti del R. Inst. Ven.* t. III) *De Nardi, Petrarca e Laura*. Milano 1873. Петраркѣ, какъ гуманисту, посвящена одна только лекція: *Doorenbos, De profect van het Humanisme*. 1860. Всѣ эти сочиненія извѣстны мнѣ только по указаніямъ Ferrazzi.

манія небольшая по объему диссертація *Bonifas'a „Петрарка, какъ философъ“*. Три первыя главы, въ которыхъ разсматриваются гуманистическія заслуги Петрарки, его латинскія и итальянскія произведенія, не представляютъ интереса. Центръ тяжести книги заключается въ послѣдней главѣ, гдѣ характеризуется вся философія Петрарки въ ея совокупности. Бонифасъ не вполне вѣрно опредѣляетъ мѣсто перваго гуманиста въ исторіи философіи: по его словамъ, у него не было ни предшественниковъ, ни преемниковъ, потому что раньше него господствовала схоластика, позже, въ однѣхъ школахъ Платонъ, въ другихъ—Аристотель ¹⁾. Авторъ совершенно игнорируетъ развитіе философской мысли до второй половины XV вѣка, когда она шла въ томъ направленіи, какое далъ ей Петрарка. Мы не находимъ далѣе въ книгѣ изображенія полной системы философскаго міросозерцанія Петрарки, но его характерныя черты выяснены на твердомъ основаніи подлинныхъ сочиненій. Бонифасъ констатируетъ прежде всего двѣ самыя характерныя черты философіи Петрарки: эклектизмъ и исключительный интересъ къ этикѣ ²⁾. Петрарка предпочиталъ Платона Аристотелю; въ его стихотвореніяхъ и въ трактатѣ *De vera sapientia* авторъ находитъ слѣды Платонова ученія ³⁾; но онъ не принадлежалъ къ академикамъ. „Если уже необходимо искать между древними философами патрона и учителя Петрарки, то онъ былъ, какъ кажется, преимущественно ученикомъ Цицерона“, говоритъ Бонифасъ и перечисляетъ черты ихъ сходства ⁴⁾. Но, выбирая подходящія ученія изъ древнихъ авторовъ, Петрарка всѣ ихъ примиряетъ съ христіанскимъ ученіемъ, которое является для него высшимъ критеріемъ истины ⁵⁾.

Также выставляетъ Бонифасъ на видъ и другую черту философіи Петрарки. Онъ называетъ перваго гуманиста „новымъ Сократомъ“, потому что „онъ, легко перенося незнаніе природы вещей и ихъ причинъ, считаетъ непозволительнымъ не знать того, что относится къ упорядоченію жизни (*ad vitae normam*)“ ⁶⁾. „Истинная фило-

¹⁾ *Bonifas, De Petrarcha philosopho. Parisiis MDCCLXIII* p. 43.

²⁾ *Ibid.* p. 44.

³⁾ *Ibid.* p. 45, 59, 64.

⁴⁾ *Ibid.* p. 46 п слѣд.

⁵⁾ *Ut omnia ad christianam confirmandam fidem trahat.* *Ibid.* p. 65.

⁶⁾ *Ibid.* p. 47. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Novus, ut ita dicam, Socrates factus est, et philosophiam a physicorum somniis dialecticorumque argutiis ad ipsius hominis notitiam morumque regendorum artes revocare est molitus.* *Ibid.* p. 66. См. также p. 48.

софія“ , по понятію Петрарки, заключалась въ томъ, чтобы „почитать добродѣтель, любить Бога и знать только то, что имѣеть отношеніе къ доброй жизни“ ¹⁾. Бонифасъ отмѣчаетъ также весьма важную черту въ воззрѣніяхъ Петрарки, именно что онъ и на науку смотритъ съ этической точки зрѣнія. „Петрарка думаетъ, — говоритъ авторъ, — что и древнюю литературу слѣдуетъ изучать такъ, чтобы можно было сдѣлаться не болѣе краснорѣчивымъ и ученымъ, а болѣе нравственнымъ и счастливымъ“ ²⁾. Мысль перваго гуманиста формулирована не вполне точно: въ краснорѣчии и учености онъ видитъ условіе совершенствованія. Но этическая точка зрѣнія на смыслъ всего гуманистическаго движенія не разъ была формулирована Петраркой и сдѣлалась достояніемъ его послѣдователей. Наконецъ, Бонифасъ отмѣчаетъ, хотя безъ достаточной рельефности, связь Петрарки съ предшествовавшей философій: его родство съ мистиками ³⁾ и даже со схоластиками, съ послѣдними только со стороны формы ⁴⁾.

Общія сочиненія за это время представляютъ сравнительно мало интереса. Наиболѣе крупные обзоры по исторіи литературы, появившіеся въ 60-хъ годахъ, принадлежатъ итальянскимъ авторамъ, которые имѣютъ въ виду преимущественно національную поэзію Петрарки. Канту, Джудичи и Сеттембрини даютъ біографическіе очерки съ чисто-литературной точки зрѣнія, останавливаются главнымъ образомъ на *Vita* и только мимоходомъ, иногда въ подстрочномъ примѣчаніи, какъ Джудичи, упоминаютъ о его латинскихъ произведеніяхъ ⁵⁾. Де-Санктисъ ограничивается однимъ *Canzoniere* ⁶⁾, и только Пинто, написавшій исторію итальянской литературы на русскомъ языкѣ, отводитъ значительное мѣсто политическимъ воззрѣніямъ Петрарки ⁷⁾. Но эта болѣе интересная часть его книги представляетъ собою изложеніе одной лекціи изъ курса Феррари ⁸⁾,

¹⁾ Ibid. p. 51.

²⁾ Ibid. p. 48.

³⁾ Ibid. p. 60, 66.

⁴⁾ Ibid. p. 50.

⁵⁾ *Emiliani-Guidici*, L. c. p. 250 и слѣд. *Cantu*, *Storia della letteratura italiana. Firenze 1865* p. 59 и слѣд. *Settembrini*, l. c. p. 193 и слѣд.

⁶⁾ *De-Sanctis*. L. c. p. 261.

⁷⁾ *Пинто*. L. c. p. 248. Главы о Петраркѣ предварительно были напечатаны въ журналѣ Минист. Народ. Просв. 1867; Июнь. p. 794 и слѣд. подъ такимъ заглавіемъ: *Петрарка и его политическое значеніе*.

⁸⁾ Для опредѣленія характера пользованія Пинто книгою Феррари достаточно сравнить страницы Пинто: 290, 292, 293 и слѣд. съ 103, 108, 109 и слѣд. у Феррари. Обыкновенно Пинто сокращаетъ свой оригиналь, во

который имѣетъ значеніе въ біографической литературѣ о первомъ гуманистѣ. Феррари отводитъ Петраркѣ видное мѣсто среди политическихъ писателей Италіи и посвящаетъ ему въ своемъ курсѣ двѣ лекціи, сколько и Данте. Главное достоинство этихъ лекцій заключается въ томъ, что онѣ далеки отъ обычнаго представленія о политикѣ Петрарки, какъ о беспорядочномъ поэтическомъ хаосѣ противорѣчивыхъ мечтаній. Феррари находитъ въ его сочиненіяхъ цѣлую и опредѣленную политическую систему. Идеаль Петрарки, по его словамъ, миръ ¹⁾ и единство Италіи. Первая часть этой программы достигается побѣдою сеньеріи надъ республиканской формой ²⁾, вторая соединеніемъ сеньеровъ „въ папскую и императорскую конфедерацію въ старомъ смыслѣ союза Карла Великаго съ церковью“ ³⁾. Съ такимъ построеніемъ системы Петрарки едва-ли можно согласиться. Феррари безъ труда доказываетъ подлинными цитатами и симпатіи перваго гуманиста къ монархіи, и нерасположеніе его къ республиканской формѣ, и его связи съ папствомъ и имперіей. Но, во-первыхъ, онъ забываетъ *разновременность* этихъ стремленій, во-вторыхъ, упускаетъ изъ вниманія, что Петрарка не былъ *безусловнымъ* противникомъ республики и *безусловнымъ* сторонникомъ монархіи ⁴⁾; въ-третьихъ, что о такомъ союзѣ церкви съ имперіей, какой приписываетъ ему Феррари, онъ никогда не мечталъ; по крайней мѣрѣ, его сочиненія доказываютъ совершенно обратное ⁵⁾.

Для правильной постановки вопроса о политическомъ значеніи Петрарки имѣетъ большую цѣну 6-й томъ исторіи Рима Грегоровіуса. Знаменитый историкъ не даетъ реконструкціи политическихъ идеаловъ перваго гуманиста; но онъ настаиваетъ на серьезности и по временамъ практической цѣлесообразности его стремленій и совѣтовъ ⁶⁾.

иногда дѣлаетъ дополненія и весьма неудачныя. Такъ, Ferrarі, перечисляя античныхъ адресатовъ Петрарки, называетъ между ними по ошибкѣ Цезаря, Брута и Перикла (р. 116), а Пинто прибавляетъ къ нимъ еще Демосеена (р. 297), которому Петрарка тоже никогда не адресовалъ писемъ.

¹⁾ *Ferrari, Corso sugli scrittori politici italiani. Milano 1862.* р. 111.

²⁾ *Ibid.* р. 117, 121—22 и *passim*.

³⁾ *Ibid.* р. 127.

⁴⁾ См. напр., *Epist. famil.* III, 7 *Variae XLVIII. De Vita solitaria.* Op. р. 271. *De Remediis* II. 78 и *passim*.

⁵⁾ Въ *Epist. famil.* XX, 2 онъ прямо говоритъ, что „двухголовое животное — чудовище“.

⁶⁾ *Gregorovius, L. c.* VI. р. 189, 196, 203—216 и *passim*.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ работахъ еще не чувствуется непосредственнаго вліянія новаго изданія переписки Петрарки. Оно впервые обнаруживается на книгѣ *Мезьера*, которая занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ о первомъ гуманистѣ.

Книга Мезьера ¹⁾ можетъ служить превосходнымъ дополненіемъ, а весьма нерѣдко и поправкой къ сочиненію Фогта. Въ обстоятельномъ введеніи, гдѣ изложенъ планъ труда и предварительная общая характеристика Петрарки, Мезьеръ говоритъ, что его главная задача — „психологическій этюдъ“, а не внѣшняя біографія. Онъ имѣетъ въ виду изобразить внутреннюю жизнь Петрарки, „его любимыя мысли, мотивы его дѣйствій и чувства или страсти, которыя ихъ внушаютъ ²⁾“. Для Мезьера на первомъ планѣ личность Петрарки независимо отъ его значенія для прошлаго и будущаго, Петрарка, какъ человекъ, а не какъ гуманистъ. Но и для этой цѣли онъ, подобно Фогту, считаетъ необходимымъ изученіе латинскихъ сочиненій Петрарки: по его мнѣнію, „тѣ, которые судятъ о немъ лишь по его любовнымъ стихотвореніямъ, знаютъ только его лучшіе стихи, а не его самого“ ³⁾. Тѣмъ не менѣе Мезьеръ отводитъ въ своей книгѣ видное мѣсто итальянской поэзіи Петрарки ⁴⁾, потому что признаетъ важное значеніе въ его жизни любви къ Лаурѣ: изъ его четырехъ страстей (любовь, дружба, культъ наукъ и патріотизмъ) „самая сильная, хотя и не самая продолжительная, была любовь ⁵⁾“. Любовь, по мнѣнію Мезьера, была первымъ по времени стимуломъ дѣйствій Петрарки и исходнымъ пунктомъ его внутренней жизни: ради нея онъ щеголялъ въ Авиньонѣ, изъ-за нея онъ удалился въ Воклюзъ ⁶⁾; поэтому и свой этюдъ Мезьеръ начинается съ анализа этой любви ⁷⁾. Двѣ обширныя главы, посвященныя этому

¹⁾ *Pétrarque, Etude d'après de nouveaux documents par A. Mézières, professeur de littérature étrangère à la faculté des lettres de Paris. Paris 1868.* Я цитирую по 2 изданію. Paris 1868 XXXIX+435.

²⁾ р. VII.

³⁾ р. III.

⁴⁾ Вопросъ о вліяніи на поэзію Петрарки его пребыванія въ Авиньонѣ и его отношеніе къ предшественникамъ Мезьеръ обстоятельно разсматриваетъ въ первой главѣ своей книги (р. 21—39).

⁵⁾ р. XII.

⁶⁾ р. 18—21 и XIII.

⁷⁾ Дѣтство и молодость Петрарки изложены Мезьеромъ коротко, при чемъ вопросъ о вліяніи на него семьи и школы совсѣмъ не затронутъ. р. 1—20.

вопросу, весьма интересны для специальной задачи автора, но не представляют особой важности для истории Возрождения. Мезьерь не только доказывает действительное существование Лауры и реальность чувства къ ней Петрарки, но обстоятельно изображает самыя проявленія любви, излагаетъ всѣ ея перипетіи, рассказываетъ, какъ добродѣтельная Лаура оттолкнула поэта, но не вполне, потому что сама его любила и только боялась подозрѣній ревниваго мужа, какъ вслѣдствіе этого любовь Петрарки стала утрачивать чувственный характеръ и послѣ смерти Лауры окончательно превратилась въ платоническое чувство ¹⁾). Исторія неудачной любви изложена наглядно, и основная мысль относительно ея вліянія на внутреннюю жизнь Петрарки не возбуждаетъ сомнѣній. Страданіе отъ неудовлетвореннаго чувства могло заставить Петрарку глубже вдуматься въ свой внутренній міръ, искать тамъ опоры и облегченія, и тогда впервые онъ могъ замѣтить глубокой разладъ между индивидуализмомъ, который тянулъ его къ античнымъ идеаламъ, и средневѣковымъ христіанствомъ, поглощавшимъ личность. Мезьерь приписываетъ любви большее значеніе: по его мнѣнію, она не только вызвала борьбу, но и составляла ея главную причину и давала главное содержаніе. „Любовь первая овладѣла имъ; затѣмъ его охватила вѣра съ ея укорами совѣсти. Эти двѣ силы, попеременно то побѣдоносныя, то побѣжденные, вели борьбу за его сердце въ продолженіе 14 лѣтъ, до смерти Лауры“ ²⁾). Представляется непонятнымъ, однако, почему угрызения совѣсти не вызывались въ Петраркѣ отношеніемъ къ матери его дѣтей? Съ церковной точки зрѣнія это былъ еще большій грѣхъ, чѣмъ произвольное и фактически-чистое чувство къ замужней женщинѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Петрарка страдалъ отъ неудовлетвореннаго чувства; но его вражда къ любви, семьѣ и женщинѣ вообще обуславливается, какъ мы видѣли, далеко не однимъ аскетизмомъ. Причины внутренней борьбы лежали гораздо глубже, чѣмъ полагаетъ Мезьерь, и приводимыя имъ доказательства не говорятъ въ его пользу. Монахъ Діонисій-ди-Борго Сан-Сеполькро, которому Петрарка говорилъ о своихъ страданіяхъ, далъ ему въ утѣшеніе „Исповѣдь“ бл. Августина, которая могла служить средствомъ противъ другой болѣзни. Знаменитое письмо о восхожденіи на Mont Ventoux, въ которомъ Мезьерь видитъ проявленіе этой борьбы, ни

¹⁾ См. главы 2 и 3 *Pétrarque et Laure* и въ особенности pp. 71, 110—11, 119—122, 108.

²⁾ P. 73.

единнымъ словомъ не говорить о любви¹⁾. Весьма возможно, что желаніе уйти отъ несчастной любви побуждало, между прочимъ, Петрарку переселиться въ Воклюзь, но его спокойствіе и довольство въ уединеніи доказываютъ, что страданіе не было особенно сильно²⁾. То же самое можно сказать и о его путешествіяхъ. Эта борьба окончилась побѣдою вѣры, по мнѣнію Мезьера, только когда 54-лѣтній Петрарка написалъ свои послѣдніе стихи³⁾.

Это преувеличеніе вліянія любви Петрарки на его внутреннюю жизнь только отчасти помѣшало Мезьеру разглядѣть дѣйствительную причину его внутренняго разлада. Возвращаясь къ этому вопросу еще разъ въ концѣ книги, онъ обобщаетъ источникъ страданій Петрарки несоотвѣтствіемъ между дѣйствительностью и его идеалами, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней жизни. Авиньонская курія была далека отъ его представленія о церкви; бессильная, разъединенная, терзаемая беспорядками родина не соотвѣтствовала его идеалу сильной единствомъ и порядкомъ Италіи. Для себя самого—онъ желалъ достигнуть высшаго нравственнаго совершенства и чувствовалъ себя безсильнымъ избавиться отъ недостатковъ. Отсюда его скитанія, отсюда *acedia* и любовь къ уединенію⁴⁾. Такимъ образомъ все объясняется личными причинами, потому что подобное состояніе каждый человѣкъ можетъ пережить въ любую эпоху. Вообще въ книгѣ Мезьера не видно вліянія на внутреннюю жизнь Петрарки его времени, потому что самъ авторъ не признаетъ, повидимому, коренной, непримиримой разницы между средневѣковымъ католицизмомъ и наступающимъ Возрожденіемъ.

„Человѣкъ, который любитъ женщину въ продолженіе 21 года, не добившись отъ нея никакой благосклонности, и который оплакиваетъ ее въ теченіе 10 лѣтъ послѣ ея смерти, этимъ самымъ доказываетъ свою естественную склонность къ мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ“⁵⁾. Мезьеръ пытается доказать это на отношеніи Петрарки къ семьѣ и друзьямъ. Не говоря уже о родственникахъ, Петрарка,

¹⁾ Pétrarque, p. 66—67, 68 и 69.

²⁾ Изображая спокойную жизнь Петрарки въ уединеніи, куда привели его любовныя страданія, Мезьеръ самъ замѣчаетъ противорѣчіе и старается объяснить его сложностью чувствъ. *Ces resultats, qui semblent contradictoires, ne le sont qu'en apparence ou plutôt n'est-il pas naturel de démêler dans des sentiments très complexes, comme ceux qui agitaient alors Pétrarque, des éléments qui se contredisent?* p. 87.

³⁾ Ibid. p. 141.

⁴⁾ Ibid. p. 403—404, 406.

⁵⁾ Ibid. p. 147.

по его мнѣнію, „влагалъ въ дружбу, какъ въ любовь, теплоту поэтической души и, болѣе чѣмъ въ любовь, постоянство, за которое не могли упрекнуть его ни совѣсть, ни сѣдые волосы“¹⁾. Его дружба болѣе чѣмъ безкорыстна: ея исторія „не что иное, какъ исторія добра, которое онъ дѣлалъ своимъ друзьямъ“²⁾. Это восторженное изображеніе нѣжности и благородства души Петрарки подлежитъ однако значительнымъ ограниченіямъ. Петрарка дѣйствительно любилъ свою дочь и ея дѣтей, чувствовалъ глубокую привязанность къ брату-монаху; но о матери онъ говоритъ мало, объ отцѣ — ничего, а его отношеніе къ матери своихъ дѣтей поражаетъ сухостью и суровостью³⁾. То же самое можно сказать и о друзьяхъ. Петрарка чувствовалъ склонность къ дружбѣ; но изъ-за политическихъ стремленій онъ порвалъ съ Колоннами и, что еще хуже, въ интересахъ Висконти прямо оклеветалъ Джакомо Буссолари⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, несмотря на преувеличенія, Мезьеръ ближе къ истинѣ, чѣмъ Фогтъ, считавшій основаніемъ дружескихъ сношеній Петрарки самолюбіе, матеріальныя расчеты и слѣпое подражаніе Цицерону: Петрарка легко сходилъ съ людьми и искренно любилъ тѣхъ, кто ему нравился и кто платилъ ему за это дружбой и уваженіемъ. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ мотивовъ въ дѣятельности Петрарки Мезьеръ совершенно справедливо называетъ патріотизмъ и также вѣрно именно этимъ чувствомъ объясняетъ его политическія стремленія. Изъ-за патріотизма порвалъ Петрарка связи съ своими друзьями и покровителями Колоннами, изъ-за патріотизма сдѣлался онъ горячимъ сторонникомъ Кола-ди-Ріенцо. Петрарка самъ говоритъ это, и Мезьеръ вполне основательно полагается на его слова⁵⁾. Но онъ не точно излагаетъ самое содержаніе этихъ стремленій и даетъ имъ произвольную оцѣнку. Въ политикѣ, по словамъ Мезьера, Петрарка „гораздо менѣе повинуется абстрактнымъ принципамъ, чѣмъ благороднымъ инстинктамъ. Для него неособенно важны какія-нибудь измѣненія въ его системѣ, лишь бы только родина была могущественна и счастлива“. Онъ усердно зоветъ въ Италію Карла IV, но „если, пока императоръ колеблется,

1) Ibid. p. XVIII.

2) Ibid. p. XXII и 199.

3) Epist. famil. IX. 3.

4) Мезьеръ извиняетъ его первый поступокъ патріотизмомъ и совершенно умалчиваетъ о второмъ.

5) Epist. fam. XI, 16. Mézières Pétrarque p. 221 и 242. Мы не видимъ разницы по тону, какъ это утверждаетъ Мезьеръ (p. 254) между Ep. famil. VII, 13 и VIII, 1.

его замѣнить другой, если другія руки, а не его, возьмутся за императорское дѣло, Петрарка ихъ не отвергнетъ“¹⁾). Эти слова очень мѣтко характеризуютъ политическія стремленія перваго гуманиста; также вѣрно указываетъ Мезьеръ единство и умиротвореніе Италіи, какъ ихъ главное содержаніе. Но постоянные упреки въ химеричности стремленій Петрарки и въ его беспочвенномъ идеализмѣ подлежатъ значительному ограниченію. „Петрарка, — говоритъ Мезьеръ, — слишкомъ часто воображалъ, что его мечты или желанія переходятъ изъ его души въ дѣйствительность. Его оптимизмъ мѣшалъ ему видѣть препятствія, которыя почти всегда полагаютъ человѣческія страсти проектамъ соціальной реформы и филантропическимъ теоріямъ. Онъ вѣрилъ, что достаточно одному римскому гражданину пожелать счастья родинѣ, чтобы найти въ себѣ силу и талантъ это реализовать, точно такъ же, какъ онъ долженъ былъ воображать позже, что одно присутствіе императора обезоружитъ всѣ враждебные интересы и возвратитъ съ всеобщимъ миромъ золотой вѣкъ“²⁾). На самомъ дѣлѣ Петрарка не былъ такъ наивенъ, очень хорошо понималъ разницу между идеальнымъ прошлымъ и реальнымъ настоящимъ и именно въ страстяхъ и порокахъ отдѣльныхъ личностей видѣлъ препятствіе къ осуществленію своихъ надеждъ. Главная его ошибка заключалась дѣйствительно въ преувеличеніи силъ человѣка въ дѣлѣ устройства общественныхъ порядковъ, но этотъ недостатокъ еще не даетъ права объявить Петрарку химерическимъ мечтателемъ. Впрочемъ, самъ Мезьеръ ограничиваетъ нѣсколько свои обвиненія: химеричнымъ онъ признаетъ только идеалъ всемірнаго господства Рима, а не единство Италіи³⁾). Но первое стремленіе представляетъ собою только мечту, для осуществленія которой необходимо было предварительное осуществленіе послѣдняго: такъ смотрѣлъ на него и Петрарка. Что же касается до итальянскаго единства, то „его первый апостоль, по словамъ Мезьера, назывался Данте, второй — Петрарка, третій — Макіавелли“⁴⁾). Точно также ограничиваетъ Мезьеръ свои упреки и относительно средствъ, которыми думалъ Петрарка осуществить свои идеалы. Мезьеръ допускаетъ, что его надежды на римскую революцію могли исполниться, если бы Кола былъ дѣйствительно великій человѣкъ и римскій народъ дѣйствительно былъ достоинъ

1) Ibid. p. XXVII и XXVIII. Cf. 259—60.

2) Ibid. p. XXXI.

3) Ibid. p. 266—68.

4) Ibid. p. 268.

своего прошлого ¹⁾, и рѣзко упрекаетъ Петrarку, что онъ не понималъ дѣйствительности ²⁾. Не слѣдуетъ забывать однако, что въ Кола вѣрили всѣ современники и что для объясненія его успѣха даже составили легенду о пребываніи Генриха VII за 9 мѣсяцевъ до его рожденія въ кабачкѣ его отца. Познакомившись поближе съ дѣйствительностью, Петrarка разочаровался и въ трибуны, и въ его народъ, хотя не отказался отъ своихъ стремленій. Также неосновательно упрекать Петrarку за его вмѣшательство въ борьбу Генуи съ Венеціей: думая примирить республики, Петrarка былъ настолько же мечтатель, какъ любой публицистъ нашего времени, вмѣшивающійся перомъ въ политическія отношенія.

Такою же несбыточную иллюзію видитъ Мезьеръ и въ отношеніяхъ Петrarки къ Карлу IV, которыя онъ представляетъ не совсемъ точно. „Какъ Данте, Петrarка ожидаетъ отъ имперіи спасенія и умиротворенія родины, — говоритъ онъ, и за свой счетъ набрасываетъ теорію, которую Алигьери развиваетъ въ трактатѣ „О монархіи“ ³⁾. На самомъ дѣлѣ между Данте и Петrarкой глубокая разница: самое учрежденіе въ глазахъ послѣдняго не имѣетъ цѣны; средневѣковую имперію онъ игнорируетъ, если даже и не называетъ прямо „пустымъ словомъ безъ содержанія“. Въ Карлѣ, какъ въ Кола, онъ видитъ только подходящую личность и ждетъ въ Италію *вооруженнаго* императора.

Мезьеру извѣстно, что Петrarка надѣялся на объединеніе Италіи подъ властью національнаго государя ⁴⁾, но онъ не признаетъ никакой связи между этимъ стремленіемъ и службою Петrarки при дворѣ Висконти. Этотъ эпизодъ изъ его жизни стоитъ, по мнѣнію Мезьера, вообще внѣ всякой связи съ его политикой: Петrarка искалъ только безопасности, столь рѣдкой при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Италіи, матеріальной обезпеченности и блестящей сцены, на которой могъ появляться отъ времени до времени ⁵⁾. Но Петrarка, не рискуя нравственной репутаціей, могъ взять должность не менѣе

¹⁾ Ibid. p. 261 и 263.

²⁾ C'est par là (эпизодъ съ Кола) surtout, que nous apprenons de quelles chimères il se nourrissait, quelle admiration lui inspirait l'histoire romaine et quel vague espoir il conservait encore de voir revenu les beaux temps de l'antiquité (p. 258). Ср. p. 229.

³⁾ Ibid. p. 274. Ср. p. 282.

⁴⁾ Ibid. p. XXVIII.

⁵⁾ Ibid. p. 389—395. Мезьеръ разсматриваетъ этотъ эпизодъ не въ 5-й главѣ, посвященной политикѣ, а въ 8-й (Le caractère de Pétrarque).

безопасную, и болѣе выгодную и блестящую, какъ секретарство при куріи или кафедре во Флоренціи; съ другой стороны, его сильное содѣйствіе политикѣ Висконти не можетъ подлежать сомнѣнію ¹⁾. Поэтому если отвергнуть политическіе мотивы въ его связи съ миланскими тиранами, то самая связь останется необъясненною.

Вопросу объ отношеніи Петрарки къ папству Мезьеръ посвящаетъ цѣлую главу, въ которой пытается выяснитъ всѣ мотивы этого отношенія. Папство, по его мнѣнію, занимаетъ такое же мѣсто въ политической системѣ Петрарки, какъ и у Данте. „Въ его глазахъ, какъ въ глазахъ Данте, обѣ великія силы, которыя господствуютъ надъ міромъ матеріальнымъ и надъ міромъ моральнымъ, имперія и папство, абсолютно независимы одна отъ другой, и въ силу одинаковаго права, по особенному божественному полномочию (*par une délégation spéciale de Dieu*), обѣ должны имѣть пребываніе въ Римѣ, одна какъ пріемница цезарей, другая какъ наследница св. Петра ²⁾. Въ сочиненіяхъ Петрарки нѣтъ такой теоріи; мы находимъ тамъ или болѣе рѣшительное гибеллинство, когда Петрарка, замѣчая, что „власть не терпитъ товарища“, сурово упрекаетъ папу, что онъ позволилъ Карлу IV оставаться въ Римѣ только одинъ день; или полное гвельфство, когда онъ прямо писалъ Урбану V, что ему принадлежитъ свѣтская и духовная власть. Что касается до нападокъ на Авиньонскую курію, то Мезьеръ обстоятельно излагаетъ ихъ и совершенно вѣрно указываетъ ихъ главную причину въ чисто моральныхъ побужденіяхъ и въ патриотизмѣ, но оставляетъ сочувственную Петраркѣ точку зрѣнія и въ качествѣ католика и француза беретъ подъ свою защиту папство и Авиньонъ. Онъ упрекаетъ Петрарку въ неблагодарности къ куріи и въ преувеличеніяхъ недостатковъ папъ и утверждаетъ, что его патриотизмъ „исключительный и нетерпимый“, что онъ боится Франціи, потому что считаетъ ее „угрозой для Италіи“ ³⁾. Эти обвиненія остаются бездоказательными, а по отношенію къ Франціи и прямо невѣрными, потому что въ перепискѣ Петрарки не разъ засвидѣтельствовано обратное чувство къ этой странѣ.

Патриотизмъ и главнымъ образомъ отрицаніе рѣзкой противоположности средневѣкового католицизма тенденціямъ новаго времени помѣшали Мезьеру вполне оцѣнить точку зрѣнія Фогта на значеніе

¹⁾ См. его рѣчь при взятіи города Навары и письмо къ Буссолари.

²⁾ *Pétrarque* p. 281 ср. p. XXVI—XXVII.

³⁾ *Pétrarque* p. 286, 288, 306.

древности въ біографіи Петрарки и въ исторіи Возрожденія ¹⁾. Онъ совершенно не касается вопроса о причинахъ увлеченія Петрарки древностью и изображаетъ его слѣдствія чисто внѣшнимъ образомъ и довольно поверхностно. Чтеніе древнихъ внушило ему безконечное почтеніе къ античному Риму: „онъ проникся ихъ чувствами, онъ усвоилъ себѣ нѣсколько ихъ энергіи, ихъ суровыхъ добродѣтелей, ихъ энтузіазма къ свободѣ и патріотической гордости“. Отъ древнихъ происходитъ горькое для автора презрѣніе Петрарки къ Парижу и неблагодарность къ Сорбоннѣ ²⁾. Кромѣ того, Мезьеръ приписываетъ древности развитіе въ немъ раціонализма и духа критики и видитъ главную заслугу его занятій въ распространеніи любви къ древнимъ авторамъ ³⁾. „Одного этого, по мнѣнію Мезьера, было бы достаточно для его славы“, говоритъ онъ, потому что въ связи съ возрожденіемъ интереса къ древности стоитъ развитіе итальянской литературы ⁴⁾, и не прибавляетъ болѣе ни одного факта для выясненія всемірно-историческаго значенія дѣятельности перваго гуманиста. Послѣдняя глава сочиненія, посвященная характеристикѣ Петрарки, имѣетъ цѣлью выяснитъ его нравственный образъ и рассматриваетъ его отношеніе къ людямъ и къ религіи. Въ этомъ вопросѣ Мезьеръ стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, нежели Фогтъ, хотя и преувеличиваетъ нѣсколько прямолинейную, неподкупную искренность Петрарки и его благочестіе. Огромную популярность поэта-гуманиста онъ объясняетъ привлекательностью его натуры и большимъ тактомъ. „Между тѣми, которые его знали, — говоритъ Мезьеръ, — только немногіе его не любили, и между тѣми, которые его любили, не было почти никого, кто бы его оставилъ“. Съ другой стороны, „его сношенія съ могущественными людьми своего времени были chef-d'oeuvre'омъ дипломатіи ⁵⁾, благодаря которой онъ извлекалъ всѣ выгоды своего положенія, не жертвуя своей независимостью и своими убѣжденіями. Но это объясненіе, въ общемъ весьма вѣроятное, можетъ относиться только къ людямъ, лично знав-

¹⁾ Мезьеръ ссылается на книгу Фогта, къ которой онъ отсылаетъ всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ узнать заслуги, оказанныя Петраркой и Боккаччіо изученію классиковъ (Pétrarq. p. 370 прим.), и по Фогту говоритъ объ ученикахъ Петрарки. Но дальше этого вліяніе нѣмецкаго автора не простирается.

²⁾ Pétrarque p. XXIII, XXIV.

³⁾ Ibid. 350 и 351.

⁴⁾ Ibid. p. 365 и 366. Послѣдняя мысль брошена вскользь, въ формѣ вопросительнаго предложенія.

⁵⁾ Ibid. p. 381 и 382.

шимъ Петрарку, и совершенно оставляетъ въ сторонѣ всю массу, среди которой онъ пользовался популярностью. Что касается до религіозности Петрарки, то Мезьеръ очень мѣтко и вполне вѣрно опредѣлилъ ея вліяніе въ его отношеніи къ древности и къ философіи: опираясь на религію, отрицалъ онъ метафизику и старался примирить античныхъ писателей съ христіанскою истиною, которая служила для него критеріемъ пріемлемости ихъ воззрѣній¹⁾. Въ защиту вѣры выступилъ онъ противъ аверроистовъ, и эта точка зрѣнія не составляла принадлежности только его старческаго возраста, какъ думаютъ „его поверхностные“ критики²⁾.

Книга Мезьера въ общемъ представляетъ собою попытку дать характеристику Петрарки, независимо отъ его среды, независимо отъ тѣхъ тенденцій, которыя нашли въ немъ первое яркое выраженіе. Біографія въ смыслѣ исторіи личности, постепеннаго развитія ея настроенія и міросозерцанія въ ней нѣтъ; указаны только перемѣны въ отношенія Петрарки къ Лаурѣ, а самъ онъ разсматривается внѣ времени, какъ разъ навсегда сложившійся образъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя его стремленія, напр., политическія, изображены не вѣрно, потому что въ разное время они имѣли различную форму. Не менѣе замѣтные результаты имѣетъ и другой методологическій недостатокъ. Чѣмъ крупнѣе личность, чѣмъ сильнѣе ея вліяніе, тѣмъ необходимѣе разсматривать ее въ связи съ эпохой, чего не дѣлаетъ Мезьеръ. Отрывая Петрарку отъ его среды, онъ не только не опредѣлилъ его исторической роли, но не могъ выяснитъ и его личности: его увлеченіе древностью является какимъ-то капризомъ, его внутренняя борьба, столь характерная для эпохи, сводится только къ любви, его непонятная популярность остается въ сущности необъясненной. Тѣмъ не менѣе книга Мезьера, написанная весьма талантливо и живо, произвела впечатлѣніе³⁾

¹⁾ Ibid. p. 415—418.

²⁾ Ibid. p. 409.

³⁾ Однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ ея появленіе Фракассетти. Въ предисловіи къ переводу „Старческихъ писемъ“ онъ защищаетъ Мезьера отъ упрековъ въ идеализаціи Петрарки (противъ Am. de Margerie. Contemporain, 1868, février) и осмѣиваетъ похвалами его книгу. Онъ находитъ въ ней и тонкую критику, и „философское изслѣдованіе“, и глубокую вѣрность изображенія. Мезьеръ dipinse il carattere e la natura con sì veri colori che a chiunque lesse quel libro pare di aver conosciuto di persona del Petrarca, di aver conversato con lui e di essere entrato a parte de'suoi più riposti pensieri. Lett. sen. p. 2.

и вызвала новое сочиненіе о Петраркѣ, написанное *Де-Санктисомъ* ¹⁾).

Де-Санктисъ признаетъ нѣкоторыя достоинства за книгой Мезьера, называетъ ее „психологическимъ романомъ“, въ которомъ угаданы нѣкоторыя „душевные тайны“ и объяснены нѣкоторые факты. Это „великолѣпная“ книга, „которая читается съ удовольствіемъ и съ которой можно справляться не безъ пользы“. Но въ сущности онъ отрицаетъ за ней всякое значеніе. Во-первыхъ, подобная біографія ненужна: „послѣ Де-Сада и Вальделли можно написать болѣе изящную, но не болѣе интересную жизнь Петрарки“. Во-вторыхъ, Мезьеръ, по его мнѣнію, стоитъ на ложной точкѣ зрѣнія, утверждая „что Петрарка *Canzoniere*—Петрарка толпы, что истинный Петрарка есть нѣчто болѣе—ученый, латинистъ, патріотъ, возстановитель научныхъ занятій, великій геній и великій характеръ“. Въ-третьихъ, наконецъ, вмѣсто біографіи Мезьеръ написалъ панегирикъ; въ его книгѣ Петрарка является „изуродованнымъ его идолопоклонствомъ“, а исторія любви къ Лаурѣ изображена совершенно произвольно, безъ серьезной критики ²⁾. Самъ Де-Санктисъ держится другой точки зрѣнія. Устраните *Canzoniere*, говоритъ онъ, и Петрарка былъ бы личностью, извѣстной ученымъ и спеціалистамъ (*a dotti e agli eruditi*), никогда не сдѣлался бы популярнымъ у всѣхъ образованныхъ народовъ, никогда не возвысился бы до всемірной славы“. Эти всѣмъ извѣстныя, повсюду популярныя черты Петрарки и составляютъ его истинный образъ. „Человѣчество на своемъ пути далеко отбрасываетъ отъ себя все то, что бесполезно, случайно, повтореніе, общее мѣсто, нарость (*scoria*), преувеличеніе, безсодержательность (*il troppo, il vano*). Въ его быстромъ движеніи тысячи томовъ остаются въ пыли бібліотекъ, тысячи писателей забываются на пути и сами великіе люди утрачиваютъ часть самихъ себя. Это не искаженіе, а очищеніе“ ³⁾. Итакъ, истинный Петрарка тотъ, который сохранился въ *Canzoniere*, и единственное средство познать его личность—критическій анализъ его стихотвореній. Но критика имѣетъ различныя приемы, большинство которыхъ ведетъ, по мнѣнію Де-Санктиса, къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ, критика формальная привела къ изысканности, къ петраркизму, который составляетъ искаженіе Петрарки. Критика психологическая создала

¹⁾ *Saggio critico sul Petrarca di Francesco de Sanctis. Napoli 1869. XXX + 309.*

²⁾ *Saggio* p. V, VIII, X, XIII, XXII—XXIII.

³⁾ *Ibid* p. XI и XII.

„романтического“ Петрарку, „смѣсь Августина и Абельяра, съ его мистицизмомъ, съ его безсонницами, съ его внутренней борьбой, съ его уединеніемъ. Изъ критики исторической вышла символическая и романтическая Лаура, чистый Петрарка, христіанско-платоническій идеаль женщины и любви, совершенно новая поэзія, гдѣ самымъ чистымъ вуалемъ прикрыта нагота Греціи и Рима“ ¹⁾). Собственный критическій приѣмъ Де-Санктиса такъ же неясенъ, какъ произвольны его обвиненія чужихъ приѣмовъ. Онъ желаетъ проникнуть „въ то непосредственное и органическое единство содержанія, въ которомъ заключается секретъ жизни. Тамъ критикъ можетъ чувствовать себя объединеннымъ (uno) съ художникомъ и съ его трудомъ, можетъ возсоздать его, дать ему вторую жизнь, можетъ сказать въ гордостью Фихте: я создаю Бога!“ ²⁾). Ясно только одно, что эта „философская“ критика предоставляетъ безконечный просторъ для всяческаго произвола. Съ помощію такого приѣма Де-Санктисъ не только думаетъ возсоздать истиннаго Петрарку, но и нанести ударъ идеализму, который онъ считаетъ большимъ бѣдствіемъ Италіи. Ставя въ образецъ своимъ соотечественникамъ древнихъ римлянъ и современныхъ американцевъ, совѣтуя имъ взять девизомъ „время—деньги“, онъ хочетъ показать, что „въ Петраркѣ мертво реторическое и платоническое“, а живетъ „творческая способность“, „сила реализаціи“ и что все „то, что идеалисты относятъ къ его славлъ, было именно его слабостью“ ³⁾).

Точка зрѣнія Де-Санктиса имѣетъ такъ же мало общаго съ исторіей Ренессанса, какъ его методологическіе приѣмы съ исторической наукой вообще. Изображеніе личности Петрарки, какъ она представляется современному почитателю его стиховъ, при всей своей субъективности, можетъ еще быть интереснымъ для историка литературной критики въ XIX вѣкѣ; но для выясненія реального Петрарки оно не можетъ имѣть никакой цѣны. Тѣмъ не менѣе мы остановимся на характеристикѣ, данной Де-Санктисомъ Петраркѣ, какъ на образцѣ произвольныхъ утвержденій.

„Франческо Петрарка, говоритъ онъ, имѣлъ большія способности, тонкую (squisita) чувствительность, богатое воображеніе и мало ловкости въ практической жизни“ ⁴⁾). Но онъ обладалъ только способностями низшаго порядка, „элементарными и подражательными“,

¹⁾ Ibid. p. XX.

²⁾ Ibid. p. XV.

³⁾ Ibid. p. XXV и XXXX

⁴⁾ Ibid. p. 1. c

памятью, ясностью и пронизательностью мысли: у него не было „ни творческихъ способностей, ни оригинальности, ни глубины“. Кроме того, Петрарка обладалъ достоинствами и недостатками слабой натуры. Умѣренный, впечатлительный, деликатный, склонный къ нѣжности и меланхолии, „Петрарка былъ суетенъ, жаденъ, завистливъ“. Его увлеченію древностью Де-Санктисъ придаетъ мало значенія и не признаетъ гуманистомъ, а только „подготовителемъ и предшественникомъ Возрожденія“. „Занятія и любовь къ древности породили въ немъ нѣкоторыя мнѣнія, говоритъ онъ, которыя казались бы своеобразными, если бы не были общи всѣмъ современникамъ“, и утверждаетъ, что Петрарка отождествлялъ античный міръ съ современностью, и подбираетъ въ такомъ духѣ сколько-нибудь подходящіе факты, игнорируя остальные ¹⁾). Впрочемъ, и эта коротенькая характеристика не стоитъ въ неразрывной связи съ книгой Де-Санктиса, которая представляетъ собою чисто литературный, эстетическій разборъ *Canzoniere*, по временамъ очень тонкій и остроумный ²⁾). Личность Петрарки занимаетъ его мало, и отдѣльныя замѣчанія о его характерѣ отличаются обыкновенно крайней произвольностью. Такъ напр., о латинскихъ трактатахъ Петрарки онъ говоритъ: „Любовь создала въ немъ новое направленіе. Писалъ по-латыни, чтобы пріобрѣсти славу, писалъ итальянскіе стихи, чтобы найти облегченіе и утѣшеніе“ ³⁾). Или онъ мѣтко и краснорѣчиво изображаетъ индивидуализмъ Петрарки: „Петрарка былъ зеркаломъ самого себя—себѣ удивлялся, себя анализировалъ, себѣ сочувствовалъ, себя подкрѣплялъ, себя мучилъ... Міръ для него—аксессуаръ; онъ существуетъ не для себя, а для него, окрашенный и видоизмѣненный его впечатлѣніями; сама Лаура, какъ реальность, стоящая вѣкъ его, едва обрисована, но она живетъ, сдѣлавшись послѣ смерти его созданиемъ“ ⁴⁾). Тѣмъ не менѣе Де-Санктисъ считаетъ Петрарку

¹⁾ Ibid. p. 1—14.

²⁾ Во 2-й главѣ (*il Petrarchismo*) Де-Санктисъ разсматриваетъ недостатки *Canzoniere*, происшедшіе отъ вліянія школы (p. 25) и внесенные самимъ Петраркой (p. 35); въ 3-й (*il mondo del Petrarca*)—характеризуетъ его любовь; въ 4-й (*Laura e Petrarca*)—Лауру; въ 5-й (*Forma Petrarchesca*) выясняетъ достоинства его формы, главы 6, 7 и 8-я (*Situazioni Petrarchesche*) описываютъ различныя настроенія, выразившіяся въ его стихотвореніяхъ. Слѣдующія три (*Morte di Laura*, *Transfigurazione di Laura* и *Dis-soluzione di Laura*) изображаютъ измѣненія чувства Петрарки послѣ смерти Лауры и ихъ выраженіе въ его стихотвореніяхъ.

³⁾ Saggio p. 15.

⁴⁾ Ibid. p. 296.

средневѣковымъ человѣкомъ, который отразилъ въ своихъ произведеніяхъ существенныя черты средневѣковой жизни ¹⁾. Такъ же произвольно освѣщена и внутренняя исторія личной жизни Петрарки. За скорбью, по большей части воображаемой, чередовавшейся съ короткими надеждами, съ порывами радости и энтузіазма, послѣдовала скорбь истинная и хроническая, въ которой открывается разочарованіе и пустота жизни на склонѣ дней ²⁾, и это говорится не о любви только, а о всемъ „душевномъ“ состояніи. Въ результатѣ книга Де-Санктиса ни на шагъ не подвинула впередъ нашихъ свѣдѣній о Петраркѣ и не разрушила ни одного изъ установившихся раньше заблужденій.

Весьма важное значеніе въ исторіографіи Ренессанса и въ изученіи біографіи Петрарки имѣетъ 1874-й годъ, пятисотлѣтняя годовщина смерти перваго гуманиста. Въ это время впервые были изданы нѣкоторыя его сочиненія, которыя еще не видали печатнаго станка. *Аттилио Гортисъ* издалъ рѣчи Петрарки и его молитвы ³⁾, *Раццоллини* — его историческое произведеніе о римскихъ государственныхъ дѣятеляхъ ⁴⁾. Тогда же въ Падувѣ изданъ хорошій текстъ „Африки“ ⁵⁾, *Пинно* издалъ эту поэму съ обстоятельнымъ введеніемъ и примѣчаніями ⁶⁾, а *Гандо* въ Парижѣ ⁷⁾ и *Палеза* въ Падувѣ ⁸⁾ перевели ее на итальянскій языкъ. Въ это же время появилось нѣсколько новыхъ изданій стихотвореній Петрарки или приписываемыхъ ему ⁹⁾. Кромѣ того, тогда же появилось нѣсколько біографическихъ работъ о Петраркѣ: итальянское правительство издало каталогъ рукописей сочиненій самого Петрарки и имѣющихъ къ нему отношеніе ¹⁰⁾, Валентинелли сдѣлалъ подобный указатель

¹⁾ Ibid. p. 299.

²⁾ Ibid. p. 296—97.

³⁾ *Attilio Hortis, Scritti inediti di Fr. Petr. Trieste 1874.*

⁴⁾ *Francisci Petrarcae De viris illustribus. Vitae ed. A. Razzolini Bologna 1874.*

⁵⁾ *Padova a Francesco Petrarca. 1874.*

⁶⁾ *Francisci Petrarcae Africa quam recensuit, praefatione illustravit L. Pingaud. Parisiis 1874.*

⁷⁾ *Gando. L'Africa, poema epico. Versione con note. Oneglia 1874.*

⁸⁾ *Agostino Palesa. L'Africa recata in versi italiani. Padova. 1874.*

⁹⁾ *Rime complete. Este 1874.* Еще изданіе Carducci. *I Trionfi. Venezia 1874.* *Domenico Carboni. Rime di Fr. P. colla vita del medesimo. Torino 1874* (сюда внесены уже новые сонеты) *Ferrato. Rime attribuite a F. P. Padova 1874.*

¹⁰⁾ *I codici petrarcheschi nelle biblioteche governative del Regno. Roma 1874.*

для Венеціи ¹⁾, Нардуччи — для папскихъ и частныхъ библиотекъ въ Римѣ ²⁾). Кромѣ этихъ уже упомянутыхъ нами изданій, появилось нѣсколько новыхъ біографій, посвященныхъ различнымъ сторонамъ и моментамъ его жизни. Проф. *Гивизцани* имѣлъ въ виду издать монументальное сочиненіе подъ заглавіемъ „*Франческо Петрарка и его вѣкъ*“, въ которое должно было войти 55 монографій о Петраркѣ различныхъ ученыхъ. Изданіе не состоялось ³⁾; но нѣкоторые изъ сотрудниковъ отдѣльно напечатали свои работы, значительно увеличившія количество появившихся тогда монографій. Подъ вліяніемъ юбилейныхъ воспоминаній мѣстные ученые съ особеннымъ интересомъ изслѣдовали отношеніе Петрарки къ своимъ городамъ. Такъ, пребыванію Петрарки въ Пармѣ посвящены двѣ работы, между авторами которыхъ возникла даже полемика, имѣющая болѣе археологическій интересъ ⁴⁾). *Рамусси* изслѣдовалъ жизнь Петрарки въ Миланѣ и его отношеніе къ Висконти ⁵⁾). Обильныя фактическія данныя для этого вопроса собралъ Гортисъ въ очеркахъ, предпосланныхъ неизданнымъ сочиненіямъ Петрарки ⁶⁾). Много работъ посвящено пребыванію Петрарки въ Венеціи и Падуѣ. Наиболѣе важныя изъ нихъ принадлежатъ *Мальминьяти* ⁷⁾ и сборникъ статей подъ общимъ заглавіемъ „*Петрарка и Венеція*“ ⁸⁾). Три статьи посвящены коронованію Петрарки на Капитоліи, и двѣ изъ нихъ, принадлежащія *Монти* и Гортису, имѣютъ цѣну по фактическому ма-

¹⁾ *Valentinelli. Petrarca e Venezia. Venezia 1874.*

²⁾ *Narducci. Catalogo dei codici Petrarceschi delle biblioteche Barberina, Chigiana, Corsiniana, Valliceliana e Vaticana. Roma 1874.*

³⁾ *Ghivizzani, Francesco Petrarca e il suo secolo* напечатанъ былъ только подробный конспектъ, приведенный у Ferrazzi p. 818—820.

⁴⁾ *Ronchini, La dimora del Petrarca in Parma. Modena 1874; Rondani, Selvapiana. Milano 1874.* Затѣмъ Rondani возражалъ Рончини въ Nuova Antol. V. XXVII. 1874 p. 854 статьей *Francesco Petrarca, sua casa in Selvapiana ed accusa fattagli di magia.* Въ полемикѣ участвовалъ также Ferrati въ газетѣ *Corriere di Reggio d'Emilia.* Она изложена у Ferrazzi p. 573—574.

⁵⁾ *Romussi. Petrarca a Milano. Studj storici. Milano 1874.*

⁶⁾ Hortis. L. c. p. 43 и слѣд. Сюда же относится *Dall' Aquà, Il palazzo ducale Visconti in Pavia e Fr. Petrarca. Cenni storici. Pavia 1874.*

⁷⁾ *Malmignati. Petrarca a Padova, a Venezia e ad Arqua. Padova 1874.* Сюда же относится *Citadella, Petrarca a Padova e ad Arqua.* Въ изданіи Padova a Petrarca.

⁸⁾ *Petrarca e Venezia. 1874.* Отношенію Петрарки къ Венеціи посвящены статьи: *Barozzi, Petrarca a Venezia* и *Fulin, Il Petrarca dinanzi alla Signoria di Vinegia. Dubbii e Ricerche,* гдѣ подвергается сомнѣнію изданная Гортисомъ Агэнгуа Петрарки передъ сенатомъ.

теріалу ¹⁾). Наконецъ, отдѣльныя монографіи посвящены пребыванію Петрарки въ Феррарѣ, въ Лигуріи и Воклюзѣ ²⁾).

Кромѣ этихъ произведеній, имѣющихъ цѣну, главнымъ образомъ, для фактической біографіи Петрарки, въ юбилейный годъ появилось много монографій, посвященныхъ всестороннему изученію личности перваго гуманиста ³⁾). Такъ *Джани* и *Конти* дали обзоръ его гуманистической дѣятельности ⁴⁾). Но праздничный характеръ этихъ коротенькихъ разсужденій дѣлаетъ ихъ болѣе интересными по постановкѣ вопроса, чѣмъ по его рѣшенію. Болѣе значенія имѣютъ спеціальныя изслѣдованія по отдѣльнымъ сторонамъ гуманистической дѣятельности Петрарки, какъ, напр., о его изученіи древности ⁵⁾), о его отношеніи къ философіи и политикѣ. Сюда относятся прежде всего два важныхъ изслѣдованія о философскихъ воззрѣніяхъ Петрарки *Di Giovanni* и *Fiorentino*. „Поэтъ и философъ, говоритъ Ди Джіовани, онъ соединяетъ въ абсолютно-прекрасномъ и въ абсолютно-истинномъ науку и искусство. Реальная красота была для него выраженіемъ красоты идеальной и въ прекрасномъ самомъ по себѣ онъ видѣлъ не что иное, какъ блескъ истины“. Авторъ различаетъ въ философскихъ произведеніяхъ Петрарки двѣ категоріи: въ однихъ проявляется внутренній контрастъ и драма, которая заканчивается примиреніемъ и діалектическимъ рѣшеніемъ противорѣчивыхъ вопросовъ; другія уже предполагаютъ рѣшеніе и дышатъ спокойствіемъ духа и ясностью разсужденій. „Петрарка не имѣлъ или, можетъ быть, не желалъ имѣть спекулятивной мысли, какой мы обыкновенно теперь требуемъ отъ философовъ, говоритъ Фіорентино; но онъ обладалъ мыслью способной къ тонкому изслѣдованію контрастовъ жизни, болѣе способной, слѣдовательно, открыть эти

¹⁾ *Monti, Il Petrarca visita Roma* (въ *Propugnatore* 1876. Vol. IV p. 128 и слѣд.), *Hortis, L. c.* p. 43. Сюда же относится *Labruzzi di Nexima, Il Petrarca in Campidoglio*. (Въ *Il Buonrotti* 1875. Vol. X).

²⁾ *Citadella Luigi, Il Petrarca in Ferrara. Studio*. (Въ *Archivio Veneto* 1875. Vol. X.); *Celesia, Petrarca in Liguria. Genova 1874; Fuzet, Pétrarque au Vaucluse* (въ *Revue de Marseille*. 1874).

³⁾ *Canestrini* произвелъ даже измѣреніе черепа Петрарки. *Le ossa di Fr. Petrarca. Studio antropologico. Padova. 1874*.

⁴⁾ *Giani, Petrarca precursore e iniziatore del Rinascimento. Discorso. Perugia 1874; Conti, Prove storiche del Discorso del Centenario* (Въ *Cose di storia e d'Arte* p. 470 и слѣд.).

⁵⁾ Сюда относятся: *Giuliani, Fr. Petrarca e la sua scoperta delle Epistole*. (Въ *Archivio Storico ital.* V. XXIII. 1876 p. 348 и слѣд.). *Pellegrino, Fr. Petrarca e lo studio del greco in Italia. Roma 1875*.

контрасты, чѣмъ примирить ихъ въ гармоніи. У Петрарки нѣтъ философіи, но есть философское содержаніе, если можно такъ выразиться; есть еще и нѣчто большее: контрастъ, сомнѣніе, отсутствіе довѣрія къ авторитету—слѣдовательно, всѣ условія для философской работы“¹⁾).

Литературная дѣятельность Петрарки точно такъ же вызвала цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій по поводу пятисотлѣтія его смерти, при чемъ, конечно, на первомъ планѣ было изученіе *Canzoniere* и связаннаго съ нимъ возрѣнія поэта и факты изъ его біографіи. Лаурѣ посвящена была цѣлая масса новыхъ работъ, при чемъ повторились всѣ прежніе взгляды, что очень расширило, но не приблизило къ рѣшенію старый „вопросъ“ (*Laurafrage*), чрезвычайно запутанный и имѣющій очень скудную научную цѣпу²⁾). Кромѣ того, нѣсколько монографій было посвящено вопросу о характерѣ любви Петрарки и вообще о его отношеніи къ женщинѣ³⁾). Гораздо менѣе интереса возбуждали на юбилей латинскія сочиненія Петрарки и, что особенно печально—его отношенія къ друзьямъ⁴⁾). Нельзя сказать, что мало было написано въ это время общихъ біографій перваго гуманиста; но онѣ имѣютъ въ большинствѣ случаевъ весьма

¹⁾ *Di Giovanni, Le prose morali e filosofiche di Fr. Petrarca.* (Въ *Scuola, Scienza e Critica.* Palermo. 1874). *Fiorentino, La filosofia di Fr. Petrarca.* Studio. Napoli 1875. Къ сожалѣнію, оба сочиненія мнѣ извѣстны только по выдержкамъ у Ferrazzi p. 826—827. Политикѣ Петрарки посвящена только газетная статья. *Contini, Pétrarque homme politique.* (Въ *Italie* 1874. 26 juillet).

²⁾ Сюда относятся *Blaze de Burruy, Laure de Noves.* (Rev. des deux Mondes 1874. 15 juillet); *Duclaux, Pétrarque et Laure.* Avignon 1874. *Perrin, Humour à Vaucluse, précédé et suivi d'un mot sur la Laure de Pétrarque.* Avignon. 1874; *Zendrini, Petrarca e Laura;* Studio. Milano. 1875; *Costero, Laura* (Prefazione къ изданію Rime. Milano 1875); *Berluc-Perussis, Un document inédit sur Laure de Sade.* Aix 1876. *Minich, Annunzio di nuovi studi intorno al Canzoniere ed alla vita della celebre Laura.* Venezia 1875.

³⁾ *Minich, Sur les amours de Pétrarque expliqués par rapprochement de sa vie avec ses écrits.* Paris. 1874; *Bonzi, Comparazione dell'amore di Fr. Petrarca e di G. Leopardi.* Belluno 1874. *Puccianti, La donna nella Vita Nuova di Dante e nel Canzoniere del Petrarca.* Pisa. 1874. Всѣ эти сочиненія извѣстны мнѣ только по указаніямъ Ferrazzi.

⁴⁾ Сюда относятся: *Giampetri, Pétrarque écrivain satirique.* Constantinople 1874; *Lizio, Il Petrarca e Tomaso da Messina.* (Propugnatore IX. 1876) *Bernardi, Certosa di Monterivo e Gerardo Petrarca.* (Revista universale 1874. Vol. VII); *D'Ancona, Il maestro del Petrarca* (Rivista italiana 1874).

ограниченное значеніе въ его біографической литературѣ. На юбилейномъ торжествѣ, хотя и пятисотлѣтнемъ, трудно ожидать спокойнаго критическаго изложенія; иное дѣло монографіи. Праздничное увлеченіе усиливало усердіе къ отыскиванію новыхъ бібліографическихъ фактовъ, которые и сослужили потомъ важную службу. Итальянскія юбилейныя общія біографіи представляютъ собою по большей части или Elogia въ новомъ духѣ, или предисловія къ изданіямъ Rime, или журнальныя статьи ¹⁾. Важнѣе написанныя иностранцами ²⁾, и первое мѣсто между ними принадлежитъ работѣ Гейгера ³⁾.

Книга Гейгера представляетъ собою обстоятельное изложеніе важнѣйшихъ фактовъ внутренней и внѣшней жизни Петрарки, основанное на хорошемъ знакомствѣ съ его сочиненіями и главнѣйшей литературой. Гейгеръ добросовѣстно изучилъ его итальянскія и латинскія сочиненія и неуклонно держится ихъ въ своемъ изложеніи; кромѣ того, онъ обильно, хотя и критически, пользуется Де-Садомъ и въ особенности примѣчаніями Фраккассетти, отдаетъ должное Фогту,

¹⁾ *Lombardi, Francesco Petrarca. Orazione. Bergamo 1874; De Campello, Pel V Centenario di Fr. Petrarca. Discorso. Napoli 1875; Carducci, Presso la tomba di Fr. Petrarca in Arquà. Livorno 1874. Alcardi, Discorso su Fr. Petrarca Padova 1874; Rizzini, In occasione del V Centen. del Petrarca. Suoi onori e trionfi, suo amore per Laura, suo soggiorno a Valchiusa ed Arquà, sue opere latini e italiane, coll'aggiunta del suo ritratto fisico e morale. Trieste 1874; Mugna, Ricordo del V Centenario dalla morte del Petrarca. Padova 1874; N. N., Brevi ricordi sopra Fr. Petrarca. Padova 1874; Da Ponte, Vita di Fr. Petrarca. Padova 1874; Giannini, Vita di Fr. Petrarca (preposta all'edizione dei Trionfi. Ferrara 1874). Costero, Vita di Fr. Petrarca (Въ предисловіи къ изданію Rime. Milano 1875); Battani, La giovinezza di Fr. Petrarca. Milano 1874. Большинство этихъ произведеній мнѣ извѣстно только по указаніямъ Ferrazzi.*

²⁾ *Fuget, Pétrarque, ses voyages, ses amis, son repentir. Cannes 1874; Simpson, Petrarch (Contemp. Review. 1874);* этихъ сочиненій я также не имѣлъ подъ руками. *Treverret, Pétrarque* (Въ *Revue politique et littéraire* 1874, p. 80 и слѣд.). Это вступительная лекція къ курсу, которую авторъ читалъ въ Бордо. Она представляетъ интересъ по общей оцѣнкѣ значенія перваго гуманиста. *Pousser l'Italie vers le but, encore lointain, de l'indépendance et de l'unité, créer chez les modernes cette poésie intime que nos contemporains en France ont cultivée avec tant d'éclat, faire renaître enfin l'antiquité, lui assurer une seconde vie et mettre ainsi la raison humaine en état de s'accorder avec la theologie sans être reduite à demeurer sa servante: telle fut l'oeuvre multiple de ce grand homme. Ibid. p. 84. Очеркъ Frenzel'я *Zu Petrarca's Gedächtniss. 18. Juli 1874. (Renaissance und Rococo. Berlin, 1876)* незначителенъ.*

³⁾ *Petrarka von Ludwig Geiger. Leipzig 1874. X + 277.*

хотя и исправляетъ его крайности ¹⁾, слѣдуетъ, гдѣ нужно, авторитету Грегоровіуса ²⁾ и справляется иногда съ Мезьеромъ ³⁾. Далѣе, несмотря на небольшой объемъ, книга почти не оставляетъ желать большей обстоятельности. Переведа, вмѣсто первой главы, „письмо къ потомству“, Гейгеръ разсматриваетъ Петрарку въ трехъ остальныхъ, какъ гуманиста, какъ политика и какъ пѣвца Лауры, и съ этихъ точекъ зрѣнія, выбранныхъ весьма удачно, сжато излагаетъ обильно собранный матеріаль. Наконецъ, самый методъ изложенія представляетъ собою удачное соединеніе многихъ достоинствъ: популярный рассказъ и описаніе настроенія или переданы словами источника, или подкрѣплены достаточными ссылками, такъ что въ результатѣ получается ученая книга, написанная для образованнаго читателя. Но на-ряду съ этими достоинствами встрѣчаются въ книгѣ и недостатки, и самый существенный изъ нихъ заключается въ томъ, что изложеніе носитъ слишкомъ внѣшній характеръ, что повѣствованіе и внѣшнее описаніе вытѣсняють изслѣдованіе, вслѣдствіе чего поступки и воззрѣнія Петрарки, остаются невыясненными и весь его образъ неопредѣленнымъ. Особенно замѣтно это во 2-й и въ 3-й главахъ книги. Въ началѣ первой изъ нихъ Гейгеръ имѣетъ въ виду изложить общій ходъ развитія Петрарки ⁴⁾ и только излагаетъ внѣшніе факты, не выясняя вліянія ни семьи, ни школы, ни друзей. Въ этой связи излагаетъ онъ важнѣйшія стороны міросозерцанія перваго гуманиста, его отношеніе къ древности, къ теологіи, къ праву, отмѣчаетъ его любовь къ путешествіямъ, но причины его стремленій и антипатій опредѣлены или неполно, или неясно, или совсѣмъ не указаны. Почему онъ увлекается древностью, вопросъ, основной для Петрарки и для всего движенія, оставленъ безъ отвѣта; предпочтеніе грековъ римлянамъ объясняется дурнымъ характеромъ жалкихъ учителей изъ Византіи и ея плохимъ политическимъ положеніемъ ⁵⁾. Отношеніе къ праву не выяснено и при объясненіи

¹⁾ См., напр., р. 54, 170 и 94, 267 пр. 12, 264.

²⁾ См. р. 193 и 271 пр. 2.

³⁾ См., напр., стр. 274 пр. 6 и 275 пр. 7.

⁴⁾ II. Petrarka und der Humanismus. I. Ort und Zeit der Bildung.

⁵⁾ Гейгеръ говоритъ объ итальянцахъ, dass die bei einem Vergleich zwischen dem zerrütteten, vor der Wuth anrückenden Feinde ohnmächtig zittern den Griechenreiche und den jugendlich aufstrebenden, blühenden italienischen Städten und Republiken sich den Vorzug gaben. (Petr. р. 37). Достаточно припомнить отношеніе Петрарки къ современности, чтобы видѣть, какъ онъ далеко былъ отъ самообольщенія на этотъ счетъ. О своихъ учителяхъ греческаго языка Петрарка говорилъ съ уваженіемъ и благодарностью.

вражды къ юристамъ не отмѣчена моральная точка зрѣнія ¹⁾. Также не ясно отношеніе къ богословію ²⁾. Наконецъ, ученость Петрарки преувеличена: „онъ былъ знатокомъ, даже полнымъ господиномъ во всѣхъ областяхъ знанія“, и этимъ объясняется его чрезвычайная популярность ³⁾. Совершенно такимъ же характеромъ отличается 2-й отдѣлъ этой главы, гдѣ Гейгеръ характеризуетъ внутренній міръ Петрарки и его отношеніе къ внѣшнему міру, а также ея продолженіе, гдѣ изложены его научныя стремленія ⁴⁾. Онъ приводитъ мѣста изъ источниковъ, гдѣ говорится о его внутренней борьбѣ, объ уединеніи, описываетъ его дружбу и перечисляетъ друзей. Выборка сдѣлана тщательно, но мозаика не даетъ картины. Гейгеръ видитъ существенное отличіе новаго времени отъ предшествующаго періода въ развитіи индивидуализма и въ этомъ смыслѣ называетъ Петрарку „первымъ новымъ человѣкомъ“ ⁵⁾, но при изображеніи его стремленій и вообще внутренняго развитія не принимаетъ во вниманіе индивидуалистическихъ тенденцій. Съ другой стороны, онъ только мелькомъ говоритъ о религіозности Петрарки ⁶⁾ и совсѣмъ не указываетъ ея вліянія на его внутреннюю жизнь и міросозерцаніе. Систематическаго изложенія міросозерцанія Петрарки мы вообще не находимъ въ книгѣ Гейгера, вслѣдствіе чего, кромѣ отсутствія внутренней связи между его отдѣльными воззрѣніями, многія изъ нихъ недостаточно объяснены. Такъ о его отношеніи къ юриспруденціи и медицинѣ Гейгеръ говоритъ: „оппозиція противъ нихъ Петрарки имѣетъ общій корень: именно эстетическо-научное недовольство (Unbehagen), которое возбуждалось въ немъ варварской формой юристовъ и суевѣрными представленіями медиковъ“ ⁷⁾. Моралистъ въ философіи, Петрарка не оставлялъ этой точки зрѣнія по отношенію и къ наукѣ. Философское ученіе, какъ и научная доктрина, теряли въ его глазахъ половину цѣны, если ихъ представители не стояли на надлежащей нравственной высотѣ, и эту точку зрѣнія Петрарка постоянно выдвигалъ на первый планъ въ борьбѣ съ медиками и юристами ⁸⁾. Такъ же неполно объяснена и любовь его къ природѣ.

¹⁾ Petrarka p. 28—29; 30.

²⁾ Ibid. p. 38.

³⁾ Ibid. p. 39.

⁴⁾ 2. Einblick ins Innere, Beziehungen zur Auszenwelt и 3. wissenschaftliche Bestrebungen und Kämpfe.

⁵⁾ Ibid. 71.

⁶⁾ Ibid. 92.

⁷⁾ Ibid. 81.

⁸⁾ Epist. famil. XX, 4. Epist. senil. Op. p. 774, 796, 801.

Петрарка относился къ природѣ не только съ эстетической точки зрѣнія, какъ полагаетъ Гейгеръ ¹⁾, но и съ философской; онъ не только любитъ ее, но и считаетъ ее нормой для жизни, воспитательницей и руководительницей человѣка ²⁾.

Послѣдніе два отдѣла этой главы, посвященные изображенію Петрарки, какъ гуманиста, и характеристикѣ его латинской поэзіи ³⁾, отличаются обычными достоинствами. Гейгеръ обстоятельно описываетъ его отношеніе къ древности вообще и къ отдѣльнымъ писателямъ, излагаетъ его взглядъ на поэзію и содержаніе нѣкоторыхъ стихотвореній и дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что при изученіи античной литературы форма не составляла для него главнаго интереса ⁴⁾. Но значеніе этихъ занятій для внутренней исторіи Петрарки и ихъ вліяніе на его міросозерцаніе остаются невыясненными.

Неудобства чисто описательнаго метода Гейгера и его уклоненія отъ изслѣдованія причинъ такъ же живо чувствуются и въ третьей главѣ, гдѣ характеризуются политическія стремленія Петрарки. Въ первомъ ея отдѣлѣ ⁵⁾ весьма наглядно констатированъ общенациональскій патріотизмъ перваго гуманиста; но его холодность къ родной Флоренціи не объяснена. „Она происходила, — говоритъ Гейгеръ, „можетъ быть, потому что онъ никогда не могъ забыть обиды, причиненной его родителямъ; можетъ быть также, потому что не любилъ республиканскаго режима въ этомъ городѣ“ ⁶⁾. Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи Петрарки къ республиканской формѣ правленія имѣетъ существенную важность для объясненія не только его политическихъ идеаловъ, но и его поведенія; поэтому доказательство вліянія второй предполагаемой Гейгеромъ причины необходимо и по состоянію источниковъ вполне возможно. То же самое можно сказать и объ отношеніи къ князьямъ. Гейгеръ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что Петрарка служилъ только государямъ Италіи и отказывался отъ самыхъ блестящихъ предложеній французскихъ королей и германскаго императора. „Такая связь не должна насъ удивлять, — говоритъ онъ: „могущество князей и сила духа (Geistesgrösse) получаютъ въ XIV вѣкѣ новый подъемъ, познаютъ себѣ цѣну и пользуются другъ другомъ, чтобы подняться до еще болѣе значи-

¹⁾ Petrarka p. 72 и слѣд.

²⁾ De reb. famil. II, 8. De remediis p. Oper. p. 194, 203.

³⁾ 4. Der Humanist и 5. Der Dichter.

⁴⁾ Ibid. p. 108.

⁵⁾ III. Petrarka und Italien. 1. Florenz und Italien.

⁶⁾ Petrarka p. 135.

тельной высоты“¹⁾). Но тамъ, гдѣ говорится о Петраркѣ²⁾, эта точка зрѣнія, вопреки ожиданію, почти совершенно оставлена въ сторонѣ. Гейгеръ относитъ къ одной категоріи отношенія Петрарки и къ Аццо-ди-Корреджіо, и къ Роберту неаполитанскому, просто рассказываетъ его вмѣшательство въ борьбу Генуи съ Венеціей и только указываетъ на возможность политическихъ побужденій къ его связи съ Висконти. Ея основаній „можетъ быть, должно искать въ суетности Петрарки, можетъ быть въ политическихъ ожиданіяхъ, такъ какъ Дж. Висконти былъ главою гибеллинской партіи..., имѣлъ высокіе политическіе планы и дѣлалъ много попытокъ для ихъ исполненія: идея сдѣлаться королемъ Италіи не казалась недостижимой его честолюбію“³⁾). Но Гейгеръ не придаетъ цѣны вскользь брошенной гипотезѣ, вслѣдствіе чего невѣрно объясняетъ отношенія Петрарки къ Буссолари⁴⁾ и не даетъ опредѣленнаго вывода относительно его политическихъ стремленій. „Петрарка не былъ ни государственнымъ человѣкомъ, ни слугою князей; но если шло дѣло о томъ, чтобы охранять въ чистотѣ и содѣйствовать сознанію великихъ благъ свободы и патріотизма,—тогда онъ былъ готовъ на дѣло“⁵⁾). Такова заключительная характеристика Петрарки, какъ политика. Три послѣдніе отдѣла этой главы посвящены отношенію Петрарки къ папамъ, къ Кола-ди-Риенцо и къ императору⁶⁾—къ тѣмъ силамъ,

¹⁾ Ibid. p. 143.

²⁾ 2. Im Dienste der Fürsten.

³⁾ Petrarka p. 158—59.

⁴⁾ По изображенію Гейгера (p. 161) выходитъ, что Буссолари былъ обыкновенный тираннъ, отчего письмо Петрарки много выигрываетъ, а его политическая фізіономія теряетъ въ опредѣленности.

⁵⁾ Petrarka p. 163. Кромѣ того, Гейгеръ, какъ и большинство историковъ литературы, преувеличиваетъ практическую неспособность Петрарки къ политикѣ. Неловко сравнивая его неудачную верховую ѣзду съ таковою же дипломатической миссіей, онъ говоритъ: *Wurde dieser Misserfolg durch seine Ungeschicklichkeit verschuldet, so wurde durch seine Ungeübtheit in den Geschäften das ungenügende Resultat seiner Gesandtschaft nach Venedig hervorgerufen. Die fein verschlungenen Wege der damaligen Staatskunst waren dem Redner, Philosophen und Dichter nicht bekannt* (p. 159—160) Можно съ увѣренностью сказать, что, при тогдашнихъ отношеніяхъ между Миланомъ и Венеціей, старанія самаго искуснаго дипломата не привели бы къ желанному исходу. Притомъ рѣчь Петрарки по этому поводу, тогда еще неизвѣстная Гейгеру, не обнаруживаетъ политической неопытности.

⁶⁾ 3. Rom und Avignon. 4. Petrarka und Cola di Rienzi. 5. Petrarka und Karl IV.

посредствомъ которыхъ онъ думалъ возстановить упавшее величіе Рима. Гейгеръ и здѣсь старательно приводитъ соотвѣтствующія мѣста изъ переписки Петрарки, но не совсѣмъ точно передаетъ общій характеръ его стремленій. Тогда Римъ былъ составленъ папами и императорами и утратилъ „республиканскій духъ граждан“:—возвратить любимому городу эти три потерянные блага было стремленіемъ Петрарки,—говоритъ онъ ¹⁾, и упускаетъ изъ виду *разновременность* этихъ стремленій, что весьма важно для правильной оцѣнки и полного пониманія политическаго идеала Петрарки ²⁾. Последняя глава книги — „Петрарка и Лаура“ не имѣетъ большаго значенія для исторіографіи Возрожденія. Гейгеръ признаетъ реальность любви Петрарки, пытается характеризовать ее изложеніемъ въ некоторыхъ стихотвореній изъ *Canzoniere*, переводитъ для этой же цѣли соотвѣтствующее мѣсто изъ „Исповѣди“ и сообщаетъ свѣдѣнія о его семьѣ. И эта глава, какъ и предшествующія, даетъ интересныя подробности, не объясняя цѣлаго ³⁾.

Интересъ къ личности Петрарки, вызванный его юбилесомъ, выразился появленіемъ крупныхъ работъ о первомъ гуманистѣ во вторую половину семидесятыхъ годовъ. Такъ среди монографическихъ произведеній, появившихся въ это время ⁴⁾, весьма важное значеніе имѣетъ

¹⁾ Petrarka p. 164.

²⁾ Къ числу рѣдкихъ случаевъ, когда Гейгеръ ищетъ внутреннихъ побужденій для поступковъ Петрарки, относится объясненіе, почему онъ не переселился въ Римъ. Препятствіе лежало, по его словамъ, „въ душѣ поэта“— онъ боялся при знакомствѣ съ дѣйствительностью утратить свои мечты. Petrarka mochte sich scheuen, lebend das zu kosten, dessen Genusz ihm das Ziel alles Ringens, die Krone alles irdischen Strebens war, und mochte fürchten, von der ehernen Wirklichkeit aus seinen goldenen Träumen gerissen zu werden (p. 165). Но Петрарка бывалъ въ Римѣ и не разъ изображалъ его печальную дѣйствительность.

³⁾ Гейгеръ является здѣсь ревностнымъ защитникомъ того мнѣнія, что Лаура была дѣвушкой, признавая, однако, что любовь Петрарки была несчастна; поэтому вопросъ не имѣетъ существенной важности даже для личной біографіи Петрарки, тѣмъ болѣе, что аргументы Гейгера гораздо менѣе убѣдительны, чѣмъ его противниковъ, см. p. 215 и слѣд. Кроме этого произведенія, Гейгеру принадлежатъ еще слѣдующія работы о Петраркѣ: 1) *Petrarca und Deutschland* (въ Zeitschrift für deutsche Culturgeschichte. 1874). 2) *Italienische Schriften zur Petrarka-Feier* (въ Augsburger Allgemeine Zeitung. 1875 № 38. Beilage). 3) *Neue Schriften zur Geschichte des Humanismus* (Historische Zeitschrift. V. XXXIII, 1875, p. 49 и слѣд.). О его работахъ, вышедшихъ въ 80 годахъ, см. ниже.

⁴⁾ Сюда относятся: *Duclaux, Pétrarque et Laure. Avignon 1875*; *Maurin, Les amours de Pétrarque et Laure. Paris 1875*; *Gloria, Documenti*

уже упомянутая и не разъ цитированная нами *Bibliografia Petrar-chesca* Феррацци ¹⁾. Его книга даетъ библиографическія указанія изданій и переводовъ произведеній Петрарки и списокъ сочиненій о немъ самомъ и о его произведеніяхъ, при чемъ иногда приводятся и выдержки изъ нихъ. Эта библиографія, доведенная до 1876 года, необходимое пособие при изученіи гуманизма, несмотря на нѣкото-рую неполноту и недостатки въ системѣ ²⁾. Кроме того Феррацци внесъ въ свою книгу свѣдѣнія и документы о домѣ Петрарки, исторію его могилы, далъ списокъ портретовъ Петрарки и произведеній живописи и скульптуры, имѣющихъ отношеніе къ нему самому или къ его произведеніямъ; описалъ медали и монументальныя надписи въ честь Петрарки; составилъ библиографію поэтическихъ произведе-ній, сюжетомъ которыхъ былъ первый гуманистъ, или эпизоды изъ его біографіи; выбралъ мѣста изъ его произведеній, гдѣ гово-рится о различныхъ городахъ Италіи, и описалъ празднованіе его юбилея. Библиографія является такимъ образомъ настоящей энцикло-педіей свѣдѣній о Петраркѣ. Въ это же время появились весьма важныя характеристики Петрарки, написанныя *Фейерлейномъ* и *Дзумбини*, а также самая обширная его біографія, составленная *Кёртингомъ*.

Фейерлейнъ даетъ краткій обзоръ произведеній Петрарки съ цѣлью внести нѣкоторыя поправки въ характеристику Фогта. Авторъ начинаетъ вопросомъ: „почему Петрарка импонировалъ на свое время, пользовался такимъ авторитетомъ, какого никогда не достигъ столь превышающій его Данте?“ ³⁾. Вопросъ поставленъ несвоевременно, потому что слишкомъ мало извѣстна среда перваго гуманиста. Тѣмъ не менѣе Фейерлейнъ даетъ на него отвѣтъ: „Данте, какъ пророкъ,

inediti intorno al Petrarca con alcuni cenni della casa di lui in Arquà e della reggia dei da Carrara in Padova 1878. Traversi, Gli amori del Petrarca. Napoli 1878, и двѣ работы Hortis'a: M. T. Cicerone nelle opere del Petrarca e del Boccaccio. Trieste 1878, и Le additiones al De Remediis fortuitorum di Seneca dimostrate cosa del Petrarca, e delle attinenze del Petrarca con Seneca. Trieste 1879.

¹⁾ *Ferrazzi, Bibliografia Petrarchesca.* (Въ V томѣ *Enciclopedia Dan-tesca.* Bassano 1877).

²⁾ Такъ, рубрики Феррацци слишкомъ мелки. *Biografi* и *Flogi* отдѣльно; *Madonna Laura* и *Dell'amore di Fr. Petrarca* отдѣльныя рубрики и т. п. Кроме того, въ предѣлахъ каждой рубрики нѣтъ никакого порядка, ни алфавитнаго, ни хронологическаго.

³⁾ *Feuerlein, Petrarca und Boccaccio.* *Historische Zeitschrift* V. XXXVIII. 1877, p. 193—194.

стоялъ выше своихъ современниковъ“; Петрарка, выразитель потребностей и стремленій своего времени, приспособляется, къ нему „помогаетъ самосознанію общественнаго мнѣнія“ и становится его вождемъ и руководителемъ. Съ этимъ можно вполне согласиться, но нельзя не признать, что здѣсь только разъясненіе и описаніе вопроса, а не его рѣшеніе. Впрочемъ, Фейерлейнъ касается этого важнаго вопроса только мимоходомъ, въ введеніи къ своему очерку, цѣль котораго выяснить „любовь и лирику“ Петрарки, а также его „моральное самосозерцаніе (*moralische Selbstschau*) и воззрѣнія на жизнь“. По первому пункту не трудно внести поправку въ характеристику Фогта, и Фейерлейнъ безъ труда доказываетъ реальность любви Петрарки и художественность его лирики. Иное дѣло вторая половина задачи. По мнѣнію Фейерлейна, Фогтъ „слишкомъ серьезно“ и „слишкомъ глубоко“ относится къ *Secretum* ¹⁾ Петрарки. Первый гуманистъ не былъ свободенъ отъ „рефлексіи“ и, въ качествѣ лирика, любилъ наблюдать самого себя; но у него вовсе не было „глубокаго нравственнаго разлада“. Это важное положеніе доказывается извѣстнымъ письмомъ къ Боккаччіо, когда того запугалъ монахъ, и цитатой другого письма, въ которомъ Петрарка утверждаетъ, что нежеланіе Іуды просить прощенія — бѣднѣйшій грѣхъ, чѣмъ предательство ²⁾. Незначительность этой аргументаціи сама по себѣ очевидна, и Фейерлейнъ въ доказательство своего положенія рѣзко отмѣчаетъ индивидуализмъ въ главнѣйшихъ произведеніяхъ Петрарки ³⁾. Это—самая важная сторона очерка и большая заслуга автора, потому что Фогтъ недостаточно выставляетъ на видъ индивидуалистическую струю въ латинской прозѣ перваго гуманиста. Но Фейерлейнъ впадаетъ въ противоположную крайность: онъ совершенно игнорируетъ средневѣковыя черты въ міровоззрѣніи Петрарки. Точно также нельзя назвать вполне удачными и остальные поправки Фейерлейна. Такъ, онъ совершенно справедливо не видитъ противорѣчія въ отношеніи Петрарки къ куріи, но не потому, что ея безнравственность возмущала въ немъ благочестиваго католика. По мнѣнію Фейерлейна, Петрарка напалъ на папъ только съ патріотической точки зрѣнія, только за то, что они оставались въ Авиньонѣ и не переселялись въ Римъ ⁴⁾, — положеніе, котораго нельзя доказать источниками. Далѣе, онъ вполне основательно пытается смягчить

¹⁾ Ibid. p. 207.

²⁾ Ibid. p. 209.

³⁾ Ibid. p. 210, 212, 214.

⁴⁾ Ibid. p. 218, 219.

обвиненіе Петрарки въ крайнемъ увлеченіи древностью, но не достигаетъ своей цѣли. Фейерлейнъ принимаетъ обычный взглядъ, что стремленіе возстановить древность составляетъ характерную черту Ренессанса, но видитъ въ этомъ „новый фазисъ развитія націи, которая, устраняя по возможности германскій элементъ, возвращается къ своему латинскому происхожденію“. Петрарку онъ ставитъ во главѣ этого движенія, но выдѣляетъ изъ числа его позднѣйшихъ представителей. „Въ Петраркѣ, говоритъ Фейерлейнъ, германскій элементъ еще въ равновѣсіи съ латинскимъ, поэтому онъ представляетъ собою одинъ изъ мостовъ, которые переводятъ отъ католицизма къ протестантизму“¹⁾. Мы уже не разъ въ введеніи встрѣчались съ неосновательными обвиненіями Возрожденія въ паганизмъ; Фейерлейнъ вноситъ новый, національный стимулъ къ чисто культурному увлеченію родственнымъ міросозерцаніемъ не только римлянъ, но и грековъ, хотя этого стимула не видно въ источникахъ. Въ результатъ вопросъ еще болѣе запутывается, и Петраркѣ приписывается совершенно туманная роль какого-то національнаго посредника между католицизмомъ и реформаціей²⁾.

Статья Фейерлейна заканчивается совершенно неожиданнымъ образомъ. „Все то направленіе, говоритъ онъ, которое проложилъ Петрарка въ исторіи духа, заканчивается духовной гастрономіей (*Feinschmeckerei*); ему закрыто было поле новаго творчества, и народъ, который долженъ былъ ввести въ міръ изученіе древности, могъ удовольствоваться одною репродукціей“³⁾. Это уже не поправка къ Фогту, а рѣшительный прыжокъ назадъ, за предѣлы XVIII вѣка, въ тѣ эпохи, когда еще совсѣмъ не понимали историческаго значенія Возрожденія.

Нѣсколько позже издалъ Дзумбини свои интересные этюды о первомъ гуманистѣ, которые служатъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ сторонъ его воззрѣній⁴⁾. Первый изъ этихъ этюдовъ посвященъ „чувству природы“ у Петрарки. Дзумбини разсматриваетъ проявленіе его любви къ природѣ, въ соединеніи съ патриотизмомъ, съ любовью къ Лаурѣ и въ чистомъ видѣ и одновременно съ анализомъ пытается выяснитъ ея отличительныя черты сравнительно съ древностью и

¹⁾ Ibid. p. 224—225.

²⁾ Политическія воззрѣнія Петрарки Фейерлейнъ излагаетъ очень поверхностно, хотя признаетъ, что единство Италіи было всегдашнимъ его идеаломъ, p. 227—228.

³⁾ Ibid. p. 230—231.

⁴⁾ *Studj sul Petrarca di B. Zumbini. Napoli 1878.*

современностью. Самая удачная сторона этого очерка — тщательный разбор съ литературно-психологической точки зрѣнія тѣхъ мѣстъ изъ сочиненій Петрарки, гдѣ онъ говоритъ о природѣ. Сравненіе ихъ съ новыми поэтами и, что особенно жаль, съ древними не проведено систематически, хотя иногда ¹⁾ Дзумбини отмѣчаетъ особенности Петрарки, которыя указываютъ на то, что древность и въ этихъ случаяхъ, какъ во многихъ другихъ, только соотвѣтствовала настроенію, а не создавала его. Кромѣ того, Дзумбини, подобно Гейгеру, совсѣмъ не касается вопроса о томъ, какое мѣсто занимала природа въ философскомъ міросозерцаніи Петрарки.

Второй очеркъ посвященъ латинской поэмѣ Петрарки. Дзумбини ставитъ своей задачей разобрать „Африку“, „какъ документъ историческій и какъ документъ литературный“ ²⁾, и первая часть этого вопроса имѣетъ несомнѣнное значеніе для исторіографіи Ренессанса. Дзумбини видитъ въ „Африкѣ“ проявленіе политическихъ идеаловъ Петрарки и потому предпосылаетъ ея разбору очеркъ его политическихъ воззрѣній. Его основная точка зрѣнія заключается въ томъ, что „для правильнаго пониманія Петрарки слѣдуетъ отличать тѣ идеи и представленія, которыя оставались у него на всю жизнь, отъ тѣхъ, которыя видоизмѣнялись сообразно съ перемѣною событій, отличать также его истинный идеалъ отъ другихъ политическихъ цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ, сообразуясь съ общественными условіями, съ исторической необходимостью своего времени. Для этого нужно прослѣдить жизнь поэта въ ея различные періоды и изслѣдовать, каковы были въ каждый изъ нихъ его стремленія и надежды“ ³⁾. Съ методологической стороны этотъ приемъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, и такая постановка вопроса, несмотря на всю простоту, совершенно новая въ литературѣ о Петраркѣ, составляетъ несомнѣнную заслугу Дзумбини. Но данное имъ рѣшеніе нуждается въ болѣе убѣдительныхъ доказательствахъ. Дзумбини наглядно показываетъ, какъ Петрарка, руководясь идеей господства Рима надъ объединенной Италіей и надъ цѣлымъ міромъ, былъ сначала гибеллиномъ, потомъ съ 1439 года гвельфомъ ⁴⁾, затѣмъ сдѣлался партизаномъ Кола-ди-Риенцо и послѣ его паденія — Карла IV. Но его утвержденіе, что Петрарка съ этихъ поръ до конца жизни оставался имперіалистомъ, не оправдывается аргументами. По этому

¹⁾ См. напр. p. 49.

²⁾ Studj p. 77.

³⁾ Ibid. p. 78.

⁴⁾ Ibid. p. 82 и 84.

вопросу Дзюмбини вступаетъ въ полемику съ Д'Анкона, который, относя канцону *Italia mia* къ 1370 году, утверждаетъ на этомъ основаніи въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾, что Петрарка въ концѣ жизни утратилъ вѣру въ имперію. Дзюмбини не согласенъ ни съ датой этого стихотворенія, ни даже съ тѣмъ, что встрѣчающееся въ немъ выраженіе *in nome vano senza soggetto* относится къ имперіи ²⁾; но онъ упускаетъ изъ виду, что и въ позднѣйшихъ прозаическихъ произведеніяхъ Петрарки можно найти не мало аналогичныхъ выраженій ³⁾. Кромѣ того, на это же указываютъ письма Петрарки къ Урбану V, въ которыхъ онъ снова является крайнимъ гвельфомъ и за которыми Дзюмбини вслѣдствіе этой ошибки не признаетъ политическаго характера ⁴⁾. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что Дзюмбини не оцѣниваетъ съ политической точки зрѣнія службу Петрарки Висконти, хотя въ другомъ мѣстѣ и допускаетъ въ ней нѣкоторый политическій оттѣнокъ ⁵⁾.

Другое положеніе Дзюмбини, что Петрарка всегда былъ республиканецъ по теоріи ⁶⁾, точно также не выдерживаетъ критики. Приводимыя имъ цитаты ничего не доказываютъ по своей неопредѣленности ⁷⁾; въ доказательство этой мысли можно бы было привести и

¹⁾ *Il concetto dell'unità politica nei poeti italiani. Pisa 1876.*

²⁾ Studj p. 90—95.

³⁾ См., напр., *De Remediis* I. 116.

⁴⁾ Studj p. 96.

⁵⁾ *Ibid.* p. 108. Пр. 4.

⁶⁾ *Ibid.* p. 105 и 109.

⁷⁾ Дзюмбини приводитъ четыре наиболѣе важныхъ для него мѣста: 1) *Epist. famil.* III, 3, гдѣ онъ находитъ мысль, *che la rovina di Roma antica e poi dell'Italia nei secoli posteriori, fino a quello stesso in cui egli vivea, fosse venuta dal prevaler di Cesare a Pompeo* (p. 105). Но это мѣсто имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. Петрарка убѣждаетъ Колонну вполне воспользоваться побѣдою надъ Орсиномъ и въ доказательство приводитъ бѣдствія, происшедшія отъ того, что Помпей при *Dyraxium Julium Caesarem prope captum dum retinere posset abire permisit*. Дѣло идетъ слѣдовательно о стратегической ошибкѣ Помпея, а не о побѣдѣ Цезаря, и въ числѣ ея бѣдственныхъ послѣдствій указано, что *victor in Capitolio, quod quatuor triumphis ornaverat, interfectus*, и все это мѣсто имѣетъ чисто риторическій характеръ и лишено всякой политической мысли. 2) Петрарка не рѣшается назвать руку Кассія преступной (*Epist. Senil.* VIII, 3) *per non definire con una sola parola la dubiosa natura di quell'azione* и Дзюмбини заключаетъ, что Петрарка *tenne sempre dalla parte dei repubblicani antichi* (p. 105). Но это письмо представляетъ трактатъ о значеніи *Opinio* и *Fortuna*, и поступокъ Кассія одѣненъ не съ политической, а съ этической точки зрѣнія.

болѣ рѣзкія выраженія ¹⁾, на-ряду съ которыми однако можно по-ставить не менѣе рѣзко выраженный монархизм ²⁾, такъ что въ цѣломъ возможно одно только заключеніе, что Петрарка никакой политической формѣ не придавалъ абсолютнаго значенія.

Это введеніе, очень интересное само по себѣ, не стоитъ въ непосредственной связи съ „Африкой“, которая мало прибавляетъ къ политическимъ взглядамъ Петрарки. Дзумбини вѣрно замѣчаетъ, что въ ней съ особенной рельефностью проявилась любовь Петрарки къ античному Риму и что выборъ эпохи для поэмы вполне соответствовалъ патріотическимъ стремленіямъ автора: конецъ 2-й Пунической войны не только освободилъ Италію отъ чужеземцевъ, но и положилъ начало ея вѣдшему могуществу ³⁾. Этимъ и исчерпывается значеніе поэмы, какъ источника для политическихъ воззрѣній Петрарки. Менѣе интереса представляетъ вторая половина очерка, гдѣ Африка разсматривается съ точки зрѣнія литературной. Мысль Дзумбини, что поэма въ цѣломъ представляетъ собою изложеніе въ гекзаметрѣ историческихъ фактовъ и что творчество обнаруживается въ изображеніи характеровъ, въ деталяхъ, въ сравненіи и въ лирическихъ мѣстахъ ⁴⁾, эта мысль не разъ встрѣчается въ литературѣ о Петраркѣ. Только заключительный параграфъ, гдѣ изображенъ характеръ внутренней борьбы Петрарки, принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ мѣстъ среди всѣхъ біографій поэта, а ссылка на эклогу *Parthenias*, какъ на поэтическое изображеніе этой борьбы, несомнѣнная заслуга Дзумбини ⁵⁾.

Послѣдній очеркъ (*L'impero*) стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ предшествующимъ, хотя формально и составляетъ его продолженіе. Дзумбини посвящаетъ его разбору одного стиха въ кан-

3) Изъ *De Remediis I, XXXII* Дзумбини извлекаетъ *come dei venti nella natura, cose di Cesare nella storia, si può far quistione s'era meglio o no ch'ei fosse stato al mondo* (p. 105). Мнѣ не удалось найти въ данномъ мѣстѣ трактата такихъ выраженій, которыя оправдывали бы такой выводъ. 4) Изъ *Epist famil. III, 7* Дзумбини приводитъ (p. 107): *quamvis non sim nescius, quanto plus sub multorum, quam sub unius imperio Romana res creverit* и выпускаетъ слѣдующее продолженіе этой фразы: *multis tamen et magnis viris visum scio felicissimum rei publicae statum esse sub uno eodemque justo principe.*

1) См. *Ep. var. XLVIII. De Remediis II, 78, I, 85, De Vita solit. Op. 271.*

2) См. выше: анализъ *De Remediis* и *De Sapientia.*

3) *Studj* p. 112.

4) *Ibid.* p. 130, 143 и слѣд.

5) *Ibid.* p. 165—167.

цовѣ Italia mia—Non fare idolo un nome vano senza soggetto. Выше мы видѣли, какъ толкуютъ это мѣсто различные комментаторы Петрарки ¹⁾). Дзумбини пытается доказать, что Петрарка всегда былъ сторонникомъ имперіи и до появленія Карла IV въ Италиі и послѣ его удаленія ²⁾). Доказательства эти, какъ и слѣдовало ожидать, лишены убѣдительности. При отсутствіи прямыхъ аргументовъ, Дзумбини старается найти опору въ такихъ шаткихъ основаніяхъ, какъ семейныя традиціи, любовь къ античной имперіи, письма къ Карлу IV, какъ выраженіе основныхъ воззрѣній Петрарки и постоянное названіе Рима невѣстою двухъ жениховъ и тому подобныя выраженія. Не разъ цитированныя нами мѣста изъ позднѣйшихъ писемъ и трактатовъ Петрарки Дзумбини совершенно игнорируетъ, а на одно изъ нихъ ссылается, какъ на доказательство своего мнѣнія, хотя оно подтверждаетъ какъ разъ обратное. „Кто хочетъ доказательства болѣе прямого и болѣе вѣрнаго, говоритъ онъ, пусть прочтетъ письмо“, которое Петрарка послалъ Урбану V и въ которомъ онъ прямо говоритъ, что папѣ принадлежитъ и духовная, и свѣтская власть ³⁾). Приведя цитату изъ этого письма, Дзумбини замѣчаетъ: „такъ говорилъ Петрарка папѣ въ 1370 году; но кто не пойметъ, что, если бы онъ обращался къ императору, то говорилъ бы тѣмъ же самымъ языкомъ“ ⁴⁾). Таково прямое доказательство. Опираясь на выводы, основанные на такихъ аргументахъ, Дзумбини во второй части своего очерка старается доказать, что подъ „баварскимъ обманомъ“ и подъ бессодержательнымъ звукомъ слѣдуетъ разумѣть репутацію воинственности, которой пользовались нѣмецкіе наемники, и что Петрарка, наоборотъ, въ имперіи видѣлъ единственное средство избавленія отъ наемныхъ шаекъ ⁵⁾).

¹⁾ См. выше р. 277 и 278.

²⁾ Studj p. 180.

³⁾ Sub te est utrumque imperium. Var. 3. Дзумбини цитируетъ только начало этого письма Ad motum sponti astra moventur etc.

⁴⁾ Studj p. 209—210.

⁵⁾ Для образца аргументаціи въ этомъ очеркѣ достаточно привести одну цитату. Петрарка въ одномъ письмѣ (Epist. famil. XXIII, 1) риторически обращается къ разнымъ героямъ древности съ мольбою о спасеніи отъ наемниковъ и говоритъ между прочимъ: Volebam te orare suppliciter, o vir ingens, quem nominare non audeo, ut nobis, dexteram dares, quod et posse videaris, et quam maxime tuum erat: sed, ut video, prorsus absurdisti. Itaque postquam nulli hominum loqui juvat, ad te ultima et maxima spes mortalium preces verto и обращается съ молитвой къ Богу. Письмо это относится къ тому времени, когда Петрарка находился въ перепиискѣ съ Кар-

Гораздо болѣе интереса представляетъ третья часть очерка, гдѣ Дзумбини проводитъ параллель между Данте и Петраркой, какъ политиками. Между ихъ политическими воззрѣніями и стремленіями онъ находитъ много общаго. Петрарка, какъ и Данте, въ основу своихъ политическихъ построеній полагаетъ три силы: имперію, папство и римскій народъ и пользуется такой же аргументаціей въ защиту необходимости всемірной монархіи (единство на небѣ) и въ доказательство высокаго достоинства римскаго народа (предызбраніе Божіе и рожденіе Христа), какъ и авторъ Монархіи ¹⁾. Дзумбини полагаетъ далѣе, что Петрарка, подобно Данте, „считалъ возможнымъ возстановленіе величія Италіи только силою того античнаго учрежденія, которое сдѣлало Римъ властителемъ міра“ ²⁾, для чего нельзя найти подтвержденія въ источникахъ. Наоборотъ, Петрарка твердо держался того убѣжденія, что возстановленіе Италіи зависитъ отъ личныхъ добродѣтелей вождя народа, будетъ ли то неаполитанскій король, популярный нотариусъ или императоръ. Нельзя также вполнѣ согласиться съ Дзумбини, что для Петрарки, какъ и для Данте, „казалось мало умиротворенія и объединенія Италіи“, что они могли помириться только на имперіи и этимъ отличались отъ Макіавелли. „По представленію обоихъ итальянцевъ, говоритъ онъ, отдѣлить Италію отъ Германіи и отнять ее у нѣмецкаго Цезаря, значило то же самое, что разрушить имперію“ ³⁾. На самомъ же дѣлѣ Петрарка въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ Макіавелли, чѣмъ къ Данте. Идея всемірнаго владычества Рима улыбалась Петраркѣ только въ минуты увлеченія, и онъ не всегда ставилъ ея осуществленіе въ зависимость отъ „нѣмецкаго цезаря“: при Коллади-Риенцо онъ не думалъ объ императорѣ, хотя мечталъ о всемірномъ господствѣ Рима. Но это были только мечты, наслѣдіе предшествующей эпохи; въ обычное время Петрарка думалъ и работалъ для объединенія Италіи подъ властью національнаго короля, какъ Робертъ или даже, какъ миланскіе Висконти ⁴⁾.

ломъ IV, на котораго онъ, вѣроятно, и намекаетъ, потому что вѣрилъ въ его *личныя способности*. Дзумбини дѣлаетъ отсюда такой выводъ. *Dunque, dacchè l'imperatore non provvedea, non ci restava da sperare che in Cristo: dunque, per salvar l'Italia da quel flagello di mercenari non c'era, quanto a rimedi umani, che l'ajuto dell'imperatore.* Studj. p. 238.

¹⁾ Ibid. p. 251.

²⁾ Ibid. p. 259.

³⁾ Ibid. p. 259—260.

⁴⁾ Дзумбини считаетъ возможнымъ предполагать, что Петрарка „не придавалъ особаго значенія образованію большаго числа итальянскихъ владѣній“,

Ошибочное представление о Петраркѣ, какъ о завязтомъ и послѣдовательномъ гибеллинѣ, не мѣшало Дзумбини выяснитъ отличія его отъ Данте; поэтому ихъ разногласія указаны лучше и вѣрнѣе, чѣмъ сходство. Онъ объясняетъ ихъ тремя причинами: различіемъ эпохъ, историческихъ взглядовъ и философскихъ пріемовъ и воззрѣній. Данте болѣе записалъ имперію, Петрарка—Римъ, потому что первый имѣлъ въ виду главнымъ образомъ буллу *Unam sanctam* Бонифація VIII, второй—одичаніе священнаго города вслѣдствіе удаленія папъ въ Авиньонъ ¹⁾). Впадая далѣе въ противорѣчіе съ самимъ собою, Дзумбини говоритъ, что для Петрарки не былъ необходимъ императоръ, какъ для Данте, что ему достаточно всемірнаго главенства Рима ²⁾), что зависѣло „отъ различія философіи исторіи у каждаго изъ нихъ“. Третья причина разногласій подмѣчена у Дзумбини весьма тонко. Данте былъ политическій философъ; его теорія была построена а priori, и исторія служила для него только иллюстраціей; вслѣдствіе этого его политическіе идеалы не ограничивались Италіей, а касались всего человѣческаго рода. У Петрарки не было связанной теоріи: „весь его идеаль былъ въ исторіи“; „исторія была для него вмѣстѣ исторіей и философіей, въ одно и то же время и реальностью, и идеалом“. Заимствуя свои идеалы изъ прошлой дѣйствительности, Петрарка имѣлъ въ виду „Италію, а не весь міръ“, и установленіе міровыхъ порядковъ „имѣло для него второстепенное значеніе“ ³⁾). Этотъ взглядъ, совсѣмъ новый въ литературѣ о Петраркѣ, устанавливаетъ настоящую точку зрѣнія на его политическую дѣятельность; но самъ Дзумбини не провелъ ее послѣдовательно въ своей книгѣ.

Обильный матеріаль, который доставили изданіе неизвѣстныхъ прежде сочиненій Петрарки и обильная литература новыхъ монографическихъ изслѣдованій, былъ переработанъ въ 1788 году мюнстер-

какъ lo stato visconteo (p. 260), хотя онъ и служилъ долго и усердно миланскимъ тираннамъ.

¹⁾ Studj p. 242—245 и 254.

²⁾ На страницѣ 256 Дзумбини говоритъ: Dante credeva che da Roma, sovrana del mondo, dovesse asser fatto l'imperatore, sovrano alla sua volta anche di Roma... Ma per il Petrarca, questa perfetta e rigorosa unità non era necessaria, o piuttosto non era necessario un imperatore perchè la si potesse conseguire: bastava a tale effetto la sovranità di Roma. На страницѣ 259: Tanto per uno, quanto per l'altro, il ristabilimento della grandezza d'Italia non era possibile, se non per virtù di quella antica istituzione, che avea fatto di Roma la signora del mondo.

³⁾ Ibid. p. 257, 258.

скимъ профессоромъ романской и англійской филологіи *Густавомъ Кёртингомъ*. Его книга ¹⁾ представляетъ собою самое обстоятельное изъ до сихъ поръ написанныхъ сочиненій о первомъ гуманистѣ, и въ этомъ заключается ея главное достоинство. Кромѣ обширнаго введенія объ источникахъ для біографіи Петрарки, книга распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой переданы внѣшніе факты его жизни, а во второй характеризуемъ его внутренній міръ и изложены съ критической оцѣнкой его сочиненія. Кёртингъ устанавливаетъ въ введеніи вѣрную точку зрѣнія на значеніе Петрарки и на его личность. На первый планъ онъ ставитъ Петрарку-гуманиста; какъ поэтъ, онъ приобрѣлъ только „второстепенное безсмертіе“ и стоитъ ниже Данте и даже Боккаччіо; но „онъ создалъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ Данте и Боккаччіо, чѣмъ какой-нибудь другой культурный герой (Geistesheros) древняго и новаго міра: онъ творецъ новой формы культуры, онъ отецъ (Erzeuger) и основатель Ренессанса“ ²⁾. Кёртингъ признаетъ далѣе двойственность въ дѣятельности и сочиненіяхъ Петрарки, которую столь блестяще выставилъ на видъ Фогтъ, и объясняетъ ее, подобно своему предшественнику, положеніемъ перваго гуманиста на границѣ двухъ эпохъ, что усиливалось мягкостію и крайней субъективностью его натуры ³⁾. Вслѣдствіе этого, біографія Петрарки имѣетъ особенное значеніе для пониманія его литературной дѣятельности, и Кёртингъ ставитъ своей задачей написать такой комментарий. „Сообразно плану нашей книги, говоритъ онъ, ея біографическая часть не составляетъ самостоятельной цѣли; она только средство, хотя и весьма важное для пониманія Петрарки“ ⁴⁾. Только итальянецъ, по его мнѣнію, можетъ написать вполне обстоятельную и критическую біографію; задача иностраннаго изслѣдователя должна сводиться къ изученію его гуманистической дѣятельности, которая выражается главнымъ образомъ въ латинскихъ сочиненіяхъ. На нихъ Кёртингъ и обращаетъ особенное вниманіе, и въ этомъ заключается второе важное достоинство его книги.

Но, несмотря на то, что Кёртингъ называетъ біографическую часть своего сочиненія „эскизомъ“, она составляетъ большій отдѣлъ

¹⁾ *Petrarca's Leben. und Werke von Dr. Gustav Körting. Leipzig 1878. (Geschichte der Literatur Italiens im Zeitalter der Renaissance von G. Körting. 1. Band).*

²⁾ *Petrarca's Leben.* p. 2 и 3.

³⁾ *Ibid.* p. 4, 8 и 9. Кёртингъ иногда повторяетъ Фогта, иногда полемируетъ съ его воззрѣніями; но нигдѣ ни разу не упоминаетъ о его книгѣ.

⁴⁾ *Ibid.* p. 10.

книги ¹⁾). Опираясь на обстоятельное изучение сочинений Петрарки и в особенности его писемъ, а также на цѣнные примѣчанія Фракассетти, Гортиса и въ соответствующихъ главахъ на изслѣдованія Ронкини, Ромусси, Мальминьяти и Бароцци ²⁾, онъ весьма тщательно собралъ почти всѣ свѣдѣнія о жизни Петрарки, иногда даже совсѣмъ ненужныя ³⁾. Сталкиваясь съ затрудненіями хронологическими или съ недостаточностью и неясностью источниковъ, Кертингъ дѣлаетъ критическія экскурсіи, иногда черезчуръ обстоятельныя ⁴⁾. Онъ старается далѣе характеризовать личность Петрарки, выяснитъ вліяніе современныхъ событій на его жизнь, указать мотивы его дѣйствій и объяснить историческое значеніе отдѣльныхъ фактовъ изъ его біографіи, и по временамъ это ему и удается. Такъ, онъ очень живо изображаетъ любовь Петрарки ⁵⁾, весьма безпристрастно описываетъ несимпатичныя черты его характера, проявившіяся въ полемикѣ ⁶⁾, и мѣтко приписываетъ чумѣ 1348 года важное вліяніе на усиленіе средневѣковыхъ чувствъ и воззрѣній начинавшаго старѣть гуманиста ⁷⁾. Мы видѣли далѣе, что мотивы для коронованія и стремленіе къ церковнымъ должностямъ Кертингомъ оцѣнены и глубже, и справедливѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Фогтъ. Въ 1349 году Петрарка составилъ планъ устроить съ нѣсколькими друзьями общежитіе, и Кертингъ очень вѣрно подмѣтилъ въ этомъ своеобразное соединеніе средневѣкового монашества съ гуманистическими стремленіями ⁸⁾. Но съ особенной тонкостью объясняетъ онъ историческій смыслъ сближенія Петрарки съ Робертомъ Неаполитанскимъ. Какъ извѣстно, передъ коронованіемъ Петрарка добровольно подвергъ себя экзамену стараго Роберта, и король экзаменовалъ поэта и ученаго цѣлыхъ три дня съ полудня и до вечера и потомъ подарилъ ему свою пурпуровую мантию. Въ этомъ фактѣ Кертингъ совершенно справедливо видитъ рѣзкое проявленіе характерныхъ чертъ новаго времени. Дружба

¹⁾ 418 страницъ изъ 717.

²⁾ Но Кертингъ съ пренебреженіемъ относится къ равнымъ біографамъ Петрарки (р. 37, 38) и совсѣмъ не упоминаетъ при ихъ перечисленіи Vandinі, незнакомство съ которымъ нѣсколько повредило обстоятельности его книги.

³⁾ Таковъ, напр., рассказъ о томъ, какъ Петрарка ушибъ себѣ ногу сочиненіями Ципперова. Ibid р. 3 и 7.

⁴⁾ См., напр., вопросъ о путешествіяхъ Петрарки р. 125 и слѣд.

⁵⁾ Ibid. р. 702—6.

⁶⁾ Ibid. р. 428—30 и 619.

⁷⁾ Ibid. р. 237—39.

⁸⁾ Ibid. р. 244.

короля съ безроднымъ клирикомъ, могучимъ и благороднымъ только талантомъ и знаніями, указываетъ, что средневѣковыя сословныя преграды пали и что народилась безусловная аристократія ума и таланта. Характеренъ также и королевскій подарокъ. Средневѣковые государи дарили поэтамъ деньги, платье, коней и т. п., и въ этихъ подачкахъ обнаруживалось только пренебреженіе къ поэзіи. Пурпуръ Роберта возвышалъ поэта, выражалъ не награду за удовольствіе, а признаніе важности и высокой цѣны его дѣятельности. Отсюда произошло новое меценатство, которое нашло многочисленныхъ подражателей во всѣхъ легальныхъ и нелегальныхъ государствахъ Ренессанса. И относительно этого послѣдняго факта Кёртингъ дѣлаетъ очень вѣрное замѣчаніе. До наступленія новаго времени государство не принимало на себя заботы о наукѣ и искусствѣ; то и другое находилось подъ вѣдѣніемъ церкви. Новое меценатство послужило первымъ проявленіемъ государственной заботы о духовной культурѣ, первымъ признаніемъ за государствомъ новой и чрезвычайно важной функціи. „Впервые чрезъ это, говоритъ Кёртингъ, честолюбію государя была поставлена достойная и истинно идеальная цѣль, впервые чрезъ это былъ подготовленъ, по крайней мѣрѣ, періодъ просвѣщенія (Gesittung) и гуманности, впервые чрезъ это государь сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть—верховнымъ жрецомъ просвѣщенія, вождемъ въ стремленіи къ высшимъ духовнымъ благамъ человѣчества“ ¹⁾.

Еще болѣе интереса представляетъ вторая половина книги, которая начинается выясненіемъ „объема знанія Петрарки“. Кёртингъ признаетъ односторонность въ его знаніяхъ: онъ зналъ только древность, да и то неполно; количественно его знакомство съ латинской литературой немногимъ разнилось отъ знаній средневѣковыхъ ученыхъ, но качественно оно стояло на недостижимой для его предшественниковъ высотѣ. Кёртингъ превосходно выясняетъ эту разницу: въ средніе вѣка знали классиковъ отрывочно, систематично ихъ не изучали и пренебрегали или даже враждебно относились къ ихъ содержанію. Для схоластики латинская литература представляла собою безсвязный складъ изреченій и анекдотовъ, которыми пользовались для внѣшняго украшенія ученыхъ работъ и которые часто наряжали въ средневѣковой костюмъ. Петрарка впервые сталъ изучать древность ради нея самой, стремился понять людей и событія, каковы они были на самомъ дѣлѣ, съ любовью и уваженіемъ старался усвоить

¹⁾ Ibid. p. 167—170.

себѣ ихъ идеи, разгадать настроеніе—и въ этомъ его главная заслуга. „Петрарка—не самый ученый гуманистъ,—послѣ него были несравненно болѣе ученые,—тѣмъ не менѣе онъ былъ не только первый, но и величайшій изъ гуманистовъ, потому что онъ разрѣшилъ труднѣйшую задачу гуманизма: разбить оковы средневѣкового мышленія; онъ впервые создалъ атмосферу, въ которой только и могли вырѣсть плоды гуманистическаго духовнаго развитія“¹⁾. Установивъ эту общую точку зрѣнія, Кёртингъ подробно разсматриваетъ, какъ и кого изъ древнихъ авторовъ зналъ Петрарка, какъ относился онъ къ христіанскимъ писателямъ и средневѣковой литературѣ и какъ смотрѣлъ на средневѣковую науку и искусство. Эта глава вмѣстѣ съ другою, болѣе слабой—„Литературная дѣятельность Петрарки“—служитъ введеніемъ къ изложенію его сочиненій, которое Кёртингъ начинаетъ съ философскихъ трактатовъ. Выше мы разсмотрѣли его оцѣнку сочиненій Петрарки; но, независимо отъ нея, эта часть книги имѣетъ значеніе, какъ первая попытка познакомить неспеціалиста съ латинскими произведеніями родоначальника гуманизма. Что касается до самаго изложенія, то въ общемъ оно въ достаточной мѣрѣ обстоятельно²⁾ и вполне удовлетворительно. Кёртингъ не довольствуется простымъ пересказомъ текста, но сопровождаетъ его иногда сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ³⁾ и указаніемъ источниковъ, къ сожалѣнію, только далеко не всегда⁴⁾. Изложенію поэтическихъ произведеній Петрарки онъ предпосылаетъ очень хорошую характеристику его воззрѣній на поэзію, доказывая, что первый лирикъ новой литературы очень ее любилъ и горячо защищалъ ея право на существованіе, но цѣнилъ въ ней главнымъ образомъ аллегорію и отрицалъ драму, какъ безнравственное искусство⁵⁾. Сообразно своему воззрѣнію на Петрарку, Кёртингъ посвящаетъ только одну коротенькую главу его итальянской поэзіи. Кромѣ того, онъ далеко не безусловный поклонникъ *Canzoniere*: отдавая должное тѣмъ сти-

¹⁾ Ibid. p. 471. Для вопроса объ отношеніи къ древности вообще см. p. 462—72.

²⁾ Обстоятельнѣе другихъ изложены философскіе трактаты, кромѣ *De remediis* и въ особенности историческія сочиненія. Вообще 11-я глава, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ, одна изъ лучшихъ въ книгѣ. Слишкомъ коротко изложены эклоги. См. p. 678—79.

³⁾ См. напр. p. 548.

⁴⁾ Источники иногда указаны и въ философскихъ трактатахъ (см. напр. p. 576 и *passim*), но мимоходомъ. Вполнѣ послѣдовательно держится Кёртингъ этого правила только при изложеніи Африки, p. 657 и слѣд.

⁵⁾ Ibid. p. 650—54.

хотвореніемъ, гдѣ Петрарка вполнѣ естествененъ, онъ находитъ между ними много шаблонныхъ, манерныхъ и гораздо выше ставить тѣ изъ нихъ, которыя написаны на смерть Лауры, потому что они кажутся ему болѣе искренними ¹⁾. Поэтому, большая часть главы занята характеристикой отношеній Петрарки къ Лаурѣ по его собственнымъ указаніямъ, при чемъ Кёртингъ раздѣляетъ воззрѣніе на ея личность Де-Сада ²⁾.

Послѣдняя біографія Петрарки по мѣткости отдѣльныхъ замѣчаній, а главнымъ образомъ по фактической полнотѣ и обстоятельности, несомнѣнно превосходитъ всю предшествующую литературу этого вопроса и составляетъ важное, даже необходимое пособие для его дальнѣйшаго изученія. Но исчерпывающей предметъ книгой она не можетъ быть названа, потому что оставляетъ весьма существенные пробѣлы по многимъ и весьма важнымъ пунктамъ. Во-первыхъ, Кёртингъ, отмѣчая культурно-историческую важность отдѣльныхъ сторонъ настроенія Петрарки, почти совершенно игнорируетъ огромное значеніе его послѣдовательныхъ перемѣнъ. Далѣе признавая крайнюю впечатлительность натуры Петрарки, Кёртингъ не слѣдитъ систематически за связью между внѣшними событіями его жизни и настроеніемъ. Такъ, холодное отношеніе Петрарки къ своей семьѣ въ дѣтствѣ и ранней молодости ³⁾ совсѣмъ не оцѣнено для его настроенія и воззрѣній, и то же самое можно сказать вообще о событіяхъ за этотъ періодъ его жизни. Его пребываніе въ Авиньонѣ съ этой точки зрѣнія оцѣнено весьма односторонне: Кёртингъ указываетъ вліяніе жизни въ бойкомъ центрѣ разнородныхъ интересовъ и разнообразныхъ отношеній на разносторонность міросозерцанія Петрарки, но не отмѣчаетъ слѣдовъ знакомства съ куріей на его отношеніи къ папству, хотя они обнаруживаются въ каждомъ изъ „писемъ безъ адреса“. Самое настроеніе Петрарки и его отдѣльные поступки объяснены далеко не всегда убѣдительно ⁴⁾. Такъ Кёр-

¹⁾ Ibid. p. 707—710. —

²⁾ Ibid. p. 688 и слѣд.

³⁾ Ibid. p. 45 и 54.

⁴⁾ Кёртингъ отыскиваетъ иногда черезчуръ старательно въ поступкахъ Петрарки указаніе на его настроеніе. Такъ, на цѣлыхъ 10 страницахъ (p. 119—128) онъ пытается доказать, что въ 1337 году Петрарка вернулся изъ Рима въ Авиньонъ черезъ Барселону, Пиренеи и Lombes, а не плылъ по Гибралтару и Ламаншу, какъ думаютъ нѣкоторые. Читателю можетъ показаться, говорить онъ, что этотъ вопросъ не заслуживаетъ такого вниманія; но Петрарка лѣчился этимъ путешествіемъ отъ любви; поэтому, при прежнемъ взглядѣ пришлось бы признать въ немъ сентиментальность, такъ

тингъ сильно преувеличиваетъ меланхолю (*acedia*) Петрарки, считая ее „нехристианскимъ пессимизмомъ, который доходитъ даже до нигилизма“¹⁾. Кроме того, главною причиною принятія имъ духовнаго сана онъ считаетъ экомическія соображенія и не приводитъ для этого никакихъ доказательствъ²⁾, хотя самъ же постоянно настаиваетъ на его крайнемъ благочестіи. То же самое можно сказать относительно самыхъ важныхъ событій въ жизни Петрарки, какъ, напр., причины его уединенія въ Воклюзъ. Кёртингъ сводитъ ихъ главнымъ образомъ къ чисто внѣшнимъ и случайнымъ фактамъ — неудобства Авиньона, нежеланіе встрѣчаться съ Лаурой, рожденіе ребенка и т. п.³⁾. Эти недостатки вытекаютъ главнымъ образомъ изъ самаго метода книги. Кёртингъ почти совершенно игнорируетъ вліяніе теоретическаго міросозерцанія на поступки Петрарки. Это сказалось уже въ оцѣнкѣ источниковъ, такъ какъ латинскимъ трактатамъ онъ отводитъ третъестепенное мѣсто для біографіи⁴⁾. Но особенно это чувствуется въ самой біографіи. Внутренній разладъ въ душѣ Петрарки, который Кёртингъ констатируетъ еще въ 1333 году, является совершенно неожиданнымъ и ничѣмъ не мотивированнымъ, кромѣ общей фразы, хотя въ другомъ мѣстѣ онъ и признаетъ, что причину этого явленія слѣдуетъ искать въ отношеніи Петрарки къ религіи и философіи⁵⁾. Мы видѣли, что, имѣя въ виду обвиненіе Фогта, Кёртингъ вѣрно объяснилъ отношеніе Петрарки къ Колоннамъ, принявъ во вниманіе его политическія воззрѣнія. Но онъ совершенно оставляетъ эту точку зрѣнія при объясненіи его отношеній къ тираннамъ и заставляетъ Петрарку видѣть въ Аццо-ди-Корреджіо Брута и любоваться ловкостью Джіованни Висконти, забывши о его порокахъ и преступленіяхъ⁶⁾. Другой методологическій промахъ Кёртинга заключается въ недоста-

какъ онъ лѣчился безцѣльнымъ страствованіемъ. Доказательство Кёртинга должно убѣдить читателя, что Петрарка ѣхалъ въ Lombes, гдѣ у него былъ каноникатъ; слѣдовательно, имѣлъ практическую цѣль для путешествія и подъ вліяніемъ любви выбралъ только болѣе длинную дорогу: „у него была, конечно, меланхолия, но онъ не зналъ силва“ (p. 128).

¹⁾ Ibid. 559.

²⁾ Онъ опирается на весьма мало убѣдительныя въ этомъ случаѣ показанія старыхъ біографовъ: Доминико Аретиво и Манетти, p. 65.

³⁾ Ibid. p. 129—130; 142—45.

⁴⁾ Ibid. p. 33.

⁵⁾ Es rangen in ihm der mittelalterliche und der moderne Mensch (p. 92). Ср. p. 410—12.

⁶⁾ Ibid. 188—89 и 295—97.

точно критическомъ отношеніи къ источникамъ. Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „біографія Петрарки въ существенныхъ чертахъ можетъ и должна быть рассказана на основаніи его собственныхъ показаній“; но, забывая о крайней субъективности и неискренности Петрарки, которую самъ же отмѣчаетъ ¹⁾, онъ прибавляетъ, что его біографъ „въ правѣ вообще отказаться отъ другого матеріала“ ²⁾. Это излишнее довѣріе къ автобіографическимъ показаніямъ повлекло за собою преувеличенное представленіе объ основательности знаній Петрарки и о необыкновенной тщательности его литературныхъ работъ ³⁾, что стоитъ въ противорѣчій съ оцѣнкою самимъ же Кёртингомъ отдѣльныхъ его сочиненій.

Столь же многого оставляетъ желать и другая важная сторона въ біографіи Петрарки—его умственный кругозоръ. Въ книгѣ Кёртинга нѣтъ не только исторіи воззрѣній Петрарки, но и систематическаго изображенія его міросозерцанія. Его противорѣчія, столь замѣтныя почти во всѣхъ трактатахъ и письмахъ, не только не объяснены, но далеко не всегда и отмѣчены; такъ же мало выяснена и связь его идей съ окружающею внѣшней обстановкою и съ внутренней жизнью. Наконецъ, трудно согласиться съ изображеніемъ и объясненіемъ отдѣльныхъ взглядовъ Петрарки. Кёртингъ почти мимоходомъ касается вопроса о его отношеніи къ религіи и философіи, одного изъ самыхъ существенныхъ въ исторіи Ренессанса ⁴⁾, и рѣшаетъ его крайне поверхностно и далеко неудовлетворительно. Петрарка не разъ заявляетъ о своей любви къ философіи и не скрываетъ своего отвращенія къ метафизическимъ вопросамъ, все равно, обсуждаются ли они схоластиками или древними. Суть дѣла заключается для него въ морали, съ которой сводитъ онъ и философію и богословіе, и съ этой точки зрѣнія онъ вполне послѣдователенъ ⁵⁾. Кёртингъ смотритъ на это иначе. По его мнѣнію, Петрарка—дилетантъ въ философіи и въ этомъ отношеніи „онъ не только не могъ освободиться отъ оковъ связаннаго средневѣковаго мышленія, но держался его съ извѣстной преднамѣренностью и старательностью“.

¹⁾ Ibid. p. 205, 406--407.

²⁾ Ibid. p. 37.

³⁾ Ibid. p. 515, 518—21.

⁴⁾ Изъ 700 страницъ онъ посвящаетъ ему только 7 (407—12 и 506—7), включая сюда обширныя выписки.

⁵⁾ См. *De sui ipsius et multorum ignorantia* Op. p. 1038, 1048, 1052 и *passim*. Также очень характерный въ этомъ отношеніи трактатъ *De vera sapientia* и весьма важное письмо къ брату (*Epist. famil. XVII, 1*).

Петрарку, враждебнаго средневѣковой схоластической богословіи, требующаго простоты и непосредственности въ отношеніи къ религіи, можно признать философомъ стараго направленія только въ томъ случаѣ, если главными его выразителями считать мистиковъ, въ которыхъ видятъ обыкновенно предшественниковъ реформаціи. Невѣрный взглядъ на Петрарку-философа Кёртингъ доказываетъ мало убѣдительными соображеніями. „Онъ былъ лирическимъ поэтомъ и въ своемъ мышленіи; поэтому философскія абстракціи были постольку ему симпатичны, поскольку онѣ обладали идеальнымъ содержаніемъ (von einem idealen Inhalten erfüllt waren), какъ Платоновы идеи, и были ему ненавистны, если представлялись въ формѣ сухихъ логическихъ формулъ“. Кёртингъ не подтверждаетъ этого тезиса ни одной ссылкой на сочиненія Петрарки, между тѣмъ какъ рядомъ цитатъ можно доказать, что Платонъ, какъ философъ, не имѣлъ особой цѣны въ глазахъ перваго гуманиста ¹⁾, который сурово порицалъ его за политическіе идеалы ²⁾ и, если ставилъ его выше Аристотеля, то главнымъ образомъ потому, что считалъ его ученіе болѣе родственнымъ и близкимъ христіанству ³⁾. Съ другой стороны, Петрарка не игнорировалъ философскихъ абстракцій, если онѣ имѣли отношеніе къ интересовавшей его этикѣ, и съ этой точки зрѣнія интересовался не только Аристотелемъ, но и Платиномъ ⁴⁾. Далѣе, отсутствіе интереса у Петрарки къ философіи, правильнѣе къ метафизикѣ, Кёртингъ объясняетъ его незнакомствомъ съ греческой литературой. Съ этимъ точно также едва-ли можно согласиться: въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка появились переводы Аристотеля и Платона, сдѣланные отцомъ и сыномъ Дечембріо, а главнымъ образомъ Леонарда Бруни; но интересъ къ метафизикѣ появляется только въ концѣ XV вѣка. Причина заключалась гораздо глубже, въ самомъ направленіи мысли первыхъ гуманистовъ, которые гораздо болѣе были заинтересованы внутреннимъ міромъ человѣка, чѣмъ теоретическими вопросами о происхожденіи и сущности внѣшнихъ вещей. Философское міросозерцаніе Петрарки Кёртингъ называетъ „туманнымъ, неяснымъ, расплывающимся“, но эти эпитеты гораздо больше относятся къ его изложенію, чѣмъ къ мысли перваго гуманиста.

Что касается до религіозныхъ и моральныхъ воззрѣній Петрарки,

¹⁾ De ignorantia, p. 1044 и 1055.

²⁾ De remediis, p: 63 и 64.

³⁾ De ignorantia, p. 1052—53.

⁴⁾ Ibid. p. 1051 и De vita solitaria, p. 236.

то ихъ систематическаго изложенія совсѣмъ нѣтъ въ біографіи, точно такъ же какъ и его взглядовъ на человѣческую природу, на науку и на жизнь вообще. Нѣсколько подробнѣе останавливается Кёртингъ на его отношеніи къ политикѣ. Петрарка, по его мнѣнію, совершенный идеалистъ, который „самымъ грубымъ образомъ не понималъ реальныхъ отношеній и, вполнѣ ихъ игнорируя, предавался самымъ запутаннымъ мечтаніямъ политической фантазіи“¹⁾. Его одновременное приглашеніе въ Римъ и папы и императора показываетъ, по мнѣнію Кёртинга, что онъ „запутался среди безыходныхъ противорѣчій въ своихъ собственныхъ теоріяхъ“²⁾. Кёртингъ признаетъ однако, что Петрарка былъ монархистъ, и въ этомъ отношеніи нѣтъ „основной разницы“ между нимъ и Данте. Этотъ универсальный монархизмъ, раздѣляемый и позднѣйшими гуманистами, онъ объясняетъ вліяніемъ римской литературы Августовой эпохи, смуть и неурядицъ современной дѣйствительности и неудобствомъ республиканской формы для развитія индивидуализма³⁾. Но сочиненія Петрарки обнаруживаютъ въ его политическихъ воззрѣніяхъ гораздо больше и теоретической послѣдовательности, и практическаго здравомыслія. Въ предшествующей литературѣ онъ встрѣчалъ самые разнообразныя политическіе идеалы—и республиканское народовластіе, и всемірную монархію римскихъ императоровъ, и средневѣковое двоевластіе, и мы не можемъ указать въ данномъ случаѣ рѣшающаго литературнаго вліянія. Выборъ теоріи подсказывался дѣйствительностью⁴⁾. Петрарка одинаково ненавидѣлъ и хищныхъ бароновъ, и необузданную толпу⁵⁾ и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ является жаркимъ поклонникомъ порядка, какая бы политическая форма его ни осуществляла. Поэтому онъ защищаетъ Кола-ди-Ріенцо, служить тираннамъ и Венеціанской республикѣ. Прогрессивной политической формой въ эту эпоху въ сѣверной Европѣ была монархія, и въ Италіи городскія республики или уже пали, или переживали тѣ смуты и неурядицы, которыя характеризуютъ всякую политическую форму наканунѣ ея паденія, и Петрарка въ теоріи и на практикѣ становится рѣшительнымъ монархистомъ. Эту тенденцію усиливалъ индивидуализмъ, но совсѣмъ по другимъ соображеніямъ, чѣмъ ду-

¹⁾ Petrarca's Leben, p. 315.

²⁾ Ibid. 321.

³⁾ Ibid. p. 316—18.

⁴⁾ См. сравненіе средневѣковой имперіи съ древней. De vita solit. II, 4. 4, а также Epist. fam. XXII, 14.

⁵⁾ Epist. senil. II, 1.

маеть Кёртингъ. Мысль о несовмѣстимости индивидуальнаго развитія съ республиканской формой, недоказательная сама по себѣ ¹⁾, была совершенно чужда гуманистамъ; но они вѣрили въ безграничное могущество личности при установленіи политическихъ порядковъ. Отсюда объясняется видимое противорѣчіе Петрарки, который называлъ современную имперію „пустымъ именемъ“ и возлагалъ надежды на Карла IV, презиралъ толпу и вѣрилъ въ ея трибуна, громилъ куріи и ожидалъ спасенія Рима отъ папы. Въ этомъ же заключается объясненіе и другого болѣе глубокаго противорѣчія. Петрарка — моралистъ по преимуществу и держится этой точки зрѣнія въ своихъ политическихъ трактатахъ ²⁾, но въ дѣйствительности онъ служитъ безнравственному тиранну и не только за страхъ (внѣшней необходимости у него не было никакой), но и за совѣсть. Чувство патріотизма и любовь къ порядку побуждали дать диспенсацию отъ морали тому, который казался способнымъ устранить политическія бѣдствія. Рѣчи Петрарки въ интересахъ тиранновъ были предшественницами трактата Маккиавелли, хотя Кёртингъ и находитъ широкую пропасть между обоими мыслителями ³⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что преувеличеніе вліянія личности на политическій строй — крупный недостатокъ политическихъ теорій Петрарки, но эта ошибка тѣмъ извинительнѣе для гуманиста XIV вѣка, что его біографъ считаетъ возможнымъ въ концѣ XIX столѣтія такое разсужденіе. „Совсѣмъ по-другому — лучше ли, этотъ вопросъ можно оставить нерѣшеннымъ — сложился бы ходъ всемірной исторіи, если бы на тронѣ Германіи вмѣсто Карла IV сидѣлъ государь, болѣе заинтересованный гуманизмомъ, и вмѣсто Карла V болѣе одушевленный реформаціей. Вѣроятно, въ обоихъ случаяхъ была бы основана всемірная монархія“ ⁴⁾.

Вслѣдствіе этихъ пробѣловъ біографія Кёртинга не даетъ ни систематически изложеннаго міросозерцанія Петрарки, ни цѣльнаго образа его личности. Въ силу этого не вполне удалось автору выяснить и историческое значеніе перваго гуманиста.

Біографія Петрарки должна между прочимъ выяснить причины, сдѣлавшія его гуманистомъ. Этотъ вопросъ имѣетъ огромную важ-

¹⁾ Паденіе съ развитіемъ индивидуализма античныхъ республикъ, на которое ссылается Кёртингъ (р. 318), ничего не доказываетъ, потому что при подобномъ индивидуализмѣ невозможна никакая политическая форма.

²⁾ *De republica optime administranda*. Opera p. 372.

³⁾ Körtling p. 436.

⁴⁾ *Ibid.* p. 323.

ность для объясненія цѣлаго движенія, созданнаго главнымъ образомъ, если не исключительно, индивидуальными потребностями. Но Кёртингъ не только не даетъ на него отвѣта, но и самый вопросъ объявляетъ „такъ же глупымъ, какъ если бы кто спросилъ, почему Шекспиръ сдѣлался великимъ драматургомъ или Гёте сталъ значительнымъ поэтомъ“). По его мнѣнью, „Петрарка сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, потому что онъ долженъ былъ сдѣлаться именно этимъ, потому что онъ былъ орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, которое желало совершить чрезъ него культурный переворотъ“. Мало того, Петрарка былъ „орудіемъ сопротивляющимся“ и сдѣлался родоначальникомъ гуманизма противъ своей воли. „Если бы онъ могъ слѣдовать своимъ личнымъ наклонностямъ, думаетъ Кёртингъ, то онъ охотно остался бы вполне на почвѣ средневѣкового мышленія и чувствованія“ ¹⁾). Такая точка зрѣнія естественно вела къ игнорированью среды и къ переоцѣнкѣ личности. Но, противорѣча нѣсколько основному положенію, Кёртингъ допускаетъ, что у Петрарки были сотрудники ²⁾, и даетъ свѣдѣнія о его друзьяхъ. Правда, эти свѣдѣнія очень скудны, но вина за это лежитъ не на авторѣ: онъ тщательно собралъ все, что находится въ сочиненіяхъ Петрарки и въ примѣчаніяхъ Фракассетти; болѣе печатныхъ матеріаловъ нѣтъ, да и рукописные еще подлежатъ открытію. Отчасти этимъ объясняются многочисленныя преувеличенія въ оцѣнкѣ Петрарки. Такъ, этотъ недостатокъ съ особенной рельефностью проявляется въ вопросѣ о путешествіяхъ Петрарки и его отношеніи къ ландшафту. Не подлежитъ сомнѣнію, что любовь къ странствіямъ изъ желанія видѣть новое и полюбоваться невиданнымъ сильно развилась въ эпоху гуманизма по причинамъ, понятнымъ а priori и не разъ выясненнымъ литературой. Но никоимъ образомъ нельзя назвать виновникомъ этого настроенія Петрарку. Возвращаясь въ старческихъ письмахъ къ воспоминаніямъ юности, первый гуманистъ самъ рассказываетъ, какъ однажды въ ранней молодости онъ принималъ участіе въ далекой прогулкѣ, предпринятой его отцомъ и дядей его товарища съ исключительной цѣлью полюбоваться красотой пейзажа ³⁾. Кёр-

¹⁾ Ibid. p. 538 и 539. Можетъ быть, эта точка зрѣнія навѣяна слѣдующими нѣсколько неопредѣленными словами Форга: Was die Bedeutung des Genius in der Weltgeschichte ist und dass er wirklich mehr wie eine singuläre Wundererscheinung als wie ein aus nachweisbaren Factoren gewordenes Product zu betrachten ist, wird an seiner (Petrarca's) Gestalt auf das Ueberraschendste klar (Die Wiederbelebung. 1859 p. 12).

²⁾ Körtling, p. 5.

³⁾ Epist. senil. X, 2.

тингъ самъ приводитъ этотъ разсказъ ¹⁾, тѣмъ не менѣе онъ не только считаетъ Петрарку „первымъ новымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи“ ²⁾, но и называетъ его восхожденіе на Mont Ventoux „дѣлающимъ эпоху фактомъ, котораго одного было бы достаточно, чтобы доставить ему право на почетное названіе перваго новаго человѣка“, сравниваетъ эту прогулку съ сожженіемъ папской буллы Лютеромъ и, забывая о приведенномъ разсказѣ, утверждаетъ, что ни одинъ средневѣковой человѣкъ не совершилъ путешествія, чтобы насладиться красивымъ ландшафтомъ“ ³⁾.

Точно также преувеличиваетъ Кёртингъ и значеніе коронованія Петрарки. Можно съ увѣренностью предположить, что на-ряду съ другими почестями коронованіе перваго гуманиста содѣйствовало распространенію новаго движенія и возвышало положеніе его представителей; но Кёртингъ совсѣмъ бездоказательно считаетъ его событіемъ, единственнымъ въ анналахъ не только города Рима, но и всего рода человѣческаго: это — „всемирно-историческое событіе въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова“. Онъ знаетъ, что подобныя почести оказывались и раньше, и послѣ; но Петрарка получилъ лавры въ Римѣ, который не былъ ни его родиной, ни мѣстожителемъ и „черезъ это торжество вышло изъ тѣсныхъ рамокъ мѣстнаго и даже національнаго праздника и получило универсальный характеръ“ ⁴⁾. Едва ли можно удовлетвориться такимъ аргументомъ для признанія за событіемъ всемирно-исторической важности. Иногда эти преувеличенія влекутъ за собою совершенно удивительные выводы. Кёртингъ держится того взгляда, что „основной характеръ Возрожденія остался римскимъ (а не греческимъ) до сегодняшняго дня“; ниже мы увидимъ, насколько основательна самая постановка такого вопроса, формулированнаго впрочемъ не Кёртингомъ. Но какъ бы то ни было, предлагаемое имъ объясненіе этого факта бросаетъ яркій свѣтъ на его пониманіе всего движенія. „Грекъ Варлаамъ, говоритъ онъ, быстрымъ удаленіемъ изъ Авиньона лишивши Петрарку возможности болѣе глубокаго изученія эллинскаго языка и образованія, разрушилъ гордое зданіе будущаго и рѣшилъ на столѣтія судьбу народовъ Европы. Малыя причины, великія дѣйствія!“ ⁵⁾.

¹⁾ Petrarca's Leben, p. 66—67.

²⁾ Ibid. p. 88.

³⁾ Ibid. p. 105, 109, 106.

⁴⁾ Ibid. p. 174 и 175.

⁵⁾ Ibid. p. 154.

Эти странные выводы естественно вытекают из взгляда Кёртинга на Петрарку, которого онъ считаетъ творцомъ гуманизма въ буквальномъ смыслѣ слова. Вслѣдствіе этого, напр., онъ объясняетъ направленіе философской мысли позднѣйшихъ гуманистовъ примѣромъ Петрарки ¹⁾. Особенно характерно проявляется эта точка зрѣнія въ ненужныхъ и анти-научныхъ гипотезахъ, которыя любитъ дѣлать Кёртингъ. Такъ, по его мнѣнію, „Петрарка, одаренный энергіей (Thatkraft) Ренцо, или Ренцо, вооруженный обдуманностью Петрарки, совершилъ бы политическое возрожденіе и объединеніе Италіи“ — въ этомъ Кёртингъ убѣжденъ и только сомнѣвается, годилась ли бы объединенная Италія для Ренессанса ²⁾. Точно также онъ предполагаетъ, что если бы Петрарка былъ въ ссорѣ съ Боккаччіо, то презрительный отзывъ перваго о стилѣ послѣдняго „убилъ бы итальянскую прозу въ ея колыбели“, и наоборотъ, „сатирическое замѣчаніе“ Боккаччіо о стихотвореніяхъ Петрарки „умертвило бы только-что развившійся расцвѣтъ итальянской лирики“ ³⁾. Только при такомъ воззрѣніи возможно разсужденіе Кёртинга по поводу неудавшагося намѣренія Петрарки переселиться въ 1362 г. ко двору Карла IV. Петрарку удержала отъ путешествія небезопасность дорогъ, и Кёртингъ видитъ въ этомъ особую „волю неба“. Тогда въ Италіи заглохли бы сѣмена Ренессанса; гуманизмъ развился бы при дворѣ императора, но это было бы движеніе искусственное и эфемерное; можетъ быть даже Богемія, а вслѣдъ за ней и Германія овладѣли бы „духовной гегемоніей надъ Западной Европой“, но она не пустила бы прочныхъ корней, продолжалась бы короткое время и повлекла бы за собою хаотическое состояніе культуры ⁴⁾. Такая точка зрѣнія сдѣлала невозможнымъ для Кёртинга выясненіе третьяго существеннаго вопроса въ біографіи Петрарки — его значенія въ исторіи гуманизма.

¹⁾ Ibid. p. 412—414.

²⁾ Ibid. p. 229.

³⁾ Ibid. p. 256. Иногда Кёртингъ съ большими подробностями опредѣляетъ возможные слѣдствія несовершившагося факта. Такъ, если бы Робертъ Неаполитанскій въ 1338 году не послалъ Петраркѣ письма, то послѣдній не сдѣлался бы отцомъ Возрожденія, праздно жилъ бы въ Воклюзѣ и написалъ бы только стихотворенія да развѣ еще *De vita solitaria* и *De otio religioso*. Ibid. p. 151—152.

⁴⁾ Ibid. p. 357—59.

Х.

Характеръ новѣйшей литературы о Петраркѣ.—Отношеніе къ нему новѣйшихъ историковъ литературы и Ренессанса.—Сэймондсъ, Жебаръ, Геттнеръ, Кёртингъ и Мовнье.—Оцѣнка значенія Петрарки историками литературы.—Штернъ, Бартоли и Гаспари.—Новѣйшія монографіи.—Итоги біографическихъ изслѣдованій о Петраркѣ.

Книга Кёртинга является послѣдней обширной и полной біографіей Петрарки. Съ конца 70 годовъ и до настоящаго времени на первомъ планѣ стоятъ монографическія изслѣдованія; общіе очерки встрѣчаются только въ сочиненіяхъ по исторіи всего гуманистическаго движенія и въ исторіяхъ литературы, какъ всеобщей, такъ и итальянской ¹⁾. Съ точки зрѣнія фактической біографіи очерки эти не имѣютъ важнаго значенія; но они представляютъ большой интересъ по взглядамъ на историческое значеніе Петрарки.

Въ 1877 году появилось сочиненіе Сэймондса „Возрожденіе науки“, составляющее II томъ его „Ренессанса въ Италіи“. Излагая исторію движенія, Сэймондсъ не только подробно останавливается на Петраркѣ, но и признаетъ за нимъ громадное историческое значеніе. Онъ сравниваетъ пѣвца Лауры съ Колумбомъ, потому что онъ открылъ „новое духовное полушаріе“ — „новую культуру“. Не отвергая вліянія на Петрарку „духовныхъ силъ“, его времени, авторъ утверждаетъ, что безъ его появленія возрожденіе науки со всеми его послѣдствіями значительно бы запоздало ²⁾. Разсматривая съ этой точки зрѣнія дѣятельность Петрарки, Сэймондсъ выставляетъ въ ней на первый планъ индивидуализмъ. Авторъ держится того взгляда, что „сущность гуманизма состоитъ въ новомъ и живомъ представленіи о достоинствѣ чловѣка, какъ существа разумнаго, независимо отъ теологическихъ опредѣленій, и въ томъ взглядѣ, что въ одной только классической литературѣ чловѣческая природа проявляется во всей полнотѣ интеллектуальной и

¹⁾ Главное исключеніе составляетъ *Piumati, La vita e le opere di Fr. Petrarca. Torino 1885*; но и эта книга только „studio preparatorio alla lettura del Canzoniere“. Кромѣ того, въ томъ же году появилось анонимное *Abrégé de l'histoire de Pétrarque contenant les principaux traits de sa vie. Vauclouse 1885*, предназначенное для путешественниковъ. Книга *Chevalier, F. Pétrarque, bio-bibliographie. Montbéliard 1880*, мнѣ осталась невѣстной.

²⁾ *Symonds, Renaissance in Italy: the Revival of Learning. London 1877, p. 85—87.*

моральной свободы“¹⁾. Правильная точка зрѣнія на все движеніе освѣтила Сэймондсу и основной характеръ дѣятельности Петрарки. „Петрарка, говоритъ онъ, интуитивно овладѣлъ гуманизмомъ въ этомъ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова. Онъ составлялъ принадлежность его натуры точно такъ же, какъ музыка была въ натурѣ Моцарта, такъ что, казалось, онъ посланъ въ міръ поднять знамя для послѣдующихъ дѣятелей простымъ упражненіемъ своихъ природныхъ способностей“. По словамъ Сэймондса, Петрарка былъ приспособленъ къ выполненію этой задачи „физически и эстетически—тонкостью слуха къ гармоніи словъ и утонченной чувствительностью... У него не было также недостатка въ нравственныхъ свойствахъ, въ дѣятельности и настойчивости—въ необходимомъ дополненіи къ этимъ природнымъ дарованіямъ“²⁾. Изъ этихъ свойствъ Петрарки, а также изъ его „обширнаго и либеральнаго ума“ выводитъ Сэймондсъ и его любовь къ древности, и ненависть „къ формализму, традиціи, педантству и суевѣрію“³⁾. Особое влеченіе Петрарки къ Цицерону и Вергилію онъ объясняетъ „интуиціей“ полусознательнаго индивидуализма. „Какъ художникъ, Петрарка различалъ въ ихъ стилѣ гармонію звуковъ и такія особенности выраженія, благодаря которымъ латынь могла нѣкогда вновь сдѣлаться языкомъ тонкихъ мыслей и изящныхъ эмоцій. Какъ пионеръ интеллектуальной независимости, онъ видѣлъ, что, изучая ихъ свободное обсужденіе всѣхъ идей, свойственныхъ уму и воображенію, мыслители новой эпохи могутъ сбросить схоластическія оковы и вступить въ неразрывную связь съ Духовной свободой“⁴⁾. Сэймондсъ не ставитъ вопроса о томъ, до какой степени сознательно было такое отношеніе Петрарки къ древности; но сущность его объясненія этого факта совершенно справедлива не только по отношенію къ родоначальнику гуманистовъ, но и къ его послѣдователямъ. Еще тоньше и глубже объясненіе Сэймондса отношенія Петрарки къ поэзіи и риторикѣ, въ которыхъ, по его словамъ, „онъ видѣлъ не изящныя искусства въ литературѣ, но два главныхъ орудія, посредствомъ которыхъ гениальный человекъ выражаетъ самого себя, увѣковѣчиваетъ свойства своего духа и налагаетъ свой характеръ на эпоху. Поэтому реализація индивидуума въ высокомъ и могучемъ произведеніи искусства представлялась ему благороднѣйшимъ стремленіемъ

1) Ibid. p. 71—72.

2) Ibid. p. 72—73.

3) Ibid. p. 75.

4) Ibid. p. 76.

человѣка на землѣ... Гекзаметры эпоса и параграфы рѣчи должны заключать въ себѣ серьезную мысль, быть подлиннымъ выраженіемъ души поэта и оратора. Писатель обязанъ быть учителемъ, открывать истины и дѣлать ихъ доступными міру. Его жизнь должна быть въ полной гармоніи со всѣмъ тѣмъ, чему онъ желаетъ учить. Отъ чистоты его энтузіазма, отъ искренности его вдохновенія зависитъ благоденствіе міра, для котораго онъ работаетъ“¹⁾. Это единственная точка зрѣнія, съ которой можно объяснить аналогичное отношеніе къ реторикѣ и позднѣйшихъ гуманистовъ. Выясненіе этой стороны въ міросозерцаніи Петрарки составляетъ несомнѣнную и крупную заслугу Сэймондса.

Поставивъ въ связь съ индивидуализмомъ стремленіе Петрарки къ славѣ, отмѣтивъ его критицизмъ и искреннее религіозное чувство²⁾, Сэймондсъ опредѣлилъ гуманистическую сторону міросозерцанія пѣвца Лауры съ такою ясностью и рельефностью, какой мы не находимъ ни у одного изъ его предшественниковъ. Тѣмъ не менѣе его характеристика страдаетъ крайнею односторонностью, потому что Сэймондсъ совершенно игнорируетъ тѣсную связь перваго гуманиста съ предшествующей эпохой. Натура Петрарки дѣйствительно обладала большою чувствительностью и реагировала на всѣ явленія окружающаго міра; а въ XIV столѣтіи средніе вѣка еще давали себя чувствовать и отразились на первомъ гуманистѣ. Между тѣмъ Сэймондсъ не видитъ противорѣчія въ его міросозерцаніи. „Петрарка, говоритъ онъ, создалъ себѣ символъ вѣры, соединивши римскій стоицизмъ съ христіанскою доктриной, пользуясь, смотря по надобности, евангельскими правилами, ученіемъ отцовъ церкви вмѣстѣ этикой Цицерона и Сенеки“³⁾. Авторъ не упомянулъ еще одного элемента въ символѣ Петрарки—церковной доктрины средневѣкового католицизма, который дѣлалъ совершенно невозможнымъ и безъ того трудное соединеніе противоположныхъ ученій. Сэймондсъ не отрицаетъ противорѣчій Петрарки, но видитъ ихъ только въ его дѣятельности и сводитъ ихъ причину къ его тщеславію и эгоизму⁴⁾. Такъ же шаблонно излагаетъ онъ политическую дѣятельность перваго гуманиста, который не умѣлъ, по его словамъ, отличить реальной дѣятельности отъ своихъ ученыхъ мечтаній и удержаться отъ

¹⁾ Ibid. p. 76—77.

²⁾ Ibid. p. 80, 79 и 85.

³⁾ Ibid. p. 85.

⁴⁾ Ibid. p. 81—82.

эгоистических соблазнов¹⁾. Въ предшествующей литературѣ мы видѣли болѣе глубокое пониманіе политической стороны дѣятельности Петрарки, такъ что книга Сэймондса не представляетъ интереса въ этомъ отношеніи.

Въ 1879 году вышло два общихъ сочиненія по исторіи гуманизма: одно изъ нихъ принадлежитъ *Жебару*, другое *Геттнеру*, и оба автора отводятъ Петраркѣ видное мѣсто въ своихъ произведеніяхъ. Въ очеркѣ Жебара фигура Петрарки нарисована по довольно неопредѣленному контуру весьма блѣдными красками. „Немного скептизма, немного индифферентизма и много благоразумія — такова основа его характера, и сколько итальянцевъ похожи на него!“²⁾ говоритъ Жебаръ. Во всѣхъ отношеніяхъ Петрарки авторъ не видитъ не только рельефности, но даже и опредѣленности. Такъ, по его словамъ, первый гуманистъ исповѣдуетъ „христіанство въ чисто итальянскомъ духѣ (d'un christianisme très-italien), снисходительное и не захватывающее духовной жизни“³⁾, съ чѣмъ едва ли можно согласиться, принимая во вниманіе, хотя бы только *De contemptu mundi* Петрарки. Его отношеніе къ древности Жебаръ изображаетъ тоже чисто внѣшнимъ образомъ⁴⁾. Онъ признаетъ реальность любви Петрарки къ Лаурѣ, а въ то же время утверждаетъ, что, „по крайней мѣрѣ, въ началѣ это была страсть литературная, гдѣ довольно замѣтно влияніе *Vita Nuova* и трубадуровъ“ и что „Данте былъ непосредственнымъ учителемъ Петрарки, который отъ него получилъ вдохновеніе, господствующее въ *Rime*“⁵⁾. Наконецъ, причины влиянія Петрарки формулированы тоже чрезвычайно неопредѣленно. „Геніальный писатель, говоритъ Жебаръ, котораго вкусы направлены на политику и мораль и который соединяетъ разумъ, благородство и иронію — это сила, влияніе которой простирается на все столѣтіе. Петрарка былъ Вольтеромъ своего времени“⁶⁾. Сравненіе съ Вольтеромъ требуетъ большихъ оговорокъ,

¹⁾ Ibid. p. 82—84.

²⁾ *Gebhart, Les origines de la Renaissance en Italie. Paris 1879.* p. 324.

³⁾ Ibid. p. 323.

⁴⁾ Ibid. p. 320.

⁵⁾ Ibid. p. 309, 310 и слѣд. Для доказательства послѣдняго положенія Жебаръ сопоставляетъ два схожихъ сонета Данте и Петрарки, что ничего не доказываетъ, и ссылается на *Epist. sen. V, 2*, гдѣ Петрарка называетъ Данте nostri eloquii dux vulgaris, изъ чего также нельзя заключить, что поэзія *Canzoniere* навѣяна Данте.

⁶⁾ Ibid. p. 326.

а перечисленные черты влиятельнаго писателя можно приложить далеко не къ одному Петраркѣ.

Очеркъ Геттнера, очень краткій, представляетъ интересъ по нѣкоторымъ общимъ положеніямъ, которыя однако только формулированы, а не доказаны. Подобно Сэймондсу, Геттнеръ видитъ сущность гуманистическаго движенія въ томъ, что оно „порвало съ средневѣковыми преградами и возвратило мысль и чувство людей къ болѣе свободному и болѣе чистому идеалу человѣчества“ ¹⁾. Точно также и Геттнеръ видитъ въ Петраркѣ „гордое чувство права и силы своей свободной личности“ ²⁾ и сводитъ къ индивидуализму всю его литературную дѣятельность, сравнивая его съ Руссо и дѣятелями Sturm und Drang'a; но онъ утверждаетъ, что исторія Петрарки не только „начало новой образованности“, но и „переходъ отъ среднихъ вѣковъ въ новое время“ ³⁾, хотя и не отмѣчаетъ слѣдовъ прошлаго въ характерѣ перваго гуманиста. Другая оригинальная мысль Геттнера заключается въ констатированіи неразрывной связи между итальянской поэзіей и латинской прозой Петрарки. Но эта мысль формулирована афористически. Отмѣчая, что поэтическія и прозаическія произведенія Петрарки разсматриваются обыкновенно внѣ взаимной связи, Геттнеръ говоритъ: „для каждаго, кто составилъ себѣ ясное представленіе о поэтическихъ особенностяхъ Петрарки и Боккаччіо, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ поэтическія цѣли и настроенія относятся къ ихъ гуманистическимъ цѣлямъ и стремленіямъ, какъ причина къ слѣдствію, и что Петрарка и Боккаччіо никогда не сдѣлались бы великими гуманистами, если бы они не были великими поэтами“ ⁴⁾. Существованіе отмѣченной Геттнеромъ связи не подлежитъ сомнѣнію; но зависимость гуманистическаго значенія Петрарки и Боккаччіо отъ ихъ поэтическаго таланта требуетъ доказательства и едва-ли можетъ быть доказана.

Глава, посвященная Петраркѣ въ общемъ сочиненіи *Геттнера* по исторіи Ренессанса ⁵⁾, не представляетъ ничего новаго въ оцѣнѣ перваго гуманиста сравнительно съ раннимъ трудомъ того же автора. *Виллари* также останавливается на Петраркѣ въ общемъ очеркѣ

¹⁾ Hettner, *Italienische Studien, Zur Geschichte der Renaissance. Braunschweig, 1879.* p. 29.

²⁾ Ibid. p. 36.

³⁾ Ibid. p. 30.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Geiger, *Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland. Berlin 1882.* (Въ изданіи Onken'a), p. 23 и слѣд.

Ренессанса, который составляет введение къ его монографіи о Маккіавелли; но въ основѣ его характеристики лежатъ воззрѣнія Фогта ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ Виллари только иллюстрируетъ эти воззрѣнія перениской Петрарки; но иногда ихъ исправляетъ и дополняетъ. Такъ, онъ вполне признаетъ реальность любви перваго гуманиста ²⁾ и приводитъ рядъ весьма интересныхъ примѣровъ наблюдательности Петрарки, которая проявляется въ живомъ изображеніи не только событій, но и лицъ ³⁾. Кёртингъ, составившій самую обстоятельную біографію Петрарки, тѣмъ не менѣе счелъ необходимымъ дополнить ее новымъ очеркомъ въ своемъ общемъ сочиненіи по исторіи гуманизма. Здѣсь онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ опредѣлить „положеніе Петрарки въ своей эпохѣ“ и такимъ образомъ выяснитъ его историческое значеніе. Выполненіе этой второй задачи представляетъ интересъ по чрезвычайно ясной формулѣ исторической точки зрѣнія на перваго гуманиста въ отличіе отъ литературно-эстетической. „Значеніе Петрарки для своего времени и въ то же время для потомства, говоритъ Кёртингъ, заключается въ томъ, что онъ совершилъ, какъ основатель гуманизма и Ренессанса... Можно смѣло утверждать, что, какъ итальянскій поэтъ, онъ или совсѣмъ не имѣетъ историческаго значенія или обладаетъ имъ въ малой степени“ ⁴⁾. По мнѣнію Кёртинга, „великаго человека одушевляло вѣрное предчувствіе“, когда онъ ожидалъ себя безсмертія не отъ *Canzoniere*. Правда, латинскія произведенія Петрарки теперь позабыты; но „духъ, который вызвалъ ихъ появленіе, живетъ и сохранилъ свою творческую силу до сегодняшняго дня“. Правы были, по его мнѣнію, и современники, раздѣлявшіе взглядъ Петрарки: поэты были раньше пѣвца Лаурн; но онъ былъ первымъ гуманистомъ ⁵⁾.

Впрочемъ, Кёртингъ полагаетъ вмѣстѣ съ Фогтомъ, что Петрарка

¹⁾ Такъ, слѣдуя Фогту, Виллари видитъ въ политикѣ Петрарки только „непостоянство, чтобы не употребить худшаго выраженія“, и, настаивая на формализмѣ Петрарки, относится въ его ученой дѣятельности болѣе рѣзко, чѣмъ нѣмецкій ученый. „Сильно ошибается тотъ, кто пожелаетъ найти въ Петраркѣ усерднаго обновителя науки, говоритъ Виллари. Онъ борется не за принципъ и не за новую методу, а только за изящную форму и за настоящее краснорѣчіе“ (Villari, L. c. p. 82 и 84).

²⁾ Ibid. p. 80—81.

³⁾ Ibid. p. 79—80.

⁴⁾ Körtling, *Die Anfänge der Renaissance-litteratur in Italien*. Leipzig 1884, p. 440.

⁵⁾ Ibid. p. 440—441.

вліялъ на современниковъ не столько сочиненіями, сколько личностью. Сравнивая Петрарку съ Вольтеромъ, онъ перечисляетъ тѣ факты изъ его біографіи (удиненіе въ Воклюзъ, коронованіе, любовь къ Лаурѣ etc.), которые должны были возбуждать особый интересъ къ нему со стороны современниковъ, среди которыхъ Петрарка являлся проповѣдникомъ гуманизма. Здѣсь, какъ и въ біографіи, чувствуется преувеличеніе значенія личности Петрарки, которому приписывается буквально *творческая* роль въ гуманистическомъ движеніи ¹⁾. Такая точка зрѣнія обусловливается отчасти недостаточностью тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются о средѣ Петрарки, отчасти общимъ взглядомъ Кёртинга на Возрожденіе. Гуманизмъ порожденъ, по его мнѣнію, любовью къ древности; а Петрарка „все, что узнавалъ о древности, прямо считалъ идеальнымъ и достойнымъ Возрожденія“ и своею дѣятельностью „приобрѣлъ сердца для изученія классическаго міра, тогда какъ въ Средніе вѣка оно занимало только умы“ ²⁾. Мы видѣли, что поклоненіе античному міру у Петрарки никогда не доходило до такихъ размѣровъ; а съ другой стороны, и самый этотъ интересъ былъ не причиною, а только однимъ изъ проявленій гуманистическаго движенія.

Маркъ Моннье, авторъ послѣдняго по времени общаго сочиненія по исторіи Ренессанса, отводитъ Петраркѣ четыре параграфа второй главы своей книги, рассматриваетъ его, какъ гуманиста, какъ политика, какъ пѣвца Лауры и выясняетъ его историческое значеніе. Въ цѣломъ очеркъ не представляетъ ни новыхъ фактовъ, ни новаго ихъ освѣщенія. Лучше всего изложена патріотическая политика Петрарки ³⁾, но и здѣсь авторъ ограничивается только отношеніемъ перваго гуманиста къ папѣ и императору. Моннье сравниваетъ пѣвца Лауры съ Руссо, считаетъ его новымъ человѣкомъ „по манерѣ чувствовать и любить“ ⁴⁾ и приписываетъ большое

¹⁾ Ibid. p. 427. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что Кёртингъ ставитъ Петрарку выше Вольтера. So ist vor Allem, говорятъ онъ, die weltgeschichtliche Bedeutung beider Männer eine sehr verschiedene, indem Petrarca eine höhere, Voltaire eine geringere zugesprochen werden muss (p. 439). Въ доказательство приводится тотъ фактъ, что Возрожденіе выше эпохи Aufklärung, такъ какъ послѣдняя не захватила поэзіи и искусства, при чемъ мѣсто въ движеніи обоихъ дѣятелей не подвергается обсужденію.

²⁾ Ibid. p. 438—39.

³⁾ *Marc-Monnier, La Renaissance de Dante a Luther. Paris 1885, p. 97.*

⁴⁾ Петрарка измѣнилъ, по словамъ автора, par un livre, où il n'a fait que se peindre lui-même, la manière de sentir et d'aimer de ceux qui viendront après lui. C'est par là surtout que Pétrarque est un moderne. Ibid. p. 111.

влияніе на его гуманистическую дѣятельность неудачной любви ¹⁾. Наибольшій интересъ въ очеркѣ Моннье представляетъ мысль, хотя высказанная мимоходомъ, о необходимости хронологически излагать настроеніе и міросозерцаніе перваго гуманиста ²⁾.

Хотя Кёртингъ и Моннье относятъ свои произведенія къ области исторіи литературы ³⁾, тѣмъ не менѣе оба они разсматриваютъ личность и дѣятельность Петрарки съ чисто исторической точки зрѣнія, чѣмъ существенно отличаются отъ большинства историковъ литературы. Основной пунктъ коренного различія обоихъ направлений, начало которыхъ мы замѣтили еще въ концѣ XV вѣка, опредѣляется въ концѣ XIX столѣтія не столько національной точкой зрѣнія, сколько пониманіемъ *безсмертія* Петрарки. Совершенно естественно, что для историковъ итальянской литературы на первомъ планѣ стоитъ *Sanzoniere*, единственное литературное произведеніе Петрарки, имѣющее абсолютную художественную цѣну. Болѣе того, самое гуманистическое движеніе представляетъ для нихъ интересъ лишь постольку, поскольку оно оказало влияніе на національную литературу; а мы выше видѣли, что степень и благотворность этого влиянія въ этой области до сихъ поръ спорный вопросъ и особенно среди національныхъ историковъ. Но историки литературы не ограничиваются точкой зрѣнія, вытекающей изъ ихъ специальной задачи изучать художественные памятники въ словѣ. Они ее обобщаютъ и подъ безсмертіемъ въ данномъ случаѣ разумѣютъ популярность у потомства литературнаго памятника. Петрарка извѣстенъ всѣмъ, какъ пѣвецъ Лауры, и его совѣмъ не знаетъ публика, какъ автора латинскихъ произведеній; слѣдовательно—*Sanzoniere* главный и даже единственный источникъ его безсмертія. Таковъ общій ходъ разсужденій большинства историковъ литературы, и они были бы совершенно правы, если бы не отождествляли такого безсмертія дѣятеля съ его историческимъ значеніемъ. Но безсмертіе въ смыслѣ извѣстности не всегда совпадаетъ съ исторической заслугой, какъ это показываетъ хотя бы классическій примѣръ Герострата, и если заслуга и извѣстность совпадаютъ въ одномъ лицѣ, какъ въ дан-

¹⁾ Ibid. p. 103.

²⁾ Ibid. p. 93.

³⁾ Цитированное выше сочиненіе Кёртинга носитъ общее заглавіе: *Geschichte der Litteratur Italiens im Zeitalter der Renaissance. B. III.* (Два первые тома составляютъ біографіи Петрарки и Боккаччіо). Monnier предпосылаетъ приведенному заглавію другое: *Histoire de la littérature moderne.*

номъ случаѣ, то ореоль безсмертія не долженъ скрывать отъ глазъ изслѣдователя истинныхъ причинъ историческаго значенія знаменитости. Между тѣмъ новѣйшимъ историкамъ литературы, начиная съ Де-Санктиса, далеко не всегда удается избѣжать этого увлеченія. Такъ, Штернъ въ упомянутой выше „*Исторіи новой литературы*“ говоритъ: „въ оживленіи цѣлаго ряда наукъ: древностей, исторіи, географіи, въ пробужденіи энергичной критики Петрарка принималъ рѣшительное участіе и оказывалъ сильное вліяніе; тѣмъ не менѣе его главное значеніе для потомства, по нашему убѣжденію, заключается въ его немногихъ итальянскихъ стихотвореніяхъ“¹⁾. На иной точкѣ зрѣнія стоитъ Сэймондсъ въ своей „*Итальянской литературѣ*“. Имѣя въ виду главнымъ образомъ выясненіе сущности Ренессанса во всемъ сочиненіи, одинъ томъ котораго составляетъ исторія литературы, Сэймондсъ не отрицаетъ однако литературнаго значенія перваго гуманиста. „Особенная слава Петрарки говоритъ онъ, заключается въ томъ, что онъ занимаетъ два одинаково знаменитыхъ (illustrious) мѣста въ исторіи новой цивилизаціи, какъ послѣдній лирикъ рыцарской любви и какъ основатель Ренессанса“²⁾. Въ исторіи итальянской литературы онъ занимается исключительно *Canzoniere*, но относится къ этому памятнику, какъ къ явленію гуманистической литературы. Сэймондсъ осуществилъ до известной степени желаніе Геттнера не раздѣлять въ Петраркѣ гуманиста отъ поэта. Онъ объясняетъ *Canzoniere* въ связи съ гуманистической дѣятельностью автора. Чтобы истолковать патриотическія стихотворенія Петрарки, Сэймондсъ характеризуетъ его политическія воззрѣнія, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ отсутствіе узкаго городского патриотизма и выставляетъ на видъ стремленіе къ объединенію Италіи³⁾. Такую же широту взгляда видитъ авторъ и въ поэзіи любви *Canzoniere*. Хотя онъ называетъ Петрарку „послѣднимъ лирикомъ рыцарской любви“, но въ дальнѣйшемъ изложеніи вноситъ существенное дополненіе къ этой характеристикѣ и выставляетъ на первый планъ тѣ черты *Canzoniere*, которыя дѣлаютъ перваго гуманиста и первымъ поэтомъ наступающей эпохи. „Сюжетъ, перешедшій отъ трубадуровъ, говоритъ Сэймондсъ, утрачиваетъ въ *Canzoniere* свои временныя и специфическія свойства“. Тамъ изображаются, по словамъ автора, „простыя человѣческія эмоціи и, хотя

¹⁾ Adolf Stern, L. c. p. 91.

²⁾ Symonds, *Renaissance in Italy. Italian literature. London 1881*, p. 85.

³⁾ Ibid. p. 86 и слѣд.

Canzoniere не вполне еще освободился отъ нѣкоторой средневѣковой окраски, тѣмъ не менѣе его содержаніе понятно и близко всѣмъ влюбленнымъ каждой страны въ любую эпоху“¹⁾. Съ такой же историко-психологической точки зрѣнія излагаетъ Сэймондсъ отношеніе Петрарки къ Лаурѣ²⁾.

Но строго историческое отношеніе Сэймондса къ итальянской поэзіи Петрарки не нашло послѣдователей среди позднѣйшихъ историковъ итальянской литературы. *Бартоли*, посвятившій Петраркѣ весь VII томъ своего сочиненія, стоитъ на чисто психологической точкѣ зрѣнія. Онъ ставитъ своей задачей „искать Петрарку въ самомъ Петраркѣ“, т.-е. изобразить его личность на основаніи его произведеній³⁾, и, какъ собраніе цитатъ, расположенныхъ по извѣстнымъ рубрикамъ, его книга не лишена значенія. Такихъ рубрикъ у Бартоли девять. Въ первой изображается характеръ Петрарки, при чемъ авторъ не жалѣетъ темныхъ красокъ. Въ основѣ характера перваго гуманиста лежали, по мнѣнію Бартоли, крайняя суетность и тщеславіе, что совершенно искажало его натуру. „Его стоицизмъ, говоритъ авторъ, аффектація или короткое, быстрое и бесполезное насиліе надъ самимъ собой, надъ своей натурой, которое заставляло его бояться, плакаться, изливаться въ непрестанныхъ жалобахъ. Въ немъ не было истиннаго смиренія точно такъ же, какъ не было истинной гордости“⁴⁾. Отсюда же выводитъ Бартоли его противорѣчія, которыя слишкомъ уже подчеркнуты и нѣсколько преувеличены. „Возьмите Петрарку въ любой моментъ его жизни, говоритъ Бартоли, возьмите его во внутренней исторіи его мысли, въ его аффектахъ, въ его сочиненіяхъ, и вы всегда найдете его безпокойнымъ, недовольнымъ, раздѣленнымъ между различными желаніями, между различными надеждами, между различными потребностями, постояннымъ только въ собственномъ непостоянствѣ, твердымъ только въ собственной измѣнчивости. Онъ путешествуетъ и желалъ бы отдохнуть, отдыхаетъ и желалъ бы путешествовать; онъ свободенъ и дѣлается рабомъ, рабъ и стремится къ свободѣ; онъ человѣкъ и желаетъ быть святымъ, онъ святой и желаетъ вновь стать человекомъ“⁵⁾. Такое настроеніе объясняется чисто психологическими

¹⁾ Ibid. p. 89.

²⁾ Ibid. p. 90 и слѣд.

³⁾ *Bartoli, Storia della letteratura italiana. Tomo VII. Francesco Petrarca. Firenze 1884.* p. 2.

⁴⁾ Ibid. p. 18.

⁵⁾ Ibid. p. 29. Cp. 22—23.

причинами, и первый гуманистъ является какимъ-то психопатомъ. Его ненормальность усиливается еще мистицизмомъ, которому Бартоли посвящаетъ особую главу. По мнѣнію автора, мистицизмъ тяжелая болѣзнь Петрарки ¹⁾; но изъ его изложенія видно, что этой болѣзью зараженъ всякій, у кого есть религиозное чувство или даже кто философски интересуется своимъ внутреннимъ міромъ. Бартоли понимаетъ подъ мистицизмомъ и интересъ Петрарки къ своей внутренней жизни, и мысль о загробномъ существованіи, и остатки средневѣковыхъ воззрѣній, и его католичество и даже религиозное чувство вообще. Знаменитую сцену на Mont Ventoux Бартоли изображаетъ такъ: раскрывъ блаж. Августина, Петрарка „не видитъ болѣе ничего и ничто болѣе его не привлекаетъ; горы, рѣки, природа исчезаютъ отъ его взоровъ. Человѣкъ остался на вершинѣ горы; сходитъ внизъ мистикъ, который разсуждаетъ съ самимъ собой о суетности всего человѣческаго и о земной нечистотѣ и стремится къ вершинѣ божественной горы“ ²⁾. „Бѣдный Петрарка!“ восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Бартоли. „Ему недостаточно было всѣхъ прочихъ душевныхъ мукъ; онъ долженъ былъ еще дрожать передъ фантазмами загробнаго существованія, и сколько разъ эти фантазмы нарушали спокойный миръ его научныхъ занятій!“ ³⁾. Авторъ очень хорошо формулируетъ остатки средневѣковыхъ воззрѣній въ міросозерцаніи Петрарки, но объясняетъ ихъ индивидуальной психологіей, какъ будто бы человѣкъ можетъ выпрыгнуть изъ своей эпохи. „Изъ этого перемежающагося состоянія мистицизма Петрарки, говоритъ онъ, вытекаютъ его многія мнѣнія и многіе факты его жизни. Онъ желаетъ, чтобы наука всегда повиновалась вѣрѣ; онъ готовъ повернуться спиной къ Платону, Аристотелю, Варрону, Цицерону, если бы они могли отдалить его отъ истинной и святой вѣры. Чтобы быть истиннымъ философомъ, достаточно, по его словамъ, любить Иисуса Христа; на Евангеліи должно воздвигать зданіе человѣческой науки“ ⁴⁾. Характерно, что, сводя къ мистицизму то, что объясняется совѣмъ другими причинами, Бартоли не отмѣчаетъ его дѣйствительнаго вліянія, которое оказалось въ отвращеніи Петрарки къ метафизикѣ. Зато сюда же относится, по его мнѣнію, тотъ фактъ, что Петрарка „каждую пятницу ѣлъ только хлѣбъ и воду“ ⁵⁾, что онъ ежедневно

¹⁾ Ibid. p. 55.

²⁾ Ibid. p. 57—58.

³⁾ Ibid. p. 60—61.

⁴⁾ Ibid. p. 61.

⁵⁾ Ibid. p. 63.

молился ¹⁾, что онъ „постоянно колебался между землей и небомъ, между Лаурой и Мадонной“ ²⁾.

Отчасти это смѣшеніе понятій, а главнымъ образомъ отсутствіе исторической точки зрѣнія помѣшали Бартоли нарисовать вполне вѣрный портретъ перваго гуманиста. Этимъ же объясняются и нѣкоторые пробѣлы въ изображеніи его политическихъ стремленій, которому авторъ отводитъ четыре главы въ своей книгѣ. Въ первой Бартоли очень мѣтко и совершенно вѣрно изображаетъ отношеніе Петрарки къ папству. Первый гуманистъ былъ вполне вѣрующимъ и благочестивымъ католикомъ съ одной стороны и патриотически настроеннымъ итальянцемъ съ другой; поэтому онъ возставалъ противъ пороковъ курии и требовалъ ея возвращенія въ Римъ, который долженъ вновь получить утраченное величіе ³⁾. Тѣмъ не менѣе Бартоли считаетъ Петрарку предшественникомъ Лютера, потому что онъ, признавая папу „наместникомъ Бога на землѣ“, хотѣлъ, чтобы церковь вернулась „къ чистотѣ, простотѣ и евангельской морали“ ⁴⁾. Сущность протестантизма представляется автору такъ же неопредѣленно, какъ мистицизмъ. Въ 4-й главѣ Бартоли собираетъ цитаты, касающіяся отношенія Петрарки къ Кола-ди-Риенцо; въ 5-й онъ разсматриваетъ его отношеніе къ Италіи и къ имперіи. Патриотизмъ Петрарки изображенъ здѣсь краснорѣчиво и вѣрно ⁵⁾; но Бартоли бездоказательно и въ противорѣчій съ источниками утверждаетъ вслѣдъ за Дзумбини, что первый гуманистъ теоретически всегда оставался „борцомъ за возстановленіе имперіи“ ⁶⁾. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, отношеніе Петрарки къ итальянскимъ государямъ, легальнымъ и нелегальнымъ, которому посвящена 6-я глава, представляется автору непонятнымъ. Говоря о его дружбѣ съ Висконти, Бартоли прямо заявляетъ: „мы не понимаемъ этого факта, какъ не понимали его даже современники и друзья Петрарки“ ⁷⁾. Въ конечномъ выводѣ и вся политика перваго гуманиста представляется автору въ крайне неопредѣленныхъ чертахъ. Ему кажется, что по теоретическимъ воззрѣніямъ Петрарка ничѣмъ не отличался отъ

¹⁾ Che gli fa perdere tempo ogni tempo a recitare l'ufizio divino. Ibid. p. 62.

²⁾ Ibid. p. 72.

³⁾ Ibid. p. 97, 103, 106—107.

⁴⁾ Ibid. p. 98.

⁵⁾ Ibid. p. 135, 137, 139.

⁶⁾ Ibid. p. 146.

⁷⁾ Ibid. p. 156.

Данте, а на практикѣ впадалъ въ постоянныя противорѣчія ¹⁾. Знаменитому историку литературы не удалось разобраться въ политическихъ идеалахъ, дѣйствительно весьма сложныхъ и довольно запутанныхъ въ то переходное время, когда Данте уже умеръ, а Макіавелли еще не родился.

Наименѣе удачной во всемъ сочиненіи является 7-я глава, гдѣ Бартоли рассматриваетъ отношеніе Петрарки къ Возрожденію. Даже Ренье, ученикъ автора, въ весьма благосклонной рецензіи на его книгу, дѣлаетъ легкій упрекъ учителю за эту главу ²⁾. Дѣйствительно, хотя Бартоли вѣрно отмѣчаетъ въ Петраркѣ борьбу стараго съ новымъ и „ясныя стремленія къ болѣе гуманному пониманію жизни“ ³⁾, но это остается чисто внѣшней формулой и не оказываетъ никакого вліянія на изложеніе. Глава „Петрарка и Возрожденіе“ заключаетъ въ себѣ цитаты, доказывающія, что первый гуманистъ любилъ древность, стремился къ славѣ и ненавидѣлъ схоластику и т. п. Двѣ послѣднія главы книги Бартоли представляютъ мало интереса для историографіи Возрожденія: въ первой изъ нихъ рассматривается еще разъ вопросъ о Лаурѣ, во второй доказывается искренность дружбы Петрарки и его любовь къ своимъ дѣтямъ. Весьма характерно только вступленіе къ 8-й главѣ, гдѣ съ полной ясностью сформулировала та мысль, что виновницей безсмертія Петрарки была женщина ⁴⁾.

На такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и *Гаспарі*, авторъ послѣдняго крупнаго сочиненія по исторіи итальянской литературы. Въ первомъ томѣ своей книги Гаспарі отводитъ Петраркѣ двѣ обширныхъ главы, изъ которыхъ одна посвящена *Canzoniere*, другая біографіи поэта, его латинскимъ сочиненіямъ и характеристикѣ его заслугъ въ различныхъ сферахъ культуры ⁵⁾. Біографическій очеркъ далеко не лучшая часть этой главы. Внутренняя исторія Петрарки, которую Гаспарі отрицаетъ, какъ мы видѣли, и въ *Canzoniere*, здѣсь совершенно отсутствуетъ; а къ его фактической біографіи

¹⁾ Ibid. p. 160—161.

²⁾ Впрочемъ требованія Ренье очень скромны: il B poteva nel cap. VII trattare un po' più compiutamente dei meriti del P., come erudito, intorno ai quali è così buona guida il libro del Voigt. (Giorn. st. del. litt. ital. III p. 114).

³⁾ Bartoli p. 174.

⁴⁾ Ibid. p. 185.

⁵⁾ *Gaspari, Geschichte der italienischen Litteratur. Band I. Berlin 1885, pag. 403—480.*

трудно что-нибудь прибавить послѣ такихъ обстоятельныхъ работъ, какъ напр. книга Кёртинга. Гораздо интереснѣе характеристика перваго гуманиста, сдѣланная Гаспари, хотя и она страдаетъ нѣкоторыми пробѣлами. Авторъ признаетъ внутренній разладъ въ душѣ Петрарки и доказываетъ его превосходно подобранными фактами ¹⁾; но его источникъ онъ формулируетъ не точно. По средневѣковымъ воззрѣніямъ, говоритъ Гаспари, „кто хотѣлъ завоевать небо, долженъ былъ презирать землю. *Петрарка раздѣляетъ это убѣжденіе*; но оно вступило въ немъ въ борьбу съ *наклонностью (Anlage) его природы* и съ жадно усвоенными имъ идеями древнихъ, которые любили землю... *Его разумъ осуждалъ земныя желанія и стремленія*; но *фантазія и чувственность* прочно привязывали его къ увлекательнымъ образамъ блеска и радости этого міра; человекъ и поэтъ боролись въ немъ противъ *аскета*“ ²⁾. У Гаспари выходитъ, что въ Петраркѣ происходила борьба не противоположныхъ *идей*, а *разума съ чувствомъ*, такъ какъ по идеямъ онъ былъ аскетъ, и что эта борьба была результатомъ его *индивидуальныхъ особенностей*, т.-е. чисто случайнаго съ исторической точки зрѣнія явленія. Если бы это было такъ, то Петрарка не заслуживалъ бы названія новаго человека (а въ этомъ не отказываетъ ему и Гаспари), потому что такую борьбу долженъ былъ переживать всякій искренній аскетъ въ любую эпоху. Но въ данномъ случаѣ дѣло стояло иначе. Протестъ противъ аскетизма обусловливался не индивидуальными особенностями одного лица, а исторически развившимися потребностями личности той эпохи: доказательствомъ этого можетъ служить необыкновенный успѣхъ Петрарки у современниковъ и тотъ фактъ, что онъ сдѣлался родоначальникомъ новаго движенія. Съ другой стороны, изъ анализа латинскихъ произведеній Петрарки мы пришли къ тому выводу, что онъ никогда не былъ чистымъ аскетомъ, что, наоборотъ, новый индивидуализмъ пробивается наружу въ каждомъ изъ нихъ и красной нитью проходитъ черезъ всю литературную дѣятельность пѣвца Лауры. Этотъ фактъ остался не одѣненнымъ Гаспари и неблагоприятно отразился на его характеристикѣ Петрарки. Такъ, онъ признаетъ, что *acedia* перваго гуманиста начало того настроенія, которое позже, развившись, получило названіе *Weltschmerz* ³⁾, т.-е. считаетъ эту болѣзнь историческимъ

¹⁾ Ibid. 458—460.

²⁾ Ibid. 458.

³⁾ Gaspari у указываетъ однако существенное отличіе *acedia* отъ *Weltschmerz* въ томъ, что бл. Августинъ въ *Secretum* утѣшаетъ Петрарку мыслью

явленіемъ извѣстной эпохи, тѣмъ не менѣе сводить ея причины къ слабости духа Петрарки и къ его меланхоліи, т.-е. къ явленіямъ чисто индивидуальнымъ и случайнымъ ¹⁾.

Игнорируя *умственные* потребности развившагося индивидуализма, Гаспари оставляетъ безъ отвѣта нѣкоторые важные вопросы въ біографіи Петрарки и рѣшаетъ другіе не вполне точно и опредѣленно. Такъ, причины увлеченія перваго гуманиста древностью отмѣчены, но не объяснены. Гаспари признаетъ и даже преувеличиваетъ важность этого факта. „Петрарка, говоритъ онъ, освобождаетъ античный міръ отъ его средневѣковой оболочки (*Verhüllung*), хочетъ познать его въ его чистотѣ и истинѣ... Онъ возвращается къ самымъ источникамъ, и начинается *Ренессансъ*. Петрарка основатель новаго изученія древности“ ²⁾. Суть гуманизма — не филологія, и увлеченіе древностью только одно изъ проявленій Ренессанса. По этой же причинѣ Гаспари суживаетъ значеніе Петрарки, какъ ученаго и философа. Въ философскихъ трактатахъ, по его словамъ, Петрарка только подражалъ древнимъ; „ученое величіе чловѣка, говоритъ онъ, заключается въ значительныхъ оригинальныхъ идеяхъ, которыми онъ обогащаетъ мышленіе; но эти значительныя оригинальныя идеи до сихъ поръ еще не доказаны у Петрарки“. Нѣсколько далѣе Гаспари, впадая въ самопротиворѣчіе, заявляетъ, что прозаическія произведенія Петрарки важны „по общему характеру и направленію его научныхъ занятій, которыя сдѣлались началомъ новой культуры“. Но это новое направленіе заключалось, по словамъ автора, не въ идеяхъ: „Петрарка былъ оригиналенъ не въ своихъ идеяхъ, а въ своихъ ощущеніяхъ (*Empfindungen*), поэтому онъ не великій мыслитель, а великій поэтъ“ ³⁾. Остается непонятнымъ, какъ оригинальныя ощущенія не нашли себѣ выраженія въ оригинальныхъ идеяхъ и тѣмъ не менѣе легли въ основаніе новой культуры. Между тѣмъ Гаспари рѣшительно настаиваетъ на своемъ выводѣ и ставитъ въ Петраркѣ

о всеобщемъ бѣдствіи чловѣчества, тогда какъ эта мысль и составляетъ „пищу“ новѣйшаго *Weltschmerz'a* (*Ibid.* 456). Это не уничтожаетъ однако общей психологической основы настроенія.

¹⁾ *Ibid.* 455. Gasparу соглашается, что причиною „беспокойства и непосѣдливости“ Петрарки, въ чемъ проявлялась между прочимъ его *acedia*, была неудачная любовь, какъ свидѣтельствуется и самъ Петрарка въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ писемъ (I, 7), но только „навѣрное это была не единственная причина“. (*Ibid.* p. 455—456).

²⁾ *Ibid.* p. 447.

³⁾ *Ibid.* p. 449. Ср. p. 423.

поэта выше гуманиста или, точнѣе говоря, видитъ гуманиста только въ поэтѣ. „Всегда, говоритъ онъ, предпочитали сонеты и канцоны его эпосу, его письямъ, трактатамъ и компиляціямъ, и это совершенно справедливо, что бы ни говорили нѣкоторые новѣйшіе біографы. Итальянскія стихотворенія—самое оригинальное и самое значительное произведеніе Петрарки“¹⁾. „Самое высшее, что создалъ Петрарка, говоритъ Гаспари въ другомъ мѣстѣ, въ чемъ его индивидуальность выразилась всего живѣе и полнѣе и художественно реализировалась—это его лирическія стихотворенія, итальянскія пѣсни, въ которыхъ онъ воспѣвалъ свою любовь къ Лаурѣ“²⁾. Историкъ литературы увлекся эстетической точкой зрѣнія и совершенно произвольно перемѣтилъ центръ всемірно исторической важности въ произведеніяхъ Петрарки.

Гораздо болѣе удалось Гаспари изображеніе личнаго характера Петрарки, и онъ вноситъ весьма существенныя поправки въ эту сторону его біографіи. Такъ, онъ настаиваетъ, что дружба Петрарки была не показнымъ чувствомъ, а искреннимъ расположеніемъ, что это придавало его личности особую привлекательность, которая располагала къ нему между прочимъ и сильныхъ міра сего. Гаспари освобождаетъ его также и отъ обвиненій въ лести передъ князьями. Онъ искренно восхвалялъ Роберта Неаполитанскаго и Джакомо-да-Каррара и послѣ ихъ смерти и посвятилъ *De Remediis* Аццо-да-Корреджіо, когда онъ утратилъ прежнее величіе. Кромѣ того, если слова Петрарки о дружественныхъ ему государяхъ и заключаютъ въ себѣ иногда чрезмѣрную похвалу, то это или риторическая гипербола, или искренній самообманъ. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ Гаспари, онъ никогда не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ у сильныхъ міра сего для дурныхъ цѣлей, не достигалъ чрезъ него личныхъ выгодъ, наоборотъ пользовался имъ для блага своей родины или для того, что онъ считалъ за таковое“³⁾. Хотя эти положенія нуждаются въ большемъ количествѣ доказательствъ, чѣмъ сколько приводитъ ихъ Гаспари, но несомнѣнно, что онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Фогтъ. Если Петрарка и кривилъ иногда душою на службѣ князей, то дѣлалъ это во имя политическихъ стремленій. Гаспари не отмѣчаетъ этой стороны дѣла и вообще даетъ не вполне вѣрную окраску политической дѣятельности Петрарки. По его словамъ, пер-

¹⁾ Ibid. p. 448.

²⁾ Ibid. p. 460.

³⁾ Ibid. p. 451—453.

вый гуманистъ „въ политикѣ былъ не мыслителемъ, а поэтомъ“; его политическіе идеалы были „слишкомъ общи и недостаточно опредѣлены“; онъ не понималъ дѣйствительности, не умѣлъ давать практическихъ совѣтовъ, и поэтому его политическая дѣятельность осталась бесплодной ¹⁾). Всѣ эти положенія не подтверждаются источниками, исключеніе составляетъ общій выводъ. Но неуспѣхъ стремлений Петрарки не доказываетъ ихъ безцѣльности: „Principe“ Маккиавелли тоже не привелъ къ объединенію Италіи ²⁾). Отсутствие правильной постановки вопроса не замедлило оказать свое дѣйствіе и на книгѣ Гаспарі.

Параллельно съ общими сочиненіями продолжаетъ развиваться и монографическая литература о Петраркѣ, которая за послѣдніи пять лѣтъ составляетъ единственный видъ научныхъ изслѣдованій

¹⁾ Ibid. p. 449—50; 414; 421—422.

²⁾ Книга Гаспарі вмѣстѣ съ сочиненіями Бартоли и Де-Санктиса положены г. Балдаковымъ въ основанія отдѣла о Петраркѣ въ написанномъ имъ очеркѣ „Италянская литература въ средніе вѣка“. (*Всеобщая исторія литературы подъ редакціей В. Ф. Корша и проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XVI. С.-Петербургъ 1885.* p. 832 и слѣд.). Въ общемъ біографія и характеристика Петрарки составлены очень живо. Мы не можемъ только согласиться, что первый гуманистъ обладалъ „способностью съ поразительной легкостью переходить изъ одного лагера въ другой“ и что „крайняя измѣнчивость душевныхъ настроеній, вѣроятно, обусловливала и склонность Петрарки къ мистицизму, съ одной стороны, и къ пессимистическому взгляду на жизнь, съ другой (p. 837)“. Первое свойство Петрарка, повидимому, обнаруживалъ исключительно въ политической сферѣ; но и здѣсь мѣнялись только *средства*, а *цѣль* оставалась неизмѣнной. Что касается до мистицизма и пессимизма, то они обусловливались не только индивидуальными особенностями Петрарки, но главнымъ образомъ его историческимъ мѣстомъ и ролью. Впрочемъ, г. Балдаковъ сознательно устраняетъ изъ своего очерка гуманистическую сторону дѣятельности Петрарки, что не могло не отразиться на характеристикѣ личности пѣвца Лауры. Этотъ пробѣлъ долженъ былъ пополнить г. Кирпичниковъ, который составилъ для названнаго изданія особый отдѣлъ подъ заглавіемъ „*Вѣкъ Возрожденія*“. Но посвященные здѣсь Петраркѣ 4 страницы содержатъ въ себѣ только коротенькій перечень его латинскихъ произведеній, при чемъ его гуманистическая дѣятельность сводится къ тому, что онъ „оказался способнымъ усвоить въ значительной степени міросозерцаніе древнихъ, что въ изученіи ихъ онъ видѣлъ единственный источникъ высшаго образованія и эстетическаго наслажденія“ (L. с. Выпускъ XVIII, p. 245). Такимъ образомъ г. Кирпичниковъ видитъ сущность гуманизма въ новомъ отношеніи къ древности, а на вопросъ, въ чемъ заключаются причины этого факта, онъ отвѣчаетъ такъ: „неизвѣстно, какимъ образомъ Петрарка дошелъ до такого уваженія къ классикамъ“. (Ibid. p. 241).

о первомъ гуманистѣ. Новыя монографіи сравнительно съ предшествовавшими представляютъ двѣ особенности: во-первыхъ, онѣ все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ детальныхъ изысканій на основаніи документальныхъ данныхъ, и, во-вторыхъ, вопросъ о любви Петрарки отодвигается на второй планъ сравнительно съ его гуманистическою дѣятельностью. Такъ, Лаурѣ за это время посвящена только одна весьма обстоятельная журнальная статья, авторъ которой *Д'Овидіо* подробно рассматриваетъ контroversы о ея личности и приходитъ къ выводамъ Де-Сада ¹⁾. Различныя стороны фактической біографіи Петрарки также продолжали подвергаться детальному изученію. *Паганини* съ помощію новыхъ документовъ оспариваетъ прежнее мнѣніе объ отношеніи Петрарки къ Пизѣ ²⁾. Въ двухъ журнальныхъ статьяхъ рассматривается пребываніе Петрарки въ Миланѣ ³⁾. *Дзардо* посвятилъ цѣлую книгу отношенію Петрарки къ Каррарамъ, которая представляетъ одно изъ наиболѣе крупныхъ явленій въ новѣйшей монографической литературѣ о первомъ гуманистѣ. Книга Дзардо гораздо шире своего заглавія; авторъ рассматриваетъ вообще послѣдніе годы жизни Петрарки и сообщаетъ при этомъ много новыхъ и интересныхъ свѣдѣній преимущественно о его друзьяхъ, иллюстрируя ихъ неизданными документами. Въ этомъ,

¹⁾ *D'Ovidio, Madonna Laura* (Nuova Antologia. Vol. XVI. 1888. p. 209—233 и 385—406). Сюда же относятся: статья *Baravelli. Il Venerdì Santo del Petrarca* (въ *Fanfulla della domenica* 1881. III N. 3), гдѣ рассматривается хронологія первой встрѣчи Петрарки съ Лаурой; новый пересмотръ *Laurafrage* въ обстоятельной рецензій *Renier* на книгу *Bartoli* въ *Giornale storico del litt. Ital.* III p. 117—128; статья *Colagrosso, Una lettera del Petrarca forse non ancora ben considerata* (въ *Biblioteca delle scuole italiane I* 1889. №№ 3 и 4), гдѣ также идетъ рѣчь о любви Петрарки (*Giorn. stor.* XIII p. 461); статья *Deloyet, Pétrarque et le monastère des Dames de Saint-Laurent à Avignon*. (Въ *Annales du Midi* 1890. Oct.).

²⁾ *Paganini, Delle relazione di messer F. Petrarca con Pisa*. (Въ *Atti della reale Accademia lucchese. Vol. XXI. 1882*. См. *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft. IV. p. 262*.)

³⁾ *Caffi, Il chiostro di Caregnano presso Milano ed il Petrarca*. (*Bibliofilo. 1886. № 7*) и *Signorini, F. Petrarca a Linterno (Napoli litteraria 1885. № 2)*. Обѣ статьи мнѣ извѣстны только по изложенію. *Caffi* касается вопроса о Миланскихъ друзьяхъ перваго гуманиста (*Jahresberichte d. Geschichtswiss. IX. 253*), статья *Signorini* по отзыву *Giorn. stor. dell. lett. ital.* (VI, 458) insignificantе. О пребываніи Петрарки въ Пармской области говорить *Campanini, Note storiche e letterarie Regio 1883*. (См. *Jahresberichte der Gesch. VI, p. 286*). О его пребываніи въ Кельнѣ статья *Pirandello, Petrarca a Colonia (Vita nuova 1890. I)*.

а также въ библиографическихъ замѣчаніяхъ заключается главная цѣна книги, существенный недостатокъ которой составляетъ рѣшительное уклоненіе автора отъ общей характеристики политическихъ воззрѣній Петрарки, вслѣдствіе чего смыслъ отношеній перваго гуманиста къ Каррарамъ остается невыясненнымъ ¹⁾. По неизданнымъ документамъ представляютъ интересъ и болѣе детальныя изслѣдованія по біографіи Петрарки. Такъ, *Де-Нолакъ* издалъ замѣтки перваго гуманиста о его садѣ, которые свидѣтельствуютъ о его любви къ природѣ и устанавливаютъ нѣкоторыя хронологическія даты ²⁾.

Гораздо богаче и разнообразнѣе изслѣдованія различныхъ сторонъ гуманистической дѣятельности Петрарки. Самая обширная по объему монографія „*Петрарка, какъ гражданинъ*“ весьма неудачна по содержанію. Ея авторъ, *Тригона*, отрицаетъ въ Петраркѣ не только политика, но даже поэта и гуманиста, и видитъ въ немъ лишь честолюбиваго ригора ³⁾. Несравненно болѣе цѣнны имѣютъ

¹⁾ *Zardo, Il Petrarca e i Carraresi. Milano 1887.* Qui mi cadrebbe in acconcio di dire delle opinioni politiche del Petrarca, говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ; ma poichè ne fu tanto scritto e da valenti, stimo opportuno non farne parola (p. 17). Критика отнеслась къ книгѣ Zardo не одинаково: въ *Giorn. stor. d. lett. ital.* (XI p. 261) весьма сочувственная рецензія; Geiger въ *Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur* (I. 1887—88 p. 484—85) далъ очень рѣзкій отзывъ, совершенно игнорируя отмѣченное нами крупное достоинство книги.

²⁾ *De Nolhac, Pétrarque et son jardin d'après ses notes inédites.* (*Giornale stor. d. lett. ital.* IX 1887 p. 404). Не лишено интереса изданное *Thomas* бревне Климента VI отъ 15 сент. 1352, который освобождаетъ Петрарку, какъ архидиакона въ Пармѣ, отъ власти и юрисдикціи мѣстнаго епископа. (*Extraits des archives du Vatican pour servir a l'histoire littéraire du moyen-age.* Въ *Mélanges de l'Ecole française a Rome* IV. 1884. См. Geiger въ *Zeitschr. f. vergleich. Litteratgesch.* I. 1887—88 p. 489). Менѣе значенія имѣетъ другая детальная работа *De Nolhac'a, Une date nouvelle de la vie de Pétrarque. Toulouse 1890*, въ которой онъ, на основаніи замѣтокъ Петрарки въ кодексѣ *De civitate Dei*, доказываетъ, что въ 1325 году П. былъ въ Авиньонѣ, можетъ быть, приѣзжалъ туда по случаю смерти отца. Важнѣе другой выводъ изъ этого факта, что Петрарка внимательно читалъ Августина уже въ ранней молодости. Содержаніе замѣтокъ *Mazzoni, Noterelle Petrarquesche* (*Propugnatore* 1889. IV) мнѣ неизвѣстно.

³⁾ *Vinc. Termine Trigona, Petrarca cittadino. Studio critico. Catania 1885.* Въ 1888 году я напечаталъ статью: *Петрарка, какъ политикъ* (*Русская Мысль* 1888 №№ 5 и 8), въ которой я старался показать, что патріотизмъ обуславливалъ главнымъ образомъ интересъ Петрарки къ политикѣ, что въ основѣ его политической программы лежала свойственная индивидуализму вѣра въ безконечное могущество человеческой личности и что средствомъ политическаго вліянія служило для него слово, т.-е., публици-

детальныя изслѣдованія. Такъ, рядъ работъ о письмахъ Цицерона, найденныхъ Петраркою¹⁾, даютъ возможность опредѣлить ихъ вліяніе на его собственную переписку. Работа Де-Нолака о рукописяхъ съ миниатюрами, принадлежавшихъ Петраркѣ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на его отношеніе къ искусству²⁾. Кромѣ того, за послѣднее время появилось нѣсколько журнальныхъ статей, разсматривающихъ другія стороны характера и стремленій Петрарки³⁾.

Наконецъ, огромную важность для его біографіи имѣютъ разсмотрѣнныя уже нами монографіи о произведеніяхъ Петрарки, потому что онѣ даютъ возможность не только лучше выяснить его міросозерцаніе, но и написать его исторію.

Изученіе біографіи Петрарки, непрерывно продолжавшееся болѣе пяти столѣтій, освѣтило многія стороны въ личности и дѣятельности перваго гуманиста, выяснило въ общемъ его историческое значеніе,

стика. Самые идеалы Петрарки, по моему мнѣнію, были различны въ разное время: всемірное господство Рима, объединеніе Италіи и установленіе въ ней мира и порядка. Для этого онъ готовъ былъ пользоваться всякими средствами, если бы даже они противорѣчили морали. Петрарка не былъ безусловнымъ сторонникомъ какой-либо опредѣленной политической формы, ни гвельфомъ, ни гибеллиномъ, ни монархистомъ, ни республиканцемъ. Вообще онъ былъ не теоретикомъ, а практикомъ въ политикѣ и только съ этой точки зрѣнія предпочиталъ современную ему тираннію отживающей республикѣ. Вообще по своимъ политическимъ взглядамъ и приѣмамъ Петрарка можетъ быть названъ предшественникомъ Маккиавелли.

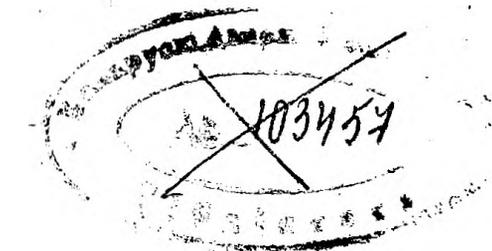
¹⁾ Сюда относятся работы *Cipola* (Arch. Venet. XVI. 1878), *Geiger'a* (Göttingische gelehrte Anzeigen 1879), *Viertel'a* (*Die Wiederauffindung von Cicero's Briefen durch Petrarca. Königsberg, 1879*) и *Voigt'a* *Die handschriftlichen Überlieferungen von Cicero's Briefen* (Bericht der philosophisch-historischen Classe der Königl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1879); *Rühl'a*, *Le Estravaganti del Petrarca* (Въ *Rass. settim.* 1881. № 8).

²⁾ *Nolchac*, *Manuscrits à miniatures de la bibliothèque de Pétrarque. Paris 1889*. Аналогичная работа принадлежитъ *E. Muntz*, *Pétrarque et Simone Martini Memmi à propos du Virgile de l'Ambrosienne. Paris 1887*.

³⁾ Сюда относятся: 1) *Colagrosso*, *Il pessimismo del Petrarca*. (Въ *Lettere ed Arti.* 1889). 2) *Benini*, *F. Petrarca e S. Agostino*. (Telesio 1886. №№ 4 и 5). 3) *Bartoli*, *Il Petrarca viaggiatore* (N. *Antologia* Vol. XLVI 1884). 4) *Liouy*, *Petrarca e Gothe alpinisti* (Atti. Ist. Ven. 1886). 5) *Bonardi*, *Il Petrarca alpinista* (Fanfulla della domenica 1890. № XI). 6) *D'Ovidio*. *Questioni di geografia petrarchesca*. (Atti del R. Accademia, di Napoli. Vol. XXIII. 1890). Всѣ эти произведенія мнѣ извѣстны или по рецензіямъ, или только по заглавію.

но еще далеко не достигло такихъ результатовъ, которые могли бы удовлетворить современнымъ научнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ этому виду исторической литературы. До половины XIX столѣтія главный результатъ изученія біографіи Петрарки сводится къ ея фактическому обогащенію, благодаря главнымъ образомъ трудамъ Де-Сада, Блана и Бальделли. Вопросъ объ историческомъ значеніи пѣвца Лауры еще не поставленъ, хотя Басти требовалъ уже вниманія къ его латинскимъ сочиненіямъ, а ранніе историки литературы, начиная съ Тирабоски и кончая Сисмонди, подчеркнули ихъ важность. Успѣхъ въ этомъ отношеніи исчерпывался: во-первыхъ, устраненіемъ односторонней оцѣнки Петрарки, исключительно какъ итальянскаго поэта, во-вторыхъ, замѣчаніями Бальделли, что человекъ составлялъ главный предметъ интереса для Петрарки, что онъ думалъ вліять на политику „публичнымъ словомъ“ и что древность оказала на него благотворное вліяніе; въ-третьихъ, тѣмъ, что Булэ и въ особенности Маджоло выяснили общій характеръ философіи Петрарки. Заслуга прочнаго установленія исторической точки зрѣнія принадлежатъ Фогту. Фогтъ и его послѣдователи, въ особенности Кёртингъ, констатировали тотъ фактъ, что индивидуализмъ лежитъ въ основѣ всей дѣятельности Петрарки и что борьба новыхъ потребностей, выросшихъ на этой почвѣ, съ средневѣковыми идеями и чувствами—характерный признакъ его стремленій. Но прогрессъ въ пониманіи личности и значенія перваго гуманиста до известной степени былъ парализованъ рѣзкой оппозиціей, которую встрѣтила историческая точка зрѣнія въ историкахъ литературы. Мезьеръ, а въ особенности Де-Санктисъ вмѣстѣ въ Бартоли и Гаспари снова выдвинули на первый планъ *Salzoniege* при оцѣнкѣ Петрарки. Это разногласіе значительно облегчалось тѣмъ фактомъ, что Фогтъ и его послѣдователи только констатировали свою точку зрѣнія, но не показали ея послѣдовательнаго проявленія въ жизни и сочиненіяхъ перваго гуманиста. Правда, Фейерлейнъ и въ особенности Сэймондсъ подчеркнули индивидуализмъ въ произведеніяхъ Петрарки, но они сдѣлали это слишкомъ обще и кратко и совершенно оставили въ сторонѣ вліяніе на перваго гуманиста предшествующей эпохи. Вслѣдствіе этого будущему біографу Петрарки предстоитъ еще очень много работы. Прежде всего ему придется фактами показать, что первый гуманистъ бралъ только подходящее изъ древней литературы и примирялъ заимствованное съ христіанствомъ, потому что этотъ вопросъ до сихъ поръ противорѣчиво излагается біографами. Общій характеръ философіи Петрарки выясненъ; но ему придется реконструи-

ровать его міросозерцаніе и его этическую систему, такъ какъ этого до сихъ поръ не сдѣлано. Отношеніе Петрарки къ наукѣ извѣстно; но детальное объясненіе его научныхъ интересовъ, приемовъ и заслугъ точно также задача будущаго біографа. Политическія стремленія перваго гуманиста, за которыя обвиняютъ обыкновенно Петрарку въ фантазерствѣ и противорѣчіяхъ, гораздо сбивчивѣе изложены у его біографовъ, чѣмъ въ его сочиненіяхъ, и отыскать ихъ руководящую нить также будетъ лежать на обязанности новаго изслѣдователя. Наконецъ, систематическаго изложенія религіозныхъ воззрѣній Петрарки точно также мы не находимъ въ наличной литературѣ. Но всѣмъ этимъ не исчерпывается задача будущаго біографа: ему придется вновь написать *исторію* внутренней жизни перваго гуманиста. До сихъ поръ хронологически излагалась только его внѣшняя біографія, которая въ лучшемъ случаѣ сопровождалась общей характеристикой его воззрѣній. Между тѣмъ съ изданіемъ писемъ Фракассетти, съ болѣе точнымъ установленіемъ хронологіи латинскихъ и итальянскихъ произведеній Петрарки является возможность попытки пополнить и этотъ существенный пробѣлъ въ его біографіи. Тогда останется неяснымъ только одинъ важный для исторіи Возрожденія вопросъ: отъ чего зависѣла поразительная популярность перваго гуманиста? Но при современномъ состояніи источниковъ возможно только его гипотетическое рѣшеніе *à priori*: поклонники Петрарки намъ почти совершенно неизвѣстны, за исключеніемъ одного только Боккаччіо.

Проф. Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКІЙ. То же. Т. 3-й. Соперники христіанства. Статьи по исторіи античныхъ религій: Римъ и его религія.—Гермесъ трижды величайшій.—Елена Прекрасная.—Древнее христіанство и римская философія.—Античная гуманность.—Умершая наука.—Трагедія вѣры. 2-е изд. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

С. А. КАРѢВА, Школьный историческій словарь. Спб. 1906 г. Ц. въ пер. 2 р. 15 к.

Проф. Н. И. КАРѢВЪ, Исторія Западной Европы въ новое время. Въ шести томахъ. Спб. Ц. 23 р. 50 к., въ 7-ми пер. 27 р. 35 к.

— То же. Т. I-й. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Изд. 4-е 1908. Спб. Ц. 2 р.

— То же. Т. II-й. Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII вѣкахъ. Изд. 4-е. Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.

— То же. Т. III. «Восемнадцатый вѣкъ» и французская революція. Изд. 5-е. Спб. 1913 г. Ц. 3 р. 50 к.

— То же. Т. IV. Первая треть XIX вѣка: Консульство, имперія и реставрація. Изд. 4-е Спб. 1913 г. Ц. 3 р. 50 к.

— То же. Т. V. Среднія десятилѣтія XIX вѣка, ч. I (1867 — 1880 годы). Спб. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к., ч. II (1880 — 1900 годы). Спб. 1910 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта. I. Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ двумя историческими картами. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

— То же. II. Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ господствомъ универсальныхъ монархій. Съ картографической таблицей. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

— То же. III. Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Очеркъ развитія соціального строя и политическихъ учреждений въ Западной Европѣ въ средніе вѣка. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 2 р.

— То же. IV. Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Общая характеристика бюрократическаго государства и сословнаго общества «старого порядка». Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

— То же. V. Происхожденіе современнаго народно-правового государства. Историческій очеркъ конституціонныхъ учреждений и учевій до середины XIX вѣка. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

15000 z

ЦѢНА 1 РУБ. 30 КОП.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Спб. Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Полный каталог Склада высылается по полученіи 4 коп. марки, а специальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2 коп. марки.